

**ВЕСТНИК
ЧЕРЕПОВЕЦКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал основан в декабре 2002 г.

№ 2 (71) • 2016

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Выход в свет: № 2 (71) • 2016 • АПРЕЛЬ. Выходит восемь раз в год.

Научный журнал «Вестник ЧГУ» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научный журнал «Вестник ЧГУ» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2009 г.

Направления: ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Группы специальностей: 05.13.00 Информатика, вычислительная техника и управление
05.14.00 Энергетика
10.01.00 Литературоведение
10.02.00 Языкознание
13.00.00 Педагогические науки

УЧРЕДИТЕЛЬ: ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»

Свидетельство выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). ПИ №ФС77-62615 от 31.07.2015 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Н.И. ШЕСТАКОВ, д-р техн. наук, проф., засл. работник высшей школы РФ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

ЯКОВЛЕВА Е.В., д-р пед. наук, проф. (ЧГУ)
ЧЕРНОВ А.В., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)

РЕДАКТОР: Н.Г. МЕЛЬНИКОВА

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: М.Н. АВДЮХОВА

ПЕРЕВОДЧИК: В.В. ЧИСТЯКОВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Н.А. ТИХОМИРОВА (8202) 51-72-40

Адрес издателя, редакции, типографии: 162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

**CHEREPOVETS
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN**

Scientific journal established in December 2002

№ 2 (71) • 2016

TECHNOLOGY
PHILOLOGY
PEDAGOGY

Date of publication: № 2 (71) • 2016 • APRIL. Comes out eight times a year

"Cherepovets State University Bulletin" is a scientific edition that is included in the list of top peer-reviewed academic journals published in the Russian Federation. It publishes research data of doctorate and higher doctorate dissertations.

Scientific journal "Cherepovets State University Bulletin" has been in the Russian Science Citation Index (RSCI) since 2009.

Journal Sections: TECHNOLOGY, PHILOLOGY, PEDAGOGY

Branches of Studies: 05.13.00 Information Technology, Computer Engineering and Management
05.14.00 Power Engineering
10.01.00 Literature Studies
10.02.00 Linguistics
13.00.00 Pedagogy

FOUNDER: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Cherepovets State University"

Registration certificate PI №FS77-62615 issued July 31, 2015, was granted by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation.

EDITOR-IN-CHIEF: N.I. Shestakov, Doctor of Science in Engineering, professor, Honored Figure of Russian Higher Education of the Russian Federation

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF:

YAKOVLEVA E.V., Doctor of Science in Pedagogics, professor (Cherepovets State University)
CHERNOV A.V., Doctor of Science in Philology, professor, deputy chief editor (Cherepovets State University)

MANAGING EDITOR: N.G. MELNIKOVA
COMPUTER DESIGN: M.N. AVDIUKHOVA
TRANSLATOR: V.V. CHISTYAKOVA
EXECUTIVE EDITOR: N.A. TIKHOMIROVA (8202) 51-72-40

Editorial department address: 5, Lunacharsky pr., Cherepovets, 162600

OPEN PRICE

ISSN 1994-0637

© Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Cherepovets State University", 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Кирилин Ю.П., Кирьянов В.В.</i> Построение интервальной модели динамики процессов производства губчатого титана	7
<i>Лукин С.В., Турушева Ю.Д., Антонова Ю.В., Сурикова А.Н.</i> Процессы тепло- и массообмена в блоке разделения нефтешлама	11
<i>Марьяндышев П.А., Попова Е.И., Чернов А.А., Любов В.К.</i> Изотермическое исследование древесного топлива и его органических компонентов	15
<i>Семенова Л.А., Семенова Н.Г.</i> Определение среднего <i>B</i> -сплайна при исследовании нелинейных процессов в электроэнергетических системах	18

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Конференция	23
<i>Часть 1. Конкретное литературоведение: проблемы и перспективы (материалы регионального научного семинара) .....</i>	<i>23</i>
<i>Анненкова Е.И.</i> Молодой Константин Аксаков: проблема самоопределения	25
<i>Вершинина Н.Л.</i> «Реальность» и «литературность» в книге А.Н. Яхонтова «Путешествие в Северный край России»	30
<i>Иванова Е.Ю.</i> Две повести в стихах «Бал» Е.А. Баратынского и «Граф Нулин» А.С. Пушкина (к исследованию диалога двух произведений)	34
<i>Мотейко-Иванова И.В.</i> Библейская аллюзия в рассказе В.В. Набокова «Гроза»	38
<i>Рудакова С.В.</i> Мотив разочарования в лирике Е.А. Боратынского	41
<i>Соловьева Е.Е.</i> Концепция «конкретного литературоведения» в трудах Д.С. Лихачева и отечественных исследователей	44
<i>Трубицына М.Ю.</i> Аскетический пейзаж в творчестве Б.К. Зайцева и М.В. Нестерова	48
<i>Шигаревская О.В.</i> Сельцо Андреевское – малоизвестная усадьба Брянчаниновых	51
<i>Часть 2. Лингвистика и литературоведение .....</i>	<i>54</i>
<i>Богданова О.В.</i> Концептуальные основы образа актера в пьесе М. Горького «На дне»	54
<i>Ефремова Д.А.</i> Стилиевые особенности биографических романов	58
<i>Иванников Е.Б.</i> Функции филологических терминов в интернет-жаргоне	62
<i>Капустина И.О.</i> Критика журнала В.В. Кашпирева «Заря» в современной печати (на примере «Отечественных записок»)	65
<i>Кириллова Е.О.</i> Мотивы ухода от реальности, созерцания, отшельничества в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (на примере произведений Б. Юльского)	70
<i>Козлов А.Е.</i> К вопросу о конфликтном потенциале и смысловой ёмкости понятий <i>подражатель</i> и <i>эпигон</i>	75
<i>Ломакина И.Н.</i> Мифологические и постмодернистские модели хронотопа в прозе Дона Делилло	80
<i>Самарин Д.А.</i> История исследований функционально-семантического поля сравнения в российской лингвистике	84
<i>Самарцев О.Р., Латенкова В.М.</i> Психосемантические аспекты восприятия интерактивного дискурса в интернет-СМИ	87
<i>Славина А.Б.</i> Роман З. Прилепина «Обитель»: метафизическое пространство Соловков	92

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Быкасова Л.В.</i> Педагогическая эпистемология: от структурализма к деконструктивизму	96
<i>Власова Н.А.</i> Критерии и показатели уровня сформированности общей культуры младшего школьника в процессе иноязычного образования	99
<i>Ильинская И.В., Лапкова Г.Н., Чистякова Н.Н.</i> Диагностика сформированности ИКТ-компетентности у бакалавров (направление подготовки – педагогическое образование, профиль – начальное образование)	102
<i>Кутепова Е.Н., Сунцова А.С.</i> Теоретический анализ проблемы инклюзивного образования в современных научных исследованиях	105
<i>Листвин А.А.</i> Антиномии среднего профессионального образования	110
<i>Петров К.Г.</i> Культурно-просветительская инициатива как фактор распространения грамотности в России в конце XIX – начале XX веков	114
<i>Петунин О.В.</i> Отбор содержания изучаемого материала и проблема мотивации старшеклассников к учебной деятельности	117
<i>Урекешова Л.</i> Экологическая культура как основа развития экологически релевантного поведения человека	120
<i>Чибаков А.С.</i> Обеспечение качества подготовки водителей транспортных средств к движению в условиях населенных пунктов	123
Сведения об авторах	130
Информация для авторов	134

CONTENTS

TECHNOLOGY

<i>Kirin Yu.P., Kiryanov V.V.</i> Building interval model of dynamics of processes of production of the spongy titanium	7
<i>Lukin S.V., Turusheva Yu.D., Antonova Yu.V., Surikova A.N.</i> Processes of heat and mass exchange in the oil slime separation unit	11
<i>Maryandyshch P.A., Popova E.I., Chernov A.A., Lyubov V.K.</i> Isotermic investigation of wood fuels and its organic components	15
<i>Semenova L.A., Semenova N.G.</i> Determination of medium <i>B</i> -spline in the investigation of nonlinear processes in electric power systems	18

PHILOLOGY

Vstuplenie	23
<i>Part 1. Concrete literary studies: challenges and opportunities (following regional scientific workshop)</i>	25
<i>Annenkova E.I.</i> Young Konstantin Aksakov: the problem of self-determination	25
<i>Vershinina N.L.</i> «Reality» and «literariness» in the book «Journey to the northern territory of Russia» by A. N. Yakhontov	30
<i>Ivanova E.Y.</i> Two verse novels: “The ball” by E. A. Baratynskiy and “Count nulin” by A. S. Pushkin (to the research on the dialogues of the two literary works)	34
<i>Moteiunaite I.V.</i> The Bible allusion in V.V. Nabokov's story "The storm"	38
<i>Rudakova S.V.</i> Motif of disappointment in the lyric poetry by E.A. Boratynsky	41
<i>Solovyova E.E.</i> The notion “concrete literary studies” in works by D.S. Likhachev and russian philologists	44
<i>Trubitsyna M.Y.</i> Ascetic landscape in the works of B.K. Zaitsev and M.V. Nesterov	48
<i>Shygarevskaya O.V.</i> Andreyevskoye village – little-known country estate of the bryanchaninovs	51
<i>Part 2. Linguistics and Literary studies</i>	54
<i>Bogdanova O.V.</i> The conceptual basis for the image of actor in the M. Gorky play «The lower depths»	54
<i>Efremova D.A.</i> Stylistic features of biographical novels	58
<i>Ivannikov E.B.</i> Functions of philological terms in internet jargon	62
<i>Kapustina I.O.</i> Criticism on the journal of V.V. Kashpиров «Zarya» in contemporary press (evidence from «Otechestvennie zapiski»)	65
<i>Kirilova E.O.</i> Motives of the escape from reality, contemplation, reclusion in the works of the writers of the russian far east abroad (as exemplified in B. Yul'sky's story)	70
<i>Kozlov A.E.</i> On the conflict connotation and notional capacity of the concepts <i>imitator</i> and <i>epigone</i>	75
<i>Lomakina I.N.</i> Mythological and postmodern chronotope models IN Don Delillo’s fiction	80
<i>Samarin D.A.</i> Evolution of research on functional-semantic fields of comparison in russian linguistics	84
<i>Samartsev O.R., Latenkova V.M.</i> Psychosemantic aspects of perception of interactive discourse in web-based media	87
<i>Slavina A.B.</i> The novel «Monastery» by Z. Prilepin: metaphysical space of the Solovetsky islands	92

PEDAGOGY

<i>Bykasova L.V.</i> Pedagogical epistemology: from structuralism to deconstruction	96
<i>Vlasova N.A.</i> Criteria and indicators of the level of the elementary school student general culture formation within foreign language study	99
<i>Ilinskaya I.V., Lashkova G.N., Chistyakova N.N.</i> Diagnostics of ICT competence formation for bachelors (pedagogy students specializing in primary education)	102
<i>Kutepova E.N., Suntsova A.S.</i> Theoretical analysis of the problem of inclusive education in contemporary science research	105
<i>Listvin A.A.</i> Antinomies of secondary vocational education	110
<i>Petrov K.G.</i> Philanthropic activity as a factor of an establishment of the education system in russia in the second half of the 19 TH – early 20 TH century	114
<i>Petunin O.V.</i> Selection of materials and the problem studied motivation high school students to educational activity	117
<i>Urekshova L.</i> Ecological culture as basis of development of ecologically relevant behaviour of the person	120
<i>Chibakov A.S.</i> Maintenance of the quality of drivers training for the movement within settlements	123
Information about the authors	130
For the authors’ attention	134

ПОСТРОЕНИЕ ИНТЕРВАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ДИНАМИКИ ПРОЦЕССОВ ПРОИЗВОДСТВА ГУБЧАТОГО ТИТАНА

В статье рассмотрены вопросы построения интервальной модели динамики процессов производства губчатого титана для синтеза оптимальных систем управления температурным режимом процессов восстановления и вакуумной сепарации. Для описания динамических свойств зон нагрева и зон экзотермической реакции аппаратов производства губчатого титана введено понятие обобщенного нестационарного объекта управления, функционирующего в условиях неопределенности. Проведена параметрическая и структурная идентификация модели динамики указанного объекта. По результатам идентификации получена адекватная реальному объекту модель динамики. Определены интервальные значения динамических параметров объекта и действующих возмущений. С применением интервальной модели динамики синтезирован новый класс систем управления, обеспечивающий оптимизацию и интенсификацию процессов восстановления и вакуумной сепарации губчатого титана.

Губчатый титан, восстановление и вакуумная сепарация, обобщенный нестационарный объект управления, неопределенность, интервальная модель динамики, идентификация модели динамики.

In article issues of creation of interval model of dynamics of processes of production of the spongy titan for synthesis of optimum control systems of temperature condition of processes of recovering and vacuum separation are considered. For the description of dynamic properties of zones of heating and zones of exothermic reaction of devices of production of the spongy titan the concept of the generalized non-stationary object of the management functioning in the conditions of uncertainty is introduced. Parametrical and structural identification of model of dynamics of the specified object is carried out. According to results of identification dynamics model adequate to real object is received. Interval values of dynamic parameters of object and the operating indignations are defined. The new class of control systems providing optimization and an intensification of processes of recovering and vacuum separation of the spongy titan is synthesized with the use of interval model of dynamics.

Titanium sponge, recovering and vacuum separation, the generalized non-stationary object of management, uncertainty, interval model of dynamics, identification of model of dynamics

Введение

Основу промышленного производства губчатого титана составляют процессы восстановления тетрахлорида титана магнием и последующей вакуумной сепарации, осуществляемые в аппаратах периодического действия, конструкцией которых предусмотрено разделение рабочего объема каждого аппарата на ряд зон нагрева (аппарат сепарации), зон нагрева и зону экзотермической реакции (аппарат восстановления). Характерная особенность таких систем как объектов управления состоит в поддержании двухпозиционными регуляторами в каждой зоне нагрева (зоне реакции) определенной температуры с требуемой точностью. При этом температура зон нагрева аппаратов восстановления и сепарации регулируется притоком электрической энергии, поступающей от нагревателей, а температура зоны экзотермической реакции регулируется оттоком тепловой энергии посредством создаваемого вентилятором воздушного охлаждения [9].

Системы двухпозиционного регулирования температуры процессов восстановления и сепарации работают в режиме автоколебаний. Параметры автоколебаний существенно зависят от условий функционирования восстановления и сепарации и изме-

няются при вариациях нагрузок производства. Вопросы повышения качества двухпозиционного управления температурным режимом процессов восстановления и вакуумной сепарации исследованы недостаточно, что существенно снижает технико-экономические показатели производства. Поэтому совершенствование систем управления температурным режимом процессов является одной из актуальных задач производства губчатого титана [2].

Такая задача решается в два этапа [3]:

- разработка математических моделей динамики процессов восстановления и вакуумной сепарации;
- синтез на основе моделей динамики оптимальных систем управления, обеспечивающих улучшение качества управления температурным режимом (снижение амплитуд автоколебаний температуры).

Ряд особенностей производства губчатого титана затрудняет решение этой задачи, а именно:

1. Изменчивость параметров аппаратов восстановления и сепарации. В процессе эксплуатации реакторы удлиняются, уменьшается толщина их стенок, изнашивается футеровка печей, в условиях агрессивных сред снижается мощность нагревателей.
2. Нестационарность и нелинейность процессов как объектов управления. На объекты управления

действуют неконтролируемые переменные возмущения, вызванные изменением теплофизических характеристик реакционной массы, ее структуры, состава и конфигурации, изменением тепла экзотермической реакции восстановления тетрахлорида титана магнием и потребляемого тепла при вакуумной очистке губчатого титана от примесей магния и хлорида магния. Статические и динамические характеристики зон нагрева и зоны экзотермической реакции различны на разных стадиях процессов, характер их изменения не подчиняется какому-либо определенному закону.

3. Нелинейность систем управления. При существующем аппаратном оформлении процессов восстановления и сепарации исполнительными механизмами служат релейные элементы (контакторы, магнитные пускатели), которые имеют два рабочих положения (включено – выключено). Это обстоятельство предопределило двухпозиционный принцип управления технологическими процессами. Автоматизация процессов осуществлена на базе нелинейных систем управления, в которых заданный температурный режим зон нагрева и экзотермической реакции поддерживают многоканальные двухпозиционные регуляторы. Рабочие режимы регулирования температуры в нелинейных системах – сложные автоколебательные процессы, характеризующиеся асимметрией автоколебаний и остаточной неравномерностью.

В металлургическом цехе одновременно функционируют несколько десятков аппаратов восстановления и вакуумной сепарации. Каждый из аппаратов имеет три и более зон нагрева. Каждый аппарат восстановления, кроме того, имеет зону экзотермической реакции. Отмеченные выше особенности процессов восстановления и сепарации дают основание считать зоны нагрева аппаратов и зоны экзотермической реакции объектами с неопределенными динамическими параметрами, которые в процессе эксплуатации изменяются в некоторых пределах [4]. В условиях действующего производства губчатого титана затруднено математическое описание таких объектов регулирования. Для синтеза оптимальной системы управления температурным режимом процессов целесообразно учитывать возможные области изменения значений динамических параметров зон нагрева, зон экзотермической реакции и возмущений. В этом случае указанные зоны аппаратов можно рассматривать как объекты регулирования с интервально-неопределенными параметрами, а систему многоканального двухпозиционного регулирования температуры процессов восстановления и сепарации – как интервальную систему автоматического регулирования [8], [12].

В теории автоматического управления для исследования интервальных систем применяют робастный подход, предусматривающий анализ их робастной устойчивости (сохранение устойчивости при любых значениях интервальных параметров) и анализ робастного качества для определения наихудших показателей качества системы при изменении интервальных параметров в заданных диапазонах. Актуальна также разработка методов синтеза робастных регуляторов, обеспечивающих гарантированное качество

работы интервальных систем при любых значениях параметров объектов управления из известных интервалов [7], [13]. Для решения указанных задач требуется разработка методов построения интервальных моделей объектов в условиях неопределенности и оценка их адекватности [10].

Основная часть

Для построения интервальной модели динамики процессов производства губчатого титана введем понятие обобщенного нестационарного объекта управления (ОНОУ), под которым подразумевают зону нагрева, зону экзотермической реакции аппарата восстановления или зону нагрева аппарата сепарации. Тогда управление процессами восстановления и сепарации можно рассматривать состоящими из ряда типовых нестационарных нелинейных (двухпозиционных) систем регулирования технологических параметров [3].

Каждая из таких систем регулирования состоит из ОНОУ, на вход которого воздействует неконтролируемое возмущение $z(t)$, и многоканального двухпозиционного регулятора (МДР) (рис. 1).

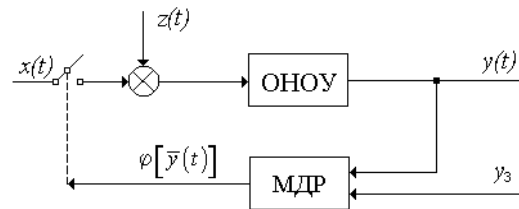

Рис. 1. Типовая структурная схема многоканального двухпозиционного регулирования температуры процесса восстановления (сепарации)

Здесь под $z(t)$ подразумевают изменение тепловых потерь зоны нагрева, изменение тепла зоны экзотермической реакции аппарата восстановления, изменение потребляемого тепла зоны нагрева аппарата сепарации. МДР включением и выключением входной величины $x(t)$ (мощности нагрева зоны или мощности охлаждения зоны реакции) поддерживает выходную величину $y(t)$ (температуру) ОНОУ на заданном уровне y_3 в соответствии с алгоритмом:

$$\varphi[\bar{y}(t)] = \begin{cases} x(t) & \text{при } \bar{y}(t) < y_3 - \Delta y_0 \text{ и} \\ y_3 - \Delta y_0 \leq \bar{y}(t) \leq y_3 + \Delta y_0, y'(t) > 0; & \\ 0 & \text{при } \bar{y}(t) > y_3 + \Delta y_0 \text{ и} \\ y_3 - \Delta y_0 \leq \bar{y}(t) \leq y_3 + \Delta y_0, y'(t) < 0; & \end{cases}$$

$$\bar{y}(t) = y(\gamma T) \text{ при } \gamma T \leq t < (\gamma + 1) \cdot T, (\gamma = 1, 2, \dots),$$

где $\bar{y}(t)$ – квантованная по времени выходная величина ОНОУ; $\varphi[\bar{y}(t)]$ – выходная величина МДР; $2\Delta y_0$ – зона нечувствительности МДР; $y'(t)$ – скорость изменения выходной величины; T – интервал квантования по времени.

Таким образом, при включении $x(t)$ на входе ОНОУ действует разность $x(t) - z(t)$, при выключении $x(t)$ поведение ОНОУ определяется возмущаю-

щим воздействием $z(t)$. Система регулирования при этом работает в режиме автоколебаний.

Рассмотрим особенности построения интервальной модели динамики ОНОУ в многоканальной двухпозиционной системе регулирования температуры процессов восстановления и вакуумной сепарации.

В общем случае для решения задач управления технологическими процессами необходимо иметь математическое описание, устанавливающее связь между входными и выходными переменными. При этом назначение модели состоит в установлении таких количественных соотношений между входными и выходными переменными, на основании которых может быть выработано управление, обеспечивающее заданную цель функционирования объекта. Такая модель не вскрывает особенностей физических и химических процессов, протекающих в объекте управления. Однако получаемая с ее помощью связь образует совокупность тех сведений о динамических свойствах объекта, которая достаточна для разработки системы управления. Построение моделей динамики технологических объектов осуществляют экспериментальным методом. Результаты измерений служат основой построения математического описания динамики объекта. Для получения наиболее полной модели измерения проводят непосредственно в процессе управления с учетом действующих возмущений и реальных условий функционирования технологического объекта. Под идентификацией технологического объекта управления понимают определение его структуры и параметров по данным «вход – выход» [1].

Если при этом отсутствует априорная информация о форме и степени связи входных и выходных величин, то имеет место структурная и параметрическая неопределенность математической модели объекта управления. Для исследования систем автоматического управления при наличии неопределенностей в математической модели объекта предложен ряд методов, позволяющих достичь цели управления. Наиболее перспективными являются интервальные методы исследований, используемые для разработки робастных систем управления [11].

Методология построения интервальной модели динамики процессов производства губчатого титана предусматривает структурную и параметрическую идентификацию ОНОУ [3], [5].

В теории управления технологическими процессами отсутствуют методы определения операторов объектов неизвестной структуры. Обычно, основываясь на реализациях входных и выходных величин, высказывают гипотезу о конкретном выражении операторов таких объектов, которую затем проверяют по результатам эксперимента [1].

Структура модели динамики ОНОУ задана оператором A , устанавливающим соответствие между выходной функцией $y(t)$ и входными функциями $x(t), z(t)$:

$$y(t) = A\{x(t), z(t)\}. \quad (1)$$

Для оценки динамических свойств реального ОНОУ оператор (1) представлен эквивалентным нестационарным объектом с самовывравниванием, описываемым соответствующим дифференциальным уравнением с переменными коэффициентами:

$$T_0(t) \cdot \frac{d[y(t)]}{dt} + y(t) = K_0(t) \cdot \{x[t - \tau(t)] - z(t)\}, \quad (2)$$

где $T_0(t), K_0(t), \tau(t)$ – постоянная времени, коэффициент усиления, время запаздывания ОНОУ.

Таким образом, предполагалось, что априорно известна структура оператора ОНОУ, представленная уравнением (2). При этом нестационарность обусловлена тем, что коэффициенты $T_0(t), K_0(t), \tau(t), z(t)$ уравнения (2) являются некоторыми неизвестными функциями времени. Задача параметрической идентификации состояла в определении этих коэффициентов. Для ее решения получены системы конечных уравнений, устанавливающие взаимосвязь параметров автоколебаний в многоканальной двухпозиционной системе регулирования температуры ОНОУ с искомыми коэффициентами дифференциального уравнения. Задача идентификации в данном случае сводится к решению систем уравнений для определения по измеренным в эксперименте параметрам автоколебаний температуры значений указанных коэффициентов. Критерий качества идентификации определен функцией потерь, представляющей собой среднеквадратичную оценку измеренных в эксперименте и расчетных параметров автоколебаний. Разработаны алгоритмы решения систем конечных уравнений (алгоритмы идентификации), минимизирующие функцию потерь. Мерой близости модели и реального ОНОУ в данном случае является разность измеренных и расчетных значений параметров автоколебаний температуры, которая не превышает 0,1 % [3]. В результате получена адекватная реальному ОНОУ модель динамики и определены интервальные значения ее коэффициентов [6]:

$$\begin{aligned} T_0^{\min} &\leq T_0(t) \leq T_0^{\max}; \\ K_0^{\min} &\leq K_0(t) \leq K_0^{\max}; \\ \tau^{\min} &\leq \tau(t) \leq \tau^{\max}; \\ z^{\min} &\leq z(t) \leq z^{\max}. \end{aligned}$$

Выводы

Для одного из типов промышленных аппаратов производства губчатого титана получены следующие интервальные значения ОНОУ: $T_0^{\min} = 320\text{с}$, $T_0^{\max} = 390\text{с}$, $K_0^{\min} = 2,1^\circ\text{C/кВт}$, $K_0^{\max} = 3,2^\circ\text{C/кВт}$, $\tau^{\min} = 21\text{с}$, $\tau^{\max} = 30\text{с}$, $z^{\min} = 12\text{кВт}$; $z^{\max} = 110\text{кВт}$. Указанные интервальные значения использованы для синтеза робастной системы управления, обеспечивающей за счет улучшения качества управления температурным режимом повышение производительности процессов восстановления и вакуумной сепарации и снижение энергозатрат.

Литература

1. Анисимов С.А., Дынькин В.Н., Касавин А.Д., Лотцкий В.А., Райбман Н.С. Основы управления технологическими процессами. М., 1978.

2. Кири́н Ю.П., Затонский А.В., Беккер В.Ф., Бильфельд Н.В. Современные направления совершенствования и развития производства губчатого титана // Титан. 2003. № 2(13). С. 11–16.

3. Кири́н Ю.П., Затонский А.В., Беккер В.Ф., Краев С.Л. Идентификация технологических процессов производства губчатого титана // Проблемы управления. 2008. № 4. С. 71–77.

4. Кири́н Ю.П. Позиционное управление технологическими процессами в условиях неопределенности // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2009. №2. С. 158–160.

5. Кири́н Ю.П., Затонский А.В., Беккер В.Ф. Построение моделей динамики сложных технологических объектов в позиционных системах управления // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. 2009. №3(27). С. 25–28.

6. Кири́н Ю.П. Импульсное позиционное управление технологическими процессами с нестационарными параметрами // Новый университет. 2011. №2. С. 18–22.

7. Пушкарев М.И. Анализ и синтез систем управления технологическими объектами с интервальными параметрами на основе корневых показателей качества: дис. ... канд. техн. наук. Томск, 2014.

8. Суходоев М.С. Корневой анализ и синтез систем с интервальными параметрами на основе вершинных характеристик полиномов: дис. ... канд. техн. наук. Томск, 2008.

9. Тарасов А.В. *Металлургия титана*. М., 2003.

10. Целигоров Н.А., Мафура Г.В. Причины возникновения интервальных значений в математических моделях исследования робастной устойчивости систем управления // Инженерный вестник Дона. 2012. №4. Ч. 1. URL: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n4p2y2012/1340>.

11. Целигоров Н.А., Целигорова Е.Н., Мафура Г.В. Математические модели неопределенностей систем управления и методы, используемые для их исследования // Инженерный вестник Дона. 2012. №4. Ч. 2. URL: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n4p2y2012/1340>.

12. Ackermann J. Parameter space design of robust control systems // IEEE Trans. On Autom. Control. 1980. Vol. 25. №6. pp. 1058–1072.

13. Chen C.T., Wang M.D. Robust controller design for interval process systems // Computers and Chemical Engineering. 1997. Vol. 21. pp. 707–721.

References

1. Anisimov S.A. *Osnovy upravleniya tekhnologicheskimi protsessami* [Fundamentals of process control]. Moscow, 1978.

2. Kirin Yu.P. *Sovremennye napravleniya sovershenstvovaniya i razvitiya proizvodstva gubchatogo titana* [Modern

directions of perfection and development of production of titanium sponge]. *Titan* [Titanium], 2003, № 2(13), pp. 11–16.

3. Kirin Yu. P. *Identifikatsiya tekhnologicheskikh protsessov proizvodstva gubchatogo titana* [Identification of technological processes of production of titanium sponge]. *Problemy upravleniya* [control], 2008, № 4, pp. 71–77.

4. Kirin Yu.P. *Pozitsionnoe upravlenie tekhnologicheskimi processami v usloviyah neopredelennosti* [Positional control of technological processes under uncertainty conditions]. *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Tekhnicheskie nauki* [News of southern Federal University. Technical science], 2009, №2, pp. 158–160.

5. Kirin Yu. P., Zatonskiy A. V., Bekker V. F. *Postroenie modeley dinamiki slozhnykh tekhnologicheskikh ob'ektov v pozitsionnykh sistemah upravleniya* [Modeling the dynamics of complex technological objects in positional control systems]. *Vestnik Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. G.I. Nosova* [Bulletin of Magnitogorsk state technical University. G.I. Nosova], 2009, №3(27), pp. 25–28.

6. Kirin Yu.P. *Impul'snoe pozitsionnoe upravlenie tekhnologicheskimi protsessami s nestatsionarnymi parametrami* [Pulse position control of technological processes with time-varying parameters]. *Novyy universitet* [New University], 2011, №2, pp. 18–22.

7. Pushkarev M.I. *Analiz i sintez sistem upravleniya tekhnologicheskimi ob'ektami s intervalnymi parametrami na osnove kornevykh pokazateley kachestva* [Analysis and synthesis of control systems of technological objects with interval parameters based on root quality indices. Dr. dis.]. Tomsk, 2014.

8. Suhodoev M.S. *Kornevoy analiz i sintez sistem s intervalnymi parametrami na osnove vershinykh harakteristik polinomov* [Root analysis and synthesis of systems with interval parameters based on the characteristics of the vertex polynomials: Dr. dis.]. Tomsk, 2008.

9. Tarasov A.V. *Metallurgiya titana* [Metallurgy of titanium]. Moscow, 2003.

10. Celigorov N.A., Mafura G.V. *Prichiny vozniknoveniya intervalnykh znacheniy v matematicheskikh modelyakh issledovaniya robastnoy ustoychivosti sistem upravleniya* [Causes of interval values in mathematical models of the study of robust stability of control systems]. *Inzhenernyy vestnik Dona* [Engineering journal of Don], 2012, №4, Vol. 1. URL: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n4p2y2012/1340>.

11. Celigorov N.A., Celigorova E.N., Mafura G.V. *Matematicheskie modeli neopredelennostey sistem upravleniya i metody, ispolzuemye dlya ih issledovaniya* [Mathematical models of uncertainties of the control systems and methods used for their research]. *Inzhenernyy vestnik Dona* [Engineering journal of Don], 2012, №4, Vol. 2. URL: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n4p2y2012/1340>.

12. Ackermann J. Parameter space design of robust control systems *IEEE Trans. On Autom. Control*, 1980, Vol. 25, №6, pp. 1058–1072.

13. Chen C.T., Wang M.D. Robust controller design for interval process systems *Computers and Chemical Engineering*, 1997, Vol. 21, pp. 707–721.

*С.В. Лукин, Ю.Д. Турушева, Ю.В. Антонова
Череповецкий государственный университет,
А.Н. Сурикова
Вологодский государственный университет*

ПРОЦЕССЫ ТЕПЛО- И МАССООБМЕНА В БЛОКЕ РАЗДЕЛЕНИЯ НЕФТЕШЛАМА

В статье рассмотрены процессы тепло- и массообмена, протекающие в выпарном аппарате блока разделения нефтешлама, интенсивность которых определяет эффективность тепловой работы установки.

Блок разделения нефтешламов, выпарной аппарат, процессы тепло- и массообмена.

The paper considers the processes of heat and mass exchange occurring in the vaporizer of oil slime separation unit. Intensity of these processes determines the efficiency of the unit heat operation.

Separation oil slime unit, vaporizer, heat and mass exchange processes.

Введение

Блоки разделения нефтешламов (БРНШ) служат для удаления влаги из масло-водяных эмульсий с помощью процесса выпаривания. В работе [4] предложена принципиальная тепловая схема существующей установки по выпариванию влаги из нефтепродуктов (блока разделения нефтешламов) и рассмотрена методика ее теплового расчета. Исследование тепловой работы одной из таких установок показало, что они имеют низкую тепловую эффективность, и, в результате, невысокую производительность. Это связано, в частности, с недостаточной изученностью процессов тепло- и массообмена, протекающих внутри выпарного аппарата установки. В работах [2], [3] показано, как можно повысить тепловую эффективность существующей установки БРНШ, а именно: увеличить производительность и снизить удельный расход топлива. В [2], [3] основное внимание уделялось рассмотрению теплообменных поверхностей в выпарных аппаратах, позволяющих увеличить подвод теплоты к осушаемому нефтешламу. При этом процессы массообмена, протекающие при выпаривании капель дисперсной влаги из масловодяной эмульсии на испарительных поверхностях, остались без внимания, точнее, принималось (без достаточного обоснования), что эти процессы протекают очень быстро и не влияют на производительность и эффективность осушки нефтешлама.

Основная часть

На рис. 1 показана принципиальная схема выпарного аппарата установки БРНШ. Корпус выпарного аппарата выполнен в виде стального цилиндра, снаружи покрытого тепловой изоляцией. В нижней части выпарного аппарата находятся трубы нагревателя, обогреваемые изнутри водой или паром, в верхней части аппарата – полки испарителя.

Рассмотрим работу выпарного аппарата, показанного на рис. 1, в режиме выпаривания влаги из нефтешлама, которому предшествует режим нагрева нефтешлама до температуры выпаривания. Теплота от греющего теплоносителя с температурой t_0 передается через стенки труб нагревателя к нефтешламу,

омывающему наружную поверхность труб за счет свободной конвекции. Нефтешлам, подогретый до температуры t' , на несколько градусов превышающей температуру насыщения водяного пара t_n , забирается циркуляционным насосом ЦН из нижней части выпарного аппарата, и подается в его верхнюю часть, где через отверстия в подводящей трубе вытекает на полки испарителя, служащие для создания массообменной поверхности нефтешлама. Под действием силы тяжести нефтешлам стекает с полки на полку испарителя, где и происходит процесс выпаривания влаги из нефтешлама за счет его теплоты, и наконец, охлажденный до температуры t'' , нефтешлам возвращается обратно в нижнюю часть аппарата. Образовавшийся выпар откачивается из аппарата вакуумным насосом, где конденсируется за счет смешения с охлаждающей водой. Процесс выпаривания происходит обычно под вакуумом при абсолютном давлении внутри аппарата $p = 0,015 \div 0,045$ МПа, и температуре нефтешлама – $55 \div 80$ °С.

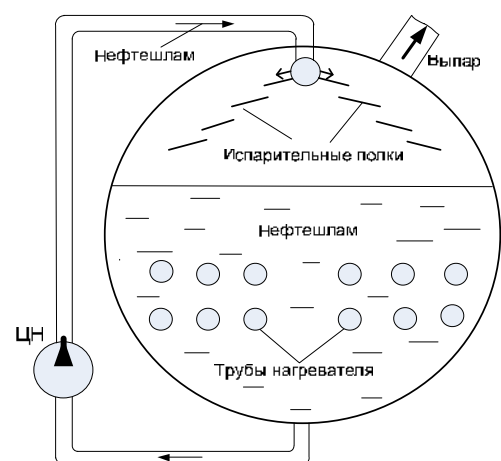

Рис. 1. Принципиальная схема выпарного аппарата БРНШ

Тепловой поток, подводимый к нефтешламу от труб нагревателя, определяется известным выражением:

$$Q = k \cdot F \cdot (t_0 - \bar{t}), \quad (1)$$

где k – коэффициент теплопередачи; t_0 – температура греющего теплоносителя, для простоты принята постоянной (это выполняется при обогреве конденсирующимся паром); $\bar{t} = (t' + t'')/2$ – средняя температура нефтешлама; F – площадь теплообмена, равная площади наружной поверхности труб нагревателя.

Если пренебречь потерями в окружающую среду, тепловой поток, подведенный к нефтешламу, в режиме выпаривания полностью расходуется на образование пара:

$$Q = r \cdot G_{\text{п}}, \quad (2)$$

где r – теплота испарения; $G_{\text{п}}$ – массовый расход пара на выходе из выпарного аппарата.

Из формул (1) и (2) следует, что производительность аппарата $G_{\text{п}}$ тем больше, чем больше величины k , F и средний температурный напор $t_0 - \bar{t}$. Однако, для нормальной работы аппарата необходима достаточная поверхность массообмена, протекающего на испарительных полках. Так, если остановить циркуляционный насос, то процесс выпаривания полностью прекратится.

Пусть $V_{\text{к}}$ – средний объем капель воды, диспергированных в нефтепродукте, который принимаем неизменным в процессе выпаривания. В масловодных эмульсиях диаметр капель d может составлять $0,2 \div 100$ мкм. При $d < 20$ мкм эмульсия считается мелкодисперсной, при $d = 20 \div 50$ мкм – среднелдисперсной, при $d > 50$ мкм – грубодисперсной. Размер капель зависит от условий образования эмульсии. Если n – количество водяных капель в 1 м^3 эмульсии, то влагосодержание, $\text{кг}/\text{м}^3$, равняется:

$$x = n \cdot \rho_{\text{в}} \cdot V_{\text{к}}, \quad (3)$$

где $\rho_{\text{в}}$ – плотность воды, $\text{кг}/\text{м}^3$.

Из (3) следует, что в процессе выпаривания, когда влагосодержание x уменьшается, концентрация капель n также уменьшается прямо пропорционально x .

Из простых соображений следует, что если рассечь эмульсию какой-либо воображаемой поверхностью, то на единицу площади (на 1 м^2) этой поверхности приходится $1 \cdot d \cdot n$ капель, рассеченных этой поверхностью, где d – средний линейный размер капель, м. Это значит, что с 1 м^2 открытой поверхности эмульсии можно выпарить такую массу влаги, $\text{кг}/\text{м}^2$:

$$m = d \cdot n \cdot \rho_{\text{в}} \cdot V_{\text{к}} = d \cdot x, \quad (4)$$

так как из (3) следует, что $n \cdot \rho_{\text{в}} = x/V_{\text{к}}$.

Из (4) вытекает, что при снижении влагосодержания x масса влаги m , выпариваемой с 1 м^2 открытой поверхности эмульсии, уменьшается прямо пропорционально величине x . Кроме того, чем мельче диаметр капель d , тем меньше величина m .

Открытая поверхность эмульсии постоянно возникает при подаче нефтешлама на полки испарителя. Принимаем, что нефтешлам стекает по полкам под

действием силы тяжести. Схема движения эмульсии по полке испарителя показана на рис. 2, где β – угол наклона полки к горизонтальной плоскости; w_x – скорость эмульсии; δ – толщина слоя эмульсии на полке; g_x – проекция ускорения свободного падения на ось x : $g_x = g \cdot \sin(\beta)$.

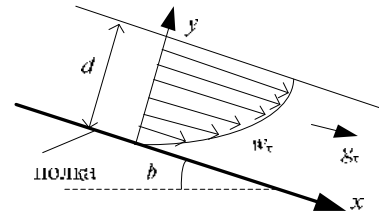

Рис. 2. Схема движения эмульсии по полке испарителя

Определим связь между средней скоростью движения эмульсии w и ее толщиной δ на полке испарителя. Для этого направим координатную ось x в направлении течения эмульсии по полке испарителя, а ось y – перпендикулярно поверхности полки, как показано на рис. 2. Там же показано распределение скорости эмульсии w_x по толщине ее слоя при ламинарном движении, обусловленном высокой вязкостью эмульсии. Считая, что движение эмульсии обусловлено силами тяжести и трения, и, пренебрегая силой инерции, закон изменения скорости по толщине ее слоя опишем уравнением движения [1]:

$$\mu \frac{\partial^2 w_x}{\partial y^2} = -\rho \cdot g_x, \quad (5)$$

где μ – динамический коэффициент вязкости эмульсии; ρ – ее плотность.

Граничные условия для уравнения (4) имеют вид:

$$w_x(y)|_{y=0} = 0. \quad (6)$$

$$\partial w_x / \partial y|_{y=\delta} = 0. \quad (7)$$

Условие (6) – это «условие прилипания» вязкой жидкости; условие (7) отражает отсутствие трения на открытой поверхности эмульсии.

Решая уравнения (5)–(7), получим выражение для распределения скорости:

$$w_x(y) = \frac{\rho \cdot g_x}{\mu} \cdot \delta \cdot y - \frac{\rho \cdot g_x}{2\mu} \cdot y^2. \quad (8)$$

С помощью (8) найдем среднюю скорость движения эмульсии на полке испарителя:

$$w = \frac{1}{\delta} \int_0^{\delta} w_x(y) dy = \frac{\rho \cdot g_x}{3\mu} \cdot \delta^2. \quad (9)$$

Объемный расход нефтешлама, $\text{м}^3/\text{с}$, подаваемого циркуляционным насосом, можно представить в виде выражения:

$$V = 2w \cdot \delta \cdot l, \quad (10)$$

где «2» – учитывает распределение нефтешлама между двумя рядами полок, как на рис. 1; l – длина одной полки нефтешлама. Формула (10) верна при достаточно равномерном распределении нефтешлама по длине полки испарителя.

С учетом (9), формулу (10) можно записать так:

$$V = 2l \cdot \frac{\rho \cdot g_x}{3\mu} \cdot \delta^3,$$

откуда толщина слоя эмульсии равна, м:

$$\delta = \sqrt[3]{\frac{3\mu}{2l \cdot \rho \cdot g_x} V}.$$

При ламинарном движении слоя эмульсии на каждой полке испарителя в единицу времени открывается «свежая» поверхность эмульсии, $\text{м}^2/\text{с}$, равная $S_0 = V/\delta$, что, с учетом последней формулы можно представить так:

$$S_0 = V^{2/3} \sqrt[3]{\frac{2l \cdot \rho \cdot g_x}{3\mu}}.$$

Если полное число полок испарителей равно $2N$, то суммарная площадь «свежей» поверхности эмульсии, $\text{м}^2/\text{с}$, возникающая в единицу времени, равняется

$$S = 2N \cdot S_0 = V^{2/3} \cdot 2N \left(\frac{2l \cdot \rho \cdot g_x}{3\mu} \right)^{1/3}. \quad (11)$$

Из (11) следует, что величина S зависит главным образом от числа полок $2N$ ($S \sim 2N$), от расхода нефтешлама V ($S \sim V^{2/3}$), от длины полок l ($S \sim l^{1/3}$), и не зависит от ширины полок, так как при ламинарном движении эмульсии по полкам не происходит перемешивания слоев, слои перемешиваются лишь при стекании с полки на полку, в результате чего возникает «свежая» поверхность эмульсии.

Поскольку с 1 м^2 открытой «свежей» поверхности эмульсии можно максимально выпарить m кг влаги, где m определяется формулой (4), то максимальная производительность по выпариванию, $\text{кг}/\text{с}$, составит:

$$G_{\max} = m \cdot S = d \cdot x \cdot V^{2/3} \cdot 2N \left(\frac{2l \cdot \rho \cdot g \cdot \sin \beta}{3\mu} \right)^{1/3}. \quad (12)$$

Действительный выход пара из аппарата определяется из уравнения теплового баланса (2):

$$G_{\text{п}} = Q/r.$$

Очевидно, что должно выполняться неравенство: $G_{\text{п}} \leq G_{\max}$. В начале процесса выпаривания, когда влагосодержание x велико, выполняется соотноше-

ние $G_{\text{п}} \ll G_{\max}$; в этом случае производительность аппарата лимитируется тепловым потоком Q , подводимым от греющей среды к нефтешламу через нагревательные поверхности. Когда в процессе выпаривания влагосодержание x уменьшается, а значит, уменьшается и $G_{\max}$, то в какой-то момент наступает равенство $G_{\text{п}} = G_{\max}$, и после этого производительность аппарата лимитируется величинами x и V , поскольку величины d , $2N$, l , β являются для данного аппарата заданными (постоянными).

Обычно и объемный расход нефтешлама V , перекачиваемого циркуляционным насосом, принимается постоянным, при этом, как следует из формулы (12), при снижении влагосодержания x в процессе выпаривания, величина $G_{\max}$ уменьшается, и после того, как она станет равной номинальной производительности аппарата $G_{\text{п0}}$, соответствующей номинальной тепловой нагрузке Q_0 , производительность аппарата будет уменьшаться пропорционально величине x . При этом автоматически уменьшается и тепловой поток Q , так как возрастает давление внутри аппарата, увеличивается температура испарения и уменьшается температурный напор между греющей средой и нефтешламом. Чтобы сохранить производительность аппарата неизменной при малых величинах x , можно увеличивать расход $V \sim x^{-3/2}$, т. е., например, при уменьшении x в два раза расход V следует увеличить в 2,83 раза, при этом затраты энергии на перекачку нефтешлама, пропорциональные V^3 , возрастут в 22,6 раза, что нерационально.

Рассмотрим результаты расчета величины $G_{\max}$ применительно к установке БРНШ-3. Примем следующие постоянные величины: $V = 18 \text{ м}^3/\text{ч} = 0,005 \text{ м}^3/\text{с}$; $l = 3,5 \text{ м}$; $2N = 10$; $\beta = 10^\circ$; $\mu = 498 \cdot 10^{-4} \text{ Па}\cdot\text{с}$; $\rho = 864 \text{ кг}/\text{м}^3$; $g = 9,81 \text{ м}/\text{с}^2$. Влагосодержание x может изменяться от $300 \text{ кг}/\text{м}^3$ до нуля. Средний диаметр капель в грубодисперсной эмульсии $d = 50; 75; 100 \text{ мкм}$.

На рис. 3 показана зависимость максимально возможной производительности установки $G_{\max}$ от влагосодержания x при различных диаметрах капель d . Так, при $d = 100 \text{ мкм}$ при начальном влагосодержании $x = 300 \text{ кг}/\text{м}^3$ величина $G_{\max} = 0,376 \text{ кг}/\text{с}$. При уменьшении влагосодержания x величина $G_{\max}$ снижается прямо пропорционально x , и при $x = 0$, $G_{\max} = 0$. Поскольку величина $G_{\max}$ прямо пропорциональна диаметру капель d , то при $d = 50 \text{ мкм}$ и $x = 300 \text{ кг}/\text{м}^3$ $G_{\max} = 0,188 \text{ кг}/\text{с}$, т. е. в 2 раза меньше, чем при $d = 100 \text{ мкм}$ и $x = 300 \text{ кг}/\text{м}^3$.

Экспериментальные исследования установки БРНШ-3 показали, что в режиме выпаривания выход пара из выпарного аппарата составляет $G_{\text{п}} \cong 10 \text{ кг}/\text{ч} = 0,0028 \text{ кг}/\text{с}$, что при достаточно больших x и d намного меньше величины $G_{\max}$. В этом случае производительность установки определяется тепловым потоком, подводимым к нефтешламу, и для увеличения производительности установки достаточно увеличить площадь поверхности нагрева и температурный напор. Однако при малых x и d величина $G_{\max}$ резко снижается, и производительность установки будет определяться величиной $G_{\max}$. Таким образом, при мелкодисперсных эмульсиях, когда капли влаги имеют маленький диаметр, вплоть до $0,2 \text{ мкм}$, или в

конце процесса выпаривания, когда влагосодержание стремится к нулю, площадь поверхности нагрева перестает влиять на производительность установки. При этих условиях производительность начинает определяться числом и длиной испарительных полок, а также расходом циркулирующего нефтешлама V . Так, при $x = 1 \text{ кг/м}^3$ и $d = 100 \text{ мкм}$ максимальная производительность $G_{\max}$ составит $0,00125 \text{ кг/с}$, а при $x = 10 \text{ кг/м}^3$ и $d = 10 \text{ мкм}$ – тоже $0,00125 \text{ кг/с}$, что меньше обычной производительности установки ($G_{\text{п}} \cong 0,0028 \text{ кг/с}$).

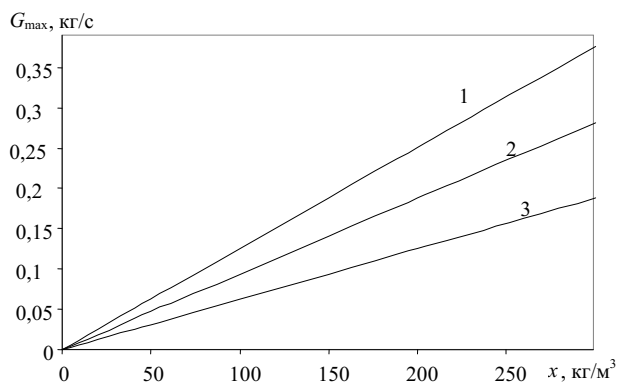

Рис. 3. Зависимость величины $G_{\max}$ от влагосодержания x ; 1 – $d = 100 \text{ мкм}$; 2 – $d = 75 \text{ мкм}$; 3 – $d = 50 \text{ мкм}$

Из опыта эксплуатации установки БРНШ-3 известно, что в конце процесса выпаривания начинает ухудшаться вакуум внутри выпарного аппарата (растет абсолютное давление), и производительность резко снижается. В этом случае наступает равенство $G_{\text{п}} = G_{\max}$, и процесс выпаривания после этого обычно прекращают. Остаточное содержание влаги при этом обычно составляет $1 \div 3 \%$ по массе нефтешлама, т. е. $x \cong 10 \div 30 \text{ кг/м}^3$.

Рассмотрим, как можно увеличить максимальную производительность установки $G_{\max}$, и тем самым повысить эффективность и степень осушки нефтешлама. Из формулы (12) следует, что при данных x и d величина $G_{\max}$ наиболее значительно зависит от числа полок испарителей $2N$ ($G_{\max} \sim 2N$), менее значительно – от расхода нефтешлама V ($G_{\max} \sim V^{2/3}$), и незначительно – от длины полок l и угла наклона полки β ($G_{\max} \sim l^{1/3}$, $G_{\max} \sim (\sin\beta)^{1/3}$).

Выводы

Расход нефтешлама V должен выбираться таким образом, чтобы подогрев нефтешлама $t' - t''$ в нижней части выпарного аппарата составлял $2 \div 3 \text{ }^\circ\text{C}$, чтобы обеспечить наибольший средний температурный напор между греющей средой и нефтешламом. Дальнейшее повышение расхода V является нецелесообразным, так резко возрастают затраты энергии на

перекачку нефтешлама [2], а средний температурный напор практически не увеличивается.

Наиболее эффективно повысить величину $G_{\max}$ можно за счет увеличения числа полок испарителей $2N$, причем, как уже отмечалось, ширина полок не влияет на $G_{\max}$, однако расстояние по высоте между соседними полками не должно быть слишком маленьким, иначе при перетекании слоя эмульсии с полки на полку не будет перемешивания ее слоев и не будет возникать «свежая» поверхность эмульсии. Очевидно, что при одних и тех же размерах корпуса выпарного аппарата число полок $2N$ теоретически может быть сделано бесконечно большим, однако на практике это число не может быть больше $D/h_{\min}$, где D – внутренний диаметр цилиндрического корпуса выпарного аппарата; $h_{\min}$ – минимальное расстояние по высоте между соседними полками. Так, если $D = 1,7 \text{ м}$, $h_{\min} = 0,005 \text{ м}$, то максимальное число полок составит $2N = 340$, что в несколько десятков раз превышает число полок в выпарном аппарате БПНШ-3. В этом случае степень осушки нефтешлама может быть намного более глубокой.

Литература

1. Исаченко В.Л. и др. Теплопередача. М., 1981.
2. Лукин С.В., Сурикова А.Н. Оптимизация числа выпарных ступеней установки разделения нефтешлама // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 6 (67). С. 14–19.
3. Лукин С.В., Синицын Н.Н., Сурикова А.Н. Повышение тепловой эффективности блока разделения нефтешлама // Промышленная энергетика. 2016. № 2. С. 33–37.
4. Лукин С.В., Синицын Н.Н., Сурикова А.Н. Тепловой расчет установки по выпариванию влаги из нефтепродуктов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 4 (65). С. 33–37.

References

1. Isachenko V.L. *Teploperedacha* [Heat transfer]. – Moscow, 1981.
2. Lukin S.V., Surikova A.N. Optimizatsiya chisla vyiparnykh stupeney ustanovki razdeleniya nefteshlama [Optimization of the number of evaporation stages of separation of oil sludge]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets state University], 2015, № 6 (67), pp. 14–19.
3. Lukin S.V., Sinitsyn N.N., Surikova A.N. Povyshenie teplovoy effektivnosti bloka razdeleniya nefteshlama [Increase of thermal efficiency of the separation unit, sludge]. *Promyshlennaya ehnergetika* [Industrial energy], 2016, № 2, pp. 33–37.
4. Lukin S.V., Sinitsyn N.N., Surikova A.N. Teplovoy raschet ustanovki po vyiparivaniyu vlagi iz nefteproduktov [Thermal design of a unit for evaporating moisture from petroleum products]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets state University], 2015, № 4 (65), pp. 33–37.

П.А. Марьяндышев, Е.И. Попова, А.А. Чернов, В.К. Любов
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
(г. Архангельск)

ИЗОТЕРМИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВЕСНОГО ТОПЛИВА И ЕГО ОРГАНИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ

В работе представлены результаты исследования древесины ели и ее органических компонентов (целлюлозы, гемицеллюлозы и лигнина) изотермическим термогравиметрическим методом анализа в воздушной и инертной средах. Получены данные по термическому разложению древесного топлива в диапазоне температур от 200 до 450 °С. Результаты исследований позволяют выполнить анализ процесса торрефикации древесной биомассы.

Древесное топливо, целлюлоза, лигнин, гемицеллюлоза, изотермическая термогравиметрия, термическое разложение, выход летучих веществ.

Using the method of isothermal thermogravimetric analysis in the air and inert atmospheres, the work provides a study of wood fuel (coniferous type of wood – spruce) and its organic components (cellulose, hemicellulose and lignin). Data concerning the process of thermal decomposition of the wood fuel at the range of temperatures between 200 and 450 °C is presented. The research data allows to analyze the process of torrefecation of the wood biomass.

Wood fuel, cellulose, lignin, hemicellulose, isothermal thermogravimetry, thermal decomposition, volatile matter.

Введение

В условиях нарастающего энергетического, экологического и продовольственного кризиса возобновляемые источники энергии играют все большую роль как неиссякаемые и экологически устойчивые. Одним из таких источников является древесная биомасса, интерес к использованию которой в странах с развитой лесной отраслью возрастает с каждым годом.

Древесное биотопливо преимущественно состоит из органических веществ: целлюлозы, лигнина и гемицеллюлозы. Содержание данных компонентов зависит от породы, условий роста и возраста древесины. В среднем, в хвойных породах содержится 48–56 % целлюлозы, 26–30 % лигнина и 23–26 % гемицеллюлозы. Знание особенностей термического разложения древесного топлива и его органических компонентов позволяет определить направления совершенствования теплогенерирующего оборудования, а также технологии торрефикации биомассы и ее внедрения в биоэнергетику. Торрефикация твердой биомассы основывается на ее термической обработке без доступа воздуха при температурах 250–330 °С. В результате данного процесса получают биоуголь, который используется для производства пеллет и брикетов. Биоугольные пеллеты обладают рядом достоинств по сравнению с обычными («белыми»). Эти достоинства особенно ярко проявляются при совместном сжигании торрефицированного топлива с углем на теплоэлектростанциях.

Для исследования кинетики процесса термического разложения широко используется термогравиметрический метод анализа (ТГА). Данный метод анализа может быть реализован в изотермическом (при постоянной температуре) и динамическом (при постоянной скорости нагрева) режимах. За последние 15–20 лет наибольшее распространение получила динамическая термогравиметрия, несмотря на ряд существенных недостатков: неравновесность условий, трудность контроля температуры, скорости на-

грева, чувствительность к наличию низкомолекулярных примесей, наложение отдельных стадий процесса и т. д. Динамическая термогравиметрия позволяет не только получить количественные характеристики процесса разложения (температура начала и окончания процесса, степень разложения как функция температуры и др.), но и описать этот процесс с достаточной точностью в виде кинетических уравнений. Существенным недостатком данного метода является большая погрешность при исследовании сжигания топлива в камерных топках, где процесс термического разложения частиц топлива происходит в условиях, близких к изотермическим. Несмотря на это, динамическая термогравиметрия широко используется для изучения термического разложения биотоплива при слоевом сжигании на колосниковых решетках, где прогрев топлива осуществляется равномерно с определенной скоростью и проходит три ярко выраженные стадии (сушки, выхода летучих веществ и горения коксового остатка).

В российской и зарубежной литературе имеется очень мало исследований по изотермической термогравиметрии [1], [2], что связано с большой трудоемкостью производимых экспериментов. В то же время данный метод является наиболее точным и дающий наиболее корректные результаты. Сложность этого метода заключается в правильности выбора температуры и времени выдержки частиц. В основном для исследования процесса термического разложения твердого топлива используются экспериментальные реакторы скоростного нагрева, где высокие температуры (800–1000 °С) достигаются за несколько секунд [4], [5].

В данной работе в качестве реактора скоростного нагрева был использован термоанализатор, позволяющий осуществить нагрев образца с высокой скоростью и осуществить его выдержку при заданной температуре.

Цель исследования. Изучение древесины ели и ее органических компонентов (целлюлозы, гемицеллю-

лозы и лигнина) изотермическим термогравиметрическим методом анализа в воздушной и инертной средах.

Материалы и методы исследования. Отбор древесного топлива осуществлялся при проведении мониторинга качественных показателей биотоплив, организованном на крупных предприятиях лесопромышленного комплекса Архангельской области. После предварительной подготовки и сокращения анализируемые образцы были размолоты в мельнице Retzsch PM 200 и просеяны на ситовом анализаторе Retzsch AS 200 Control для отделения фракции с размером частиц от 63 до 125 мкм. Данный диапазон размеров частиц 63–125 мкм был обоснован результатами методических экспериментов.

Исследование ствольной древесины ели и ее органических компонентов производили в лабораторных условиях, поэтому элементный состав и результаты теплотехнических анализов представлены на аналитическую массу: $C^a = 47,87\%$; $H^a = 6,98\%$; $N^a = 0,33\%$; $Q^a = 36,94\%$; значения влажности, зольности, выхода летучих веществ и низшей теплоты сгорания имели следующие значения: $W^a = 6,89\%$; $A^a = 0,99\%$; $V^a = 79,12\%$; $Q_i^a = 17,04$ МДж/кг.

Термогравиметрическое исследование проводилось на оборудовании компании “ТА Instruments”, модель Q500 [6]. Нагрев биотоплива производился до температур 200, 300, 350, 400 и 450 °C с последующей выдержкой в течение 240 мин. Скорость нагрева составляла 200 °C/мин., что является максимальным значением для термоанализатора данного типа. Исследования проводились как в инертной, так и в воздушной средах. Теплота сгорания биоугля определялась с помощью калориметра ИКА С 2000 basic Version 2 с жидкостным криотермостатом LOIP FT-216-25.

Основная часть

Результаты исследования и их обсуждение. На рис. 1 представлены данные по остаточной массе образцов ели после изотермического нагрева при разных температурах. В среде азота при температурах 400 и 450 °C остаточная масса образцов ели (коксовый остаток) находится в диапазоне 15–18 % от начальной, что соответствует остаточной массе ели после динамического нагрева до температуры 800 °C в инертной среде.

В воздушной среде при данных температурах наблюдается существенно более низкая остаточная масса, примерно равная зольности исходных образцов. Это говорит об их полном термическом разложении и сгорании при данных температурах в воздушной среде.

Согласно [3] деполимеризация целлюлозы, входящей в состав древесной биомассы, происходит в диапазоне температур от 200 до 350 °C, произвольное расщепление гликозидной связи целлюлозы происходит при температурах 275–350 °C, а разложение лигнина в диапазоне 250–500 °C. Исходя из этого, эксперименты по изотермическому разложению топливных образцов, полученных из ствольной древесины ели, проводили при 300 °C с выдержкой в течение 240 мин.

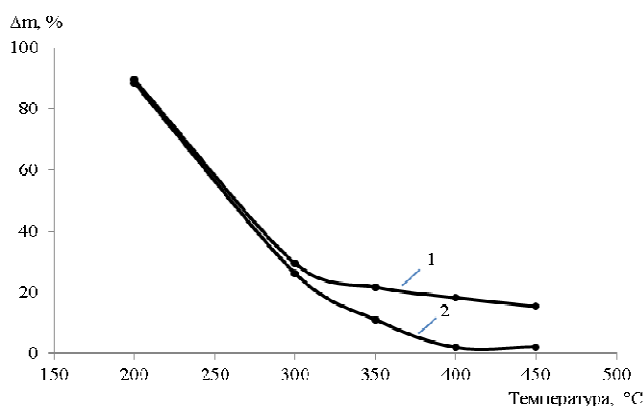

Рис. 1. Остаточная масса образцов ели после нагрева и изотермической выдержки при различных температурах в азотной (1) и воздушной (2) средах

Результаты экспериментов показали, что после нагрева до 250 °C и последующей изотермической выдержке остаточная масса образцов целлюлозы в среде азота составляет 94 %, а в воздушной – 75 %. При повышении температуры нагрева до 300 °C и последующей изотермической выдержке в среде азота и воздуха остаточная масса образцов после разложения целлюлозы составляет примерно 10 %.

Гемичеселлюлоза начинает разлагаться при температуре около 200 °C, при этом наибольшая скорость терморазложения наблюдается при 250 °C. Заканчивается процесс термического разложения при 300–350 °C. Разложение лигнина происходит медленно и идет параллельно с разложением целлюлозы. Разложение целлюлозы достигает своего максимума при температурах 300–350 °C.

На рис. 2–3 представлены результаты термогравиметрии при нагреве испытуемых образцов в воздушной и азотной средах и последующей изотермической выдержке. При этом начальный участок исключен, так как он соответствует динамическому нагреву до необходимой изотермической температуры. Из графиков видно, что при температуре нагрева 200 °C убыль массы образца после его выдержки в течение 240 мин. незначительна и связана преимущественно с потерей влаги. При более высоких температурах наблюдается значительная потеря массы, вызванная выходом летучих веществ и термическим разложением коксового остатка.

Из рис. 2 видно, что после нагрева до 450 °C в среде азота и воздуха и последующей изотермической выдержки ствольная древесина ели полностью разлагается.

Термогравиметрические (ТГ) кривые при нагреве древесного топлива можно рассматривать как результаты термического разложения каждого органического полимера. Главным полимерным компонентом древесины является целлюлоза, поэтому процессы, происходящие с ней, были рассмотрены детально при разных температурах нагрева и последующей изотермической выдержке в течение 4 ч.

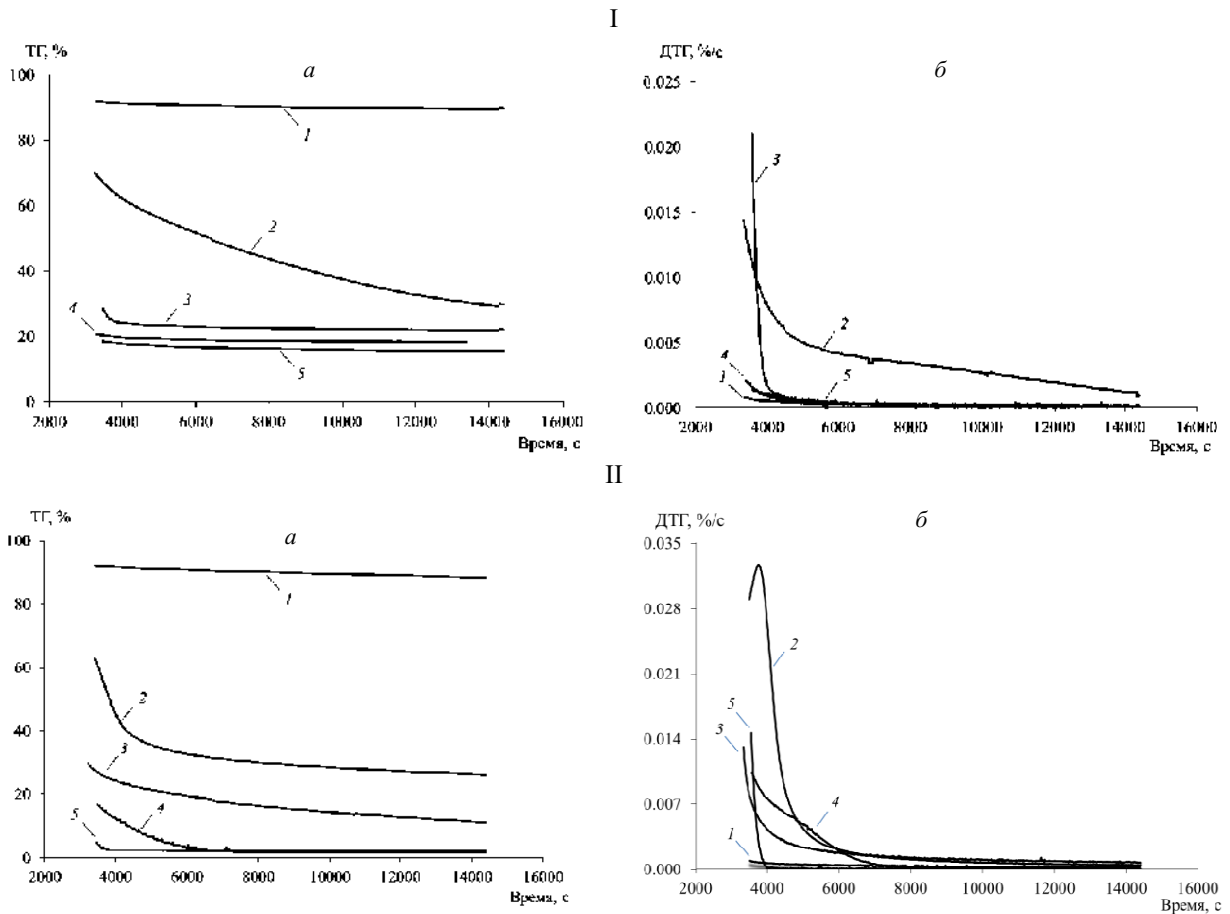

Рис. 2. Результаты ТГ- (а) и ДТГ- (б) исследований образцов ели при нагреве до температур 200 (1), 300 (2), 350 (3), 400 (4) и 450 °С (5) в инертной (I) и воздушной (II) средах и последующей изотермической выдержке

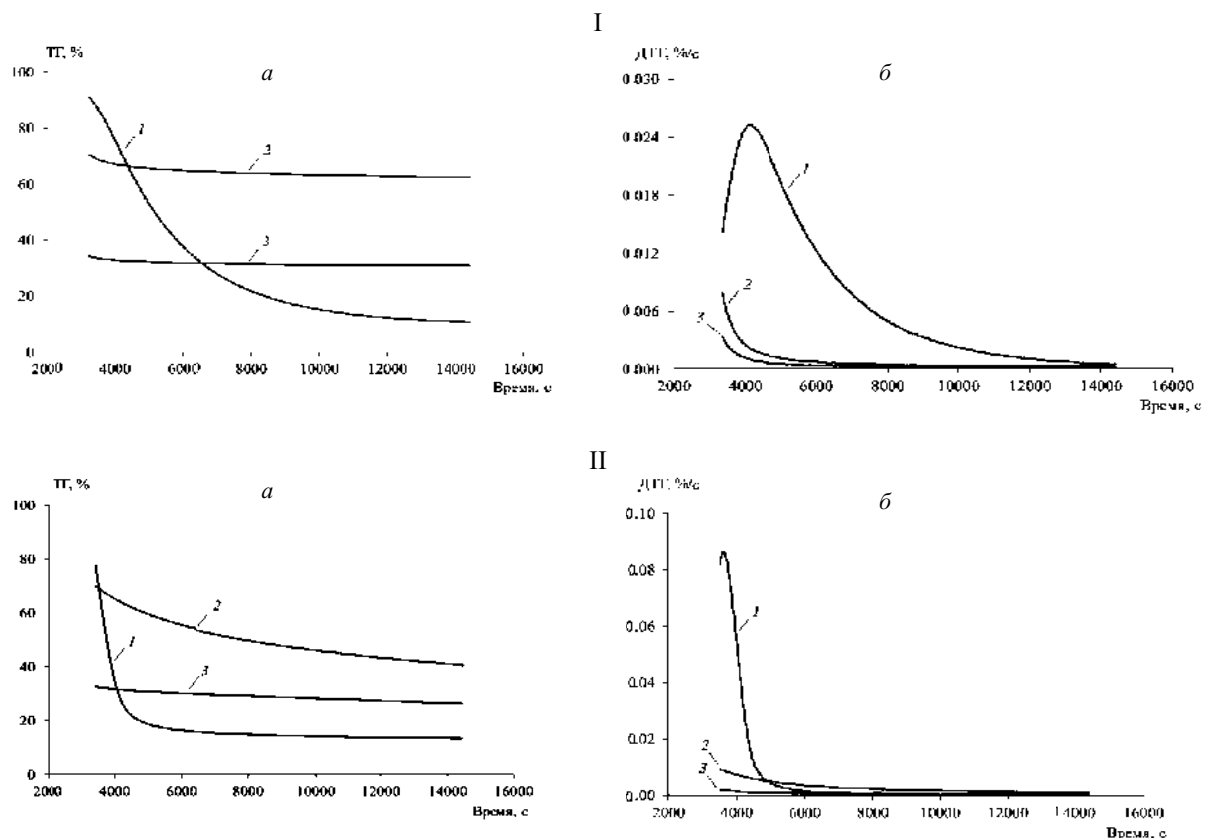

Рис. 3. Результаты ТГ- (а) и ДТГ- (б) исследований целлюлозы (1), лигнина (2) и гемицеллюлозы (3) при нагреве в инертной (I) и воздушной (II) средах до 300 °С и последующей изотермической выдержке

Таблица

Остаточная масса целлюлозы при нагреве и изотермической выдержке

Температура, °С		250	300	350	400	450
Остаточная масса образца, %, в среде	воздуха	74,92	13,13	5,44	1,98	0,62
	азота	93,34	10,78	5,56	4,58	3,62

Целлюлоза разлагается по двум разным механизмам в разных диапазонах температур и средах. Можно заметить, что при 300 °С коксовый остаток целлюлозы при термообработке в воздушной среде больше, чем в инертной. Это говорит о том, что при данной температуре молекулярные связи углерода и кислорода наиболее слабы и разрушаются в первую очередь. При этом отщепленный кислород начинает взаимодействовать в инертной среде, таким образом, осуществляется термическое разложение коксового остатка. В воздушной среде данные молекулы кислорода оказывают лимитирующий эффект на процесс термического разложения древесины, поэтому и остаточное содержание коксового остатка в воздушной среде выше, чем в инертной. При более высоких температурах – 350 °С и выше – процесс стабилизируется и протекает по обычному механизму. Поэтому можно сделать вывод, что целлюлоза разлагается при низких температурах по одному механизму, а при высоких температурах происходит смена механизма разложения целлюлозы.

Выводы

Результаты изотермической термогравиметрии при 300 °С могут быть использованы для определения кинетических параметров: энергии активации и предэкспоненциального фактора. При других температурах 200, 350, 400 и 450 °С не так отчетливо видна убыль массы образцов с течением времени. Тем-

пература 200 °С является слишком низкой для термического разложения древесины, и оно практически отсутствует. При температурах 400 и 450 °С основные процессы термического разложения органической массы ели происходят при нагреве образцов, даже при скорости 200 °С/мин.

Результаты экспериментов показали, что в процессе торрефикации еловой древесины при температуре 300 °С, прежде всего, происходит терморазложение гемицеллюлозы и лигнина, при этом для получения биоугля с удельной теплотой сгорания 24,72 МДж/кг и выходом около 70 % от массы воздушно сухого сырья время изотермической выдержки должно составлять 50 мин. При снижении температурного уровня до 270 °С для получения биоугля с аналогичной теплотой сгорания и массовым выходом потребуется изотермическая выдержка 150 мин., что значительно снизит производительность реактора.

References

1. Jankovich Z.B., Jankovich M.M. Pyrolysis of pine and beech wood samples under isothermal experimental conditions. The determination of kinetic triplets *Cell Chem Technol*, 2013, Vol. 47, pp. 681–697.
2. Jankovich Z.B. The pyrolysis process of wood biomass samples under isothermal experimental conditions – energy density considerations: application of the distributed apparent activation energy model with a mixture of distribution functions *Cell*, 2014, Vol. 21, pp. 2285–2314.
3. Orfao J.J.M., Antunes F.J.A., Figueiredo J.L. Pyrolysis kinetics of lignocellulosic materials – three independent reactions model *Fuel*, 1999, Vol. 78, pp. 349–358.
4. Ra H.W. et al. Devolatilization characteristics of high volatile coal in a wire mesh reactor *J Chem Eng*, 2014, Vol. 31, pp. 1570–1576.
5. Trubetskaya A. et al. Influence of fast pyrolysis conditions on yield and structural transformation of biomass chars *Fuel Proc Techn*, 2015, Vol. 140, pp. 205–214.
6. URL: <http://www.tainstruments.com/product.aspx?siteid=11&id=20&n=1>

УДК 621.311

Л.А. Семенова, Н.Г. Семенова
Оренбургский государственный университет

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО В-СПЛАЙНА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ НЕЛИНЕЙНЫХ ПРОЦЕССОВ В ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Предложен новый алгоритм эмпирической модовой декомпозиции нелинейных сигналов, регистрируемых в электроэнергетических системах, посредством В-сплайн разложения. Представлена математическая модель определения среднего В-сплайна с описанием каждой из процедур: адаптивно-логической коррекции экстремумов; определения вершин В-сплайна; формирования воображаемых вершин; определения средней линии на основе В-сплайн-базиса; интерполяции среднего В-сплайна.

Нелинейный сигнал, эмпирическая модовая декомпозиция, В-сплайн разложение.

A new algorithm of empirical mode decomposition of non-linear signals recorded in electric power systems by B-spline decomposition is suggested. A mathematical model of the average B-spline determining with the each procedure description (adaptive-logical correction of extremum; determining of the B-spline vertices; forming imaginary vertices; determining of the average line on the B-spline basis; interpolation of the average B-spline) is presented.

Введение

Создание и развитие крупных энергообъединений на уровне национальных и транснациональных энергосистем (ЭС) приводит к тому, что ЭС приобретает новые свойства, которые проявляются и в возникновении общесистемных колебаний ее режимных параметров. Для анализа таких регистрируемых нелинейных процессов в энергосистемах нужны методы, способные обеспечить адекватную с определенной степенью точности их идентификацию и по частоте, и по времени, и по амплитуде. Это требуется для выявления и локализации низко- и высокочастотных составляющих, с целью выбора необходимого управляющего воздействия на ЭС. Так как режимное и противоаварийное управление ЭС происходит в режиме on-line, то одним из основных требований к методам спектрально-временного анализа регистрируемых нелинейных процессов является быстрдействие получения результата.

Основная часть

Сравнительный анализ применяемых в настоящее время методов спектрально-временного анализа [1] выявил, что наиболее достоверным при исследовании нелинейных и нестационарных процессов, протекающих в электроэнергетических системах, является эмпирический метод декомпозиции EMD. Сущность метода EMD [6] заключается в итерационной последовательности вычисления эмпирических мод $c_j(t)$ и остатков $r_j(t) = r_{j-1}(t) - c_j(t)$, где $j = 1, 2, \dots, n$ при $r_0 = x(t)$. В результате чего исследуемый нелинейный сигнал может быть представлен в виде суммы модовых функций $c_j(t)$ и конечного остатка $r_n(t)$:

$$x(t) = \sum_{j=1}^n c_j(t) + r_n(t), \quad (1)$$

где $x(t)$ – анализируемый нелинейный сигнал; n – количество эмпирических мод, которое определяется в ходе вычислений.

В настоящее время классический алгоритм EMD с применением кубических аппроксимирующих функций, как отмечено в [6], включает в себя следующие этапы:

- 1) идентификация экстремумов $u_{\max}$ и $u_{\min}$ сигнала $x(t)$;
- 2) построение огибающих: верхней, аппроксимирующей локальные максимумы ($u_{\max}(t)$) и нижней, аппроксимирующей локальные минимумы ($u_{\min}(t)$);
- 3) определение средней $m(t)$ в каждый момент времени между огибающими $m(t) = \frac{u_{\max}(t) + u_{\min}(t)}{2}$;
- 4) извлечение мод $c(t) = x(t) - m(t)$;
- 5) повтор этапов 1-4 к $r(t) = x(t) - c(t)$;

б) проверка на завершение итерационного процесса.

В случае наличия погрешностей (измерительные, инструментальные, случайные) в регистрируемом сигнале, при использовании классического алгоритма EMD с применением кубических аппроксимирующих функций, они будут включены (перенесены) в выделяемые модовые функции $c_j(t)$. Поскольку модовая декомпозиция носит итерационный характер, следовательно, ошибки разложения будут рекурсивно накапливаться. Нивелирование погрешностей, в том числе осцилляций модовых функций, как отмечено в работе [2], целесообразно осуществлять применением B-сплайна, который формирует кривую сглаженной формы, не проходящую через узловые точки [4]. В связи с этим для повышения эффективности спектрально-временного анализа процессов, протекающих в электроэнергетических системах, авторами предложен новый алгоритм, отличающийся от классического следующим:

– использованием кубической B-сплайновой аппроксимации для построения средней $b_m(t)$;

– уменьшением количества этапов алгоритма.

В данной работе рассмотрено определение среднего B-сплайна $b_m(t)$ для нелинейного сигнала. С целью выявления связи локальных экстремумов и средних значений в процессе отсеивания мод, в соответствии с рекомендациями в [5], предложены следующие процедуры:

– адаптивно-логическая коррекция экстремумов на концах исходного сигнала;

– определение вершин сплайна;

– формирование воображаемых вершин сплайна;

– определение средней линии на основе B-сплайн-базиса;

– интерполяция среднего B-сплайна.

Необходимость проведения *первой процедуры* обусловлена тем, что в большинстве случаев «края» исходного сигнала не содержат экстремумов, что вносит неопределенность при построении средней линии, которая, в свою очередь, влияет на корректность выделения эмпирических мод. Сущность адаптивно-логической коррекции заключается в анализе поведения сигнала в начальный и конечный моменты времени исследования [3]. Возможны две ситуации.

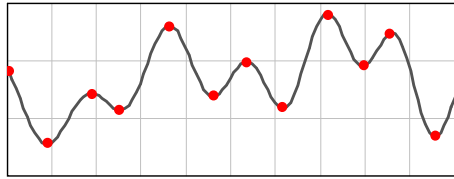
Первая ситуация: по краям сигнал увеличивается или уменьшается без зафиксированных экстремумов (начальная точка сигнала на рис. 1а и конечная точка сигнала на рис. 1б). В этом случае крайним точкам сигнала присваивается статус экстремума, выраженные (2), (3):

– для начальной точки: если $Y_{S_0} > Y_{ext_0}$ и $Y_{S_0} \geq Y_{ext_1}$ или $Y_{S_0} < Y_{ext_0}$ и $Y_{S_0} \leq Y_{ext_1}$, то:

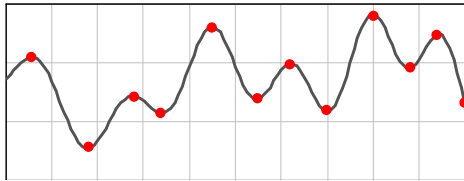
$$X_{ext-1} = X_0, \quad Y_{ext-1} = Y_0; \quad (2)$$

– для последней точки: если $Y_{S_p} > Y_{ext_n}$ и $Y_{S_p} \geq Y_{ext_{n-1}}$ или $Y_{S_p} < Y_{ext_n}$ и $Y_{S_p} \leq Y_{ext_{n-1}}$, то:

$$X_{ext_{n+1}} = X_{S_p}, \quad Y_{ext_{n+1}} = Y_{S_p}. \quad (3)$$

а)

б)

Рис. 1. Примеры адаптивно-логической коррекции экстремумов

Вторая ситуация: крайние точки сигнала располагаются между двумя крайними локализованными экстремумами (конечная точка сигнала на рис. 1а и начальная точка сигнала на рис. 1б):

– для начальной точки: если $Y_{S_0} > Y_{ext_0}$ и $Y_{S_0} < Y_{ext_1}$ или $Y_{S_0} < Y_{ext_1}$ и $Y_{S_0} > Y_{ext_1}$;

– для последней точки: если $Y_{S_p} > Y_{ext_n}$ и $Y_{S_p} < Y_{ext_{n-1}}$ или $Y_{S_p} < Y_{ext_n}$ и $Y_{S_p} > Y_{ext_{n-1}}$.

В этих случаях коррекция экстремумов не производится.

Вторая процедура определения среднего B -сплайна $b_m(t)$ заключается в определении $\lambda_{j,k}$ – вершин сплайна k -го порядка, которые могут быть вычислены по координатам локализованных экстремумов ($ext_j; j \in Z$):

$$\lambda_{j,k} = \frac{1}{2^{k-2}} \sum_{l=0}^{k-2} \binom{k-2}{l} \cdot ext_{j+l}. \quad (4)$$

Выражение (4) – биномиальное среднее значение экстремума, которое для кубического сплайна ($k = 4$) принимает вид:

$$\lambda_{j,4} = \frac{1}{4} [ext_{j+1} + 2 \cdot ext_{j+2} + ext_{j+3}]. \quad (5)$$

Определить биномиальные средние значения экстремумов непосредственно в крайних точках исследуемого сигнала невозможно, поскольку первая и последняя вершины, определенные по (5), будут располагаться в треугольниках $ext_0 ext_1 ext_2$ (рис. 2а) и $ext_{n-2} ext_{n-1} ext_n$ (рис. 2б) соответственно. Учитывая то, что λ_j используются для построения среднего

B -сплайна, принято допущение о совпадении положений λ_0 и λ_m с абсциссами крайних точек исследуемого сигнала, тогда ординаты вершин определяются как полусумма значений крайних экстремумов:

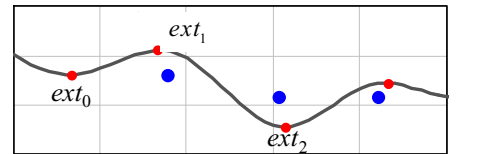
– для начальной вершины λ_0 (рис. 2в):

$$Y(\lambda_0) = \frac{Y_{ext_0} + Y_{ext_1}}{2}, \quad (6)$$

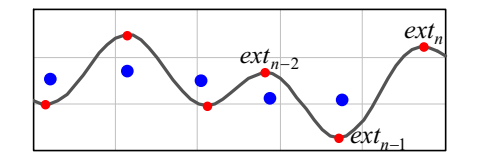
– для последней вершины λ_m (рис. 2г):

$$Y(\lambda_m) = \frac{Y_{ext_{n-1}} + Y_{ext_n}}{2}. \quad (7)$$

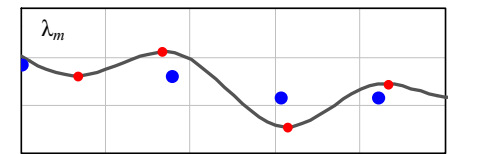
Формирование воображаемых вершин в *третьей процедуре* необходимо ввиду одного из основных свойств B -сплайновой кривой: ее форма однозначно задается координатами опорных вершин, но, как правило, кривая только приближается к опорным вершинам и может не проходить ни через одну из них.

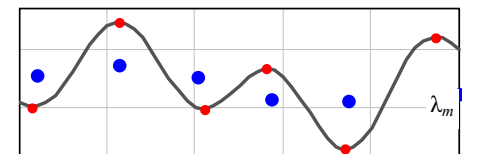
а)

б)

в)

г)

Рис. 2. Иллюстрация определения вершин сплайна на концах сигнала

С одной стороны, это свойство оказывается полезным, особенно когда исходные данные неравномерно распределены вдоль оси абсцисс, что влечет за собой появление «острых вершин» (биномиальных средних значений экстремумов), или исходные дан-

ные содержат в себе существенные погрешности, которые автоматически переносятся на средний B -сплайн. Сглаженную форму средней B -сплайновой кривой можно рассматривать как местоположение наиболее вероятных значений биномиальных средних экстремумов, определенных по выражениям (4)–(7).

С другой стороны, сформированный сплайн не проходит и через крайние вершины: его начало располагается в треугольнике $\lambda_0\lambda_1\lambda_2$ (рис. 3а), а конец – в треугольнике $\lambda_{m-2}\lambda_{m-1}\lambda_m$ (рис. 3б), что обуславливает искажение (непредсказуемость) модовой функции на начальном и конечном интервалах.

Для исключения непредсказуемости выделения модовой функции можно воспользоваться вспомогательными, так называемыми, воображаемыми вершинами. Как отмечалось ранее, расположение начальной и конечной точек B -сплайна известно: это треугольники определяющего его массива биномиальных средних значений экстремумов $\lambda_0\lambda_1\lambda_2$ и $\lambda_{m-2}\lambda_{m-1}\lambda_m$ соответственно. Подбором вспомогательных вершин можно добиться того, чтобы начальная точка кубической B -сплайновой кривой располагалась ближе к вершине λ_0 и даже совпадала с ней. Аналогичных результатов можно добиться и для конечной точки.

Воображаемые вершины λ_{-1} и λ_{m+1} в дополнении к массиву $\lambda_0, \dots, \lambda_m$ определяются:

$$\lambda_{-1} = 2\lambda_0 - \lambda_1, \quad \lambda_{m+1} = 2\lambda_m - \lambda_{m-1}. \quad (8)$$

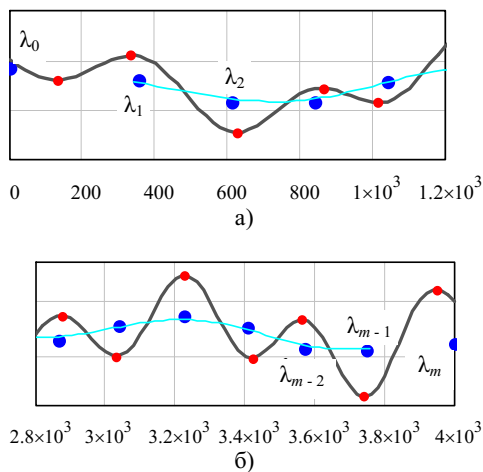

Рис. 3. Фрагменты среднего B -сплайна на начальном (а) и конечном (б) интервалах без вспомогательных вершин

Таким образом, кубический B -сплайн строится по новому массиву: $\lambda_{-1}, \lambda_0, \dots, \lambda_m, \lambda_{m+1}$, начинаясь в вершине λ_0 и заканчиваясь в вершине λ_m (рис. 4).

Четвертая процедура заключается в построении средней B -сплайновой кривой, которая на интервале $[\lambda_j, \lambda_{j+1}]$ представляет собой B -сплайн-базис k -го порядка, описываемый выражением [4]:

$$B_k(t) = \sum_{j \in Z} \lambda_{j,k} \cdot N_{j,k}(t), \quad (9)$$

где $\lambda_{j,k}$ – вершины сплайна k -го порядка, определенные при выполнении первой процедуры; $N_{j,k}(t)$ – весовые множители j -ой B -сплайновой кривой порядка k .

Весовые множители выражения (9) определяются:

$$\begin{aligned} N_0(t) &= \frac{(1-t)^3}{6}; & N_2(t) &= \frac{-3t^3 + 3t^2 + 3t + 1}{6}; \\ N_1(t) &= \frac{3t^3 - 6t^2 + 4}{6}; & N_3(t) &= \frac{t^3}{6}. \end{aligned} \quad (10)$$

Как правило, значения среднего B -сплайна будут определены в моменты времени, не совпадающие с регистрируемыми моментами времени исследуемого сигнала. Это несовпадение приводит к некорректному определению разности между исследуемым сигналом и средним B -сплайном при дальнейшем разложении исследуемого сигнала на эмпирические моды. В связи с этим в работе предложено ввести процедуру интерполяции, позволяющую определить значения среднего B -сплайна в моменты времени исследуемого сигнала.

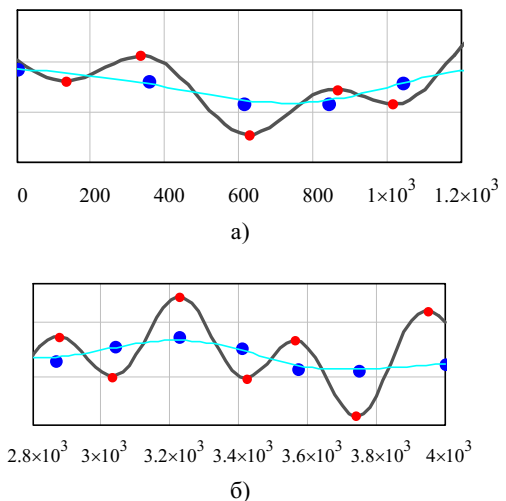

Рис. 4. Фрагменты среднего B -сплайна на начальном (а) и конечном (б) интервалах с учетом воображаемых вершин

При выполнении **пятой процедуры** в работе использована кусочно-линейная интерполяция, позволяющая на каждом интервале $[\lambda_i, \lambda_{i+1}]$ представить функцию в виде:

$$F(t) = k_i(t - \lambda_i) + f_i, \quad (11)$$

где $k_i = \frac{f_{i+1} - f_i}{\lambda_{i+1} - \lambda_i}$; t – регистрируемые моменты времени исследуемого сигнала, $\lambda_i \leq t \leq \lambda_{i+1}$; f_i – значение среднего B -сплайна в точке λ_i .

На рис. 5 приведены результаты построения среднего B -сплайна для нелинейного сигнала.

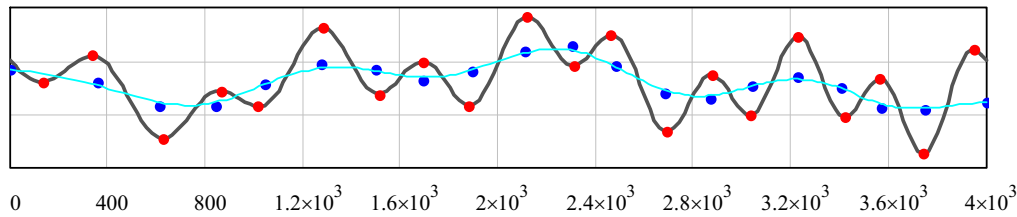

Рис. 5. Результаты построения среднего B -сплайна $b(t)$

Машинное время программной реализации алгоритма разложения сигнала на эмпирические моды с заданным значением среднеквадратичного отклонения реконструкции сигнала ($\sigma = 0,25$) с апробацией предложенной математической модели определения среднего B -сплайна $b_m(t)$ составила $t = 18,1$ с. Для сравнения: продолжительность работы программы по классическому алгоритму с тем же значением σ составляет $t = 34,4$ с.

Выводы:

1. Для идентификации регистрограмм электроэнергетических систем по частоте, времени, амплитуде целесообразно применять B -сплайн разложение нелинейного сигнала.

2. Разработана новая математическая модель определения среднего B -сплайна $b_m(t)$ при исследовании нелинейных сигналов, включающая следующие процедуры:

- адаптивно-логическая коррекция экстремумов;
- определение вершин B -сплайна;
- формирование воображаемых вершин $b_m(t)$;
- определение средней линии на основе B -сплайн-базиса;
- интерполяция среднего B -сплайна $b_m(t)$.

3. Программная реализация алгоритма EMD (анализа нелинейных процессов электроэнергетических систем) посредством B -сплайн разложения повышает быстродействие получения результатов идентификации регистрограмм электроэнергетических систем в 1,9 раза по сравнению с классическим обобщенным алгоритмом EMD.

Литература

1. Бердин А.С., Семенова Л.А. Выбор метода частотно-временного анализа для анализа регистрируемых процессов в энергосистемах // Энергетика: состояние, проблемы, перспективы: Труды Всероссийской научно-технической конференции (Оренбург, 23–25 октября 2012 г.). Оренбург, 2012. С. 132–137.

2. Бердин А.С. и др. Кубическая сплайновая интерполяция и аппроксимация для мониторинга переходных режимов в энергетических системах // Электроэнергетика глазами молодежи: Научные труды III Международной научно-технической конференции (Екатеринбург, 22–26 октября 2012 г.): в 2 т. Екатеринбург, 2012. Т. 1. С. 139–143.

3. Давыдов В.А., Давыдов А.В. Уменьшение краевых эффектов при выполнении эмпирической модовой декомпозиции сигналов преобразования Гильберта-Хуанга // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. 2011. № 1. URL: <http://www.actualresearch.ru>

4. Шикин Е.В., Плис Л.И. Кривые и поверхности на экране компьютера. Руководство по сплайнам для пользователей. М., 1996.

5. Chen Q., Huang N.E., Riemenschneider S., Xu Y. A B -spline approach for empirical mode decompositions. Advances in Computational Mathematics, 24(1-4):171–195, 2006.

6. Norden E. Huang., Samuel S.P. Shen The Hilbert-Huang transform and its applications World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd. 5 Toh Tuck. Link, Singapore 596224.

References

1. Berdin A.S., Semenova L.A. Vyibor metoda chastotno-vremennogo analiza dlya analiza registriruemyykh protsessov v energosistemah [The choice of method of time-frequency analysis for analyzing the logged processes in power systems]. Energetika: sostoyanie, problemy, perspektivy: Trudy Vserossiyskoi nauchno-tekhnicheskoi konferencii [Energy: state, problems, perspectives: Proceedings of Russian scientific-technical conference] (Orenburg, 23–25 october 2012). Orenburg, 2012, pp. 132–137.

2. Berdin A.S. et al. Kubicheskaya splaynovaya interpolatsiya i approksimatsiya dlya monitoringa perehodnykh rezhimov v energeticheskikh sistemah [Cubic spline interpolation and approximation for monitoring transients in power systems]. Elektroenergetika glazami molodezhi: nauchnyye trudy III Mezhdunarodnoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii (Ekaterinburg, 22–26 oktyabrya 2012 g.): v 2 t. [The electric power industry through the eyes of youth: scientific papers III International scientific and technical conference (Ekaterinburg, Russia, 22–26 October 2012): in 2 volumes]. Ekaterinburg, 2012. T. 1, pp. 139–143.

3. Davydov V.A., Davydov A.V. Umen'shenie kraevykh ehffektov pri vypolnenii ehmpiricheskoi modovoi dekompozitsii signalov preobrazovaniya Gilberta-Huanga [Reducing edge effects when performing empirical mode decomposition of signals transformations of the Hilbert-Huang] Aktualnye innovatsionnye issledovaniya: nauka i praktika [Current innovation research: science and practice], 2011, № 1. URL: <http://www.actualresearch.ru>

4. Shikin E.V., Plis L.I. Krivyye i poverhnosti na ekrane kompyutera. Rukovodstvo po splaynam dlya polzovatelei [Curves and surfaces on the computer screen. Manual on splines for the user]. Moscow, 1996.

5. Chen Q., Huang N.E., Riemenschneider S., Xu Y. A B -spline approach for empirical mode decompositions. Advances in Computational Mathematics, 24(1-4):171–195, 2006.

6. Norden E. Huang., Samuel S.P. Shen The Hilbert-Huang transform and its applications World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd. 5 Toh Tuck. Link, Singapore 596224.

Региональный научный семинар «Конкретное литературоведение: проблемы и перспективы»

11 декабря 2015 г. на кафедре отечественной филологии и прикладных коммуникаций ЧГУ прошел региональный научный семинар, посвященный памяти Риммы Михайловны Лазарчук (1940–2012), профессора, доктора филологических наук, специалиста по русской литературе и культуре XVIII–XIX вв.

Семинар был приурочен к 75-летию со дня ее рождения и посвящен проблемам «конкретного литературоведения». Это направление, название которому дал академик Д.С. Лихачев, было особенно близко Р.М. Лазарчук, которая в своих исследованиях всегда опиралась на работу с архивами. Отличительными чертами ее подхода к изучению литературы были опора на факт, тщательное изучение историко-литературного контекста и биографических материалов, – всего, что могло бы помочь в понимании литературного произведения. Во всех ее работах, будь то монографии «Литературная и театральная Вологда 1770–1800-х годов: из архивных разысканий» (Вологда, 1999), «К.Н. Батюшков и Вологодский край: из архивных разысканий» (Череповец, 2007), сборник научных трудов под ее редакцией «Батюшков: исследования и материалы» (Череповец, 2002), статьи, которые она публиковала и в таких солидных изданиях, как «XVIII век», «Словарь русских писателей XVIII века», журнал «Русская литература», и в краеведческих альманахах, и даже в прессе – всегда было что-то новое, еще неизвестное научному сообществу. Коллеги с кафедры русской литературы Тартуского университета в некрологе отмечали ее «необычайную зыскательность, требовательность к себе, приводившую к беспрестанным архивным изысканиям, к проверке и перепроверке фактов» и резюмировали: «такого рода научные работы не устаревают»¹.

Р.М. Лазарчук старалась привить любовь к истине и своим ученикам – студентам и аспирантам. Она разработала программу для аспирантов «Конкретное литературоведение», чтобы, анализируя работы выдающихся отечественных литературоведов, будущие ученые приобретали навыки ответственного отношения к исследованиям.

Организаторы научного семинара предложили участникам поразмышлять о специфике «конкретного литературоведения», его месте в отечественной науке, проблемах и перспективах. В семинаре приняли участие ученые – литературоведы и лингвисты, краеведы, сотрудники библиотек и музеев из Вологды и Череповца.

В первой, мемориальной части с воспоминаниями о жизни и научно-педагогической деятельности выступили заведующая кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций профессор, доктор филологических наук Е.В. Грудева, доцент кафедры, кандидат филологических наук Л.И. Киселева, сотрудник библиотеки ЧГУ Г.В. Голованова. Об изучении архива Р.М. Лазарчук рассказала доцент кафедры ОФиПК ЧГУ кандидат филологических наук М.Ю. Трубицына, руководившая архивной практикой студентов-филологов. О книгах Риммы Михайловны, которые хранятся в фондах Вологодской областной универсально-научной библиотеки, рассказала Н.Н. Фарутина, заведующий отделом редкой книги ВОУНБ. Специально для семинара была развернута выставка книг и документов из личного архива Р.М. Лазарчук, которые находятся в фондах Вологодской областной универсально-научной библиотеки, Центральной городской библиотеки им. В.В. Верещагина, на кафедре отечественной филологии и прикладных коммуникаций. Директор Мяксинской школы, краевед, член Батюшковского общества В.Л. Леонтьев представил видеоматериалы из школьного архива – выступление Риммы Михайловны Лазарчук.

---

¹ Скончалась Римма Михайловна Лазарчук // Ruthenia. – URL: <http://www.ruthenia.ru/document/551702.html>

КОНФЕРЕНЦИЯ

Вступительное слово заведующего кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций
Е.В. Грузевой

Выставка книг и документов из личного архива
Р.М. Лазарчук

Выступление кандидата филологических наук
Л.И. Киселевой

Во второй части обсуждались проблемы «конкретного литературоведения». С докладом, анализирующим само понятие «конкретное литературоведение», его отличительные черты, выступила доцент, кандидат филологических наук Е.Е. Соловьева. Профессор, доктор филологических наук А.В. Чернов представил новые материалы о деятельности И.А. Милютин как публициста. Е.Ю. Иванова, кандидат филологических наук, учитель Женской гуманитарной гимназии, ученица Р.М. Лазарчук, рассказала о любопытном факте публикации в одной книге двух повестей в стихах – «Графа Нулина» Пушкина и «Бала» Баратынского. Краевед из Вологды О.В. Шигаревская поделилась своим открытием малоизвестной усадьбы Брянчаниновых, в котором провела детство и юность С.А. Брянчанинова, дочь помещика и литератора А.М. Брянчанинова и мать свт. Игнатия, епископа Кавказского и Черноморского. О судьбе памятника К.Н. Батюшкову в Спасо-Прилуцком Свято-Димитриевом монастыре рассказала краевед из Вологды И.В. Чекалова. В докладах были представлены разные грани «конкретного литературоведения».

Доклад директора Гуманитарного института А.В. Чернова

На семинаре присутствовали преподаватели и студенты ЧГУ, сотрудники музеев и библиотек, краеведы из Вологды и Череповца

К сожалению, не все желающие смогли приехать в Череповец на памятную встречу. Коллеги Р.М. Лазарчук из Санкт-Петербурга, Пскова, Магнитогорска, откликнулись на приглашение, прислав свои статьи. Мы представляем подборку материалов, в которых раскрываются различные аспекты того научного подхода, который Д.С. Лихачев назвал «конкретным литературоведением».

Е.Е. Соловьева

Часть 1. Конкретное литературоведение: проблемы и перспективы (Материалы регионального научного семинара)

УДК 82-111-852

Е.И. Анненкова

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
(г. Санкт-Петербург)*

МОЛОДОЙ КОНСТАНТИН АКСАКОВ: ПРОБЛЕМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Работа выполнена при поддержке РГНФ, научный проект № 14-04-00376а

В статье рассматривается ранний этап творческого пути К.С. Аксакова: середина 1830-х гг., время, когда будущий славянофил предпринимает первые опыты самопознания. Они нашли выражение в ранних записных книжках, в письмах 1836 г., адресованных М.Г. Карташевской, в лирических стихотворениях. Предметом осмысления Аксакова становятся такие понятия как чудесное, сверхъестественное, Бог, вера, убеждение, творчество, философское познание. В статье намечены основные направления творческой эволюции будущего публициста и литературного критика. Впервые публикуются фрагменты текстов, не становившихся предметом научного анализа.

Письма, записные книжки, поэзия, тайна, мироздание, бесконечность, сомнамбулизм, магнетизм.

The article deals with the early stage of K.S. Aksakov's career: mid-1830, the time, when the future Slavophile was having his first experience of self-knowledge. They were expressed in his early notebooks, letters of 1836, addressed to M.G. Kartashevskaya and in lyric poems. Aksakov thought about such things as miracles, the supernatural things, God, faith, belief, art and philosophical knowledge. The article outlines the main directions of Aksakov's future creative evolution as the essayist and literary critic. The texts which have not been studied earlier are first published in the article.

Letters, notebooks, poetry, mystery, universe, infinity, somnambulism, magnetism.

Введение

К.С. Аксаков, вошедший в историю русской общественной мысли как один из ведущих деятелей славянофильства, в 1830-е гг. – поэт-романтик, переводчик, автор фантастических повестей, выразивший, наряду со своими современниками, эпоху поисков романтического универсализма, философской эстетики, синтеза поэзии и мысли. Все это уже было предметом внимания исследователей. Но внутренний мир молодого Аксакова более сложен, чем это может показаться на первый взгляд. Одновременно глубина и наивность его юношеского мышления проявляется не только в написанных во второй половине 1830-х гг. художественных произведениях (повестях и лирике), но и в письмах, заметках, записных книжках, не опубликованных в полной мере до сих пор. Процесс самоопределения Аксакова интересен как сам по себе (он позволяет реконструировать личность будущего славянофила на ранних этапах ее становления), так и для уяснения тех философско-эстетических и духовных процессов, которые совершались в эпоху романтизма, далеко не всегда выходя на поверхность, а достаточно часто оставаясь в сфере

потаянной, скрытой от чужих глаз духовной жизни, нередко – эклектической, сумбурной, но переживаемой личностью напряженно и подчас болезненно. Римма Михайловна Лазарчук как-то в личной беседе говорила, что ей нравится, взяв за основу какой-либо конкретный факт или частное, на первый взгляд, суждение, искать далее уже концептуальное объяснение позиции того или иного литератора. Думается, и ранние тексты К.С. Аксакова, не имеющие как будто особой эстетической ценности, могут оказаться полезными для понимания его духовного пути.

Основная часть

Самоопределение молодого Аксакова – это, конечно, прежде всего, становление мировоззренческое, философское, но интересен и психологический, глубоко личный аспект. Измерять ценность тех или иных суждений старшего сына Аксаковых в пору его становления строго философским критерием не вполне продуктивно: из-под его пера не выходят философские трактаты, да и не только трудами мыслителей осуществлялось развитие русской литературы.

Во второй половине 1830-х гг. Аксаков довольно много размышляет о себе. Можно лишь удивляться, что ощущая себя так органично, тепло, комфортно в отчем доме, он был столь в себе неуверен, столь многое считал необходимым в себе изменить, сохраняя при этом свое «я». В этот небольшой отрезок времени он успевает прожить несколько периодов: увлечение кружком Н.В. Станкевича и отход от него; любовь к М.Г. Карташевской, позволившую Аксакову достаточно полно выразить его эстетические устремления, – и расставание, происшедшее по воли ее родителей; поездку в «чужие края», побудившую задуматься об отношениях России и Запада, заронившую славянофильские чувства и укрепившую готовность заниматься филологическими трудами. Все это находит выражение в его письмах, позволяющих понять, каким был эмоционально-психологический контекст зарождения славянофильских настроений.

Один из ранних документов, представляющих историко-литературную ценность, – Записная книжка Аксакова, которая заполняется им с ноября 1834 до начала сентября 1836 гг. [1]¹. Это не столько традиционная книжка писателя, пусть и начинающего, сколько дневник, правда, не всегда оформленный в виде подневных записей. Если в более ранних, практически детских записных книжках (1830) Аксаков набрасывает фрагменты задуманных им художественных произведений, в которых уже просматривается его интерес к отечественной истории и увлечение романтической эстетикой, то в книжке, которая начата в 1834 г., довольно много признаний в тех внутренних сомнениях, которые он испытывает и которые нередко угнетают его. Эпиграфом (а учитывая, что фраза написана на отдельном листе) и своеобразным заглавием составляемого текста, становится фраза из пушкинского стихотворения – «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Страдания и мысли молодого Аксакова и находят выражения в Записной книжке 1834 г.

Можно выделить темы, которые являются, во-первых, сквозными (к ним Аксаков неоднократно возвращается, дополняя и уточняя первоначальное содержание записи), во-вторых, свидетельствующими о направленности размышлений именно молодого Аксакова, еще не заявившего о себе на литературном поприще, но помышляющего о нем. Влечение к полемике, к публичному высказыванию, присущее зрелому Аксакову-славянофилу, проявляется уже на раннем этапе и, что наиболее интересно, становится предметом рефлексии. В одной из первых записей он поясняет, почему так привлекателен для него **спор**: «Я люблю спор по трем причинам: 1) потому что собственное мнение становится яснее <...> удовлетворительнее; 2) потому что тут узнается истина, если бы при (нрзб) и чужое мнение; 3) люблю спор **именно** для него. Борьба для меня блаженство» [1, л. 5] (Здесь и далее подчеркнуто Аксаковым – Е.А.).

¹ Выражаю глубочайшую благодарность Марине Дмитриевне Кузьминой, позволившей мне познакомиться с копией рукописи Записной книжки Аксакова и опубликовать отдельные фрагменты

Далее приводится спор о женщинах, который Аксаков ведет со своим приятелем, считающим (или поддразнивающим молодого и пылкого собеседника), что женщина «должна только служить забавою для мужчины» [1, л. 3]. «Это такой материализм!» [1, л. 3 об.], – восклицает Аксаков и дальше пускается в рассуждения, **что** есть мужчина (называя сочетание «силы, ума и воли»), а **что** – женщина (которая «хотя и есть дополнение мужчины, но это дополнение составляет самую чистую, святую, божественную его часть»), «она – вечный источник его духовной жизни» [1, л. 3 об.]. Достаточно подробно описав полемику, а точнее, зафиксировав свои высказывания, он комментирует: «Я очень был рад этому спору: в нем отразилось и развернулось мое понятие о женщинах, которое прежде было темно, или, если было, спало во мне» [1, л. 4].

Основным предметом анализа, конечно, становится собственная личность, **свое «я»**, как в собственном содержании, так и в отношениях с другими. «Если делают мне приятное из угождения, то оно мне вовсе не приятно: мне кажется, это какой-то обман. Если станут указывать на какое-то хорошее чувство, выставлять его наружу, хвалить его, как бы оно хорошо ни было, я от него отвращусь» [1, л. 10]. «О, я хочу делать добро и даже могу; я услужлив, но хочу, не люблю, чтобы другой считал меня обязанным; одна эта мысль, что другой должен мне быть благодарным, должен, должен... уже мне противна, меня расстраивает. Мне очень приятно было бы, чтобы мне были благодарны, но без изъявления и не по какой-то обязанности. Я никого не хотел бы сделать своим должником в деле чувства...» [1, л. 13]. «Я не желаю никем быть, кроме себя; я такой эгоист: я лучше хочу быть дурным самобытно, чем хорошим переимчиво, зависимо» [1, л. 12 об.]. «Нигде мне так не хорошо, как в мире мечтаний, в мире воспоминаний» [1, л. 13 об.]. «Я, идеалист в высшей степени, чуть не сделался материалистом; по крайней мере, я теперь вижу, что материализм имеет основания, да еще какие» [1, л. 14 об.]. «Сомнение – вот слово, вот острый меч, рассекающий все; ничто не убежит от него, ни даже истина нашего бытия» [1, л. 12 об.].

Сомнения не только в самом себе, но и более общего мировоззренческого плана Аксакову довелось испытать именно в раннюю пору жизни: «Помню, помню... Рано начались мои сомнения. Когда я в первый раз стал говеть (мне было 12), вдруг сомнение врезалось в мою душу, сомнение о бытии И[исуса] Х[риста]. Вся неделя для меня была ужасной. Я молился Богу и в то самое время, когда поднимал руку, идя к Причастию [?], я думал, что Христос есть заблуждение, старался всячески отогнать мысль эту, и тем чаще представлялась мне она. Наконец, я положил полтинник на свечку для утишения мучения и (такова сила воли у вер[ующих]: на какой бы предмет ни обращалась она и какое бы средство ни выбирала), оно утихло и, наконец, совсем исчезло...» [1, л. 11]. «Когда человек молится, то, молясь Богу, молится он сам себе; молитва есть не что иное, как сильное желание, которое исполняется по мере степени воли и веры, с какою произносится. Эту волю и веру (волю в образе веры, ибо че-

ловек слаб) находит он в самом себе; итак, в самом в нем заключается и желание, и исполнение, он в самом себе носит Божество, но Божество в семени, и это семя может произрастить дерево. И[исус] Х[ристос], человек в высшей степени, – этому пример, он есть преобразование будущей судьбы человека» [1, л.13–13 об.].

Можно видеть, что Аксаков не столько погружается в философские, тем более – богословские вопросы (они, в собственном их содержании, от молодого поэта далеки, да и в полноте их ему недоступны), сколько пытается прочувствовать и определить свое место в том необъятном мироздании, к которому мысль его устремляется одновременно с энтузиазмом и опаской. Это стремление к познанию неизведанного, готовность во что бы то ни стало проникнуть в «божественные тайны» (как будет сказано в одном из стихотворений), и в то же время – неуверенность в себе; традиционное для романтизма понимание, что не дано человеку, даже избранному, в полной мере высказать «невыразимое», – и готовность исследовать свое внутреннее «я» с бесстрашием экспериментатора – проступает во всех ранних текстах Аксакова; везде можно видеть потребность лично, глубоко искренне погрузиться в осмысление тех проблем, которые и влекут, и беспокоят, и побуждают к диалогу. Можно сказать, что именно в ранние годы формируются определяющие черты аксаковского сознания: интенсивность самоосмысления, готовность критически взглянуть на себя, но при этом не отказаться от заветных убеждений. «Как бы мне хотелось взглянуть на себя со стороны» [1, л. 6], – сказано уже на первых листах Записной книжки. Взглядом со стороны (но взглядом сочувственным) он хотел бы увидеть себя внутреннего, который столь исполнен сомнений, неуверенности и который, вместе с тем, так открыт миру.

«Не могу высказаться» – своеобразный рефрен записок Аксакова. Он присутствует и в поэтических текстах, хотя стихотворения середины 1830-х гг. как раз свидетельствуют, что в поэзии ему удается выразить себя, но тяготит, удручает то, что в непосредственном общении он неловок, «глуп и смешон» [1, л. 6 об.]. «Боже мой! Боже мой! Непонятнее и непонятнее окружает меня мир, непонятнее и непонятнее становлюсь я себе в нем. Да, я – урод, я – нелепое произведение природы. Я не могу гармонировать с людьми и с миром. Я мучусь, тоскую и не могу передать им, что чувствую: они меня не понимают. Не могу передать себя» [1, л. 29]. Не потому ли поздний Аксаков обретет, выработает в себе способность выражать себя в слове, в публичном диспуте, но, в известном смысле, закроет свое внутреннее «я», перестанет вести дневники и делать личные признания в письмах. Может быть, поймет, что общественное самовыражение ему дается легче, чем интимное.

Переписка с М.Г. Карташевской, кузиной, в которой он видел родственную душу, высвобождает переполнявшие Аксакова чувства, и он изливает на бумагу многообразные свои размышления, в том числе, развивает, уже более последовательно и осознанное, и тему невысказанности, пытаясь придать ей некую философскую направленность. Пись-

ма хранятся в РО ИРЛИ [4] и публиковались лишь частично [5], [7], [8]; они становятся, по признанию самого Аксакова, «средоточием жизни» [4, л. 169 об.]. После приезда семейства Карташевских к Аксаковым в Москву и затем возвращения их в Петербург, Аксаков вновь, и даже с чувством нетерпения, обращается к письмам: «Итак, снова начнется наша переписка, когда буду я Вам передавать всего себя, снова буду писать Вам о поэзии, о словесности, даже иногда, если позволит дяденька, и о жизни, о времени, в смысле философском» [4, л. 87 об.], [6, с. 174]. Каждое из посланий пишется несколько дней, и каждое наполнено признаниями во внутренних сомнениях: «Какая цель моей жизни, достигну ли я ее, выскажусь ли я?» [4, л. 26]. «Разные мысли, которых сам я не могу постигнуть, влекут меня в разные стороны, мучат, разрывают меня!» [4, л. 26 об.]. «Мне бывает грустно, очень грустно, милая Машенька, иногда до слез; я не могу понять себя, и мне так тяжело: это сомнение в своем существовании, это тысячи подобных мыслей, которые я не могу высказать, мучат меня. Я как-то не живу...» [4, л. 44]. «Я весь составлен из неясных воспоминаний, из мечтаний, из предчувствий, темных невыразимых состояний; они волнуются во мне; они томят меня, сию минуту высказаться, просятся наружу; часто мне кажется, будто я хожу, будто я близко огромных истин, часто кажется мне, что еще несколько усилий, и они предстали бы мне; я много, много предпостигаю, если можно так сказать; но нет, это все не то, это все еще не высказывает того, что я чувствую, что я испытываю...» [4, л. 109 об.]. Он описывает сны, странные психологические состояния, которые испытывает; размышляет о «сверхъестественном» и «чудесном» не только как о категориях эстетических, но как о некоей непостижимой реальности.

Душевное напряжение, напоминающее подчас психологическую экзальтацию, оказывается усилено тем, что Аксакову хочется найти некое сопряжение внутренних вопросов, размышлений с практикой жизни: он хотел бы попробовать конкретно прочувствовать те состояния, природу которых он стремится понять, – что есть ипохондрия, «сомнение в своем существовании» и чувство «самоуничтожения», сомнамбулизм, воздействие магнетизма. Родители и их друзья готовы искать для Константина докторов и выписывать микстуры, М.П. Погодин советует записывать «странности в этом роде, как важные факты для психологии» [4, л. 94 об.]. Но молодой Аксаков стремится осмыслить, постигнуть те таинственные явления, которые волновали литературное и бытовое сознание как в России, так и в Европе, начиная уже с XVIII века. М.П. Алексеев отмечал, что в 1730-е гг. «начали входить в моду опыты по внушению (гипнотические явления именовались тогда «магнетизмом») немецкого врача Фридриха Антона Месмера», а в конце XIII столетия магнетизм в Петербурге уже «был в великом употреблении» [6, с. 116, 117]. В XIX столетии интерес к магнетизму не уменьшается и становится более аналитическим. Проявлял интерес к нему А.С. Пушкин. Он, как отмечалось исследователями, мог знать А.А. Турчанинову, имя которой наделало много шума: она проводила магнетиче-

ские сеансы, бралась лечить от всевозможных болезней, правда, далеко не всегда добиваясь успеха. Будучи в 1833 г. в Казани, Пушкин беседовал с супругами Фукс о магнетизме, отстаивая фактическую достоверность магнетических явлений [11, с. 44–187]. В 1830-е гг. заявляют о себе попытки научного обоснования «сверхъестественного», что продолжится и в последующие десятилетия. О «напряженном интересе русского общества 30-х и первой половины 40-х годов к вопросам веры и мистики, о влечении к сверхъестественному миру, ко всему иррациональному и подсознательному» писал П.Н. Сакулин [13, с. 371], [см.: 10].

Из русских писателей наиболее полно и глубоко существо «таинственного» изучал В.Ф. Одоевский, исследуя природу сновидений, сомнамбулизма, привидений, магнетизирования. По справедливому замечанию М.А. Турьян, писатель, глубоко изучивший философию мистиков, прежде всего – «рациональное» ее крыло, обозначенное именами Т. Парацельса, Дж. Пордеча, К.-Л. Сен-Мартена и др., в «Науке инстинкта» и «Психологических заметках», опубликованных в 1843 г., уже формулирует свой взгляд на процесс познания; в произведениях писателя тема интеллектуальной интуиции получает развитие в сложных и разнообразных формах [15, с. 236, 237]. Одоевский размышляет о соотношении между «естественными явлениями», которые можно научно объяснить если не в настоящее время, то позже, и теми «странными явлениями», природа которых не открывается человеку, и в результате выходит к вопросу о нравственных аспектах познания [14].

Не столь стройно и последовательно, как В.Ф. Одоевский, но и Аксаков размышляет о необходимости равновесия между «инстинктуальным» и рациональным знанием, а проделывая опыты над собою, оказывается перед вопросом о возможности или невозможности удержать это равновесие и об оправданности предпринятых попыток.

В одном из писем к М.Г. Карташевской сообщает, что был у магнетизера, просил показать «приемы магнетизирования». «Мы говорили с ним сначала о многом, – продолжает он, – о таинственном, о чудесном, и я еще более верю в существование всего этого: есть даже книги, в которых можно найти если не объяснение, то по крайней мере, описание таинственного», и резюмирует: «Так-то, милая моя Машенька, верьте, верьте магнетизму и поверьте, что многие мысли вашего брата Костиньки, над которыми так смеются, многие мысли справедливы. Я сам хочу сделаться магнетизером, одобряете ли Вы мое намерение, милая Машенька?» [4, л. 46]. Несколько позже вновь возвращается к этой теме: «Знаете ли, милая Машенька, что я начал магнетизировать и как кажется, не без успеха. Как бы мне хотелось, чтобы Вам прочесть Делеза» [4, л. 104]. Книга Делеза «Руководство к практическому изучению животного магнетизма» вышла в 1836 г., при этом Аксаков жалеет, что автор «не позволяет магнетизировать для чудесных явлений, но единственно для исцеления больного» [4, л. 104]. Для самого Аксакова лечебное магнетизирование (ставшее модным в ту пору) неотделимо от осмысления чудесного, таинственного,

и ему хотелось бы найти единомышленников: «Ах, если б найти хотя одного человека, который бы также любил все чудесное, таинственное, как я, и вместе пойти по этому пути, который мог бы довести до важных истин» [4, л. 46].

Аксаков размышляет о формах взаимодействия человека с миром видимым, доступным привычным чувствам человека, и – миром неизъяснимым, «сверхъестественным». И в том, и в другом он готов заметить потенциал синтеза, взаимодействия, подчас неожиданного: «Как хорошо магнетизм объясняет филологу! И все, все объясняется из одной общей мысли, везде проявляющейся. Все – стройное целое, гармония! Прекрасная гармония!» [4, л. 159].

Для Аксакова явления магнетизма – форма выражения не до конца открывающихся человеку возможностей природы. Как и Одоевский, он готов объяснить эти тайны рациональным путем и одновременно допустить их непознаваемость, во всяком случае, в настоящий момент. В таинственных явлениях он находит (скорее, ощущает) нечто сходное с поэзией, а критерий эстетического в эту пору для него главный. «Я нашел такой ключ, – сообщает он в очередном письме к Карташевской, – который подходит ко все чудесам, которым я могу отпереть все таинства магии» [4, л. 24]. «Какие огромные, необъятные мысли приходят ко мне; не могу их объять: а если обойму <...> Трудно передать, но я надеюсь, что побегу трудность» [4, л. 32 об.]. Вместе с тем, когда чувствует, что магнетический сеанс нарушает его внутреннее, душевное равновесие («я чувствовал, что что-то постороннее втесняется в меня, овладевает мною...») [4, л. 89], тотчас просит сеанс прекратить.

Выводы

Можно сказать, что к исходу 1830-х гг. Аксаков, отдав дань философско-эстетическим поискам, выбирает для себя – вначале интуитивно, бессознательно, а далее все более определенно – иную дорогу, связанную с публицистическим (отчасти – научным) самовыражением и общественным служением. Характерно, что в пору увлечения магнетизмом, он задумывает статью «О убеждении» [2], и в ней собирается системно изложить волновавшие его вопросы. О важности для него этой работы он, как всегда, сообщает Карташевской. Он написал «Введение» и следующий раздел статьи, назвав его «Об убеждении», но можно предположить, что этот раздел был написан уже позже и выразил собственно славянофильские убеждения автора. Во «Введении» же Аксаков предпринял попытку подытожить размышления, которыми делился с кузиной и друзьями, при этом утвердить примат философского познания над другими формами изучения человека и мира (в том числе поставить вопрос о том, что есть понятие о Боге на разных этапах развития народов, о богочеловеке), однако собственно философское мышление ему не дается, и он подчас оказывается похож на ученика, который пишет сочинение на заданную тему: тема выбрана им самим и автора чрезвычайно занимает, но предложить собственное, оригинальное и логически убедительное истолкование трактуемых явлений

не вполне удается. Поэтому опыт его интересен как проявление живой, непосредственной реакции на поднимаемые эстетическим и научным сознанием 1830-х гг. достаточно сложные проблемы, как попытка решить их не отвлеченно, книжно, а в применении к самому себе. Но тем более интересно, что уже два десятилетия спустя, будучи одним из ведущих деятелей славянофильства, в период Крымской войны, когда судьбы отечества и отношений России и Запада оказываются первостепенными, Аксаков вновь вернется к теме, столь занимавшей его в юности: в 1854 г., живя в Абрамцево, беспокоясь о судьбе Севастополя, негодуя на несовершенство правительственной политики, он пишет статью «О чудесном или сверхъестественном» [3] и даже получает цензурное разрешение на ее публикацию (статья, однако, не была опубликована и лишь в настоящее время эту работу готовит к публикации А.П. Дмитриев). Иван Аксаков в предисловии к письмам А.С. Хомякова совершенно справедливо называя Константина Аксакова и Юрия Самарина начала 1840-х гг. «жаркими почитателями философского мышления», пришел к выводу, что «Гегель как бы потонул в его (Константина – Е.А.) любви к русскому народу» [12, с. 224, 227]. Однако можно видеть, что тайны мироздания и мышления не переставали волновать старшего из сыновей Аксаковых и в зрелые годы.

Литература

1. Аксаков К.С. Записные книжки 1834–1836 гг. // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 10. Оп. 7. Ед. хр. 81.
2. Аксаков К.С. О убеждении // Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 88.
3. Аксаков К.С. О чудесном или сверхъестественном // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 24.
4. Аксаков К.С. Письма к М.Г. Карташевой // РО ИРЛИ.1064/XV.C.1.
5. Аксаков К.С. Письма к М.Г. Карташевой. Публикация и комментарии Е.И. Анненковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 75–89.
6. Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-историческое исследование. Л., 1984.
7. Анненкова Е.И. Аксаковы. СПб., 1998.
8. Анненкова Е.И. Эстетические искания молодого Аксакова // Страницы русской литературы XIX века: Сб. научн. статей. Л., 1974. С. 110–135.
9. Бобров Е. Философия в России. Материалы, исследование, заметки. Вып. III. Казань, 1899.
10. Виницкий И.Ю. Дом толкователя. Поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М., 2006.
11. Лернер Н.О. Пушкинологические этюды // Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М.; Л., 1935. С. 44–187.
12. Предисловие И.С. Аксакова к письмам А.С. Хомякова Ю.Ф. Самарину // Хомяков А.С. Полн. Собр. соч. М., 1904. Т. VIII.

13. Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. Т. I. Ч. 1. М., 1913.
14. Турьян М.А. Русский «фантастический» реализм. Статьи разных лет. СПб., 2013.
15. Турьян М.А. «Странная моя судьба...». О жизни Владимира Федоровича Одоевского. М., 1991.

References

1. Aksakov K.S. Zapisnye knizhki 1834–1836 gg. [Notebooks 1834–1836 gg.]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arhiv literatury i iskusstva (RGALI)* [Russian State Archive of Literature and Art]. F. 10. In. 7. Art. 81.
2. Aksakov K.S. O ubezhdenii [About belief]. *Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (RO IRLI)* [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature]. F. 3. Op. 7. Ed. hr. 88.
3. Aksakov K.S. O chudesnom ili sverh"estestvennom [About miraculous or supernatural]. *Manuscript Department of the Institute of Russian Literature*. F. 3. In. 7. Art. 24.
4. Aksakov K.S. Pis'ma k M.G. Kartashevskoi [Letters to M.G. Kartashevskiy]. *Manuscript Department of the Institute of Russian Literature*.1064/XV.C.1.
5. Aksakov K.S. Pis'ma k M.G. Kartashevskoi. Publikaciya i kommentarii E.I. Annenkovoi [Letters to M.G. Kartashevskiy. Publication and comment by E.I. Annenkovai]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1973 god* [Yearbook of the Manuscript Department of Pushkin House in 1973]. Leningrad, 1976. S. 75–89.
6. Alekseev M.P. *Pushkin. Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [Pushkin. Comparative historical research]. Leningrad, 1984.
7. Annenkova E.I. Aksakovy [Aksakov]. S-Peterburg, 1998.
8. Annenkova E.I. Ehsteticheskie iskaniya molodogo Aksakova [The aesthetic quest of young Aksakov]. *Stranicy russkoi literatury XIX veka: Sb. nauchn. Statei* [Pages Russian literature of the XIX century: Collection of Scien. Articles]. Leningrad, 1974. Pp. 110–135.
9. Bobrov E. *Filosofiya v Rossii. Materialy, issledovaniya, zametki* [Philosophy in Russia. Data, research, notes.] Vol. III. Kazan, 1899.
10. Vinickii I.Yu. *Dom tolkovatelya. Poeticheskaya semantika i istoricheskoe voobrazhenie V.A. Zhukovskogo* [House of interpreter. Poetic semantics and historical imagination, V.A. Zhukovsky]. Moscow, 2006.
11. Lerner N.O. *Pushkinologicheskie ehtyudy* [Pushkinian studies] *Zven'ya. Sborniki materialov i dokumentov po istorii literatury, iskusstva i obshchestvennoi mysli XIX veka* [Links. Collection of materials and documents on the history of literature, art and social thought of the XIX century V]. Moscow ; Leningrad, 1935, pp. 44–187.
12. Predislovie I.S. Aksakova k pis'mam A.S. Homyakova Yu.F. Samarinu [Aksakov to the letters of A.S. Khomyakov Y.F. Samarina]. *Homyakov A.S. Poln. sobr. soch.* [A.S. Khomyakov Complete works], Moscow, 1904, Vol. VIII.
13. Sakulin P.N. *Iz istorii russkogo idealizma. Knyaz' V.F. Odoyevskii. Myslitel'. – Pisatel'* [From the history of Russian idealism. Prince V.F. Odoyevskiy. Thinker. – Writer.]. Vol. I. CH. 1. Moscow, 1913.
14. Tur'yan M.A. *Russkij «fantasticheskii» realizm. Stat'i raznykh let* [Russian "fantastic" realism. Articles of different years]. S-Peterburg, 2013.
15. Tur'yan M.A. «Strannaya moya sud'ba...». *O zhizni Vladimira Fedorovicha Odoyevskogo*. ["Strange ... my destiny." About the life of Vladimir Odoyevskiy]. Moscow, 1991.

**«РЕАЛЬНОСТЬ» И «ЛИТЕРАТУРНОСТЬ»
В КНИГЕ А.Н. ЯХОНТОВА «ПУТЕШЕСТВИЕ В СЕВЕРНЫЙ КРАЙ РОССИИ»**

В статье сделана попытка проанализировать ранее не привлекавшие внимание ученых следствия методологии «конкретного литературоведения» применительно к литературе «для народного» чтения – на примере книги псковского поэта и переводчика А.Н. Яхонтова «Путешествие в Северный край России» (1886). Делается вывод о функционировании в структуре текста не характерных для сочинений этого жанра комбинаций «реальности» и «литературности», создающих эффект «прямой достоверности» (Д.С. Лихачев) при посредстве художественной составляющей, возводящих «существенность» крестьянской жизни в статус общечеловеческого бытия.

А.Н. Яхонтов, «Путешествие в Северный край России», структура, текст, «конкретное литературоведение», Д.С. Лихачев.

The article attempts to analyze the methodology of «specific literary criticism» effects, which haven't previously attract the attention of scientists, in relation to the literature «for public reading» – by the example of a book by Pskov poet and translator A.N. Yakhontov «Journey to the Northern Territory of Russia» (1886). There is a conclusion about the functioning of «reality» and «literary» combination in the text's structure, which is not specific to the works of this genre, creating the effect of «direct veracity» (D.S. Likhachev) by means of the artistic component and putting up the «materiality» of peasant life into the status of universal life.

A.N. Yakhontov, «Journey to the Northern Territory of Russia», the text's structure, «specific literary criticism», D.S. Likhachev.

Введение

Методология, определяющая специфику «конкретного литературоведения», включает в себя ряд терминов и понятий, функционирующих в иных, многообразных областях филологического знания. При этом в названной области данные дефиниции могут обнаруживать ранее не раскрытые потенции, проявлять новые свойства, не востребованные прежде в научном обиходе. Сказанное относится, в частности, к универсалиям «реальность» и «литературность», которые Д.С. Лихачев рассматривает в качестве оппозиции «прямой достоверности» и достоверности «вымышленной»: «<...> стремление к прямой достоверности не совпадает с требованиями литературности» [4, с. 224].

Вместе с тем, в трудах Д.С. Лихачева две эти составляющие рассматриваются во взаимодействии, функционируя в общем контексте «пограничной зоны между реальностью и литературой» [4, с. 225]. Ими определяется фактор творимой на новых основаниях «достоверности», имеющей прямое отношение к сфере искусства. В том же ключе представлены многие «конкретные наблюдения» в исследованиях Р.М. Лазарчук, определяя тенденцию к «реальному пониманию стиля» [4, с. 225] таких крупных поэтов, как К.Н. Батюшков и М.Н. Муравьев. Комментарий к «Моим пенатам» К.Н. Батюшкова выстраивается, например, как подкрепляемый и направляемый жизненными «реалиями», значимыми для понимания художественной специфики стихотворения с приущей ему образностью. «И если это так, – развивает свою мысль исследователь, – то и “полузаржавый меч прадедов тупой” <...> – не только поэтический образ, но и биографическая реалья: все Бердяевы были военными» [3, с. 112]. В данном случае подход Р.М. Лазарчук можно, в целом, определить как стремление, вслед за Д.С. Лихачевым, подчеркнуть в развитии литературы «нарастание художественной

достоверности за счет достоверности прямой» [4, с. 224].

Продолжая изыскания в данном научном направлении, рассмотрим другую, не менее значимую комбинацию элементов «реальности» и «литературности», мотивированную иной закономерностью. Ее составляют: 1) отступление от «прямой», фактографической «точности» ради не буквального, ориентированного на «вымысел» показа действительности [4, с. 431–439]; 2) «возвращение» в как таковую существенность, получившую в глазах читателей статус высшей «достоверности» после отражения ее сферой художественной как носителем универсального, культурного и человеческого опыта.

Основная часть

Речь идет о сочинениях «для народного чтения», требования и задачи которых в 1880-е гг. были освоены и плодотворно применены в деятельности литератора-псковича, неуклонно способствовавшего пропаганде идей народной грамотности, небезызвестного в свое время поэта и переводчика Александра Николаевича Яхонтова (1820–1890). Более сорока лет проживший в Пскове, часто бывавший в Петербурге и совершивший несколько заграничных путешествий, Яхонтов никогда не был на Севере – тем примечательнее принадлежащее ему сочинение, посвященное данной тематике, – «Путешествие в Северный край России» (1886). Выпавшая из библиографических перечней [7] и – насколько можно судить – не упоминаемая в фундаментальных исследованиях литературы «для народного чтения» книга Яхонтова до сих пор интересует лишь его биографов [1]. Тем важнее проанализировать текст в категориях «конкретного литературоведения»: основная, очевидно, достигнутая автором цель («Русская мысль» писала: «Это хорошо изданная книжка включает в себе интересные сведения о природе края,

об его жителях и их быте. В ней находятся и полезные исторические данные. *Путешествие в Северный край России* украшено удовлетворительно выполненными рисунками и стоит недорого (20 копеек за книжку в 135 страниц)» [6, с. 124]), отражая самые насущные и злободневные потребности текущей современности, претворяется Яхонтовым в литературно усложненной форме, не характерной для других его сочинений того же жанра: «Город Псков и его окрестности», 1886 [9], «Царствование императора Александра Первого Благословенного» 1890 [10] и др.

Традиционно писатель берет на себя роль «составителя», но в «Путешествии в Северный край России» проблема состава текста (точнее, его многосоставности) выходит за рамки осуществляемой жанром тенденции к «нетворческому творчеству» [4, с. 222]. Критерий «прямой достоверности», от соблюдения которого, по мнению Яхонтова, зависит доступность и усвояемость сочинения крестьянской средой, рождает не ожидаемые информативные и обучающие тексты, а разного рода «сплавы» художественно-публицистического свойства. Гарантами истинности повествования становятся не реальные личности и связанные с ними биографические, исторические и тому подобные сведения, а персонажи вымышленные – просвещенный помещик новой эпохи, «владелец села Никольского Ярославской губернии Николай Федорович П.» и его подопечный, талантливый юноша из народа, стремящийся к просвещению, «девятнадцатилетний, здоровый и красивый крестьянский парень соседней с селом деревни – Дмитрий Ильин» [8, с. 4], должные, по мысли Яхонтова, представить лучшие стороны национального характера.

Сообщенные «составителем» подробности, относящиеся к этим лицам, делают их, с одной стороны, более узнаваемо «достоверными» в глазах современников: «Николай Федорович П. как есть – настоящий земский человек – великорусский молодой помещик, лет 40, имел хорошее состояние и слыл в своем уезде за полезного и просвещенного земского гласного. В своем имении завел он образцовую школу, в которой обучалось до 70 крестьянских детей <...>»; «Один из учеников, окончивший уже 5 лет тому назад курс в школе, Дмитрий Ильин, был любимцем Николая Федоровича и постоянно пользовался от него книгами и добрыми советами» [8, с. 4–5]. С другой стороны, предлагаемая текстовая организация способна вызвать ассоциации, связанные с известными литературными героями и апробированными художественными формами. Так, функция «составителя» может восприниматься по аналогии с ролью Издателя в структуре пушкинских «Повестей Белкина» и подобных жанровых образований: именно к «составителю» попадают «Путевые записки Дмитрия Ильина», писавшиеся во время путешествия его и Николая Федоровича по русскому Северу. Из качества *буквального* «составителя» персонифицируется в художественно самоценное явление, имеющее определенное «лицо», снабжающее «записки» комментариями, подстрочными примечаниями и т.д.

«Прямая достоверность», таким образом, строится на обращенных одновременно к «реальности» и литературному опыту, документальным источникам и художественной стилистике уровнях текста. Это могут быть беллетризованные, «живые» впечатления путешественников, проделавших путь от Вологды до границы с Норвегией, посетивших Архангельск и другие северные города, побывавших на Соловках, повидавших разнообразные природные явления на суше и на море. Носителями «литературности» устного слова становятся фольклор, прямая речь. Воспроизводятся «толки» [8, с. 19] разнородной массы: коренных обитателей Севера, матросов, богомольцев, монахов, охотников, безымянных попутчиков, создающих атмосферу многоголосья, вовлекающую в себя не только путешественников, но и читателя.

Органично включается в структуру повествования широко применяемая художественной словесностью «система рассказчиков»: ими становятся сами герои, «грамотный мещанин», китолов Климыч [8, с. 19], огородник-монах в Соловецком монастыре, бывалый охотник на моржей Савелий Иванов. Одновременно рассказчики выступают в роли свидетелей и очевидцев значимых в концепции книги явлений настоящей и прошлой жизни Севера: не доступные собственному опыту путешественников, эти явления получают статус лично удостоверенной подлинности, побуждают читателя к расширению специальных познаний, сохраняя качество занимательности в литературно обработанном изложении.

Таким образом, осложняется вопрос, о котором Д.С. Лихачев размышляет в связи с функциями «конкретного литературоведения»: «книжная» публицистичность текста, выражающая его главные, воспитательные и образовательные, цели, в ряде случаев «маскируется» средствами и приемами повествования, применяемыми для достижения «художественной достоверности» [4, с. 224]. Одновременно те же средства и приемы могут быть восприняты читателем под знаком «прямой достоверности». В представлении Яхонтова, таким способом может быть найден путь наиболее эффективного воздействия на «среду простого народа», как говорилось в предуведомлении издателей [8, без стр.]: убеждает и просвещает крестьянина не беллетристика (в чистом виде), но и не познавательный в собственном смысле слова, учебный текст. Несмотря на признаваемую полезность того и другого в деле народного воспитания, Яхонтов «устанавливает истину» [3, с. 10] с помощью соположения факта и вымысла, что должно раздвинуть круг привычной крестьянину существенности, воссоздав – на почве мира реального – фантастически многообразный, большой, незнакомый ему мир.

Письменные источники при этом также наделяются правом «голоса», персонифицируются из статически нейтральных текстов в активных участников коллективного «сотворчества». Именно поэтому структура текста не только не вуалируется Яхонтовым, но и предельно обнажается: дневниковые записки Дмитрия Ильина – это «первичный текст», который под пером его наставника, Николая Федоровича

П., проходит литературную обработку и сам становится источником. В примечании «составителя» об этом сказано следующее: «В этих записках Дмитрию Ильину принадлежит только передача личных его впечатлений, рассказ о том, что бросается в глаза каждому путешественнику; все же остальное дополнено Николаем Федоровичем, – рукой которого написаны многие страницы, – отчасти по собственным его наблюдениям, отчасти из имевшихся под рукой описаний нашего крайнего Севера. Издания, из которых сделаны им позаимствования, следующие: *Год на Севере* С. Максимова, *Соловки* В.И. Немировича-Данченко, *Живописная Россия* изд. М. Вольфа, *Отечественное Д. Семенова, Архангельские Китоловы*, повесть А. Сетковой и пр.» [8, с. 7–8].

В то же время «литературное путешествие» призвано сохранить живую реакцию его главных героев на увиденное и услышанное (иначе исчезнет различие между «записками» и находящимися на библиотечных полках «полезными» книгами). Текст нацелен, в первую очередь, не на читателей – он адресован благодарной аудитории слушателей. В данный момент их сообщество с трудом пробивается к грамоте [11], но оно уже готово откликнуться на живое убеждающее слово. «“Знаешь ли, Митя, что я хочу предложить тебе? – прервал его <...> Николай Федорович. – Все, что мы увидим, нам надо будет записать: без этого – многое забудется и путешествие наше принесет нам мало пользы. Возьмись-ка ты вести путевые записки. Как вернемся домой, мы их пересмотрим, исправим и отдадим в школу: пускай учитель читает их по воскресениям. Он мастер читать: народу наберется много”» [8, с. 6–7].

Яхонтов прибегает к цитированию источников, переводя цитируемое в план личных переживаний путешественников. Действенность их слов от этого возрастает, теряет безличную объективность, убеждая не прямым, «готовым» смыслом, а стоящим за ним непосредственным чувством. Для стилистики книги характерен перевод «чужого слова» (при почти дословном цитировании источников) в речь героев, окрашенную их собственным отношением к предмету и нередко дополненную скрытыми нравоучительными сентенциями, принадлежащими Яхонтову. Например, рассуждение Вас.И. Немировича-Данченко о контрасте нищенской и погруженной в нравственные безобразия крестьянской жизни и благоустроенного, морально и физически упорядоченного быта в стенах Соловецкого монастыря в упомянутой Яхонтовым книге «Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами» (1874) подается как внутренний монолог лично убедившегося в этом и применившего увиденное к себе Дмитрия Ильина: «<...> и того, что мы видели на Соловках, довольно, чтоб помнить всю жизнь. Как сравнить здешние порядки с нашими, крестьянскими? Ведь и сюда приходили жить такие же крестьяне, как и наши, а как они теперь то живут! Любо-дорого! У нас в деревне – везде грязь и нечистота; редкий дом исправный. У иного хозяина в одной и той же избе и сам он с семьей, и куры и телята, а то и поросята ночуют... <...> Везде у нас беспорядок <...>. Корма для скота не хватает у нас до весны, в придет неуро-

жайный год – и сами голодаем, продаем последнюю скотинку, ребятам молока достать негде... да что уже и говорить! По совести, сами мы во многом виноваты! Вот – Царь дал нам волю: что же мы с нею сделали?» [6, с. 67–68].

Интересен способ введения в книгу художественного текста – фрагментов сочинения А. Сетковой «Архангельские китоловы» (1883). «Составитель» выбирает эпизоды, которые представляются ему наиболее важными для демонстрации лучших качеств русского простолюдина, проходящих испытание Севером: самоотверженности, храбрости, физической и духовной стойкости, всепобеждающего чувства товарищества, скромности, уважения к старшим и др. Соответственно, близко к книжному источнику приводятся сцены труднейшей охоты на китов – единоборства, в котором побеждает человеческая воля, и не менее опасный поединок с «чудо-вищами» – белыми медведями.

Данный текст в составе «Путешествия...» получает двойную мотивацию – как «человеческий документ» (свидетельство бывшего шкипера-китолова Климьча, персонажа повести А. Сетковой) и как немаловажный психологический и нравственный стимул в формировании личности героя, Дмитрия Ильина. Убедительность именно этих эпизодов «Архангельских китоловов» обеспечивается объективным и субъективным факторами: качествами рассказчика (Климьч – «лет 50 с небольшим, коренастый, крепкий человек; любит поговорить и рассказывать мастер» [6, с. 19]) и, с другой стороны, способностью откликнуться на достоверные рассказы о мужестве северных охотников героя-слушателя: «Заслушались мы, как стал он нам рассказывать о прошлогоднем весеннем лове и до поздней ночи все слушали. Я записывал из его рассказов то, что мог удержать в памяти» [6, с. 19–20].

Выводы

Текст книги Яхонтова выявляет то, что современная наука определяет как «единство текста и метатекста» [2]. К экспериментаторству Яхонтова применима мысль Ю.М. Лотмана относительно «общения между текстом и культурным контекстом»: «В данном случае текст выступает в коммуникативном акте не как сообщение, а в качестве его полноправного участника, субъекта – источника или получателя информации» [5, с. 161].

В «Путешествии в Северный край России» Яхонтов, безусловно, усилил – в рамках достаточно тривиальной, серийной литературной продукции – творческое начало, при этом не уклоняясь от главной задачи изданий «для народного чтения», устремленных к эффекту доходчивого, прямого воздействия на личность крестьянина. Яхонтов решал поставленную задачу двояким образом, варьируя способы письма при помощи постоянного замещения друг другом критериев «истины» и «вымысла», «литературности» и «достоверности». Компилятивная форма, в результате, получила значимость текстопорождающего фактора, обозначив возможности литературного эклектизма, на которые указывал Д.С. Лихачев: «Эклектические системы стиля можно рассмат-

ривать как системы, находящиеся в неустойчивом равновесии. Если такой системе сообщить небольшой импульс, то возникнут явления, которые могут привести либо к полному расстройству всей системы, либо к созданию новых стилей» [4, с. 448].

Литература

1. Вершинина Н.Л. «Путешествие в Северный край России» // А.Н. Яхонтов и его книга «Народная война 1812 г.». Псков, 2012. С. 34 – 45.
2. Иваньшина Е.А. Культурная память и логика текstopорождения в творчестве М.А. Булгакова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2010. URL: <http://cheloveknauka.com/kulturnaya-pamyat-i-logika-tekstoporozhdeniya-v-tvorchestve-m-a-bulgakovaCtvbjnrf>
3. Лазарчук Р.М. К.Н. Батюшков и Вологодский край: Из архивных разысканий. Череповец, 2007.
4. Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература // Лихачев Д.С. Избр. работы: в 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 221–475.
5. Лотман Ю.М. Текст как семиотическая проблема // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 158–220.
6. Русская мысль. 1886. Кн. 2.
7. Шпицберген в русской истории и литературе: Краткий исторический очерк русских плаваний и промыслов на Шпицбергене и Подробный указатель литературы и архивных дел, относящихся к этим вопросам / Сост. А.Ф. Шидловский. СПб., 1912. С. 10–44.
8. Яхонтов А.Н. Путешествие в Северный край России. Издание С.-Петербургского Комитета Грамотности, состоящего при Императорском Вольном Экономическом Обществе / Составлено А.Н. Яхонтовым. С.-Петербург: Типография В. Киршбаума, 1886.
9. Яхонтов А.Н. Город Псков и его окрестности / Издание учрежденной по Высочайшему повелению Министром народного просвещения Постоянной комиссии по устройству народных чтений / Составил А. Яхонтов. С.-Петербург: Типография Ф. Елеонского, 1886.
10. Яхонтов А.Н. Царствование императора Александра Первого Благословенного / Издание учрежденной по Высочайшему повелению Министром народного просвещения Постоянной комиссии по устройству народных чтений / Составил А. Яхонтов. С.-Петербург: Типография А. Катавского, 1890.
11. Яхонтов А.Н. Заметка о земских начальных школах // Вестник Европы. 1884. Т. VI. № 2 (декабрь). С. 866–875.

References

1. Verшинina N.L. «Puteshestvie v Severnyy kray Rossii» [Travel to the Northern region of Russia]. A.N. Yakhontov i ego

kniga «Narodnaya voina 1812 g.» [A.N. Yakhontov and his book "National War of 1812."]. Pskov, 2012, pp. 34–45.

2. Ivan'shina E.A. *Kul'turnaya pamyat' i logika tekstoporozhdeniya v tvorchestve M.A. Bulgakova*: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Cultural memory and logics of text creation in the works by M.A. Bulgakov. Ph.D. diss.(Philology)]. Voronezh, 2010. URL: <http://cheloveknauka.com/kulturnaya-pamyat-i-logika-tekstoporozhdeniya-v-tvorchestve-m-a-bulgakovaCtvbjnrf>

3. Lazarchuk R.M. *K.N. Batyushkov i Vologodskii krai: Iz arhivnyh razyskaniy* [K.N. Batyushkov and Vologda region: From archival investigations]. Cherepovec, 2007.

4. Lihachev D.S. *Literatura – real'nost' – literatura* [Literature – reality – literature]. *Lihachev D.S. Izbr. raboty: v 3 t.* [Likhachev D. S. Select. works: in 3 t.] Moscow, 1987, T. 3, pp. 221–475.

5. Lotman Yu.M. *Tekst kak semioticheskaya problema* [Text as semiotics problem] // *Lotman Yu.M. Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury* [Lotman Yu.M. History and typology of the Russian culture]. St. Petersburg, 2002, pp. 158–220.

6. *Russkaya mysl'* [Russian thought], 1886, Kn. 2.

7. *Shpicbergen v russkoi istorii i literature: Kratkii istoricheskiy ocherk russkih plavanii i promyslov na Shpicbergene i Podrobnij ukazatel' literatury i arhivnyh del, odnosyashchihysya k ehtim voprosam* [Spitsbergen in Russian history and literature: A short historical sketch of the Russian sailing and crafts on Spitsbergen and the Detailed index of literature and the archiving relating to these questions]. S.-Peterburg, 1912, pp. 10–44.

8. Yakhontov A.N. *Puteshestvie v Severnyi krai Rossii. Izdanie S.-Peterburgskogo Komiteta Gramotnosti, sostoyashchego pri Imperatorskom Vol'nom Ehkonomicheskom Obshchestve* [Travel to the Northern region of Russia. The edition of. - the St. Petersburg Committee of Literacy belonging to Imperial Free Economic Society. Is made by A.N. Yakhontov]. S.-Peterburg, Tipografiya V. Kirshbauma, 1886.

9. Yakhontov A.N. *Gorod Pskov i ego okrestnosti* [The city of Pskov and its vicinities]. *Izdanie uchrezhdennoi po Vysochaisheму poveleniyu Ministrom narodnogo prosveshcheniya Postoyannoi komissii po ustroystvu narodnyh chtenii.* Sostavil A. Yakhontov. S.-Peterburg: Tipografiya F. Eleonskogo, 1886.

10. Yakhontov A.N. *Carstvovanie imperatora Aleksandra Pervogo Bлагословennogo* [Reign of the emperor Alexander the First the Blessed (Blagoslovenniy)]. the Edition by the Minister of national education of the Permanent commission on the national readings founded on the Highest command / was made by A. Yakhontov. St.-Petersburg: A. Katavsky's printing house, 1890.

11. Yakhontov A.N. *Zametka o zemskih nachal'nyh shkolah.* *Vestnik Evropy* [The Bulletin of Europe], 1884, T. VI, № 2 (December), pp. 866–875.

**ДВЕ ПОВЕСТИ В СТИХАХ «БАЛ» Е.А. БАРАТЫНСКОГО
И «ГРАФ НУЛИН» А.С. ПУШКИНА
(К ИССЛЕДОВАНИЮ ДИАЛОГА ДВУХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)**

В статье рассматривается один из аспектов проблемы творческого диалога А.С. Пушкина и Е.А. Баратынского. Поводом для исследования послужила совместная публикация поэм «Бал» и «Граф Нулин» в книге «Две повести в стихах» (1828). В центре внимания оказываются параллели, возникшие в результате объединения произведений в одно издание, а также особый характер такой переклички.

Диалог, романтизм, романтическая поэма, повесть в стихах, романтический герой, современники, конволют.

The article highlighted one of the aspects of the problem of the constructive dialogue between A.S. Pushkin and E.A. Baratynskiy. The reason for the research was the co-publication of poems "The Ball" and "Count Nulin" in the book "Two verse novels" (1828). The article focuses on the parallels arising as the result of the co-publication of the literary works in one edition as well as particular characteristics of such a dialogue.

A dialogue, romanticism, a poem, a novel, a romantic character, contemporaries, convolute.

Введение

Обращение к анализу художественного текста сопряжено с вопросом о выборе исследовательского метода. Если целью научных разысканий поставить точность и доказательность, то наиболее актуальной, с нашей точки зрения, является методика конкретного литературоведения (Д.С. Лихачев) [6, с. 197]. Такой подход предполагает поиск взаимообусловленности литературы и реальности, восприятие литературного произведения не только в рамках художественного текста, но и за его пределами, четкое следование фактам, сохранение филологической культуры. Особенно важен данный метод для сопоставительного анализа, так как помогает отсеять ненужные, кажущиеся, соответствия и в результате избежать «субъективизма», «генерации идей и обобщений» [См.: 6, с. 198]. В данной статье рассматривается реализация такого подхода на примере сопоставительного анализа двух повестей в стихах «Бала» Е.А. Баратынского и «Графа Нулина» А.С. Пушкина.

Пушкин и Баратынский – поэты, имена которых в сознании современников были неразрывно связаны. Хотя Е.А. Баратынский, как и многие другие, вошел в число авторов, составивших «пушкинский круг», его личность и творческая судьба занимают в этой плеяде особое место. По словам С.Г. Бочарова, ни к кому из современников Пушкин «не относился с таким напряженным вниманием и никого не ставил так высоко» [3, с. 78]. И действительно, поэт следил за выходом новых стихотворений и поэм Баратынского, упоминал о нем в своих заметках, письмах, текстах произведений. Баратынский – «один из центральных героев в пушкинском критическом наследии» (1827–1830 гг.) [5, с. 163]. Странным образом судьбы поэтов удивительно симметричны по отношению друг к другу [см.: 4, с. 94–98].

Основная часть

Современники видели в Баратынском поэта, равного по своему творческому потенциалу Пушкину. И

поэтому публикация книги «Две повести в стихах» (1828) не стала случайным событием. Это был издательский конволют, включивший в себя часть тиража «Графа Нулина» (СПб., 1827) и первое издание произведения Баратынского (СПб., 1828). Каждая поэма имела свой отдельный заглавный лист, к каждой прилагалось свое цензурное разрешение [см.: 4, с. 92–93]. История публикации «Двух повестей в стихах» содержит много неясностей и загадок.

Во-первых, неизвестно, кому из четырех человек, причастных к созданию конволюта (авторам Е.А. Баратынскому, А.С. Пушкину или издателям А.А. Дельвигу, П.А. Плетневу) принадлежит идея объединения двух «повестей в стихах» в одну книгу и вариант названия. Вероятно, книга появилась по инициативе издателей. Вполне возможно, что целью такой публикации был коммерческий интерес: «Граф Нулин», уже знакомый читателям, будет раскупаться не слишком активно, и выход его с «Балом», известным публике только по отрывкам, увеличит внимание к изданию [см.: 4, с. 92–93].

Во-вторых, не менее важной оказывается вынесенная в заглавие книги проблема жанра. «Бал» и «Граф Нулин» – «повести в стихах» или «поэмы». Сами авторы называли свои произведения и «повестями, и поэмами» [4, с. 98], т.е. эти жанровые формы воспринимались поэтами как синонимичные. По свидетельству М.Н. Виролайнен, такое понимание было характерным для 1820-х гг.: «...определение "стихотворная повесть" использовалось практически в том же смысле, что и "поэма", – если, конечно, речь шла о ее новой, восходящей к Байрону романтической вариации, решительно отличавшейся от поэмы в ее прежнем, классицистическом понимании» [4, с. 98]. В этом отношении становится возможным жанровое определение «Бала» и «Графа Нулина» и как «повестей в стихах», и как «поэм».

В-третьих, известно, что сами авторы поэм совместной публикации заранее не задумывали, издание «Двух повестей» в их творческие планы не вхо-

дило. В письмах и документах поэтов никаких упоминаний об этом намерении нет. Да и истории создания произведений расходятся.

Указанные факты исключают возможность непосредственного творческого диалога авторов «Бала» и «Графа Нулина» в процессе работы над поэмами и подготовки текстов к печати. Однако следует отметить, что в создании конволюта принимали участие единомышленники, которые понимали, «какого рода художественное целое возникло в результате объединения двух поэм» [4, с. 93]. Поэтому можно предположить, что книга «Две повести в стихах» – это еще одно проявление творческого союза Пушкина и Баратынского. Случайность, которая стала закономерной в общем движении их творческой мысли. С этой точки зрения, объединение «повестей в стихах» представляет собой некий знак, послание читателю, в котором заключается определенный замысел. Вопрос в том, какое именно содержание объединило столь непохожие друг на друга произведения, какие смыслы получают поэмы, оказываясь, благодаря издателям, в новом контексте.

Решение этой проблемы пытались найти уже современники поэтов, воспринявшие публикацию «Двух повестей в стихах» по-разному. Наряду с восторженными отзывами («Московский Телеграф», «Северная Пчела», «Бабочка») появились отрицательные оценки (еще один факт, связавший судьбы поэм и их авторов). Критика «Вестника Европы», «Атеней», «Дамского Журнала» говорила о неприемлемости в литературе произведений, в основу сюжета которых положены безнравственные поступки героев (флирт, измена) [см.: 1, с. 96].

В многочисленной научной литературе, посвященной «Балу» и «Графу Нулину», также не раз поднимался вопрос о важности и закономерности объединения поэм. А в 2012 г. вышла книга, воспроизводящая конволют 1828 г. (серия «Литературные памятники»). Однако подробного сопоставительного анализа «Бала» Баратынского и «Графа Нулина» Пушкина нам найти не удалось. Если суммировать и обобщить упоминания и суждения исследователей по поводу поэм Баратынского и Пушкина, то можно выявить следующие точки соприкосновения двух произведений: структура романтической поэмы (преодоление или трансформация жанра), тематика (изображение светской жизни), образы центральных персонажей (поиск новых способов раскрытия характера и появление нового героя), разнотильность повествования (соединение в одном произведении высокого и низкого, поэзии и бытописания), взаимопроникновение жанров (ироикомическая поэма, элегия, послание, романтическая поэма, анекдот, водевиль), композиция поэм (в частности, значение финала), соотносимость с литературным контекстом (в особенности, с главами из «Евгения Онегина» Пушкина), роль произведений Баратынского и Пушкина в литературном процессе.

Особого внимания заслуживает порядок расположения поэм в книге «Две повести в стихах»: «Бал» – в начале, «Граф Нулин» – в конце. Такая последовательность повестей не совпадала с датировкой. «На титульном листе поэмы Пушкина стояла дата

«1827», на титульном листе поэмы Баратынского – «1828» [см.: 4, с. 92, 93]. Одна из главных функций структуры художественного целого заключается в выражении авторской точки зрения. Следовательно, в расположении текстов, возможно, как раз и содержится суть замысла издателей. Вероятно, она связана с реализацией разных взглядов авторов на перспективы развития русской романтической поэмы. В этом отношении основной задачей нашего исследования будет поиск элементов, характерных для романтического стиля, и контекстное их окружение. Наиболее ярко романтическая стилистика проявляется на лексическом уровне. Таким образом, предметом исследования станет лексика интересующих нас текстов.

В качестве образца для создания «Бала» Баратынский, как и другие поэты-романтики, берет «восточные» поэмы Байрона. Следование такой традиции наиболее ярко проявляется на уровне сюжета. Основные его элементы обозначены Ю.В. Манном: «особое положение центрального персонажа», «отчуждение», «любовь», «возвращение» [7, с. 32–33]. Каждый из этих признаков романтического сюжета в тексте Баратынского преобразуется.

Необычен уже сам фон, на котором происходит действие. Он представлен в экспозиции на лексическом уровне. Тихий и в то же время эмоциональный слог Баратынского рисует не экзотическую картину дальних стран, как это было в произведениях Байрона, а знакомую каждому светскому человеку жизнь столицы, точнее, одно из явлений столичной культуры – светский бал:

Глухая полночь. Строем длинным,
Осеребренные луной,
Стоят кареты на Тверской
Пред домом пышным и старинным.
Пылает тысячью огней
Обширный зал; с высоких хоров
Ревут смычки; толпа гостей;
Гул танца с гулом разговоров [2, с. 336].

Само обращение к изображению быта, привычек, правил поведения, принятых в высшем обществе, было характерно для современной обоим поэтам литературы («*Картины светской жизни также входят в область поэзии...*» (Пушкин в письме к К. Ф. Рылеву) [цит. по: 1, с. 94]). В экспозиции поэмы Баратынского отчетливо обозначена тенденция, которая сохраняется на протяжении всего повествования: сочетание романтического колорита и бытописания. Слова-маркеры романтического стиля («полночь», «луна») соседствуют со словами, четко обозначающими место действия поэмы и погружающими читателя в привычную ему атмосферу светского бала («кареты», «зал», «хоры», «смычки», «гости», «танец», «разговор», упоминание о Тверской улице).

Для поэмы Пушкина, так же, как и для «Бала» Баратынского, характерна переключка с романтическими произведениями Байрона. На одну из параллелей прямо указывает сам поэт в письме к П.А. Плетневу (март 1826 г.), где поэма названа автором «повестью в роде “Верро”» [цит. по: 4, с. 167]. «Верро»

следует читать как «Беппо» Байрона (1818): «шутливая ироническая поэма с новеллистическим содержанием и многочисленными авторскими отступлениями» [цит. по: 4, с. 167–168]. Включенность «Графа Нулина» в контекст иронической «повести» Байрона задает направление всему повествованию. Это целенаправленное высмеивание и пародирование серьезного и возвышенного тона «восточных» поэм, а также их структуры. Кроме того, стихотворная повесть Пушкина – это и «самопародия» автора на Южные поэмы, в особенности на «Кавказского пленника» [см.: 4, с. 169–170]. Если Баратынский в «Бале» продолжает и трансформирует традицию «восточной» романтической поэмы, то Пушкин отталкивается от нее.

Эта тенденция проявляется на лексическом уровне в самом начале повествования – в экспозиции поэмы, т.е. Пушкин, как и Баратынский, уже в первых строках своего произведения обращает внимание читателя на новое звучание знакомой романтической формы. Создатель «Графа Нулина», подобно Баратынскому, меняет фон, на котором происходит действие. Если в «Бале» экзотике Востока противопоставлена светская жизнь столицы, то в «Графе Нулине» описаниям «экзотического колорита» «восточных» и «южных» поэм противопоставлен «местный колорит» русской провинции [см.: 4, с. 171], а, точнее, тема осенней природы:

В последних числах сентября
(Презренной прозой говоря)
В деревне скучно: грязь, ненастье,
Осенний ветер, мелкий снег,
Да вой волков... [8, с. 237]

Рассказчик «Графа Нулина», подобно повествователю «Бала», с помощью лексики отсылает память читателя к знакомому контексту. Современникам поэта «не нужно было объяснять, почему осенью, скудной на радости и развлечения, в деревне скучно» [см.: 9, с. 17]. Бытовые детали («грязь», «ветер», «снег», «вой волков») словно бы разъясняют значение слова «скучно» и как будто бы снижают поэтичность повествования, приближая его к «презренной прозе». Однако в значение слова «скучно», созвучного описанию осеннего ненастья, вложены и личные переживания биографического автора (пребывание в Михайловском). Такая «смысловая избыточность» [10] вносит в текст Пушкина лирическое начало, чего не было в произведении Баратынского. На страницах поэмы наряду с повествователем существует образ автора, близкий по своему мировосприятию автору биографическому (как и в романе «Евгений Онегин»).

Обозначение места действия в текстах Баратынского и Пушкина (светские гостиные или усадьбы мелкопоместных дворян) соотносится образами центральных персонажей. Основным способом раскрытия этих образов также становится лексический уровень. Главным героем «Бала», согласно традиции романтизма, должен стать мужской персонаж. Таким героем мог бы быть Арсений. Образ Арсения трактуется в поэме как «исключительная личность». Это

значение передано через портрет («Следы мучительных страстей, следы печальных размышлений носил он на челе; в очах беспечность мрачная дышала...» [2, с. 340]), а также через описание приверженности героя к светской жизни. В домах московских дворян Арсений свой человек:

Он в разговоре поражал
Людей и света знаньем редким,
Глубоко в сердце проникал
Лукавой шуткой, словом едким,
Судил разборчиво певца,
Знал цену кисти и резца... (курсив мой – Е.И.)
[2, с. 340]

Вновь в тексте стихотворной повести сталкивается традиционная романтическая лексика («мучительных страстей», «печальных размышлений», «беспечность мрачная», «чело», «очи») и слова из обихода светского человека («знаньем редким», «лукавой шуткой», «словом едким»). Это приводит к трансформации и расширению значения образа. Арсений не просто отчужденный от мира, разочарованный герой, он и сердцеед, и ценитель искусства, и остро слов. Работая над образом персонажа, Баратынский не следует слепо за образцом. Он продолжает, развивает и трансформирует романтическую традицию. Так в русскую литературу входит новый герой, наделенный «инаковостью – следом своего байронического происхождения» [4, с. 147]. Взяв «психологический тип» романтического героя, Баратынский «изъял его из экзотического контекста и поместил в “онегинскую” – светскую – обстановку» [4, с. 147]. Однако назвать Арсения главным героем «Бала» нельзя. Баратынский обманывает ожидания читателя. Центральное место в повествовании занимает образ Нины (княгини, «светской львицы»). Внимание автора сосредоточено именно на ее характере и судьбе. Нина – главная героиня романтической поэмы Баратынского, и в это художественное открытие поэта [см.: 4, с. 136–143].

Тема светской жизни также оказывается главной в повествовании «Графа Нулина». Она раскрывается на примере центрального персонажа. «Нулин – воплощение "светской суеты"» [9, с. 59]. В тексте обнаруживается несоответствие между образом графа и местом действия поэмы. Манеры поведения Нулина в доме провинциальных дворян (как и манеры самой хозяйки) напоминают прием в светских гостиных Москвы или Парижа. Наряду с этим образ графа содержит в себе черты романтического героя. Нулин, как и Арсений, возвратился из «чужих краев» (мотив «бегства – возвращения»). Он одинок, разочарован («Святую Русь бранит» [8, с. 241]), сознательно пренебрегает правилами приличия, принятыми в светском обществе [см.: 9, с. 66–80].

Наиболее ярко соединение черт денди и романтического героя проявляется в создании портрета. Здесь опять же важную роль играет лексический уровень. В отличие от текста Баратынского, описание внешнего облика персонажа – одна из главных составляющих художественного образа – в начале поэмы Пушкина отсутствует (минус-прием). Можно

предположить, что это способ характеристики образа, связанного со значением фамилии Нулин («ничто», «никакой»). Внешний облик героя, как и его личность, ничем не примечателен. Однако отдельные элементы портрета Нулина даны в конце поэмы. Граф показан здесь в несвойственной для себя роли. Он смущен и подавлен после комичной ночной сцены:

Восстав поутру молчаливо,
Граф одевается лениво,
Отделкой *розовых ногтей*
Зевая занялся небрежно,
И *галстук* вяжет неприметно,
Не гладит *стриженных кудрей*...
(курсив мой – Е.И.) [8, с. 246]

В описании графа Нулина нет черт, выражающих личностную индивидуальность («чело», «очи» – «минус-прием»), что отличает этот образ от характеристики образа Арсения. Внимание автора сосредоточено на внешних элементах («розовые ногти», «галстук», «стриженные кудри»). Это детали облика светского щеголя. Тот факт, что Нулин относится к ним небрежно, свидетельствует о психологическом напряжении. Герой эмоционально подавлен, поэтому ведет себя непривычно для самого себя. Даже мысли героя таковы, что растерян и повествователь, еще совсем недавно цитирующий внутренние монологи Нулина. Сейчас он не может их «прочитать». После ночного унижения граф просыпается другим человеком. И в этот момент Нулин отбрасывает «привычки фата и щеголя» и надевает маску разочарованного романтического героя («точнее <...> он мнит себя таковым» [9, с. 114]). Отталкиваясь от романтической традиции, Пушкин выражает внутренние переживания героя («...сгорел граф Нулин со стыда...») [8, с. 246]) через внешние факторы.

Выводы

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, несмотря на то, что совместная публикация «Бала» и «Графа Нулина» авторами не планировалась заранее, выход издания в 1828 г. не был случаен. Книга «Две повести в стихах» – еще одно доказательство внутренней схожести, взаимообусловленности творческого мира Баратынского и Пушкина.

Во-вторых, благодаря совместному изданию, включившему поэмы «Бал» и «Граф Нулин» в один контекст, проявилось то, что при отдельном прочтении могло бы остаться незамеченным. Прежде всего, способы освоения и преодоления поэтами жанра романтической поэмы. Если Баратынский продолжает и развивает романтическую традицию (соединяет в тексте романтическую стилистику и бытописание, дает исчерпывающую мотивировку типу романтического характера, вводит новый для поэмы образ романтической героини), то Пушкин отталкивается от законов романтизма (снижает значимость элементов романтической поэмы («обнуляет»), лишает образ героя психологической глубины, вводит образ авто-

ра-повествователя). Оба поэта индивидуальны. Следование по схожему пути приводит их к разным художественным открытиям.

В-третьих, книга «Две повести в стихах», а также возникшая вокруг нее полемика обусловили дальнейшее развитие творчества обоих авторов. Баратынский, сохраняя свою оригинальность в выборе тем, мотивов, образов героев, остается приверженцем романтизма. Пушкин идет по пути от поэзии к прозе, от романтизма к реализму.

Литература

1. Андреевская Л. Поэмы Баратынского // Русская поэзия XIX века: Сб. ст. / под ред. и с предисл. Б.М. Эйхенбаума и Ю.Н. Тынянова. Л., 1929. Вып. 13. С. 74–102.
2. Баратынский Е. А. Стихотворения и поэмы / Предисл. К. Пигарева. М., 1971.
3. Бочаров С. Г. «Обречен борьбе верховной...» (Лирический мир Баратынского) // Бочаров С.Г. О художественных мирах. М., 1985. С. 69–123.
4. Виrolайнен М.Н. Творческая история двух стихотворных повестей // Две повести в стихах. Е. А. Баратынский. Бал. А. С. Пушкин. Граф Нулин. СПб., 2012. С. 89–209.
5. Кулагин А.В. Пушкинский замысел статьи о Баратынском // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. СПб., 1991. Вып. 24. С. 162–175.
6. Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. Л., 1987. Т. 3.
7. Манн Ю.В. Поэмы Баратынского // Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. М., 1995. С. 165–193.
8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / под ред. Б.В. Томашевского. М.; Л., 1949.
9. Сретенский В.М. Псевдолотман: историко-бытовой комментарий к поэме А.С. Пушкина «Граф Нулин». М., 2010.
10. Эткинд Е.Г. Проза о стихах. СПб., 2001.

References

1. Andreevskaya L. Poehmy Baratynskogo [Poems by Baratynsky]. *Russkaya poehziya XIX veka* [Russian poetry of the 19th century]: Sb. st. / pod red. i s predisl. B.M. Eihjenbauma i Yu.N. Tynyanova. Leningrad, 1929, Vol. 13, pp. 74–102.
2. Baratynskii E. A. *Stihotvoreniya i poehmy* [Poems]. Predisl. K. Pigareva. Moscow, 1971.
3. Bocharov S. G. «Obrechen bor'be verhovnoi...» (Liricheski mir Baratynskogo) ["Doomed to eternal struggle ..."] (The lyrical world of Baratynsky). *Bocharov S.G. O hudozhestvennyh mirah* [About the artistic worlds]. Moscow, 1985, pp. 69–123.
4. Virolainen M.N. *Tvorcheskaya istoriya dvuh stihotvornykh povestei* [History of creation of two poetic stories]. *Dve povesti v stihah. E.A. Baratynskii. Bal. A.S. Pushkin. Graf Nulin* [Two stories in verses. E.A. Baratynsky. Ball. A.S. Pushkin. Count Nulin]. St. Petersburg, 2012, pp. 89–209.
5. Kulagin A.V. *Pushkinskii zamysel stat'i o Baratynskom* [Pushkin's plan of the article about Baratynsky]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [Chronicle of the Pushkin commission]. St. Petersburg, 1991, Vol. 24, pp. 162–175.
6. Lihachev D.S. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Leningrad, 1987, Vol. 3.
7. Mann Yu.V. *Poehmy Baratynskogo* [Baratynsky's poems]. *Mann Yu. V. Dinamika russkogo romantizma* [Dynamics of the Russian romanticism]. Moscow, 1995, pp. 165–193.

8. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. / pod red. B.V. Tomashevskogo* [Collected edition]. Moscow ; Leningrad, 1949.

9. Sretenskii V. M. *Psevdolotman: istoriko-bytovoii kommentarii k poehme A. S. Pushkina «Graf Nulin»* [Psevdolot-

man: historical and social comment on A.S. Pushkin's poem "Count Nulin"]. Moscow, 2010.

10. Ehtkind E.G. *Proza o stihah* [Prose about verses]. St. Petersburg, 2001.

УДК 82. 09

И. В. Мотейюнайте

Псковский государственный университет

БИБЛЕЙСКАЯ АЛЛЮЗИЯ В РАССКАЗЕ В.В. НАБОКОВА «ГРОЗА»

В статье рассматривается функция библейской аллюзии из Четвертой Книги Царств в рассказе В. Набокова «Гроза». Эпизод наследования пророческой силы Илии Елисеем обыгрывается в сюжете рассказа с целью осмысления феномена поэтического дара. В статье анализируются игровые приемы и организация художественного пространства. Контекст – использование Ветхого Завета Набоковым – обнажает специфичность его поэтики, обусловленную важностью эстетической проблематики, а также его концепцию человека: самодостаточного одиночки, счастливо наделенного творческими способностями.

В.В. Набоков, рассказ «Гроза», библейские аллюзии.

In the article the function of a bible allusion from the Fourth Book of Kingdoms in V. Nabokov's story «The Storm» is considered. The story plot is based on the episode of inheritance of Eli's prophetic force by Eliseus. Nabokov used it to analyze a phenomenon of poetic gift. In the article game devices and the organization of artistic space are analyzed. The context (use of the Old Testament by Nabokov) highlights the specificity of his poetics which is caused by importance of the esthetic problems, and also his concept of the person: the self-sufficient single one who is happy thanks to his creative abilities.

V.V. Nabokov, story «The Storm», bible allusion.

Введение

Рассказ В.В. Набокова «Гроза» входит в сборник «Возвращение Чорба» (1930) и интересен, как и другие ранние рассказы, своей «лабораторностью»: средствами малой формы автор оттачивал модели, развитые позднее в форме романной [2, с. 414–415]. В «Грозе» отчетливо проявлена специфика набоковского художественного мира: центральность темы творчества, игровая поэтика, двоемирие в организации художественного пространства. Однако один момент рассказа довольно необычен для творчества Набокова: обращение к Священному Писанию. Библия не была для писателя учебником жизни и настольным чтением, тем интереснее оказывается его интерпретация библейского сюжета, выявляющая авторскую самобытность.

Основная часть

Действие «Грозы» происходит в сжатый временной промежуток: вечер и ночь. Автор останавливается на ночной грозе, продолжая давнюю традицию репрезентации в тексте прозрений человека в темное время суток; ночь нужна автору для обнажения душевных глубин или проникновения в иные сферы. Наблюдая невероятно красивое природное явление и становясь участником фантастического происшествия, герой-рассказчик переживает душевное потрясение, которое, однако, как будто не отражено им. В тексте преобладают пластичные образы, завораживающие героя и читателя; восприятие внешнего мира за счет выразительности описаний доминирует над его осознанием. Описания в «Грозе»

подчеркивают стремительность течения времени; яркость грозы и необычность сопутствующего происшествия словно затмевают смысл события в судьбе героя. Набоков часто так поступает и в романах, приглашая читателя к разгадыванию смысла, утопленного и тщательно распыленного в сверкающей ткани текста.

По воле автора, происходящее с героем связывается с библейским пластом культуры. Набоков выбирает эпизод из Четвертой Книги Царств (2; 2-10); это финал истории Пророка Илии: его вознесение и передача милоти, символизирующей власть над природными силами, ученику – Елисею. Восприятие Ветхого Завета русским сознанием XIX века – тема весьма актуальная и для литературы, и для науки XX столетия. На русской почве различие двух частей Писания отражено в оппозиции Закона и Благодати; Бога карающего и Бога милующего; стихийного, страстного мироощущения и просветленно-смиреного. Наиболее яркие примеры здесь – творчество В.В. Розанова в начале XX в., а также работы И.А. Есаулова [3]. В самом общем смысле Евангелие воспринимается русской литературой как кристаллизация этических норм; вспомним, например, финалы «Преступления и наказания», «Анны Карениной» и «Воскресения». Рецепции же Ветхого Завета разнообразней. В соответствующей статье энциклопедии «Мифы народов мира» говорится об эстетическом влиянии его на культуру: подчеркивается заимствование и интерпретация тем, сюжетов и образов [6]. Поэтому представляется возможным говорить о том, что даже сам выбор эпизода из Ветхого Завета по-

зволяет предположить запрограммированность результата «просветления» героя: итог его потрясения имеет эстетическую направленность. Заметим также, что писатель использует традиционные в культуре образы-символы и мотивы: облака, гроза, пророк, ветер, колесница, пение, – ряд которых «тянет» за собой эстетическую проблематику: красота / безобразия, очищение, стихия, творчество. Особенно важен здесь образ пророка, напоминающий русскому читателю программное стихотворение Пушкина.

Способ включения в текст библейского эпизода соответствует художественным интенциям XX века: аллюзия Набокова гетерогенна. Прежде всего, в русской культуре скрещены образы библейского пророка Илии и языческого бога грозы, что запечатлено в национальном быту и обычаях. Совмещение разнотрадиционных традиций можно усмотреть и в Елисе. В частности, его образ «отсвечивает» на пушкинском королевича, умеющего общаться с природными стихиями. Эта читательская ассоциация оправдана, кроме имени, образами грозных облаков и солнца, лучом преображающего колесо, но сильнее всего – образом «слепого ветра», сопровождающего героя. Вспомним, что в пушкинской сказке именно ветер указывает королевичу Елисею местонахождение царевны. Кстати, «слепой ветер» встречается у Набокова еще в «Защите Лужина» и «Даре», что подтверждает неслучайность эпитета, оттеняющего непредсказуемость стихии. При желании интерпретатора в Елисе можно усмотреть и отсылку к ироикомической поэме В.И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вах» (1771), ведь герой опьянен *«синевалями содроганиями, легким и острым холодом»* [7, с. 326]. Значимость собственно Священного Писания таким образом у Набокова снижена: оно является одним из пластов, составляющих текст культуры. Осознание их множественности – принципиальная черта художественного сознания XX века вообще и Набокова в частности.

Однако Библия, вне всякого сомнения, – ближайший текст-источник для «Грозы», что подтверждается сюжетом эпизода. Отмечу одну деталь: восхождение Ильи в рассказе сопровождается его требованием: *«Отвернись, Елисей»* [7, с. 327]; в Библии оговорено, что Елисей должен суметь увидеть вознесение Илии – это условие наследования ему: *«Илия сказал Елисею: проси, что сделать тебе, прежде нежели я буду взят от тебя. И сказал Елисей: дух, который в тебе, пусть будет на мне вдвойне. И сказал он: трудного ты просишь. Если увидишь, как я буду взят от тебя, то будет тебе так, а если не увидишь, не будет»* (4 Царств; 2, 9-10). Вспомним также, что в комплекс черт Елисея входило «искусство переживать видения», которому он обучался [5, с. 433]. Гроза с падением Ильи во двор в рассказе Набокова может быть воспринята и как видение, игра воображения рассказчика, справедливо в таком случае претендующего на роль ученика Пророка.

Что касается собственно интерпретации сюжета Писания, Набоков десакрализует библейский миф. Обыгрывается сюжетная ситуация: Илья-громовец падает с неба из-за сломавшейся колесницы, находит на земле отвалившееся колесо,

потом поднимается обратно по облакам. Герой играет в ученика Пророка, помогая ему во дворе искать колесо. Тонкая ирония игры ощутима и в финальных словах о *«ночном небесном крушении»*, и в ремарке *«словно что-то вспомнив»* [7, с. 327], которая предшествует просьбе Ильи-пророка *«Отвернись, Елисей»*, чтобы последний не увидел вознесения. Так автор демонстрирует читателю ироничное повторение истории, описанной в Четвертой Книге Царств.

Вместо милоти (плаща на овечьем меху) Илии, подхватываемой Елисеем, Набоков делает предметом, связывающим старика-пророка и рассказчика-Елисея, колесо. Символичность и распространенность образа круга в художественном мире Набокова общеизвестна. Его смысловыми наполнениями в рассказе может быть автобиографичность, связь человека с небом, воплощение (материализация) творческого дара. Ведь герой перед грозой засыпает, *«ослабев от счастья, о котором писать не умеет»* [7, с. 325]. Выделено мною – И.М.]; а в финале он радуется, предвкушая собственный рассказ. Очевидно, это рассказ, который мы читаем: Набоков здесь уже нашел композиционный прием «Дара». Смысл увиденного, таким образом, – обретение дара творчества. «Гроза» вписывается в основную тему Набокова – тему художника. В напрашивающейся переключке с пушкинским «Пророком» более ощутимо различие художественных систем, чем сходство: на месте серьезности и трудности – игра и легкость.

В «Грозе» мы имеем дело с явлением, которое В.Е. Александров называет «ефипанией-прозрением» героя [1, с. 37–38]. По сути, это наличие у героя, как правило, наделенного автобиографическими чертами, способности к общению с потусторонним миром, миром вечности. В статье В.И. Заики убедительно доказывается стремление автора в описании грозы показать не просто вымышленную, а иную реальность [4]. Набоковская метафизика, как пишет В.Е. Александров, связана с его эстетикой.

Значимо и композиционное распределение пространственных описаний в тексте. В первом и последнем предложениях рассказа герой движется по горизонтали: возвращается (со свидания?) и стремится к любимой. Значение этой оси у Набокова – наличие межчеловеческих связей, которые можно обозначить как любовь; но это – рамка рассказа, очень малый фрагмент текста. Метафорически можно сказать, что люди вообще – это возможное обрамление человека у Набокова. Основное пространство «Грозы» структурировано по вертикали, наглядно демонстрируя двоемирие. Небо воплощает мир воображения, устойчиво связанного с «потусторонностью», земля – мир пошлой обыденности. Двор, сравниваемый с колодезем, – нижний предел, грозное небо – верхний. Живущий на пятом этаже герой – в середине этой линии. Его колыбель качается между двумя безднами, и для приближения к небу он спускается на землю, где общается с пророком, причем его перемещения зеркально повторяют движения пророка, падающего с небес и поднимающегося обратно.

Непреодолимой границы между небом и землей в рассказе нет, миры «сквозят» и отсвечивают друг на

друга; но крыша дома, трижды упомянутая в тексте, становится рубежом, проходя через который, люди и предметы меняют облик. «Громовержец, седой исполин, с бурной бородою, закинутой ветром за плечо, в ослепительном, летучем облачении» [7, с. 326] на земле превращается в «сутулого тощего старика в промокшей рясе» [7, с. 326] со свисающей с кончика крупного костистого носа светлой каплей. «Громадный огненный обод» [7, с. 326] становится «тонким железным колесом, видимо, от детской коляски», «ржавым кругом» [7, с. 327]. Очевидна игра масштабами: на небе, в ином, Божественном пространстве все крупнее и ярче, чем на земле. Цветущей сирени во дворе соответствует «фиолетовый пожар» [7, с. 326] неба; неблагозвучию (лай, голоса старьевщиков, искалеченная скрипка, всхлипы, сморкания) двора, лишь однажды заглушенному пением, – великолепный гром. Даже «слепой ветер» «прозревает», когда «взмывает».

После посещения двора пророком герой осознает его пространство своим, Илья после грозы уже не «Громовержец», и не «старик», а «старый, сердитый пророк, упавший ко мне во двор» [7, с. 327]. Таким образом, художник хотя и уподоблен Богу в творческом сознании Набокова, но самостоятелен, независим от Бога. Так называемая «игровая поэтика» служит осознанию того, что сферы Бога-творца и творца-человека у Набокова разведены. Художник живет в мире, созданном Богом и отведенном человеку; его подлинная сила заключается в способности создать свой, обживая Божий, поэтому герой «посмеивается, воображая, как ... придет и будет рассказывать...» [7, с. 327].

Соприкосновения этих миров случайны и произвольны. Набоков отказывается от мотивировок, заставляя воспринимать события как непредсказуемые. Ожидаема в рассказе только сама гроза. Появление Пророка Ильи – вне внутренней аргументации повествователя (он мог увидеть или не увидеть, так же как и колесница могла появиться или не появиться), спуск во двор – его каприз, так же как и поиски колеса или бегство вслед за трамваем. Все в набоковском мире произвольно и причудливо; логическая детерминация необязательна. Закономерности и связи, рационально постигаемые человеком, не обеспечивают, по Набокову, полноты познания мира, и проявления дара в художнике экстатичны и вдохновенны, как порыв ветра. В. Ходасевич, один из немногих уважаемых Набоковым современников, в статье «О Сирине» не случайно говорит об экстатической природе творчества и одновременно о рациональной сделанности произведений Набокова, главная тема которого – жизнь приема [8].

Показательна в этом отношении и странность имени героя (Елисей), действительность которого ничем не подтверждена: он так именуется пророком. Но в любом случае: реально ли он носит это редкое имя или принимает его от Ильи (поскольку ему легко возведение в ученики Пророка), с восторгом обыгрывая библейскую ситуацию взаимоотношений пророка с учеником, сохраняется одна черта – избранность.

Эпизод-цитата составляет первичную реальность для героя. Он, играя ученика пророка, делает сюжет событием собственной жизни; автор таким образом предоставляет человеку возможность совместить реальности; или, как заметил В.Е. Александров о положительных героях Набокова, они способны к одновременному освоению разных пластов времени [1]. Повествование от первого лица эмоционально приближает героя к читателю, создавая иллюзию достоверности. Спонтанность и хаотичность переживаемого состояния, его эмоциональная напряженность ощущается в яркости описаний и обилии тропов. Мир, включая грозу и происходящее с пророком, воспринимается субъективно и субъективированно. Набоков избавляет своего героя от трудности понимания: он *видит* грозу и пророка, оставаясь всецело в сфере эмоционального и эстетического. Ловушка для читателя с засыпанием героя, пародирующая прием пушкинского «Гробовщика», не срабатывает; герой просыпается в рассказе лишь однажды. Увиденная после этого картина: «Светом сумасшествия, пронзительных видений озарен был ночной мир» [7, с. 326], – дана как объективная реальность, открывающаяся его глазам. Через переживание библейского эпизода он приходит к себе же, предвкушает собственную радость от предстоящего рассказа.

Выводы

Таким образом, Набоков, обращаясь к Священному Писанию, играет традициями различного уровня, совмещая присущую модернизму метафизичность и эстетическую игру постмодернизма. В обоих случаях вера остается за скобками; религия же – в этимологическом значении «связь» – присутствует: человека связывает с небом и Богом способность к творчеству. Библейская реминисценция выявляет авторское представление о положении человека в мире: он вполне самодостаточен; предстоит космосу один на один, непосредственно; он экзистенциально одинок, абсолютно свободен и этим счастлив.

Литература

1. Александров В.Е. Набоков и потусторонность. СПб., 1999.
2. Дарк О. Примечания // Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. М., 1997. Т. 1.
3. Есаулов И.А. Категории закона и благодати в художественном мире М. Ю. Лермонтова // Евангельский текст в русской литературе XII–XXI веков. Вып. 9. Петрозаводск, 2014. URL: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/journal/konf/2014/Esaulov.pdf>
4. Заика В.И. Анализ рассказа В. Набокова «Гроза» // Русская словесность. 2004 № 7. С. 72.
5. Иванов В.В. Елисей // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. М., 1987. С. 432–433.
6. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. М., 1987.
7. Набоков В.В. Гроза // Собр. соч.: в 4 т. М., 1997. Т. 1. С. 325–327.
8. Ходасевич В.Ф. О Сирине // Собр. соч.: в 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 388–395.

References

1. Aleksandrov V.E. *Nabokov i potustoronnost'* [Nabokov and other-worldliness]. St. Petersburg, 1999.
2. Dark O. Primechaniya [Note]. *Nabokov V.V. Sobr. soch.*: v 4 t. [Collected edition]. Moscow, 1997. Vol. 1.
3. Esaulov I.A. Kategorii zakona i blagodati v hudozhestvennom mire M. Yu. Lermontova [Categories of the law and grace in the artistic world of M. Yu. Lermontov]. *Evangel'skii tekst v russkoi literature XII–XXI vekov* [The Evangelical text in the Russian literature of the 12-21st centuries], Vol. 9, Petrozavodsk, 2014. URL: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/journal/konf/2014/Esaulov.pdf>

4. Zaika V.I. Analiz rasskaza V. Nabokova «Groza» [Analysis of the story by V. Nabokov "Thunder-storm"]. *Russkaya slovesnost'* [Russian literature], 2004, № 7, pp. 72.
5. Ivanov V.V. Elisej [Eliseus]. *Mify narodov mira. Ehn-ciklopediya*: v 2 t. [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moscow, 1987, pp. 432–433.
6. Mify narodov mira. Ehn-ciklopediya: v 2 t. [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moscow, 1987.
7. Nabokov V.V. Groza [Thunder-storm] *Sobr. soch.*: v 4 t. [Collected edition]. Moscow, 1997, T. 1, pp. 325–327.
8. Hodasevich V.F. O Sirine [About Sirin] *Sobr. soch.*: v 4 t. [Collected edition]. Moscow, 1996, T. 2, pp. 388–395.

УДК 821.161.1

С.В. Рудакова

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

МОТИВ РАЗОЧАРОВАНИЯ В ЛИРИКЕ Е.А. БОРАТЫНСКОГО

В статье рассмотрено своеобразие мотива разочарования в лирике Е.А. Боратынского. Выявлены особенности раскрытия Боратынским состояния разочарования. Рассмотрены такие эмоциональные формы проявления разочарования, как тоска, уныние, печаль. Доказано, что разочарование – не итоговый, а промежуточный этап в эволюции лирического героя поэта, именно разочарование заставляет его искать веру, ценить жизнь.

Боратынский, лирика, романтизм, мотив, разочарование, вера.

The article deals with the originality of the motif of disappointment in the lyric poetry by E. A. Boratynsky. Features of development of a state of disappointment by Boratynsky are revealed. We considered such emotional forms of manifestation of disappointment as melancholy, despondency or grief. It is proven that the disappointment is not final, but rather an intermediate step in the evolution of the lyrical hero, disappointment makes him look for faith and cherish life.

Boratynsky, lyric poetry, romanticism, motive, disappointment, faith.

Введение

Одним из важных в лирике Е.А. Боратынского является мотив разочарования [см.: 7–10]. На что еще в начале XX века обратил внимание С.А. Архангельский, назвав Боратынского «поэтом разочарования» [2]. Обусловлено это во многом влиянием эстетики и философии романтизма, в русле которого происходило формирование поэтического мира данного автора. Говоря же о романтизме, следует подчеркнуть, что среди важнейших отличительных особенностей эстетики романтизма стало настроение общего разочарования, обусловленного неудовлетворенностью происходящими в обществе изменений, несоответствием представлений об идеальном мире и современной действительности и многими другим причинами. Во многом именно состояние разочарование предопределило формирование такой особенности романтической художественной системы, как двоеримие, что рассматривается как конфликт мечты и реальности.

Стоит подчеркнуть, что настроение разочарования как знаковое, эпохальное зарождается в лоне сентиментализма и соотносится с такими эмоциями, как меланхолия и печаль, воспетыми многими поэтами [4], особенно выразительно Н.М. Карамзиным (показательна в этом отношении его элегия «Меланхолия», 1800). Однако стоит учитывать тот фактор, что эти настроения у сентименталистов связаны были с желанием отстраниться от общественной жизни,

уйти от суеты, чтобы предаться своим воспоминаниям, заново пережив самые значимые моменты прошлого.

Разочарование в идеях Просвещения, определявших развитие русской культуры XVIII века, размышления о неустроенности человеческой жизни, о краткости пребывания человека на земле, волна меланхолии захлестнули русскую литературу начала XIX века, породив так называемую элегию «общего разочарования», создателем которой по праву считают В.А. Жуковского. Не случайно П.А. Вяземский, размышляя о ведущих мотивах лирики этого поэта, отметил следующее: «Тоска Жуковского, может быть, мать его Гения...» [6].

Е.А. Боратынский, идя за предшественниками, выбирает собственный путь в трактовке такого состояния, как разочарование. Разочарование проникает и в сферу любовных переживаний («Он близок, близок, день свиданья (1819; 1823–1826), «Разуверение» (1821), «Признание» (1823; 1832–1833) и др.) и в область мечтаний и надежд («Прощанье» (1819), «Весна» (1820), «О счастья с младенчества тоскуя» (1823) и др.), и в сферу поэзии и искусства («Порою ласковую фею» (1828), «Последний поэт» (1835; 1842)), определяет это настроение и отношение к жизни в целом («Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам» (1820; 1823–1833), «напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти» (1820–1821), «К чему невольнику мечтания свобода» (1832–1833), «Когда исчезнет

омраченье» (1832–1833), «На что вы, дни! Юдольный мир явленья» (1840) и т.д.).

Основная часть

Описание состояние разочарования не было поэтическим открытием Боратынского, достижением автора стало то, что он попытался выявить жизненную основу этого настроения, представив эти переживания насколько возможно психологически точно и конкретно, избегая неопределенности и расплывчатости в тех характеристиках, что он предлагал.

Боратынский одним из первых осознает, что разочарование из состояния индивидуального, характеризующего переживания отдельной личности, превратилось в начале XIX века в симптом духовной болезни поколения 20-х гг. Но при этом он с горечью замечает, что многие его современники, собравшись по перу, бездумно увлеклись мотивами скорби и уныния, используя как «модный наряд» выстраданное другими переживание. Об этом, в частности, он размышляет в стихотворении «Богдановичу» (1824; 1825–1826; к.1832–1833): «В печаль влюбились мы. Новейшие поэты / Не улыбаются в творениях своих, / И на лице земли все как-то не по них. <...>. Пристала к музам их немецких муз хандра. <...>. Но что же! все мараки / Ударилась потом в задумчивые враки, / У всех унынием оделось чело, / уша увянула и сердце отцвело» [3, с. 117–118]. К этим вопросам позже обратятся А.С. Пушкин в романе «Евгений Онегин», М.Ю. Лермонтов в «Герое нашего времени» и др.

Неудовлетворенность жизнью лирического героя Боратынского проявляется конкретных психологических ситуациях, в которых он оказывается. Состояние разочарования обусловлено не внешними влияниями, а внутренними переживаниями, оно в мире поэта захватывает самые широкие области человеческих эмоций, проникая даже в сферу любовных и дружеских отношений. Лирический герой Боратынского переживает ситуации, когда вдруг обнаруживается разность отношения друзей и его самого к жизненным реалиям. Близкие ему люди по-прежнему увлечены эпикуризмом и ведут беззаботную веселую жизнь, его все это уже не прельщает. Потому рождается горькое понимание: «Но я безрадостно с друзьями радость пел – / Восторги их мне чужды были» [3, с. 75]; «Я бремениюсь нескромным их участием» [3, с. 78]; «От всей души люблю я вас, / Но ваши чужды мне забавы» [3, с. 91]). Сравнение собственных чувств с эмоциями друзей заставляет лирического героя Боратынского понять, что он по сути «живой труп»: «Что в счастье мне? Мертва душа моя!» [3, с. 78].

Острее всего собственную эмоциональную «мертвенность» лирический герой осознает рядом с возлюбленной. Он разочаровывается не в ней, а в своей способности любить, в самом чувстве любви. Знаковым в этом плане является стихотворение Боратынского «Разуверение» (1821), в котором выражена позиция поэта «разуверения», утратившего веру в самое возвышенное чувство, что может испытать человек в земной жизни. Как своего рода заклинание звучит в этом произведении бесконечно по-

вторяющееся «не верю»: «Уж я не верю увереньям, / Уж я не верую в любовь» [3, с. 79]. Одной из причин, определяющих, по мнению поэта, все разрастающееся разочарование в жизни современного человека, становится разъедающий душу самоанализ, что убивает чувства, делает человека «духовным инвалидом». Об этом размышляет Боратынский в своей знаменитой элегии «Признание» (1823; 1832–1833), в которой задолго до Лермонтова представил своего героя времени, зараженного «болезнью века», постоянной рефлексией.

Задумываясь об общественной жизни, лирический герой приходит к еще более безотрадным выводам, открывая для себя беззакония, несправедливость, что царят среди людей: Что свет являет? Пир нестройный! / Презренный властвует; достойный / Поник гонимому главой; / Несчастлив добрый, счастлив злой» [3, с. 155].

В душе лирического героя Боратынского размышления о жизни человека порой рождают самые печальные настроения, близкие к полной безнадежности: «Наш тягостный жребий: положенный срок / Питаться болезненной жизнью, / Любить и лелеять недуг бытия / И смерти отрадной страшиться» [3, с. 78].

Состояние разочарования в лирическом герое Боратынского чаще всего порождает такое настроение, как тоска. Для большинства романтиков, например, для К.Н. Батюшкова тоска представлялась состоянием не разрушительным, а напротив, светлым, связанным с томлением по идеалу, своеобразным неопределенным мечтанием, никак не связанным с разочарованием. Боратынский, бесспорно, подобный опыт учитывает, и чувство тоски соотносится иногда с миром мечты и надежды: Я трепетал в тоске желанья / У ног волшебниц молодых» [3, с. 75]; «Пресытись ласками цирцей, / Шепчу я часто с умилением / В тоске задумчивой моей: / Нельзя ль найти любви надежной?» [3, с. 85]; «Или с волнением и тоскою / Ее напрасно я зову?» [3, с. 86]; «Быть может, избранный тобою / Уже не верится огню любви твоей, / Не тронется ее тоскою» [3, с. 95]; «О счастья с младенчества тоскуя, / Все счастьем беден я» [3, с. 104]; «Пылкий юноша не сводит / Взоров с милой и порой / Мыслит с тихою тоской» [3, с. 112]; Ты полон весь мечтою необъятной, / Ты полон весь таинственной тоской» [3, с. 135].

Однако чем старше становится поэт, тем чаще понятие «тоска» вызывает у него совсем иные ассоциации и начинает соотноситься с чем-то темным, мучительным, лишаящим человека сил, надежд, желаний: «Как страшно ты перегорела! / Раба томительной мечты! / В тоске душевной пустоты, / Чего еще душою хочешь? / Как Магдалина, плачешь ты, / И, как русалка, ты хохочешь!» [3, с. 125–126]. Тоска лирического героя приобретает экзистенциальный характер. Задумываясь о прошлом, он ощущает глухое отчаяние, его существо погружается в тоску: Слепой тоски моей не множь, / Не заводи о прежнем слова...» [3, с. 79], «О днях минувших пробудилась / Тоска души моей» [3, с. 84], «Не вымолю прощенья у жестокой! / Виновен я: я был неверен ей; / Нет жалости к тоске моей глубокой! / Виновен я: я славил жен

других...» [3, с. 116]; «Вам приношу я песнопенья, / Где отразилась жизнь моя: / Исполнена тоски глубокой...» [3, с. 178].

Размышление о настоящем и будущем навевают на героя еще более тоскливые настроения, ибо разочарование касается и этих сторон жизни: «С тоской на радость я гляжу, / Не для меня ее сиянье, / И я напрасно упованье / В больной душе моей бужу» [3, с. 66]; «Мы плачем... но прости! Печаль любви сладка, / Отрадны слезы сожаленья! / Не то холодная, суровая тоска, / Сухая скорбь разуверенья» [3, с. 169]. Тоска проникает всюду, проявляет себя она даже в сфере творчества: «В борьбе с тяжелою судьбой / Я только пел мои печали: / Стихи холодные дышали / Души холодной тоской» [3, с. 128].

Не случайно тоска как знак полного разочарования и потерянности соотносится с самым трагическим образом поэзии Боратынского – с образом Недоноски из одноименного стихотворения автора: «Изыывающий тоской, / Я мечусь в полях небесных, / Надо мной и подо мной / Беспредельных – скорби тесных!» [3, с. 181].

Иной эмоциональной формой выражения состояния разочарования становится уныние. Это настроение рождается, когда человек утрачивает веру в счастье, как следствие теряет способность видеть красоту мира, ощущать гармонию бытия: «Когда рассеянно, с унынием внимать / Я буду снам твоим о будущем, о счастье» [3, с. 58]; «Унынье в грудь к тебе теснится, / Не видишь ты красоты лугов» [3, с. 97].

Мотив разочарования соотносится и с настроением печали. Иногда ее груз для лирического героя необременителен, более того, он находит даже некоторую сладость в этом настроении, обретая в нем источник своего вдохновения: «...печалью вдохновенный / Певец печаль свою поет» [3, с. 134]; «Когда, дитя и страсти и сомненья, / Поэт взглянул глубоко на тебя, / Решалась ты делить его волненья, / В нем таинство печали полюбя» [3, с. 219].

Но чаще печаль воспринимается сознанием героя Боратынского как чувство, рожденное разочарованием и лишаящее человека его жизненных сил: «Все хладный опыт истребил. / Узнал ли друга ты? Болезни и печали / Его состарили во цвете юных лет» [3, с. 58]; «Все прошло; ваш друг печальный / Вянет в жизни молодой» [3, с. 79]; «Я сердца моего не скрою хлад печальный. / Ты права, в нем уж нет прекрасного огня» [3, с. 108]; «Взойдет заря, / Мир озарит, души моей печальной / Не озаря. / Будь новый день любимцу счастья в сладость! / Душе моей / Противен он! Что прежде было в радость, / То в муку ей» [3, с. 126–127].

Потому в минуты скорбного осознания горестей жизни, разочарованный во всем лирический герой Боратынского саму жизнь готов воспринимать как воплощение печали: «Я встретить радость мнил – нашел одну печаль» [3, с. 58].

Разочарование мыслится Боратынским как болезнь, но не тела, а души. Причины этого кроются прежде всего в утрате «очарования» того, что было дорого человеку, в понимании того, что мир не соответствует высоким романтическим представлениям о нем, не оправдывает возложенные на него надежды.

Вопрос о разочаровании напрямую оказывается связан с важнейшим вопросом, над которыми задумывались многие поколения поэтов и не только до него, проблемой счастья [1]: «О, где вы, призраки невозвратимых лет, / Богатство жизни – вера в счастье?» [3, с. 71].

Парадокс поэтического мира Боратынского состоит в том, что лирический герой автора, разочаровавшийся в жизни, утративший веру даже в такое целительное для многих чувство, как любовь, должен был бы ожесточиться, возненавидеть мир и его создателя, раскрывается с совсем иной стороны. Герой поэта готов искать и находить основания для оправдания божьего промысла, создавать гимны Богу [7] за то немного, что дарует человеку радость, заставляет его ценить жизнь, он готов петь хвалу Всевышнему «за мирный угол свой» [3, с. 66]; за «целебный воздух жизни новой» [3, с. 75]; за «желанье счастья», что в него «вдохнули» [3, с. 101]; за «отраду в песнях муз» [3, с. 115]; за то, что «нет на земле ничтожного мгновенья» [3, с. 218]. И, наверное, поэтому Т.В. Зверева [5] и Е.Н. Федосеева [11] сравнивают лирического героя Боратынского с безутешным Иовом, обнаруживая общность их в том, что оба этих героя в страданиях, разочарованиях своих пытаются найти смысл, постичь через низ замысел Божий.

Выводы

Разочарование рассматривается Боратынским не как итоговое состояние, к которому приходит человек, утрачивающий веру в какие-то значимые проявления бытия, а как промежуточный этап духовно-эмоциональной эволюции личности. Именно разочаровавшись во многом, человек открывает для себя истинные основы жизни, заставляет его по-настоящему ценить то прекрасное, что иногда даруется человеку. Боратынский осознает сам и открывает это и своему читателю: все самое мрачное рано или поздно проходит, и человек получает возможность приблизиться к счастью, обрести веру: «Рука с рукой Веселье, Горе / Пошли дорогой бытия» [3, с. 127]; «Не ропщите: все проходит / И ко счастью иногда / Неожиданно приводит / Нас суровая беда. / И веселью и печали / На изменчивой земле / Боги праведные дали / Одинакие криле» [3, с. 165].

Разочарование, как и страдание, им порожденное, воспринимается поэтом как фундамент жизни, как своеобразный жесткий стимул для вечных поисков чего-то иного, прекрасного: «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам; / Не испытай его, нельзя понять и счастья» [3, с. 74]; «И далеко ищу, как жребий мой ни строг, / Я жить и бедствовать услужливый предлог» [3, с. 142]. Именно ввергнутый в бездну разочарования человек предпринимает невероятные усилия, чтобы выйти из духовного тупика, обрести новый взгляд на мир, познать Бога, приобщиться к вере и прикоснуться к той гармонии, что так долго была ему недоступна. Потому Боратынский – не мрачный пессимист, а трагический оптимист, в творчестве которого наряду с мрачными скорбными текстами, в которых бытие человека представлена как юдоль страданий («Недоносок»),

1835; 1842; «Последний поэт», 1835; 1842; «На что вы, дни! Юдольный мир явленья», 1840), обнаруживается ряд стихотворений, в которых отражено иное мировидение, выражена вера в будущее человека и человечества, чувствуется сопричастность к чему-то гармоничному («Ахилл», 1841; «Рифма», 1840; «На посев леса», 1842–1843; «Пироскаф», 1844, «Молитва», 1841; 1844).

Разочарование заставляет лирического героя острее ценить то, что связано с жизнью, научило его извлекать из всего уроки и понять, насколько велика в жизни человека вера.

Литература

1. Абрамзон Т.Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // *Libri Magistri*. Вып. 1. Литературный процесс: историческое и современное измерения. 2015. С. 116–133.
2. Архангельский С.А. Е. А. Баратынский и его поэзия // *Под знаменем науки*. Юбилейный сборник в честь Николая Ильича Стороженка. М., 1902. С. 28–48.
3. Баратынский Е.А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1989.
4. Гайворонская Л. В. Генезис характера 'поэт' в русской литературе XVIII в. // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Русская филология. 2012. № 5. С. 73–82.
5. Зверева Т.В. О чем молчит «Ода, выбранная из Иова» М. Ломоносова, или еще раз об «умении прочесть оду» // *Филологический класс*. 2007. № 17. С. 37–41.
6. Письмо П.А. Вяземского К.Н. Батюшкову от 5 апреля 1815 г. // *Литературный архив*. Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 141–142.
7. Рудакова С.В. Меж отчаянием и верой (об экзистенциальных и теодицейных мотивах в творчестве Е.А. Баратынского) // *Церковь и время*. 2013. № 3. С. 205–220.
8. Рудакова С.В. Мотив разуверения в лирике Е.А. Баратынского // *Вестник славянских культур*. 2013. Т. 27. № 1. С. 63–70.
9. Рудакова С.В. Основные образно-семантические категории поэтического мира Е.А. Баратынского. Магнитогорск, 2013.
10. Семенко И.М. Баратынский // Семенко И.М. Поэты пушкинской поры. М., 1970. С. 221–291.
11. Федосеева Е.Н. Жалобы библейского Иова в поэтической интерпретации Е.А. Баратынского // *Вестник московского государственного областного университета*. Сер.: Филология. 2008. № 4. С. 166–172.

References

1. Abramzon T.E. K voprosu o russkom schast'e (poehziya XVIII veka) [On the question of Russian Happiness (poetry of XVIII century)]. *Libri Magistri*. Vol. 1. Literaturnyi process: istoricheskoe i sovremennoe izmereniya, 2015, pp. 116–133.
2. Arhangel'skii S.A. E.A. Baratynskii i ego poehziya [EA Baratynsky and his poetry]. *Pod znamenem nauki. Yubilejnyi sbornik v chest' Nikolaya Il'icha Storozhenka* [Under the banner of science. Festschrift in honor of Nikolai Ilyich Storozhenko]. Moscow, 1902, pp. 28–48.
3. Baratynskii E.A. *Poln. sobr. stihotvorenii* [Complete works]. Leningrad, 1989.
4. Gaivoronskaya L.V. Genезis haraktera 'poet' v russkoi literature XVIII v. [The genesis of the character of 'poet' in Russian literature of the XVIII century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology], 2012, № 5, pp. 73–82.
5. Zvereva T.V. O chem molchit «Oda, vybrannaya iz Iova» M. Lomonosova, ili eshche raz ob «umenii prochitat' odu» [What does "Ode selected from the Job" by Lomonosov keep silence about, or once again about the "ability to read the ode"]. *Filologicheskii klass* [Philological class], 2007, № 17, pp. 37–41.
6. Pis'mo P.A. Vyazemskogo K.N. Batyushkovu ot 5 aprelya 1815 g. [Letter of P.A. Viazemsky to K.N. Batyushkov on April 5, 1815]. *Literaturnyi arhiv. Materialy po istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli* [Literary Archive. Materials on the history of Russian literature and social thought], St. Petersburg, 1994, pp. 141–142.
7. Rudakova S.V. Mezh otchayaniem i veroi (ob ehkzistencial'nyh i teodiceinyh motivah v tvorchestve E.A. Boratynskogo) [Between despair and faith (about existential and theodicy motives in the works of E.A. Boratynsky)]. *Cerkov' i vremya* [Church and time], 2013, № 3, pp. 205–220.
8. Rudakova S.V. Motiv razuvereniya v lirike E.A. Boratynskogo [Motif of losing faith in the lyrics by E.A. Baratynsky]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Herald of Slavic Cultures], 2013, T. 27, № 1, pp. 63–70.
9. Rudakova S.V. *Osnovnye obrazno-semanticheskie kategorii poehticheskogo mira E.A. Boratynskogo* [The basic image and semantic categories of the poetic world of E.A. Baratynsky]. Magnitogorsk, 2013.
10. Semenko I. M. Baratynskii [Baratynsky]. *Semenko I.M. Poehy pushkinskoi pory* [I.M. Semenko Poets of Pushkin Times]. Moscow, 1970, pp. 221–291.
11. Fedoseeva E.N. Zhaloby bibleiskogo Iova v poehticheskoj interpretacii E.A. Boratynskogo [Complaints of the Biblical Job in poetic interpretation of E.A. Baratynsky]. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. «Filologiya»* [Bulletin of Moscow State Regional University. Ser. "Philology"], 2008, № 4, pp. 166–172.

УДК 82.09

Е.Е. Соловьева

Череповецкий государственный университет

КОНЦЕПЦИЯ «КОНКРЕТНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ» В ТРУДАХ Д.С. ЛИХАЧЕВА И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В статье рассматривается понятие «конкретное литературоведение», предложенное Д.С. Лихачевым. Проанализированы основные научно-методологические принципы подхода: контекстуальность, точность, историзм, диалогизм, а также методические принципы (опора на факт, тщательная проверка и сопоставление фактов) и формы исследования (комментарий, интерпретация). Концепция Д.С. Лихачева носит полемический характер и направлена против бесосновательных теоретиче-

ских спекуляций. Логичный, конкретный и ориентированный на традиции отечественного литературоведения, этот метод анализа текста сохраняет свою актуальность.

Д.С. Лихачев, «конкретное литературоведение», литературоведческий метод, методика анализа текста.

Academician Dmitry Likhachev, famous scholar of Old Russian manuscripts, created some new methods of interpretation and analysis of text. One of them was named “concrete literary studies”. For Likhachev the object of “concrete literary studies” was the area between reality and literature. Its content and borders are considered in the article as well as its specific features, such as contextuality, principle of dialogue and exactness. The origin of this complex method dates back to the twentieth century Russian literary criticism, but not to formalist’s studies. The aim of the article is to understand whether “concrete literary studies” are still up to date.

Dmitrii Likhachev, “concrete literary studies”, correlation between reality and literature.

Введение

Академик Д.С. Лихачев за свою долгую и плодотворную научную жизнь ввел в обиход литературоведения много новых понятий и терминов. Как верно подмечено в статье, опубликованной к 100-летию ученого, «сделавший множество научных открытий Д.С. Лихачев считал, что ученый должен уметь обозначить свою новацию соответствующим термином» [2]. В исследованиях, посвященных научной деятельности Д.С. Лихачева, всегда уделяется внимание его книге «Литература – реальность – литература» и разработанному в ней понятию «конкретное литературоведение». В. П. Адрианова-Перетц и М. А. Салмина называют его «важнейшим методологическим приемом» [1], М.А. Федотова [12] и А.Т. Хроленко [13] «методикой». Чем же было для Д.С. Лихачева «конкретное литературоведение» – частной методикой или определяющим научно-методологическим принципом? И актуально ли это направление сегодня?

Основной текст

Впервые понятие «конкретное литературоведение» было сформулировано в книге «Литература – реальность – литература (1984 г.). Она состоит из конкретных наблюдений над некоторыми произведениями русской литературы XIX–XX вв. В предисловии к сборнику автор так определяет «конкретное литературоведение»: оно «занято главным образом /.../ пограничной зоной между реальностью и литературой /.../. Оно дает частные объяснения частным же явлениям литературы, приучает к медленному чтению, к углубленному пониманию произведений в реальной обстановке и к реальному пониманию стиля – не только его особенностей у того или иного писателя, но и к пониманию причин появления этих особенностей» [8].

Д.С. Лихачев определяет объект исследования – культурно-исторический и литературный контекст, в котором формируется и существует произведение. В статье 1986 г., посвященной памяти академика М.П. Алексеева, специалиста по английской литературе и сравнительному литературоведению, Д.С. Лихачев уточняет сферу деятельности своего подхода: оно «устанавливает даты и места, обстоятельства и варианты в написании различных произведений, уточняет или устанавливает биографические данные, причины, побудившие автора взяться за перо или выбрать ту или иную тему, ее версию», «изучает влияния – общие и частные, взаимозависимость произведений и их авторов», «занимается комментиро-

ванием – научным комментированием» [7]. Внимание литературоведа может привлечь история создания и публикации произведения, определенные факты биографии писателя, факторы, определяющие его внутренний, но не сами по себе (сами по себе они могут стать предметом изучения смежных дисциплин, например, текстологии, биографического или психологического литературоведения). Предметом же исследования «конкретного литературоведения» является смысл произведения, его стиль, весь комплекс его идейно-художественных особенностей. И не только в своем окончательном виде, но в процессе становления.

Каковы основные методологические принципы «конкретного литературоведения», если рассматривать его как целостный, комплексный метод исследования? Во-первых, контекстуальность анализа литературного произведения, которое неразрывно связано с реальностью, выходя в нее: «Всякое литературное произведение существует в определенной среде: в среде реальной и в среде окружающих его литературных произведений, на которые оно отвечает или которые продолжает, с которыми спорит или соглашается» [8].

Вторую особенность, непосредственную связанную с первой, можно было бы назвать готовностью к изменению, реакции, так как литература диалогична по своей природе: «История литературы не пассивно воспринимает воздействие действительности, это вечный спор – спор внутри самой литературы и с внешней средой» [8]. В этих размышлениях заметно влияние идей М.М. Бахтина о роли контекста и диалогизме художественного слова.

Третий принцип – точности. Применительно к литературоведению, это «точность истолкования произведения». Д.С. Лихачев высоко ценил точность, которая достигается «кропотливыми, методически четкими частными исследованиями» [8]. Именно для этого и нужны возможности, методики, исследовательский аппарат специальных, или вспомогательных дисциплин, среди которых ученый особенно ценил текстологию, которой сам занимался с удовольствием.

Концепция «конкретного литературоведения» глубоко укорена в принципе историзма, которым проникнуты все сочинения Лихачева. Описывая принцип историзма, исследователь показывает, как дыхание времени, растворенное в мелочах действительности, пропитывает ткань литературного произведения, присваивает его себе, превращает его в себя: «Всякое литературное произведение создается в

обстановке воздействия на него действительности, обусловлено этой действительностью – личностью автора, биографическими и историческими обстоятельствами, литературой своего времени и литературным развитием. Вся эта действительность – в широком понимании этого слова – воздействует и на форму, и на содержание произведения одновременно» [10, с. 157].

Статьи, собранные в сборнике «Литература – реальность – литература», демонстрируют специфику метода. Так, например, оттолкнувшись от пушкинской строки «В те дни, когда в садах Лицея Я безмятежно расцветал», исследователь анализирует семантику садов в русской культуре XVIII–XIX вв. Смысл рогатых женских головных уборов, стилистика «предисловного» рассказа Достоевского, традиции «войска» блоковских образов – все это разные грани «конкретного литературоведения».

Принципы «конкретного литературоведения» созвучны научному творчеству Д.С. Лихачева в целом. Характеризуя его научный подход, В.П. Адрианова-Перетц и М.А. Салмина подчеркивают: «Неуклонно следуя по пути изучения конкретных связей литературы как части культуры с исторической действительностью, Д.С. Лихачев с этой позиции исследует и своеобразие художественного мастерства древней русской литературы» [1].

Принципы историзма и точности определяют и методику исследования текста: «Объяснения (текста) отыскиваются в исторической действительности, в быте и обычаях, в реалиях города, даже в самой предшествующей литературе, взятой как некая реальность» [8]. В качестве образца Д.С. Лихачев приводит научную деятельность М.П. Алексеева, специалиста по английской литературе и компаративистике, подчеркивая при этом не только скрупулезность последнего, но и мастерство интерпретации, умение соединить обилие фактов в стройную, продуманную и доказательную концепцию: «Каждый выявленный факт рассматривался им не изолированно, но во всем многообразии и диалектической сложности его зависимостей, связей и воздействий, в самых различных проявлениях» [7, с. 47–48]. Так, например, Д.С. Лихачев перечисляет, что включает в себя исследование литературного генезиса «Памятника» А.С. Пушкина: история восприятия и толкования стихотворения в России и за рубежом, творческая история произведения в контексте творческой биографии поэта, анализ образной системы и поэтической семантики. Результатом этой титанической работы стала книга объемом в 20 авторских листов «Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: Проблемы его изучения» (1967). При этом можно быть абсолютно уверенным в обоснованности любой из рассмотренных литературно-художественных ассоциаций.

М.П. Алексеев при всем различии сфер интересов был для Д.С. Лихачева научным единомышленником. Его особая любовь к работе с рукописями, архивными документами не могла не импонировать специалисту по древнерусской литературе. Вот что писал М.П. Алексеев о важности архивных изыска-

ний: «Оказалось, что между отдельными найденными рукописями, разновременными и, как представлялось, случайными, существует сложная внутренняя связь, а сами они являются важными и заметными звеньями в целой цепи устойчивых личных контактов или творческой зависимости между русскими и английскими поэтами и литераторами» [3, с. 12].

Д.С. Лихачев отмечает «богатый и многосторонний библиографический аппарат, неизменно содержащийся в трудах ученого, удостоверяющий подлинность приводимых им сведений и правильность его умозаключений» [7, с. 52]. Подстрочные замечания в трудах академика М.П. Алексеева порой превосходят по объему основной текст. Д.С. Лихачев сравнивает их с мини-экскурсами. Удивительно, на мой взгляд, не то, что автор их оставляет, а то, что оставляет их за скобками, и в этом двойная ценность: сохраняется удивительная прозрачность письма и предоставляется материал для размышления будущим исследователям.

Приводя довольно пространные цитаты из сочинений М.П. Алексеева, Д.С. Лихачев проясняет важные для «конкретного литературоведения» методические принципы: опора на факт, кропотливая работа с текстом, архивными источниками; исчерпывающий анализ литературы вопроса; поиск взаимосвязей литературных фактов, тщательность в собирании доказательной базы.

Для понимания того, почему Лихачеву нужно было сформулировать понятие «конкретное литературоведение», необходимо учитывать и ситуацию в науке. В.Г. Попов в биографии ученого пишет: «Модному течению той поры, так называемому «чистому литературоведению», Лихачев противопоставляет созданное им “конкретное литературоведение”» [11]. Имманентный анализ, изучение произведения как такого, взятого в отрыве от конкретно-исторических условий, было чуждо специалисту по истории древнерусской литературы, и поэтому он не принимал формализм. Определенные опасения вызывал у Лихачева и структурализм как наследник формальной школы [см.: 9]. Полемический задор заряжает описания преимуществ «конкретного литературоведения» перед абстрактным теоретизированием: «История текста произведения, восстановленная по черновикам, беловым рукописям и прижизненным печатным изданиям, позволяет /.../ точно судить о замысле автора, /.../ не прибегая к домыслам, гипотезам, предположениям, а иногда и просто гаданиям». И далее уже прямое предостережение: «Субъективные истолкования произведения – не только замысла, но и стиля – больше всего дискредитирует литературоведение как науку» [8]. Было бы в высшей степени несправедливо обвинять академика в недоверии к высокому теоретизированию, скорее это выстраданный протест против определенной научной моды.

Суть разногласий – в приоритетах: «Характерная черта теоретических построений Д.С. Лихачева – созданные им теории никогда /.../ не являются наложением на изучаемый предмет неких отвлеченных схем, но вытекают из знания, опирающегося на анализ источников» [2]. И в этом, как и во многом дру-

гом, проявляется этический компонент научной деятельности Д.С. Лихачева, предъявлявшего высочайшие требования, прежде всего, к самому себе.

Высоко оценивая возможности своего метода, Д.С. Лихачев тем не менее не считал его единственным или исключительным: «Конкретным литературоведением отнюдь не исчерпывается литературоведение как таковое. Литература – явление чрезвычайно многообразное и сложное» [8]. И в этом проявлялась широта мышления ученого и гибкость в подходах к разным сторонам и аспектам текста.

«Конкретное литературоведение» не стало новым направлением в науке, наверно, потому что оно не ново, а глубоко укоренено в традициях русского академического литературоведения. Оно не объединило вокруг себя группу горячих сторонников и последователей, потому что требует не горячей, а холодной головы и большого, кропотливого труда.

На просторах нашей Родины трудится немало энтузиастов-литературоведов, практически воплощающих принципы «конкретного литературоведения». Среди таких была и Р.М. Лазарчук, всю жизнь стремившаяся к научной объективности и безупречной точности. Она изучала архивы, историю произведений, личность писателей и их окружение и т.д. Во введении к книге «К.Н. Батюшков и Вологодский край» Р.М. Лазарчук писала: «Мы стремились к установлению истины. Иногда это удавалось, но не только потому, что, оказавшись терпеливее, настойчивее или удачливее других, мы находили тот самый бесценный документ, об открытии которого грезят исследователи. Нам было легче, чем нашим предшественникам, уже потому, что мы обследовали гораздо больший объем материалов, и давно известных, и новых. Мы сопоставляли документы, проверяя данные одного «показаниями» других, подвергая их перекрестному «опросу» [4].

Сама структура книги отражает балансирование исследования между реальностью и литературой: очерки, вошедшие в ее состав, образуют два блока. В первом – «Вологодское окружение К.Н. Батюшкова» – личность поэта, его характер и судьба рассматриваются в контексте реконструируемых на основе обширного архивного материала биографий лиц, с одной стороны, из его ближайшего родственного окружения, /.../ с другой – тех, кто волею обстоятельств оказался с ним рядом в годы его душевной болезни. «Герой» второго блока – Вологодский край (в его современных административно-территориальных границах). В этот блок входят три очерка. Первый дает ответ на вопрос: «Где же прошло детство К.Н. Батюшкова?» Второй представляет собой опыт исторической реконструкции природного ландшафта, предметного и культурного мира Хантанова (усадебные предков Батюшкова по материнской линии). В третьем – «Вологодские адреса К.Н. Батюшкова» – дается документальное обоснование одного вологодского адреса поэта.

Показательна и монография «Литературная и театральная Вологда», состоящая из серии блистательных очерков об известных и малоизвестных, а то и вовсе забытых писателях, связанных с Вологодским краем. Литературовед воскресила для сегодняшнего

читателя тот литературный и культурный фон, без которого невозможно было бы появление гения К.Н. Батюшкова. В предисловии автор призналась: «Мы дорожили каждым фактом, любой деталью, если они что-то открывали в жизни далеких земляков» [5]. Концепция «конкретного литературоведения» Д.С. Лихачева нашла живой отклик в сердце Р.М. Лазарчук не только в силу сходства методов и приемов исследования, но и по своему нравственному заряду. Она писала, как будто опасаясь упреков в незначительности исследуемых имен: «Извлекая из забвения имена, явления, факты, мы восстанавливаем память, вне которой не существует культуры нации» [5]. В последний год Р.М. Лазарчук разработала программу учебного курса для аспирантов «Конкретное литературоведение», надеясь воспитать в молодом поколении ученых-филологов культуру литературоведческого исследования.

Выводы

Размышляя о сущности и структуре литературоведения, Д.С. Лихачев создал выразительную и достаточно гибкую формулу (он назвал ее «литературоведческой “розой”»): в центре – дисциплины, занимающиеся общими вопросами интерпретации текста, на периферии – более точные и вспомогательные. «Специальные литературоведческие дисциплины гарантируют ту необходимую степень точности, без которой нет конкретного литературоведения; последнее же, в свою очередь, поддерживает и питает точность» [6, с. 30]. «Конкретное литературоведение» находится на самой границе, так как цель его – интерпретация смысла произведения, а средства – анализ конкретных литературных фактов, взятых литературным произведением из реальности и сохранившихся благодаря этому в памяти. «Конкретное литературоведение» можно рассматривать и как оригинальный методологический подход к анализу литературного произведения, и как целостный методический комплекс. Смею надеяться, что концепция «конкретного литературоведения» с его ориентацией на зыбкую область между литературой и реальностью актуальна и сегодня.

Литература

1. Адрианова-Перетц В. П., Салмина М.А. Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906–1999). Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=126>
2. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев (К 100-летию со дня рождения). URL: <http://www.imli.ru/info/show/Stati-biografii-sotrudnikov/akademik-dmitrij-sergeevich-lihachev---k-100-letiyu-so-dnya-rozhdeniya/>
3. Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) // Литературное наследство. М., 1982. Т. 91. С. 12.
4. Лазарчук Р.М. Введение // К.Н. Батюшков и Вологодский край. Из архивных разысканий. Череповец, 2007. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/laza/rch/ukr/1.htm>
5. Лазарчук Р.М. Литературная и театральная Вологда 1770–1800-х годов: Из архивных разысканий. Вологда, 1999.
6. Лихачев Д.С. Еще о точности литературоведения // Лихачев Д.С. О филологии. М., 1989. С. 27–30.

7. Лихачев Д.С., Левин Ю.Д. Конкретное литературоведение и труды М.П. Алексеева: [1896–1981, историка и теоретика лит., комментатора, специалиста в обл. междунар. связей рус. лит. и культуры] // Россия, Запад, Восток: встречные течения: к 100-летию со дня рождения акад. М. П. Алексеева. СПб., 1996. С. 46–52.

8. Лихачев Д. С. О конкретном литературоведении. Вместо предисловия // Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. Л., 1984. С. 4–10.

9. Лихачев Д.С. О точности литературоведения // Литературные направления и стили. М., 1976. С. 14–17.

10. Лихачев Д.С. Принцип историзма в изучении единства содержания и формы литературного произведения // Вопросы методологии литературоведения. М.; Л., 1966. С. 142–169. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/0351_Princip_istorisma_1966.pdf

11. Попов В.Г. Дмитрий Лихачев. М., 2013. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/popov-valerij-georgievich/dmitrij-lihachev>.

12. Федотова М.А. Литература – реальность – литература. Л., 1981. URL: http://likhachev.fond.spb.ru/Monogr/liter_real_liter.htm

13. Хроленко А.Т. Основы современной филологии. М., 2013. С. 233.

References

1. Adrianova-Peretc V. P., Salmina M. A. *Lihachev Dmitrii Sergeevich (1906–1999)*. Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom) RAN. URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=126>

2. *Akademik Dmitrii Sergeevich Lihachev (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya)*. URL: <http://www.imli.ru/info/show/Stati-biografii-sotrudnikov/akademik-dmitrij-sergeevich-lihachev---k-100-letiyu-so-dnya-rozhdeniya/>

3. Alekseev M.P. Russko-angliiskie literaturnye svyazi (XVIII vek – pervaya polovina XIX veka) [Russian-English literary contacts (the 18th century – the first half of the 19th century)]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary inheritance]. Moscow, 1982, T. 91, p. 12.

4. Lazarchuk R.M. Vvedenie [Introduction] *K.N. Vatyushkov i Vologodskii kraj. Iz arhivnyh razyskaniy* [K.N. Vatyushkov and Vologda area. From archival research]. Cherepovec, 2007. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/lazarch/ukr/1.htm>

5. Lazarchuk R.M. *Literaturnaya i teatral'naya Vologda 1770–1800-h godov. Iz arhivnyh razyskaniy* [Literary and theatrical Vologda of the 1770-1800th: From archival research]. Vologda, 1999.

6. Lihachev D.S. Eshche o tochnosti literaturovedeniya [About literary criticism accuracy]. *Lihachev D.S. O filologii* [About philology]. Moscow, 1989, pp. 27–30.

7. Lihachev D.S., Levin Yu.D. Konkretnoe literaturovedenie i trudy M.P. Alekseeva: [1896–1981, istorika i teoretika lit., kommentatora, specialista v obl. mezhdunar. svyazey rus. lit. i kul'tury] [Concrete literary criticism and M.P. Alekseev's works: [1896–1981, historian and theorist of lit., the commentator, the expert in the international ties of Russian lit. and cultures]. *Rossiya, Zapad, Vostok: vstrechnye techeniya: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akad. M. P. Alekseeva* [Russia, West, East: cross-currents: to the 100 anniversary of the academician M. P. Alekseev]. St. Petersburg, 1996, pp. 46–52.

8. Lihachev D. S. O konkretnom literaturovedenii. Vmes-to predisloviya [About concrete literary criticism. Instead of the preface]. Lihachev D.S. *Literatura – real'nost' – literatura* [Literature – reality – literature]. Leningrad, 1984, pp. 4–10.

9. Lihachev D.S. O tochnosti literaturovedeniya [About literary criticism accuracy]. *Literaturnye napravleniya i stili* [Literary schools and styles]. Moscow, 1976, pp. 14–17.

10. Lihachev D.S. Princip istorizma v izuchenii edinstva soderzhaniya i formy literaturnogo proizvedeniya [The principle of historicism in studying of unity of contents and form of the literary work]. *Voprosy metodologii literaturovedeniya* [Literary criticism methodology questions]. Moscow; Leningrad, 1966, pp. 142–169. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/0351_Princip_istorisma_1966.pdf

11. Popov V.G. *Dmitrii Lihachev*. М., 2013. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/popov-valerij-georgievich/dmitrij-lihachev>.

12. Fedotova M.A. *Literatura – real'nost' – literatura* [Literature – reality – literature]. Leningrad, 1981. URL: http://likhachev.fond.spb.ru/Monogr/liter_real_liter.htm

13. Hrolenko A.T. *Osnovy sovremennoi filologii* [Fundamentals of modern philology]. Moscow, 2013, p. 233.

УДК 8209

М.Ю. Трубицына

Череповецкий государственный университет

АСКЕТИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ В ТВОРЧЕСТВЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА И М.В. НЕСТЕРОВА

Статья посвящена актуальной проблеме обнаружения взаимосвязей литературы и живописи. В центре художественного анализа творчество писателя-эмигранта Б.К. Зайцева и художника М.В. Нестерова. Пейзаж в творчестве Зайцева и Нестерова – важная часть в раскрытии авторской концепции. Зайцев и Нестеров соединяют особенности реалистического искусства и элементы иконописи и передают через мотивы светоносности, тишины, прозрачности аскетизм северного русского пейзажа.

Литература русского зарубежья, пейзаж, аскетизм, мотив, иконопись, духовный реализм.

The article deals with interrelationship between literature and painting. Works of immigrant writer B.K. Zaitsev and painter M.V. Nesterov are analyzed. The landscape in their works is important to reveal the authors' concept. Zaitsev and Nesterov combine features of representationism and icon-painting and convey the austerity of the Northern landscape with the help of the motifs of light, peace and clarity.

Literature of Russian emigre community, landscape, austerity, motif, icon-painting, spiritual realism.

Введение

Литературоведческий анализ произведения на современном этапе развития филологии предполагает интеграцию гуманитарных дисциплин: филологии, истории, богословия, искусства. Одной из актуальных проблем научных исследований является выявление общих подходов к изображению мира и человека в литературе и живописи. Личностный и культурный диалог Н.В. Гоголя и А.А. Иванова, А.П. Чехова и И.И. Левитана, Б.К. Зайцева и М.В. Нестерова, И.С. Шмелева и Б.М. Кустодиева помогает обнаружить параллели в их художественных исканиях.

Основная часть

Открытие глубоко индивидуальной творческой манеры писателя-эмигранта Б.К. Зайцева и художника М.В. Нестерова определилось их приближением к идеалу христианского святого – преподобного Сергия Радонежского. Сенсацией XVIII выставки Товарищества передвижников в 1890 г. стала картина «Видение отроку Варфоломею», открывшая галерею работ, посвященных преподобному Сергию («Юность преподобного Сергия», триптих «Труды преподобного Сергия»). Для него преподобный Сергий – «лучший человек древних лет Руси» [2, с. 8]. Образ преподобного Сергия продолжал волновать Нестерова на протяжении всей жизни: «Жить буду не я. Жить будет «Отрок Варфоломей». Вот если через тридцать, через пятьдесят лет после моей смерти он еще будет что-то говорить людям, значит он живой, значит, жив и я» [Цит. по: 1, с. 82].

Все позднее творчество писателя-эмигранта Б. Зайцева восходит к небольшой повести «Преподобный Сергий Радонежский» (1925). Лик святого в повести раскрывается через икону и характерные черты русской природы: «Отделяют пятьсот лет. О, если бы его увидеть, слышать. Думается, он ничем бы сразу и не поразил. Негромкий голос, тихие движения, лицо покойное, святого плотника, великорусского. Таков он даже на иконе – через всю ее условность – образ невидного и обаятельного в задушевности своей пейзажа русского, русской души. В нем наши ржи и васильки, березы и зеркальность вод, ласточки и кресты и несравнимое ни с чем благоухание России. Все возведенное к предельной легкости, чистоте» [3, с. 43].

В августе 1935 года Б.К. Зайцев и его жена В.А. Зайцева совершили паломничество на остров Валаам, где провели девять дней. Путевой очерк «Валаам» был написан Зайцевым в 1936 г. после возвращения из этой поездки. В исторических экскурсах, встречах героя-рассказчика с современными подвижниками, в глубоко лирических, исполненных поэзии пейзажах раскрывается неповторимый образ Валаамского Спасо-Преображенского монастыря.

В путевом очерке «Валаам», описывая странствие по скитам, в лесной часовенке преподобного Сергия автору, как он пишет, «довелось еще раз как бы встретить Преподобного». Дикий, глухой лес, ветхая, уютная, намоленная часовенка, к которой вполне могли бы подходить медведи Радонежа, – окружающий мир пробуждает воспоминания, и автор понимает, что его зрелые произведения содержат тень

преп. Сергия, отражение его жизненной идеи и национального характера: «Вот он святой Сергий! Более десяти лет назад в глухом предместье парижском дал он мне счастье нескольких месяцев погружения в его жизнь, в далекие века родины, страдавшей от татар, усобиц, унижений... – и над всей малой жизнью русского писателя вне родины, оплодотворяя, меняя ее, давая новые мотивы, стоял его облик» [3, с. 175]. Зайцев делает вывод, что «крестьянский, «труднический» и лесной дух Валаама максимально близок духу Преподобного!» [3, с. 175].

По мнению критика русского зарубежья Г.В. Адамовича, «Валаам» – «это одна из тех книг, в которых есть «ключ» к творческому методу Б. Зайцева. [3, с. 454]. Г. Адамович обратил внимание на то, что «по самому характеру своего слога, по ритму своего творчества Зайцев в описании далекого уединенного северного монастыря оказался в сфере, его вдохновляющей. Никто другой не нашел бы таких слов, таких эпитетов, создающих иллюзию, будто окружает человека не живой, крепкий светлый мир. А какой-то легчайший туман, вот-вот готовый рассеяться» [3, с. 454].

В статье Г.В. Адамовича прозвучало высказывание, что эстетический подход Б. Зайцева в изображении монастыря можно сравнить с художественной манерой Нестерова: «Благочестивый и мечтательный путешественник зовет нас насладиться покоем, полюбоваться древней прекрасной скудостью быта, помыслить о вечном. <...> никогда никакой поэзии животных радостей, буйной, яркой и плотоядной, не совладать с этим безмолвием, с этими соснами и закатами, никогда перед ними на устоять!» [3, с. 454].

В путевом очерке «Валаам» Б. Зайцев неслучайно упоминает одну из картин Нестерова: «Отец Николай ведет показывать свою деревянную церковь. Он всем своим видом как бы извиняется за то, что существует. В этой последней скромности его есть даже и таинственное. Семидесятилетний старичок, точно сошедший с нестеровской картины («Схимник у озера»), но вот такой тихий и особенный, что сядет он в лодку – лодка сама и поплывет. Зайцы придут кормиться из его рук, ласточка сядет на рукав. Может быть, он идет, а может быть, и уйдет туда, за церковь, растет в лесу» [3, с. 167].

Пейзаж в творчестве Зайцева и Нестерова – не фон, а важная часть в раскрытии авторской концепции. И Нестерова, и Зайцева влечет «север духа» – аскетизм в его простоте, смирении, далекий от мудрствования и надрыва. Северная природа вызывает вдохновение, она проповедует бесстрастие, чистоту, скромность. Нестеров совершил поездку на Соловки (1903), Зайцев – на Валаам (1935). Дух монашеской пустынной жизни отвечал их внутренним устремлениям. Творчество Нестерова прошло под знаком «тихой обители» и он говорил о себе так: «Я избегал изображать так называемые сильные страсти, предпочитая им наш тихий пейзаж, человека, живущего внутренней жизнью» [1, с. 50]. Под впечатлением посещения Соловецкого монастыря была написана одна из лучших нестеровских картин «Молчание» (1903). Главное в картине – единство поэтического настроения людей и пейзажа. Таинственный свет

белой ночи. Неподвижные воды залива. Словно эхо, повторяют друг друга фигурки монахов в лодках, старца и юноши. Монахи находятся на некотором расстоянии друг от друга, и это расстояние становится у Нестерова пространством молитвы и тишины. По свидетельству В. Розанова, Нестеров «вынул из сердца русского человека молитву <...> и облек ее в краски исторические». [Цит. по: 2, с. 46]. В картине присутствует тема двойничества, которая раскроется на других полотнах Нестерова («Под благовест», «Два лада», «Философы»). Почти буквальное повторение силуэтов монахов используется как ритм в музыке.

Художник создает свой тип пейзажа, получивший название «нестеровского». Обращаясь чаще всего к северной природе или природе средней полосы России, неброской, лишенной избытка, он отбирает определенные ее приметы, повторяя, варьируя их на многих своих картинах. Незыблемые составляющие нестеровского пейзажа – юные тонкие деревца: преувеличенно вытянутые белоствольные березки, пушистые сосенки, рябины с красными гроздьями ягод и резной листвой, вербы с пушистыми сережками. Каждое из них портретно, наделено собственной душой.

Нестеров предпочитает самые лирические и одухотворенные времена года – раннюю весну, осень с ее прозрачным и особым светом. Среди времен дня он выбирает наиболее эгипетские – ранние сумерки, вечернюю или утреннюю зарю.

В своем творческом поиске художник пытается соединить особенности реалистического искусства с теми задачами, которые доступны иконописи. Нестеров сумел добиться органического слияния элементов иконы с пейзажем. Так, кротость, чистоту, прозрачность души убиенного царевича Димитрия и победу жизни вечной передают нежные светлые краски утреннего весеннего пейзажа.

Б. Зайцева привлекает внутренняя, духовная и поэтическая сторона Валаама. Зайцев не говорит о ней прямо, она открывается как отклик в душе читателя на те картины, которые рисует автор. По мнению А.М. Любомудрова, метод писателя – активизация читательского сознания и сердца, погружение в состояние тихого созерцания [4].

Дух монашеского уединения, мирного устройства пронизывает валаамские пейзажи, находит отклик в душах паломников: «Смотрели на Ладогу, прямо перед нами простершуюся, *нежно-голубую, со светлыми струями*, с туманным дальним берегом – *мягкая линия холмов. Тишина, пустыннось*. Та *тишина и та пустыннось*, что дают особый, неизвестный в других местах *мир*. Это *мир благообразного и святого мира*, раскинувшегося вокруг, отблеск *зеркальности* Ладоги, сумеречного *благоухания* пустыньки и всей *бесконечной ясности* неба. Слабо позвякивают колокольцы стада – *кроткой нотой*». [3, с. 173] (Выделено мной. – М.Т.).

За счет повторяющихся деталей так же, как и Нестеров, Б. Зайцев отразил светоносность, тишину,

чистоту, прозрачность окружающего пространства: «серебро пролива» [3, с. 165], «Ладога тихим серебром посверкивает» [3, с. 161], «можно любоваться на серебристую Ладогу» [3, с. 176]; «в прозрачном вечере» [3, с. 166], «воздух – кристалл» [3, с. 185]; «мягкая линия холмов, мягкие синеющие холмы» [3, с. 192]; «стеклянная вода, стеклянные струи» [3, с. 165]. Ладога «нежно-голубая, со светлыми струями, зеркальность Ладоги» [3, с. 173]; «райская тишина» [3, с. 158], «в благоухании вечера наступающего, в тишине, благообразии святых мест» [3, с. 166]; «солнце, сквозь сосны тепло и мирно берет лучами этих двух старцев» [3, с. 159]; «солнце мирно золотило Ладогу» [3, с. 161].

Человек и природа у Зайцева объединены возвышенным молитвенным созерцанием: «Очаровательны такие монастырские дороги – на Афоне ли, на Валааме, – меж лесов, в благоухании вечера наступающего, в тишине, благообразии святых мест. Незаметно будто бы, но нечто входит и овладевает путником» [3, с. 166].

Выводы

У Зайцева и Нестерова преобладает северный тип пейзажа – вечернее состояние природы, совпадает колористическое решение (многообразие оттенков серебристого, светлого, нежно-голубого).

Различными художественными средствами Б.К. Зайцев и М.В. Нестеров стремятся к единой цели: передать возвышенную гармонию человека через аскетизм тихого русского пейзажа. Образ божественного мира сквозит в духовном реализме Б.К. Зайцева и на полотнах М.В. Нестерова.

Литература

1. Волошина И. «Жить буду не я. Жить будет «Отрок Варфоломей». Михаил Нестеров: завещание художника // Фома. 2015. №6.
2. Гусарова А. Мастера живописи. Нестеров. М., 2000.
3. Зайцев Б.К. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 7 (доп.). М., 2000.
4. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб., 2003.

References

1. Voloshina I. «Zhit' budu ne ya. Zhit' budet «Otrok Varfolomei». Mihail Nesterov: zaveshchaniye hudozhnika ["It is not me who will live. "The lad Bartholomew" will. Mikhail Nesterov: the will of the artist]. Foma, 2015, №6.
2. Gusarova A. *Mastera zhivopisi. Nesterov* [Masters of painting. Nesterov]. Moscow, 2000.
3. Zaicev B.K. *Sobranie sochinenii: v 5 t. T. 7 (dop.)* [Collected works]. Moscow, 2000.
4. Lyubomudrov A.M. *Duhovnyi realizm v literature russkogo zarubezh'ya: B.K. Zaicev, I.S. Shmelev* [The spiritual realism in Russian literature abroad: B.K. Zaitsev, I.S. Shmelev]. St. Petersburg, 2003.

СЕЛЬЦО АНДРЕЕВСКОЕ – МАЛОИЗВЕСТНАЯ УСАДЬБА БРЯНЧАНИНОВЫХ

В статье рассматривается малоизвестный факт из жизни С.А. Брянчаниновой, дочери А.М. Брянчанинова и матери святителя Игнатия Брянчанинова, и приводятся доказательства ее проживания в детстве и юности в с. Андреевское. Статья выполнена на основании архивных разысканий в Государственном архиве Вологодской области.

Брянчаниновы, с. Андреевское, архивные разыскания.

S.A. Bryanchaninova was a daughter of A.M. Bryanchaninov, a landowner and a writer, and the mother of St. Ignatius (Bryanchaninov), Bishop of the Caucasus and the Black Sea. With reference to the data of archival research in The State Archives of the Vologda region the article proves, that she lived in Andreevskoye in early youth.

Bryanchaninovs, Andreevskoye, archival research.

Введение

Цель статьи – установление с помощью архивных разысканий еще одного вологодского адреса представителей рода вологодских дворян Брянчаниновых, о которых писала в своем исследовании «Литературная и театральная Вологда 1770–1800 годов: из архивных разысканий» Р.М. Лазарчук [17]. В ее исследовании, в частности, освещаются этапы жизни и литературного творчества Афанасия Матвеевича Брянчанинова. Автор обращается к семейному альбому из усадьбы Брянчаниновых в с. Покровском Грязовецкого уезда, содержащему «Собрание сочинений стихами и прозой Афанасия Брянчанинова», а также дневниковые и иные записи его дочери Софьи Афанасьевны Брянчаниновой – матери Святителя Игнатия Брянчанинова. Этому альбому, находящемуся на хранении в фонде редких книг Вологодской областной библиотеки, как памятнику усадебной культуры XVIII – начала XIX веков, был посвящен доклад Н.Н. Фарутиной на Всероссийской научной конференции «Память как механизм культуры в русском литературном процессе» [18]. Н.Н. Фарутина предполагает, что эта запись сделана в с. Андреевском Вологодского уезда, где Софья Афанасьевна жила со своей матерью Дарьей Петровной. Название этой усадьбы она обнаружила в указанном альбоме в записи, сделанной Софьей Афанасьевной 22 октября 1802 года [18, с. 253].

Основная часть

Вот как описала усадьбу Андреевское Софья Афанасьевна Брянчанинова по-французски в семейном альбоме: «20 октября 1802 года. Мы приезжаем в нашу усадьбу. Я была очарована, увидев это уединенное место, в котором я найду, может быть, отдых моей душе. В этом году несчастья выбили у меня почву из-под ног. Этот год поверг меня слишком суровым испытаниям» [Цит. по: 18, с. 252].

Афанасий Матвеевич Брянчанинов женился в Архангельске на Дарье Петровне Латышевой в конце 1783 года. Умер он 13 октября 1786 года, «оставив вдову с малюткой Софьей на руках» [17, с. 45]. В биографии Софьи Афанасьевны до последнего времени оставался некоторый пробел. Известная исследовательница рода Брянчаниновых О.И. Шафранова

пишет: «Афанасий Матвеевич и Дарья Петровна поженились в начале 1784 г., через год у них родился сын Ростислав, вскоре умерший, а еще через год, перед самой кончиной Афанасия Матвеевича или уже после его смерти, родилась дочь София Брянчанинова, будущая мать Святителя Игнатия (Брянчанинова)» [19, с. 80]. Дата рождения Софии Афанасьевны не указана. Нет этой даты и в других доступных источниках.

Окончательно поставить точку в вопросе о дате, а также и об обстоятельствах рождения Софьи Афанасьевны позволяет запись в деле с метрическими книгами города Вологды и Вологодского уезда за 1786 год. В метрической книге Владимирской, что у Пороховой башни, церкви города Вологды за этот год в части первой – о рождающихся под номером 17 написано: «19 октября умершаго Архангелогородского губернского прокурора Афанасья Матвиевича Брянчанинова жена Дарья Петрова разрешилась от бремени дочерью Софиею, при крещении которая восприемницею была коллежская ассесорша Катерина Федова Резанова, того ж мца 22 числа» [1, л.128 об.] «Федова» — искаженное от «Федорова», т.е. восприемницей (крестной) была Катерина Федоровна Резанова. Таким образом, точно установлено, что София Афанасьевна родилась через пять дней после смерти своего отца.

Согласно данным И.Н. Ельчанинова, за Афанасием Матвеевичем Брянчаниновым значились в Вологодском уезде в Комельской (там ошибочно указано – Каменск.) волости сельцо Фомино, Бортниково, д. Черницыно, в Лоскомской волости – сельцо Андреевское [16, с. 153]. В наше время это деревня Андреевское Подлесного сельского поселения Вологодского района, она находится вблизи деревни Харачево неподалеку от города Вологды.

Если сельцо Фомино Вологодского (с 1780 года – Грязовецкого) уезда широко известно как усадьба, принадлежавшая Брянчаниновым, то про Андреевское никакой информации, кроме указанной выше, нет. Как известно, Афанасий Матвеевич, а потом его сын жили в сельце Фомино. Так, например, в 1794 г. на исповеди в церкви Николая Чудотворца, что на Комье (Николаевской Комьянской), были из сельца Фомино Иван Афанасьевич Брянчанинов с женой

Варварой Григорьевной и двумя дочерьми – «близнятами» Ольгой и Варварой [2, л. 751]. В более поздние периоды в исповедных ведомостях Комьянской церкви также значится семья Ивана Афанасьевича Брянчанинова, имени же Софьи Афанасьевны по селуцо Фомино ни разу не встречается.

Как показывают исповедные ведомости церкви Живоначальной Троицы, что в Подлесном, (более позднее название – Троицкая Подлесная) Вологодского уезда, к приходу которой относилось селуцо Андреевское, в период 1741–1765 гг. одним из его владельцев был дед Афанасия Матвеевича – Федор Иванович Брянчанинов [3, л. 323], [4, л. 1004 об.]. В этом селуце у Брянчаниновых были дворовые люди, что свидетельствует о наличии у них там усадьбы. Но ни Афанасий Матвеевич, ни впоследствии его сын Иван Афанасьевич там не жили, их имен среди бывших на исповеди в этой церкви нет.

Из исповедных ведомостей указанной Подлесной церкви усматривается, что в 60–70-е гг. XVIII в. в селуце Андреевском кроме Брянчаниновых был еще один помещик – Петр Иванович Кукарин. В 1772 и 1775 гг. он был на исповеди в указанной церкви вместе с членами своей семьи — женой и дочерью [5, л. 893], [6, л. 1809]. Позднее его господский двор был продан А.М. Брянчанинову.

В фонде Вологодского уездного суда есть дело о передаче недвижимого имущества по наследству от мужа Дарье Брянчаниновой, датированное 1789–1800 гг. В деле имеется копия прошения в Грязовецкую дворянскую опеку, поданного 9 декабря 1787 г. «от определенного к оставшемуся после покойного надворного советника Афанасия Матвеева сына Брянчанинова имени опекуна коллежского советника Кирилла Рындина и того покойного Брянчанинова жены вдовы Дарьи Петровой дочери и сына ево лейб-гвардии конного полку ротмистра Ивана Афанасьевича сына Брянчанинова» [7, л. 4].

В прошении указано, что после Афанасия Матвеевича Брянчанинова наследниками являются его дети: Иван и его малолетние дочери – девицы Варвара и Софья, и жена Дарья в указной части. Имение было полюбовно разделено с участием опекуна, вдовы и сына. По этому разделу Дарья Петровна получила на свою часть в Вологодском наместничестве в Грязовецкой округе из селуца Фомина некоторых дворовых людей, в Вологодской округе из селуца Андреевского с принадлежащими к нему деревнями более шести десятков душ мужского и женского пола с их крестьянским имуществом и строением, пахотную и сенокосную землю и лесные угодья, принадлежащие к тому селуцу и деревням, и несколько крестьян из деревни Раменье Вологодской округи.

Кроме того, на ее, Дарьи Петровны, часть из всего строения мужа она приняла себе в селуце Андреевском господский двор, купленный мужем от полковника Петра Кукарина, и ветряную мельницу, кроме того, в том же селуце хозяйственные постройки, скотный двор и при нем скотскую избу с двумя жилыми покоями, один старый амбар и др. Двор, который был у ее мужа в городе Архангельске, временно оставался в общем владении ее и детей. Все остальное после покойного мужа оставалось во владении

детей Афанасия Матвеевича. Деревни, которые принадлежали к селуцу Андреевскому, – это Роднишная, Дмитрииново, Горка, селуцо Елизарово и деревня Елизарово.

Имя Дарьи Петровны Брянчаниновой впервые встречается в исповедной ведомости Троицкой-Подлесной церкви Вологодского уезда за 1788 год: селуца Андреевского надворная советница Дарья Петровна Брянчанинова, 25 лет, дочь ее София, 2 года [8, л. 629 об.]. По всей видимости, именно здесь они и поселились, когда приехали в Вологодскую губернию на родину Афанасия Матвеевича. Так что получается, что Софья Афанасьевна постоянно вряд ли проживала в селуце Фомино, где жила семья ее брата по отцу Ивана Афанасьевича Брянчанинова.

В фонде Вологодской духовной консистории имеется дело с исповедными ведомостями Троицкой Подлесной церкви Вологодского уезда за период с 1780 по 1836 гг. Данные этого дела подтверждают тот факт, что именно в селуце Андреевском была усадьба, принадлежащая вдове Дарье Петровне Брянчаниновой и ее дочери Софье Афанасьевне. В период с 1788 по 1803 гг. надворная советница вдова Дарья Петровна Брянчанинова с дочерью Софьей Афанасьевной отмечены среди прихожан Троицкой Подлесной церкви как бывшие там на исповеди. И только в 1789 г. в исповедной ведомости нет их имен среди бывших на исповеди. В 1803 г. Дарье Петровне было 40 лет, ее дочери Софье Афанасьевне 17 [9, л. 65, 87, 93, 99, 111, 121, 134, 147, 160, 174, 188, 194, 208, 223, 238].

Сохранили исповедные ведомости этой церкви и имена родителей Дарьи Петровны, урожденной Латышевой. Так, в Троицкой Подлесной церкви в 1802 г. на исповеди были города Архангельска третьей гильдии купец Петр Петрович Латышев, 67 лет, и его жена Ирина Ивановна, 65 лет [10, л. 700–700 об.]. Записаны они среди прихожан этой же церкви, бывших на исповеди, и в 1803 г. [11, л. 238 об.]. То, что это именно родители Дарьи Петровны, сомнений нет, потому что в 1808 г. в Покровской Комельской церкви Грязовецкого уезда вместе с семьей Александра Семеновича и Софьи Афанасьевны Брянчаниновых в селе Покровском значатся «Дедушко» их ПЕТР, 71 год, и жена его ИРИНА, 67 [12, л. 109].

Отставной поручик Александр Семенович Брянчанинов и вологодской помещицы Дарьи Петровны дочь Софья Афанасьевна Брянчанинова сочетались браком 1 мая 1804 г. в Покровской на Комеле (Покровской Комельской) церкви Грязовецкого уезда. Венчал их Московской градской Николаевской церкви, что на Столбах, священник Андрей «с причетники» [13, л. 210 об.]. Начиная с этого года, среди прихожан Троицкой Подлесной церкви, бывших на исповеди, имен Дарьи Петровны и Софьи Афанасьевны нет.

В исповедных ведомостях 1806 г. крестьяне деревень, ранее принадлежавших матери Софьи Афанасьевны, значатся как крестьяне покойной госпожи Дарьи Петровны Брянчаниновой [14, л. 105 об.].

В Вотчинной книге Вологодской палаты гражданского суда за вторую половину 1808 г. имеется

запись от 29 ноября о том, что Алексей Дмитриевич Резанов занял денег у Федора Дмитриевича Резанова под залог доставшегося ему по купчей крепости от 29 октября имения, проданного из Московского опекунского совета Императорского воспитательного дома, оставшегося после покойной надворной советницы Дарьи Петровны Брянчаниновой за неплатеж ею как тому Московскому, так и Санкт-Петербургскому опекунским советам, так и прочим кредиторам. Имение находилось в Вологодской губернии и уезде, Лостомской волости в сельцах Андреевском, Елизарове, деревне Дмитрияновой, Будри-не, Елизарове, Роднишной, Афанасове, в Бохтужской волости в сельце Захарове и в д. Сидорове [15, л. 57]. На этом закончилась история владения Брянчаниновыми неприметным сельцом Андреевское.

Выводы

Найденные материалы не оставляют сомнений в том, что Софья Афанасьевна Брянчанинова, будущая хозяйка великолепного поместья Покровское, жена А.С. Брянчанинова, мать Святителя Игнатия (в миру – Дмитрия Александровича Брянчанинова), провела детство и юность в небольшом селе Андреевское.

Деревня Андреевское Подлесного сельского поселения Вологодского района. Фото автора, апрель 2015 г.

Источники и литература

1. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 496. Оп. 8. Д. 43.
2. ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 319.
3. ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 126.
4. ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 187.
5. ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 208.
6. ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 215.
7. ГАВО. Ф. 235. Оп. 2. Д. 1500.
8. ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 239.
9. ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 230.
10. ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 255.
11. ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 230.
12. ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 333.
13. ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 28.
14. ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 331.
15. ГАВО. Ф. 178. Оп. 8. Д. 59.
16. Ельчанинов И.Н. Брянчаниновы // Материалы для генеалогии Ярославского дворянства. Вып. 2. Ярославль, 1913. С. 150–154.
17. Лазарчук Р.М. Литературная и театральная Вологда 1770–1800-х годов: Из архивных разысканий. Вологда, 1999.
18. Фарутина Н.Н. Памятник усадебной культуры XVIII-начала XIX в. в фонде редких книг Вологодской областной библиотеки // Память как механизм культуры в русском литературном процессе (памяти Риммы Михайловны Лазарчук): Материалы Всероссийской научной кон-

ференции с международным участием (12–14 марта 2014 г., Череповец). Череповец, 2014. С. 248–255.

19. Шафранова О. Предки, современники, потомки: К истории рода святителя Игнатия Брянчанинова // Игнатий (Брянчанинов) Будущее России в руках Божественного Промысла: Письма к Н.Н. Муравьеву-Карскому: К истории рода Брянчаниновых. М., 1988. С. 61–121.

References

1. Gosudarstvennyi arhiv Vologodskoi oblasti (GAVO) [The State Archives of the Vologda region]. F. 496. In. 8. M. 43.
2. The State Archives of the Vologda region. F. 496. In. 19. M. 319.
3. The State Archives of the Vologda region. F. 496. In. 19. M. 126.
4. The State Archives of the Vologda region. F. 496. In. 19. M. 187.
5. The State Archives of the Vologda region. F. 496. In. 19. M. 208.
6. The State Archives of the Vologda region. F. 496. In. 19. M. 215.
7. The State Archives of the Vologda region. F. 235. In. 2. M. 1500.
8. The State Archives of the Vologda region. F. 496. In. 19. M. 239.
9. The State Archives of the Vologda region. F. 496. In. 19. M. 230.
10. The State Archives of the Vologda region. F. 496. In. 19. M. 255.
11. The State Archives of the Vologda region. F. 496. In. 19. M. 230.
12. The State Archives of the Vologda region. F. 496. In. 19. M. 333.
13. The State Archives of the Vologda region. F. 496. In. 19. M. 28.
14. The State Archives of the Vologda region. F. 496. In. 19. M. 331.
15. The State Archives of the Vologda region. F. 178. In. 8. M. 59.
16. El'chaninov I.N. Bryanchaninovy [Brianchaninov] *Materialy dlya genealogii Yaroslavskogo dvoryanstva*. [Information for the genealogy of Yaroslavl nobility], Vol. 2, Yaroslavl, 1913, pp. 150–154.
17. Lazarchuk R.M. *Literaturnaya i teatral'naya Vologda 1770–1800-h godov: Iz arhivnykh razyskaniy* [Literary and theatrical Vologda of the 1770-1800-ies: From the archive research]. Vologda, 1999.
18. Farutina N.N. Pamyatnik usadebnoi kul'tury XVIII-nachala XIX v. v fonde redkih knig Vologodskoi oblastnoj biblioteki [Estate culture heritage of the XVIII-early XIX century. in the fund of rare books of the Vologda Regional Library]. *Pamyat' kak mekhanizm kul'tury v russkom literaturnom processe (pamyati Rimmy Mihajlovny Lazarchuk): Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (12-14 marta 2014 g., Cherepovec)* [Memory as a cultural mechanism in the Russian literary process (to the memory of Rimma Mikhailovna Lazarchuk): Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with international participation (12-14 March 2014, Cherepovets)]. Cherepovets, 2014, pp. 248–255.
19. Shafranova O. Predki, sovremenniki, potomki: K istorii roda svyatitelya Ignatiya Bryanchaninova [The ancestors, contemporaries, descendants: About the history of the family of St. Ignatius Brianchaninov]. *Ignatii (Bryanchaninov) Budushchee Rossii v rukah Bozhestvennogo Promysla: Pis'ma k N.N. Murav'evu-Karskomu: K istorii roda Bryanchaninovykh* [(Bryanchaninov) Russia's future is in the hands of Divine Providence: Letters to N.N. Muravyov-Kara: About the history of the family of Bryanchaninovy]. Moscow, 1988, pp. 61–121.

Часть 2. Лингвистика и литературоведение

УДК 82-21

О.В. Богданова

Санкт-Петербургский государственный университет

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОБРАЗА АКТЕРА В ПЬЕСЕ М. ГОРЬКОГО «НА ДНЕ»

Автор работы пересматривает устойчиво сложившуюся традицию восприятия образа, характера и роли Актера как персонажа второстепенного, лишь сопутствующего главным героям. Однако, как показывает исследователь, образ Актера, с одной стороны, оказывается предтечей образа Луки, предвосхищает появление героя-странника на сцене и воплощает собой переходную ступень в эволюции горьковского Человека. С другой стороны, в статье показано, что образ Актера формирует альтернативу к образу идеолога Сатина, опровергая риторические словесные сентенции героя-резонера о смерти, правде, душе.

Драматургия, М. Горький, пьеса «На дне», образ Актера, система героев, идейный уровень.

The article offers a new concept of the image of Actor. Conceptual components of the image of Actor in the stage «paintings» by M. Gorky's «The lower depths» (1902) becomes the subject of the analysis in the article. The author of article revises steadily the tradition of image perception, the nature and role of Actor as a character of secondary importance in Gorky's play, merely accompanying the main characters without taking active part in main ideological disputes about Man, Truth and Lies. However, according to the researcher, the image of Actor, on the one hand, is the forerunner of the image of Luke; he anticipates the appearance of the wanderer character on the stage and embodies a transitional stage of the Gorky evolution of the Man – from Plato's cave and from the man-beast to the Christian Light and Purity. On the other hand, the article shows that the image of Actor forms an alternative to the image of the ideologist-character Satin and refutes Satin's verbal rhetorical maxims about death, truth, soul.

Drama, M. Gorky, play «The lower depths», the image of Actor, system of characters, ideological level.

Введение

Пьеса М. Горького «На дне» с момента ее появления на сцене (1902) и в печати (1903) неизменно пользовалась вниманием критики. К ее изучению обращались известные отечественные исследователи (М. Громов, И. Кузьмичев, А. Овчаренко, З. Паперный, В. Петелин, Н. Примочкина, И. Ревякина, Л. Спиридонова, А. Ханов и др.). Текст пьесы, кажется, был всесторонне изучен. Однако новое время порождает новое прочтение пьесы. С точки зрения сегодняшнего дня, многие составляющие горьковской драмы обретают новые оттенки. Потому целью настоящей статьи стало рассмотрение образа Актера и его роли, попытка найти новые грани его репрезентации.

Образ Актера и его характер в философских «картинах» М. Горького «На дне», как правило, не рассматриваются в системе главных идейных споров драмы, функция героя-актера воспринимается как вспомогательная. Персонажу приписывается второстепенная роль, целью которой становится «развенчание» одного из контрапунктурных героев-идеологов, в частности «лжи» лукавого (по Горькому) Луки. Однако пристальное внимание к тексту пьесы позволяет утверждать, что Актер – концептуальный и самый последовательный персонаж пьесы, делающий решительный и решающий философский выбор, развивающийся в русле гуманистических традиций отечественной и мировой литературы.

Основная часть

Слово «актер» («артист») в метасознании начала XX века сопровождалось символическим смыслом и его мотивный комплекс стремился организоваться в модель мира, в центре которого стоял творец-создатель – Человек-Артист (как, например, в поэзии у А. Блока). В отличие от «простых» героев пьесы «На дне» Анны или Клеща, наивной романтической Насти, приземленной торговки пельменями Квашни и других «диких» и «донных» персонажей пьесы, Актер причастен знанию, просвещен и посвящен. Он оказывается концептуально связанным с центральной дуалистической – идейно-философской – парой-контроверсой «Сатин – Лука», вступая с героями-идеологами в «неожиданные» отношения сопоставления (Актер // Лука) и противопоставления (Актер ↔ Сатин).

Уже во вводной авторской ремарке Актер и Сатин даются драматургом не дифференцированно, как другие персонажи, но «парно», в одной строке: «Сатин и Актер – приблизительно одного возраста; лет под 40» [1, с. 890]. При появлении Актера на сцене его первая реплика адресована Сатину («Однажды тебя совсем убьют... до смерти...» [1, с. 893]). Однако парность данных героев – не признак подобия персонажей, а скорее экспликация их идейно-позиционной нестройной конфронтированности, еще не достигшей своего апогея в предпозиции парных отношений «Сатин – Лука».

Подобно другим персонажам пьесы, в начале действия Актер предстает растворенным в атмосфере платоновской пещеры (во вводной авторской ремарке пьесы звучит: «Подвал, похожий на пещеру...» [1, с. 890]), почти невычленимым (кажется, органично растворенным) в среде пещерных «людей-зверей», «дикарей», обитателей ночлежки Костылева. Однако с первых же реплик, подобно герою-идеологу Сатину, Актер обнаруживает пристрастие к *слову*. Горький намечает некое сопоставление героя-резонера и героя-невидимки (по авторской ремарке, Актер появляется на сцене как «невидимый» [1, с. 890]). Подобно тому, как Сатин играет непонятными «нечеловеческими» словами, тем самым обретая вес в глазах ночлежников (и в рамках всего драматического действия пробивая дорогу своему будущему финальному монологу), так и незаметный среди прочих героев Актер обретает свою видимую сущность в значительной степени посредством слова. «Актер (*громко, как бы вдруг проснувшись*). Вчера, в лечебнице, доктор сказал мне: ваш, говорит, организм – совершенно отравлен алкоголем...» [1, с. 894]. Слово *организм* находится в ударной фазе высказывания, акцентировано синтаксическим строем предложения и неслышимой интонацией говорения персонажа. Актер прорисовывается на фоне прочих «пещерных» героев обретением именованием *организм* – (еще) не человек, но некий организм, словно бы начинающий эволюционное развитие, в процессе научного дарвинизма или горьковского «вочеловечения» претендующий стать Человеком. Потому в следующей реплике Актера уже слышны «Слова, слова, слова!», причем оплодотворенные культурным экстрактом. По его воспоминаниям: «В драме “Гамлет”... <он> играл могильщика...» [1, с. 895]. И следом Актер произносит имя Офелии и провокативно-проективную (на фоне его будущей судьбы) фразу «О... помяни меня в твоих молитвах!...» [1, с. 895]. Актер – через свою (бывшую) причастность театру – в горьковском споре о Человеке приоткрывает двери бытийных составляющих «нового времени», возрожденческого (шекспировского) вопроса-постулата «Быть или не быть?..», задает философские координаты идейному спору.

Между тем восприятие образа Гамлета в XIX – начале XX вв. неоднократно менялось, обретало неоднозначные и по-своему противоречивые трактовки. Начиная с 1880-х гг., периода кризиса народничества, гамлетизм представлялся как философия пессимизма, бездействия и фразерства. Неслучайно безвольный, тоскующий, приходящий к полному крушению «московский Гамлет», в представлении А.П. Чехова, – «гнилая тряпка, дрянь, кислятина» [2, с. 506] (рассказ-фельетон «В Москве», 1891). Потому хаос не сформировавшегося бытия, еще не воплощенной в человеческом облике особи проступает в алогизме речи Актера. Шекспировскую трагедию «Гамлет» герой ошибочно квалифицирует как драму; игравший роль могильщика, он воспроизводит монолог Гамлета; больной чахоткой, персонаж заморожен отравлением организма пьянством. В ходе вселенской эволюции (в пределах образа Актера) грубый хаос еще не превратился в гармоничный космос,

но тем не менее образ актера заставляет предвидеть новую «дарвинистскую» ступень – *предчувствие* человека – особенно после (сначала не вполне понятных, но) многозначных слов: «Я говорю – талант, вот что нужно герою. А талант – вера в себя, в свою силу...» [1, с. 895].

Вожденной (в т.ч. Сатиным) силы в «немогущем и хилом» Актере нет, глубинного взаимопонимания между Сатиным и Актером не возникает – и этот мотив близости/несходства проводится Горьким последовательно с первых диалогических реплик героев (1 акт) вплоть до последней фразы Сатина в финале пьесы (4 акт).

В сценических взаимосвязях горьковского «ноева ковчега», где «каждой твари по паре», Актер в большей мере составляет корреляционную идейную пару страннику Луке, чем Сатину. Как обнаруживает текст, и до появления на сцене Луки, и после его исчезновения именно Актер оказывается выразителем своеобразного контрапункта в отношении Сатина, персонифицированным «заместителем» Луки. В метафорическом смысле Актер предуведомляет появление на сцене странника-философа.

На сцену нового постояльца, старика-любомудра выводит Наташа, героиня «с чистой рукой» (в определении Пепла). Только что прозвучавшие слова Васьки: «А куда они – честь, совет? На ноги, вместо сапогов, не наденешь...» [1, с. 900] – контрапунктурно отзываются в приветствии Луки: «Доброго здоровья, народ честной!» [1, с. 912]. Недо-человеки, полу-звери¹, «дикие» люди драматургически сталкиваются Горьким с вновь появившимся персонажем, чтобы эксплицировать, с одной стороны, новый (хотя и промежуточный) этап вочеловечения, с другой – предложить возможный/невозможный, допустимый/недопустимый, по Горькому, путь вызревания Человека в человеке. Ранее пунктирно намеченная в пределах от-платоновской пещерной образности христианская символическая тональность находит свое законченное персонажное оформление, обретая личностное воплощение в характере Луки – неслучайно значение имени Лука «свет» (*лат.*) [2, с. 227]. Условно, тема платоновского «язычества» сменяется светом «христианства».

Лука исходно, с первых реплик, завоевывает расположение ночлежников и воспринимается как герой с ярко репрезентируемой гуманистической философией: «...по-моему, ни одна блоха – не плоха: все – черненькие, все – прыгают...» [1, с. 900]. Аппелляция к фольклорной максиме, а вскоре и народная песня «Середь ночи путь-дорогу не видать...», которую поет Лука, выделяют персонаж на фоне прочих героев, отводя ему особое место. Время создания пьесы и, как следствие, частые встречи с Л.Н. Толстым эксплицируют неявное, но намеренное указание на личность и характер убеждений писателя-гуманиста, оттеняют народную слагаемую толстовских взглядов, устанавливая идейную диспозицию (в итоге – между философией всепримирения и всепрощения Тол-

¹ Практически каждый из персонажей пьесы в тот или иной момент именуется то «козлом», то «свиньей», то «собакой», то носит «насекомую» фамилию (Клещ) и др.

стого и действенного гуманизма Горького). Символическая семантика звучащей песни акцентирует философский поиск героями пути-дороги среди ночи, «без солнца» (первое название пьесы).

С Лукой в пьесе входит свет, действие поднимается на новую ступень сюжетной организации, своеобразной композиционной лестницы. Идеологически сущностный персонаж-философ, по аналогии с платоническими диалогами героев-дикарей, обретает право высказать собственные суждения и изложить вариант представлений о благе, душе, Человеке. Герой не становится еще одним «малым» голосом вавилонского столпотворения, но обнаруживает цельную и емкую философию, в основе своей заключающую идейные положения толстовства (и в более широком плане – христианства).

Категории семантического поля *правда/истина* в присутствии Луки начинают актуализироваться настоящей. Несмотря на то что имя Луки становится основой иронического и снижающего каламбура «Лука – лукавый», тем не менее он оказывается единственным персонажем, речи которого имеют воздействие на окружающих.

В ходе пьесы Лука ко всем героям обращается со словами сочувствия и утешения. Самое сильное воздействие слова героя возымели на Актера. В пространстве пары «Лука – Актер» ярче проступает стихийная религиозность и «скрытая» внутренняя философичность актера. Произнесенные им слова о таланте, о «вере в себя, в свою силу...» в сопоставлении с позицией Луки позволяют осознать отсутствие в Актере активного таланта жизни или его личностную слабость. Бывший актер Сверчков-Заволжский (псевдоним в духе А.Н. Островского) честно признается Луке: «А теперь вот... кончено, брат! <...> я, брат, погиб...» [1, с. 912]. Под воздействием речей странника Актер на мгновение вспыхивает¹ рядом с Лукой, вспоминает забытое стихотворение о *безумце*, ищет (и не безуспешно) заработка², но внутри себя отчетливо осознает, что утратил главный признак человека – «Пропил я душу, старик...» [1, с. 912] – и понимает невозможность обращения. «А почему – погиб? Веры у меня не было...» [1, с. 912]. И в подобном нетеатральном контексте понятия *душа* и *вера* прочитываются (в том числе) и в парадигме христианских представлений.

Любимое стихотворение Актера о «святой правде» и «золотом сне», образ мыслителя-безумца, который способен осветить «целый мир», оставшийся «без солнца», становится яркой поэтической доминантой сюжетной линии Актера и своеобразным –

¹ Сатин называет Актера «огарком». Если представить, что имеется в виду огарок свечи, то образ оказывается поэтически емким. Свеча символизирует свет во тьме жизни, воплощает образ души человека и скоротечность человеческой жизни. В христианстве свеча – божественный свет, символ Христа, благодати, веры, благочестия и др. Слово-прозвище «огарок», таким образом, вносит многочисленные дополнительные коннотации в образ Актера.

² Заметим, что, подобно Луке, работа, найденная Актером, – подметание. «Я сегодня – работал, мел улицу...» Сходный характер работы Луки (подметал пол в ночлежке) и Актера (мел улицу) симптоматичен.

апофатическим, по Горькому – прославлением / низвержением образа безумца Луки. Смерть же Актера, по замыслу драматурга, должна была служить сигналом нежизненности «лживых» утешений безумца Луки и одновременно философских положений Толстого (и христианства в целом).

Однако многочисленность идейных пристрастий и смешение разнохарактерных теорий, к которым апеллировал Горький (язычество, платонизм, христианство, толстовство, нищезанятие и др.), позволяют иначе взглянуть на образ, характер и смерть Актера. Герой оказывается персонажем *принципиально* промежуточным, биполярным, колеблющимся, в судьбе его обнаруживается оригинальный синтез платонизма и христианства.

С одной стороны, по Платону, поэты и актеры, в своем копировании и воспроизведении действительности обречены на роль «недоверенных раздражителей», т.е. людей по-своему «слабых». Но в рамках платоновской системы ценностей выбор смерти всегда рассматривался как поступок сильный. С другой стороны, в рамках православных представлений, самоубийство недопустимо и осуждается церковью. Между тем русская классическая литература создала высокий трагический образец самоубийцы Катерины («Гроза» Островского), и в рамках этой парадигмы смерть Актера есть сильный и осознанный выбор, нежелание принимать жизнь бездушно, будучи лишенным души и веры. Как для героини Островского смерть была обретением свободы и избавлением от самодурства «темного царства», так и для Актера, пробужденного речами Луки, самоубийство стало знаком возрождения в нем Человека, способного осознать и не принять собственную ничтожность и малость.

Актер – единственный среди ночлежников персонаж, который понял себя и свое место в «донном» мире. После воскрешения в памяти Актера стихотворения Беранже, кажется, и сам он возрождается («Я на пути к возрождению...» [1, с. 921]). Но одновременно он сознает и обратное. Актер понимает, что искра безумия, о которой писал Платон и которую воспевал Беранже, угасла (потому в тексте применительно к актеру возникает образ-метафора «огарок»). Муза Мельпомена покинула Актера, лишив его дара созидательного творчества, вдохновенного сотворения.

Другие персонажи, кажется, более сильные, чем Актер, – например, Сатин или Барон – даже понимая свое положение в ночлежке, принимают свою «пустую», отраженную (по Платону), «невидимую», сонную (по Горькому) жизнь. Еще в первом действии Сатин произносит глубокомысленную фразу о мертвенности дна – «...дважды убить нельзя» [1, с. 893]. О Бароне Настя говорит: «Молчи уж... коли Бог убил...» [1, с. 925]. Однако и для одного, и для другого эти афористически точные диагнозы остаются фразами – «слова, слова!...»

Таким образом, казалось, идейно спланированный уход Актера, который должен был знаменовать собою слабость убеждений Луки, на самом деле, вопреки замыслу автора, поддерживал если не философию терпения толстовца-странника, то со всей опре-

деленностью гуманистическую традицию классической русской литературы. Сознательный выбор смерти возможен только в момент наивысшего духовного напряжения, и *слабый* герой, осознавший гибель своей души и утрату веры, совершает *сильный* поступок, предпочтя смерть физическую длящейся смерти духовной. В финале убивая себя «до смерти», Актер опровергает слова Сатина «дважды убить нельзя», привнося в диалог-спор собственное понимание подлинной жизни (и правды). В контексте смерти Актера судьбы ночлежников предстают платоновскими «теньями», которые являют собой только отражения, мнимые силуэты истинного бытия на закопченных стенах пещеры-ночлежки.

Смерть Актера воскрешает слова, сказанные одним из героев по поводу смерти «парной» образу актера Анны – «Зачем жил человек?», в финале пьесы актуализируя ту главную проблему, которая выносилась на обсуждение писателем. Но самоубийство Актера (помимо участия автора) дискредитирует не позицию Луки, а позицию Сатина. Слова «Эх... испортил песню... дур-рак!» на фоне высоких идей гуманизма и возвеличивания человека, только что прозвучавших из уст Сатина, обретают оттенок цинизма и безразличия, в конечном итоге – фразерства героя-идеолога.

Бывший каторжник Сатин у Горького становится если не носителем, то провозвестником новой философии. Его образ выписан штрихами, без видимой телесности и вещественности. Сатин вступает в «мудрую беседу» с героями, произносит запоминающиеся, афористически броские фразы, однако действительного участия в событиях жизни ночлежников не принимает. В ходе пьесы он только «проявляет» героев, тем или иным «непонятым» словом на уровне подтекста порождая стереоскопию. Сатин «провоцирует» героев своим словом к свершению поступков (особенно это относится к Актеру – например, сатинское ироничное упоминание лечебницы, которая находится «в полуверсте от края света»).

Среди героев пьесы Сатин скорее наблюдатель, созерцатель, что, по Платону-Горькому, и делает его философом-мыслителем, «любителем мудрости». По существу единственным и принципиально-отличительным признаком личности Сатина становится его признаваемый ночлежниками ум. Однако ум Сатина – горьковский, самобытный. Сатин не принимает «христианизированной» позиции Луки. Для него неприемлемо толстовское всепрощение Луки: «А если меня однажды обидели и – на всю жизнь сразу! Как быть? Простить? Ничего. Никому...» [1, с. 943]. Но в отличие от других постояльцев Сатин умеет понять воздействие философии Луки на людей дна: «Он... подействовал на меня, как кислота на старую и грязную монету...» [1, с. 941]. Именно последнее – избавление от коррозии – и становится, по Горькому, условием пробуждения в Сатине пропагандиста новой философии: «Человек – вот правда! <...> Правда – бог свободного человека!» [1, с. 941].

В отличие от более поздних (само)рефлексий Горького, который утверждал, что «основной вопрос» пьесы – об истине и сострадании – в ходе соз-

дания пьесы он *не противопоставлял* Луку и Сатина. Согласно художественной идеологии пьесы, следуя генезису мысли Горького, Лука – не антагонист Сатина, а его предтеча: «Я – понимаю старика... да! Он врал... но – это из жалости к вам...» [1, с. 941]. Другое дело, что взывающий к Человеку Сатин не принимает правду-жалость. Для молодого Горького, в отличие от вековой традиции русской классической литературы, вопреки тысячелетней истории религиозных течений, жалость и сострадание – оскорбительны. Сатин: «Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью...» [1, с. 941].

Однако, как впоследствии будет пояснять Горький, «из утешений <...> Луки Сатин сделал свой вывод о ценности всякого человека» («О пьесах»). Действительно, отвечая на вопрос Сатина «...зачем люди живут?», Лука просто объясняет: «А – для лучшего люди-то живут!.. Вот, скажем, живут столяры и всё – хлам-народ... И вот от них рождается столяр... такой столяр, какого подобного и не видала земля <...> Всему он столярному делу свой облик дает... и сразу дело на двадцать лет вперед двигает... Так же и все другие... слесаря, там... сапожники и прочие рабочие люди... и все крестьяне... и даже господа – для лучшего живут! Всяк думает, что для себя проживает, а выходит, что для лучшего! <...> для лучшего человека живут!» [1, с. 941].

Любопытно, что «эволюционная система» Луки служит прообраз(ц)ом развития идей самого Горького. Как странник рассуждал о рождении «лучшего [человека]», так и писатель в «На дне» развивает историю эволюционирования идей «для лучшего», у него – «лучшей философией». На рубеже веков этой «лучшей философией» для Горького стала идея Гордого Человека, находящаяся в ближайшем соседстве с теорией сверхчеловека Ф. Ницше. Вслед за Ницше Горький хочет показать человечество, пробуждаемое к новой жизни прославлением Человека в человеке. И в этом контексте заключительная фраза Сатина по поводу смерти *обыкновенного* человека Актера «Эх... испортил песню... дур-рак!» находит свое идейную мотивацию и логическое объяснение: позиция молодого драматурга указывает на допустимость подобного отношения «сильного» (по Горькому) Сатина к «слабому» Актеру. Идея абсолютной ценности человеческой жизни объединяет на тот момент философию выдающегося немецкого мыслителя конца XIX века о сверхчеловеке и поиски молодым Горьким образа Гордого Человека.

Выводы

Итак, характер Актера и роль его образа в системе героев – на ступенях «вочеловечения», которые предлагает Горький в пьесе «На дне» – оказываются более существенными и принципиальными, чем принято считать. В итоге образ героя-актера, ранее рассматриваемый критикой как причастный «дну» и, кажется, органично растворенный в среде героев-ночлежников, оказывается принципиально промежуточным. На пути к Гордому Человеку Горького Актер оказывается не на ступени дикого пещерного человека (по Платону), не на высшей ступени (сверхчеловека, по Ницше) или приближении к ней,

репрезентируемой Сатиным (значение имени Константин – «твердый», «константный»), но на уровне традиционного гуманистического (во многом христианизированного) миропонимания, исповедуемого странником-толстовцем Лукой. Эстетическая и этическая константы образа Актера развиваются в русле гуманистических традиций мировой и отечественной литературы.

Литература

1. Горький М. Избранные сочинения. М., 1986. С. 890–951.

2. Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. Словарь русских личных имен. М., 1995.

3. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1974–1983. Т. VII.

References

1. Gor'kii M. *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. – Moscow, 1986, pp. 890–951.

2. Tihonov A.N., Boyarinova L.Z., Ryzhkova A.G. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of the Russian personal names]. Moscow, 1995.

3. Chekhov A.P. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: in 30 t.]. Moscow, 1974–1983, T. VII.

УДК 811.111

Д.А. Ефремова

Московский государственный институт (Университет) международных отношений

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БИОГРАФИЧЕСКИХ РОМАНОВ

Биографические романы как жанрово-типологическая разновидность биографических текстов рассматриваются с позиций лингвистики текста. В статье анализируются, какие характеристики функциональных стилей на лексическом, грамматическом и композиционном уровнях проявляются в изучаемом типе текста. Исследование показывает, что биографический роман нельзя однозначно отнести к какому-либо функциональному стилю, поскольку в нем обнаруживаются черты научного, публицистического и художественного стилей.

Биографический роман, функциональные стили, лексические, грамматические, композиционные черты функциональных стилей, научный, публицистический, художественный стили.

Biographical novel as a genre and typological kind of biographical text is considered from the tenets of text linguistics. The article shows the features of functional styles at the lexical, grammatical and composition levels that are observed in the studied text. The research posits that biographical novel cannot be definitely attributed to one functional style: scientific, publicistic or belles-lettres style.

Biographical novel, functional styles, lexical, grammatical, composition features of functional styles, scientific, publicistic, belles-lettres styles.

Введение

Биографический роман является, пожалуй, самым сложным типом биографического текста с точки зрения определения его особенностей и стилевой принадлежности. Отечественные авторы, которые занимались исследованиями в области биографических романов [4], [7], [8], [10], [11], интересовались, в основном, художественным своеобразием отдельных текстов, а зарубежные лингвисты и литературоведы предпринимали попытки создать руководство по написанию данного типа текста [26], [22], [19] или составить классификации биографии как жанра по формально-содержательному [24] или историческому [25] критериям. Вопрос о функционально-стилевом статусе биографических романов не находился в фокусе их рассмотрения, хотя является ключевым, так как задает направление для дальнейшего их изучения, и нуждается в решении, поэтому цель данной статьи – внести вклад в решение данной проблемы. Эта цель определяет постановку ряда частных задач: выявить критерии выделения различных функциональных стилей и определить, каким из этих

критериев отвечает текст биографических романов. Материалом для данного исследования послужили тексты 50 биографических романов о персоналиях, работавших в разных областях науки, техники, общественной жизни, искусства, написанные в период с начала XX в. до наших дней.

Основная часть

Для решения проблемы о функционально-стилевом статусе текста биографических романов, в первую очередь, необходимо выяснить, по каким критериям выделяются функциональные стили. Из наиболее распространенного определения данного понятия, приводимого в работах И.Р. Гальперина, А.В. Швеца, В.В. Гуревича, где оно определяется как исторически сложившаяся разновидность общенародного языка, реализующая его основные функции и характеризующая совокупностью определенных языковых признаков на всех лингвистических уровнях (фонологическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом) [3], [5], [13], следует, что функциональный стиль выделяется на основе функ-

ции, выполняемой текстом, и языковых черт, которые в нем обнаруживаются. Традиционно выделяют функции сообщения (информативная), характерная для научного стиля, эстетическая функция, типичная для художественного стиля, функция воздействия, доминирующая в публицистическом стиле.

Рассмотрим, какие из этих функций характерны для анализируемого типа текста. Биографические романы определяются как тип биографии – жанр, характеризующийся большим объемом, многолинейностью сюжета, охватывающего целый ряд событий, многоголосием, наличием различных композиционно-речевых форм: диалога, повествования, описания, рассуждения, использованием символизма как средства когерентности, наличием заголовка как организующего и систематизирующего компонента текста [6]. Исходя из концепции «жанра в жанре» [9], [1], [2], по которой биографический роман как разновидность собственно романа, обнаруживает его черты, в том числе и функциональные, можно говорить о том, что биографический роман выполняет эстетическую функцию. О дидактической функции биографического текста неоднократно писал в своих сочинениях теоретик биографического жанра А. Морюа [23]. Информативная функция биографических романов определяется их тематикой и отражается в языковом наполнении, где высокий удельный вес (76 % всех средств объективной модальности) имеет фактологическая информация (даты, имена, топонимы, ссылки на исторические события и др.). Таким образом, можно говорить о функциональной близости биографических романов и художественного, публицистического и научного стилей.

Рассмотрев функциональное своеобразие биографических романов, перейдем к выявлению в них черт различных функциональных стилей. Из всех разновидностей биографического текста биографический роман наиболее приближен по своим лингвостилистическим особенностям к художественному стилю. Среди общих черт можно назвать образность, использование большого количества лексических единиц в контекстуальных значениях, сочетание литературной и разговорной лексики, а также экспрессивное использование синтаксиса (особенно разорванного синтаксиса). Так, реализация контекстуальных значений слов может находить отражение в иронии (редко относящейся к главному герою, которого авторы биографических романов, как правило, склонны идеализировать). Так, в следующем примере автор употребляет данное стилистическое средство по отношению к собаке, которая долго жила в доме семейства Кюри:

Cuddled, kissed and fed-over, Lancet became an enormous beast whose dictatorship weighed on the whole family. He spoilt the furniture, upset vases of flowers, devoured food that was not intended for him, leaped upon every guest in sign of welcome, and then tore to bits hats or gloves that had been imprudently left about in the hall. So many virtues had earned him the adoration of his owners, who disputed the privilege of taking their despot on holiday every summer [17, с. 41]

В данном контексте лексическая единица *virtues* с положительной коннотацией меняет значение на

противоположное, так как выступает гиперонимом для перечисляемых проделок собаки, выраженных лексикой с отрицательной оценочностью. Расширенная гиперболическая метафора, выраженная лексическими единицами **dictatorship**, **despot** создает яркий образ собаки – тирана, которая терроризирует всех и вся, и усиливает контраст между безоговорочной, иррациональной любовью членов семьи и ужасным поведением собаки. Употребление иронии в данном случае – способ выражения авторской оценки.

Синтаксическая экспрессивность биографических романов чаще всего находит отражение в использовании сепаратизации¹, парцелляции, эллиптических предложений, разрыва в повествовании, назывных предложений:

One of her earlier flames, Rupert Hambro, remembered the masochistic glee Camilla took telling him about tricky situations Andrew's love life sometimes caused. "She often saw the funny side of things afterwards," said Hambro.

Or pretended she did. *Camilla's marital compromises had effect of making adultery part of her way of life. Parker Bowles initiated it. Somehow, the pain his betrayals inflicted on her had to be minimized and laughed away [16, с. 127].*

Автор прибегает к парцелляции для введения и выделения собственной трактовки поведения одной из героинь своего биографического романа, чему также способствует положение данного приема в тексте – сильная позиция в начале абзаца. Таким образом, автор пытается скрытым образом показать читателям, что ее интерпретация действий Камиллы Паркер Боулз самая вероятная и правильная. Этому также способствует имплицитная апелляция к аксиологическим представлениям читателей о нравственном поведении: используя лексические единицы с отрицательной коннотацией *adultery*, *betrayals*, а также яркое негативнооценочное словосочетание для описания смеха героини *masochistic glee*, автор осуждает ее, но одновременно и проявляет свое сочувствие, что выражается в использовании эвфемизма *marital compromises*, а также сочетании пассивного залога, дистанцирующего действие от деятеля, и модального глагола *have to*, указывающих на вынужденный характер ее поведения.

Биографический роман, как и собственно роман, характеризуется разнообразием стилистических решений, т.е. сочетанием в себе также элементов других стилей: научного, публицистического. Среди черт публицистического стиля, которые обнаруживают биографические романы, нужно отметить эмоциональность рассуждения и аргументации, использование большого количества связующих слов, позволяющих проследить логику, использование редких, книжных слов, эвфемистического языка, неологизмов.

¹ Сепаратизация – синтаксическое явление, характерное для сложноподчиненных предложений, когда придаточное предложение отсекается от главного, которое при этом остается автосемантическим [12].

Einstein's ideas about the effects of very high speeds on measurements produced results **so strange that** it took physicists many years to accept them. He found, **for example**, that as the moving object approaches the speed of light it shrinks. Imagine, **for example**, two identical rocket ships, 50 feet long. One is sitting on the ground and the other is flying over it, at 90% of the speed of light. **Suppose** someone on the ground were pointing an instrument at the flying ship to measure its length. The answer he would get is 22 feet. **The ship traveling at a speed near that of light has shrunk!** [18, с. 83]

Данный фрагмент, представляющий собой рассуждение, о чем свидетельствует построение по логической модели дедукции (тезис-доказательство-вывод), использование условного наклонения для выражения допущений, имплицитный диалог с читателем (употребление глагола в повелительном наклонении), употребление трех связующих слов, характеризуются высокой степенью эмоциональности за счет того, что автор прибегает к оценочной лексико-синтаксической конструкции **so strange that**, восклицательному предложению. Также средством выражения эмоциональности в аргументации могут быть эмфатические конструкции, инверсия, синтаксический параллелизм:

Yet, the Queen has (quietly) been the most diligent Supreme Court Governors in the Church of England's modern history. There is no contradiction in any of this. *It is her devotion to the Commonwealth which endears her to so many minority communities in Britain. And it is her devotion to the Church of England which endears her to so many of Britain's minority faiths as they, like her, deal with increasingly secular world. She is, thus, emblematic of both Old Britain and New Britain* [20, с. 14].

Данный пример представляет собой классическое рассуждение, построенное по логической модели дедукции, когезия осуществляется за счет использования связующих слов **and, thus**, последнее из которых является формальным. Аргументы вводятся при помощи эмфатических конструкций, параллельных конструкций и повторов: *It is her devotion to the Commonwealth, which endears her to so many minority, it is her devotion to the Church of England, which endears her to so many of Britain's minority*, которые усиливают их эмоционально-экспрессивный характер.

Как и в публицистическом стиле, необходимость выбирать менее категоричные способы освещения щекотливых вопросов побуждает авторов биографических романов прибегать к использованию эвфемизмов, перифраза, абстрактной лексики:

Hillary didn't react with **histrionics**; she barely seemed to react at all. Her **response** led the Fays to conclude that she had been well aware of the **nature of Bill's extracurricular activities**, if not the scope. Still in the aftermath of her explosive **statement**, Mary Fray waited for Hillary to say something [14, с. 61].

Эвфемизм *extracurricular activities* используется, чтобы в более мягкой, вежливой и культурной форме сослаться на похождения главного героя, которые в предыдущем абзаце достаточно явно были описаны в цитате, содержащей в себе гиперболу "sleeping with

half a district". Таким образом создается разительный контраст между менее категоричной авторской трактовкой и мнением ближайшего окружения главной героини (выраженным в цитате), который усиливает объективность текста (за счет представления различных трактовок), а с другой – выступает как средство субъективности, имплицитно выражая авторскую оценку при помощи иронии. Помимо применения эвфемизмов использование абстрактной, формальной лексики (например, **histrionics, nature, response, statement**) как черта публицистического стиля также проявляется в тексте биографических романов.

Нередко для выражения своих оценок и выводов в сжатой и довольно яркой форме авторы биографических романов прибегают к созданию новых слов, чаще всего выступающих как сложные синтаксические эпитеты:

This was the kind of **damned-if-you-do, damned-if-you-don't** critique that Hillary was constantly subjected to (and not just on motherhood), especially by former employees in the governor's office or White House who had left under disagreeable circumstances [15, с. 157].

В данном примере антитетические неологизмы **damned-if-you-do, damned-if-you-don't** в сжатой форме передают авторскую оценку критики, с которой сталкивалась его героиня. Эти неологизмы представляют собой свободные лексические словосочетания языка, употребленные в нетипичной для них синтаксической функции – атрибута. А использование инвектива как компонента данных новообразований еще более усиливает экспрессивный эффект.

Биографические романы помимо черт публицистического стиля обнаруживают и ряд общих черт с научным стилем: использование формул, таблиц, графиков, диаграмм для сжатого, иллюстративного представления информации, рассуждения как композиционно-речевой формы. Так, биография David Leavitt "The Man Who Knew Too Much" содержит на страницах одной из глав, посвященной созданию компьютера, алгоритмические коды и таблицы и их анализ, что усиливает объективность, достоверность текста.

Одним из значимых элементов научного стиля, присутствующих в биографических романах, которые тяготеют к объективному представлению информации (прежде всего, в биографиях об ученых и политиках), – рассуждение как композиционно-речевая форма. Оно строится в четкой логической последовательности индуктивной или дедуктивной:

The relative increase in mass applies to all bodies when they speed up. **(Thesis)** ...suppose your mass is 50 kilograms. Now suppose you are in a highly unlikely train, moving 90 % of the speed of light. If you step on a scale, the scale will still read 50 kilograms because the scale is in your **frame of reference**. But if someone outside the train, at rest on the earth, were to measure our mass, he would find it to be 115 kilograms. **(Proof)** Mass depends on the frame of reference from which it is measured. **(Conclusion)** [18, с. 78].

Этот отрывок представляет собой классический пример дедукции (тезис – доказательство-вывод), по модели которой строится большинство рассуждений в биографических романах. Более того, в данном

сверхфразовом единстве содержится много других особенностей научного стиля: наличие термина **frame of reference**, условные предложения, видимые союзом *suppose*, количественные данные. Это также можно объяснить стремлением авторов к научности изложения.

Выводы

Таким образом, биографические романы по своим функционально-стилистическим особенностям отличаются разноплановостью и сочетают в себе черты и функции различных стилей: художественного, публицистического, научного. На основе этого можно предположить, что применительно к данному типу текста можно говорить о его межстилевом статусе.

Литература

1. Брандес М.П. *Стилистика текста*. М., 2004.
2. Валгина Н.С. *Теория текста*. М., 2003.
3. Гальперин И.Р. *Стилистика*. М., 1971.
4. Гром, К.Н. *Роман-биография в творчестве С. Цвейга*: дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1983.
5. Гуревич В.В. *Стилистика английского языка*. М., 2007.
6. Ефремова Д.А. Категория модальности в современных англоязычных романах-биографиях и средства ее выражения // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2013. № 2(47). Т. 1. С. 71–73.
7. Казанцева Г. В. *Беллетризованные биографии В.П. Авенариуса «Пушкин» и «Михаил Юрьевич Лермонтов»: история, теория, поэтика жанра*. М. 2007.
8. Лопатина В.Д. *Литературная биография в современной английской прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. М., 1988.
9. Лотман Ю. М. *Избранные статьи*. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 248–268.
10. Ляшенко А.В. «Тарас Шевченко» Мариэтты Шагинян и историко-биографический роман в советской литературе: дис. ...канд. филол. наук. – Киев, 1983.
11. Потницева Т. Н. *Биография как жанр английской литературы XVIII–XIX веков: дис. ... док-ра филол. наук*. М., 1993.
12. Ткаченко Т.И. *Сепаратизация сложноподчиненных предложений (на материале современного немецкого языка): дис. ...канд. филол. наук*. Львов, 1979.
13. Швец А.В. *Публицистический стиль современного русского литературного языка: о некоторых особенностях синтаксического строя современной газетной речи и тенденция ее развития*. Киев, 1979.
14. Anderson Ch. *American Evita*. N.Y., 2005.
15. Bernstein C. *A Woman in Charge*. Lnd., 2007.
16. Brown T. *The Diana Chronicles*. N.Y., 2008.
17. Curie E. *Madame Curie*. N.Y., 1937.
18. Cwiklik R. *Albert Einstein and the Theory of Relativity*. NY., 1987.
19. Edel L. *Literary Biography*. Toronto, 1957.
20. Hardman R. *Our Queen*. – Lnd., 2012.
21. Leavitt D. *The Man Who Knew Too Much*. Lnd., 2007.
22. Lee S. *Principles of Biography*. Cambridge, 2009.
23. Maurois A. *Aspects of Biography*. Cambridge, 1929. Pp. 83–97.
24. Mikics D. *A New Handbook of Literary Terms*. – Yale, ltd, 2007.
25. Saunders J.T., Shipley A.E., Quirke V.M. *Oxford Dictionary of National Biography*. Vol. 1. Oxford, 2004.
26. Thayer W.E. *The Art of Biography*. N.Y., 1920.

References

1. Brandes M.P. *Stilistika teksta* [Text stylistics]. Moscow, 2004.
2. Valgina N.S. *Teoriya teksta* [Theory of the text]. Moscow, 2003.
3. Gal'perin I.R. *Stilistika* [Stylistics]. Moscow, 1971.
4. Grom, K.N. *Roman-biografiya v tvorchestve S. Cveiga* [Biographical novel in S. Zweig's works [Dr. dis.]. Tashkent, 1983.
5. Gurevich V.V. *Stilistika angliiskogo yazyka* [English stylistics]. Moscow, 2007.
6. Efremova D.A. *Kategoriya modal'nosti v sovremennykh anglozazychnykh romanah-biografiyakh i sredstva ee vyrazheniya* [Category of a modality in modern English-language biographical novels and means of its expression]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets state university], 2013, № 2(47), T. 1, pp. 71–73.
7. Kazanceva G. V. *Belletrizovannye biografii V.P. Avenariusa «Pushkin» i «Mikhail Yur'evich Lermontov»: istoriya, teoriya, poetika zhanra* [The fictionalized V.P. Avenarius's biographies "Pushkin" and "Mikhail Yuryevich Lermontov": history, theory, genre poetics]. Moscow, 2007.
8. Lopatina V.D. *Literaturnaya biografija v sovremennoi angliiskoi proze* [The literary biography in modern English prose]. Dr. filol. Sci. diss. Moscow, 1988.
9. Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Tallinn, 1992, V. 1, pp. 248–268.
10. Lyashenko A.V. «Taras Shevchenko» Marietty Shaginyan i istoriko-biograficheskii roman v sovetskoj literature ["Taras Shevchenko" of Marietta Sciaghinyan and a historical biographical novel in the Soviet literature]. *Doct. diss.* Kiev, 1983.
11. Potniceva T.N. *Biografiya kak zhanr angliiskoi literatury XVIII–XIX vekov* [Biography as a genre of the English literature of the 18-19th centuries]. *Doct. Diss.* Moscow, 1993.
12. Tkachenko T.I. *Separatizaciya slozhnopodchinennykh predlozhenii (na materiale sovremennogo nemeckogo yazyka)* [Separatization of complex sentences (evidence from modern German)]. *Doct. dis.* L'vov, 1979.
13. Shvec A.V. *Publicisticheskii stil' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: o nekotorykh osobennostyakh sintaksicheskogo stroya sovremennoi gazetnoi rechi i tendenciya ee razvitiya* [Publicistic style of the modern Russian literary language: about some features of a syntactic system of the modern newspaper language and a tendency of its development]. Kiev, 1979.
14. Anderson Ch. *American Evita*. NY., 2005.
15. Bernstein C. *A Woman in Charge*. Lnd., 2007.
16. Brown T. *The Diana Chronicles*. NY., 2008.
17. Curie E. *Madame Curie*. NY., 1937.
18. Cwiklik R. *Albert Einstein and the Theory of Relativity*. NY., 1987.
19. Edel L. *Literary Biography*. Toronto, 1957.
20. Hardman R. *Our Queen*. Lnd., 2012.
21. Leavitt D. *The Man Who Knew Too Much*. Lnd., 2007.
22. Lee S. *Principles of Biography*. Cambridge, 2009.
23. Maurois A. *Aspects of Biography*. Cambridge, 1929, pp. 83–97.
24. Mikics D. *A New Handbook of Literary Terms*. Yale, ltd, 2007.
25. Saunders J.T., Shipley A.E., Quirke V.M. *Oxford Dictionary of National Biography*. Vol. 1. Oxford, 2004.
26. Thayer W. E. *The Art of Biography*. NY, 1920.

ФУНКЦИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ИНТЕРНЕТ-ЖАРГОНЕ

В статье анализируются функции и специфика употребления филологических терминов в современном интернет-жаргоне, который представлен особой формой бытования современного русского языка (*луркояз*) на сайт интернет-энциклопедии «Луркоморье» (<https://lurkmore.to>). Эксплицированы четыре базовые функции (прямая номинативная, имитационная, людическая и шиболет-тест) употребления филологических терминов, преимущественно известных широкому кругу носителей языка. Отдельное внимание уделено ошибочным использованиям лексических единиц, связанным с разной степенью их агнонимичности.

Интернет-жаргон, филологический термин, луркояз, номинативная, имитационная, людическая функции, шиболет-тест.

The article deals with the analysis of function and specificity of use of the philological terms in the contemporary Russian Internet jargon known as *lurkoyaz* represented on site of Internet encyclopedia "Lurkmore" (<https://lurkmore.to>). We describe four basic functions (direct nominative, simulation, ludic and Shibboleth test) of philological terms used in lurkoyaz. Special attention is paid to the lexical errors associated with varying degrees of agnomimia.

Internet jargon, philological term, lurkoyaz, nominative, imitative, ludic functions, Shibboleth test.

Введение

В последние годы в России произошли существенные экономические и политические изменения, которые нашли закономерное отражение не только в лексической системе языка, но и в разнообразных формах и способах языковой рефлексии, представленной, в частности, и в интернет-дискурсе. Особенно эти изменения становятся заметны в электронных средствах массовой информации, которые являются «способом формирования языкового сознания общества и средством создания языковой картины мира» [3, с. 87]. О серьезном влиянии электронных средств массовой информации на сознание современного российского общества свидетельствует, например, тот факт, что 5 мая 2014 г. был подписан Федеральный закон № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей»: согласно этому закону, блогеры, персональные интернет-страницы которых имеют более 3000 просмотров в день, обязаны регистрировать свои сайты в специальном государственном реестре и «соблюдать требования законодательства РФ, регулирующие порядок распространения массовой информации» (п. 6, ФЗ № 97). Этим законом персональные интернет-ресурсы (например, блоги, страницы Живого журнала, профайлы в социальных сетях) фактически приравниваются к СМИ. Несмотря на то, что сайт lurkmore.to не относится к категории блога, по количеству ежедневных посещений этот интернет-ресурс превосходит многие популярные электронные СМИ. Так, согласно данным liveinternet.ru¹, за второе полугодие 2015 г. в среднем

за сутки интернет-энциклопедию lurkmore.to посетили 135416 пользователей.

Языковая рефлексия как «метаязыковой комментарий по поводу употребления актуальной лексической единицы» [3, с. 76] присутствует на многих страницах данной интернет-энциклопедии. Статьи сайта lurkmore.to написаны на так называемом языке Луркоморья (луркоязе), который, по заверениям самих составителей ресурса, «не есть язык коммуникативный – это жаргонный стиль повествования» («Язык Луркоморья»)². Одновременно, по их же мнению, луркояз «стал квинтэссенцией всех языковых мемов Рунета», однако «люди, применяющие их, зачастую не понимают их истинного значения» [3, с. 76]. «Луркояз действительно является одним из хороших способов добиться комического эффекта, иронии», однако не каждый читатель способен понять специфику стиля и иронию статей: «...если внимательно приглядеться к здешним статьям, то можно убедиться, что шутит все-таки остроумный (в хорошем смысле) автор, а специфический язык служит всего лишь отличным дополнением. Но пониманию школьника это, увы, недоступно» [3, с. 76].

Основная часть

Алгоритм исследования строился следующим образом:

- 1) в качестве первоначального (опорного) списка был использован словник «Словаря лингвистических терминов» под редакцией О.С. Ахмановой (СЛТ);
- 2) словоформы каждого термина были проверены с помощью поисковой строки интернет-энциклопедии lurkmore.to;
- 3) значения терминов, приведенные в СЛТ, сопоставлялись со значениями тех же терминов, использованных на сайте.

¹ URL: <http://www.liveinternet.ru/stat/lurkmore.ru/index.gif?date=2016-01-01;period=month;graph=yes> (дата обращения: 31.01.2016)

² Здесь и далее в скобках приводится название статьи / страницы интернет-энциклопедии.

В результате анализа были выявлены 1822 микроконтекста, в которых обнаружены 139 филологических терминов; в основном они встречаются в статьях, посвященных собственно грамматике русского языка и этимологии (интернет-)жаргонизмов (например, «Grammar nazi»; «Расстрельный грамматический список» и др.). Самыми частотными по отношению ко всей лексико-семантической группе оказались следующие термины:

- предложение (23,87 %);
- сленг (11,47 %);
- абзац (5,32 %);
- глагол (4,66 %);
- ассоциация (3,78 %);
- стилистика (2,85 %);
- дискурс (2,85 %);
- междометие (2,74 %);
- падеж (2,14 %);
- иероглиф (1,97 %);
- пунктуация (1,92 %);
- грамматика (1,48 %);
- гласный (1,20 %);
- эсперанто (1,15 %);
- суффикс (1,04 %);
- синоним (1,04 %).

Меньше 1, но не менее 0,5 % имеют следующие по частотности термины: *кириллица, дефис, словарь, причастие, неологизм, сарказм, приставка, лексикон, клише, фразеологизм, метафора, частица, местоимение, предлог, множественное число, антоним, заимствование*. Остальные 106 филологических терминов (76 % всего количества) набрали меньше 0,5 %.

Важным представляется тот факт, что из 33 терминов, имеющих частотность выше 0,5 %, 18 присутствуют в «Кодификаторах элементов содержания и требований к уровню подготовки выпускников образовательных организаций для проведения единого государственного экзамена по литературе и русскому языку», а также в «Демонстрационных вариантах контрольных измерительных материалов единого государственного экзамена по литературе и русскому языку», утвержденных ФГНУ «Федеральный институт педагогических измерений» (материалы ЕГЭ по русскому языку за период 2009 – 2015 гг.). В результате проведенного анализа выделены наиболее частотные филологические термины, которые должны быть известны выпускнику средней общеобразовательной школы: *предложение, глагол, междометие, падеж, пунктуация, грамматика, гласный, суффикс, синоним, дефис, причастие, сарказм, приставка, фразеологизм, метафора, частица, местоимение, предлог*. Совпадение списков наиболее часто встречающихся филологических терминов на lurkmore.to и в материалах итогового школьного экзамена по русскому языку свидетельствует о том, что авторы статей интернет-энциклопедии используют терминологический аппарат, который (теоретически) знаком усредненной языковой личности. Справедливости ради следует заметить, что более половины филологических терминов, использованных в луркоязые, – это узкоспециальные понятия, на которые,

правда, в сумме приходится меньше 17 % общего количества употреблений.

1. (Прямая) номинативная функция. Наиболее распространенный случай использования филологических терминов в интернет-жаргоне lurkmore.to – в функции прямой номинации, в прямом номинативном значении, то есть в качестве научного термина, например:

«Две радужные бумажки» – тоже *анахронизм*. Первые бумажные ассигнации появились в России в 1769, т.е. уже после смерти Баркова» («Лука М***»).

В некоторых случаях встречаются филологические термины, относящиеся к узкоспециальной лексике. Так, термин *аффриката* используется в интернет-энциклопедии всего один раз, однако в терминологически правильном значении; автор рассуждает об отношении белорусских представителей Grammar Nazi к неправильному произношению:

«Алсо, попадаются и орфоэпические ГН – за мягкое *ч*, взрывное *з*, раздельное произношение *аффрикат «дз»* і «*дж*» и еще целый ряд подобных деяний закатывают в асфальт» («Grammar nazi»).

Аналогично в исключительно номинативной функции используется термин *арго* в значении ‘лексика деклассированных элементов’ [4, с. 25]:

«Корни понятия «чорт»¹ растут из воровских традиций. На *арго* оно имеет значения: «преступничковичок», «простак», «человек, работающий на производстве», «начальник угрозыска», «человек, не связанный с преступным миром, но выдающий себя за такового» («ГСР», или «Гопнический стиль речи»).

Более интересный случай языковой рефлексии связан с попыткой дать дефиницию термину *окаказионализм*; показателен тот факт, что само это определение (как образец наивной лексикографии [5, с. 76]) содержит жаргонизм «форсить»:

«Умные лингвисты когда-то заметили похожее явление и придумали слово «окаказионализм» – то есть слово, которое придумывает и форсит один автор» («Форсед_мем»).

2. Имитация научного стиля повествования. В ряде случаев филологические термины на страницах интернет-энциклопедии lurkmore.to используются для имитации научного стиля, что связано, с одной стороны, с представлениями о том, что сам жанр энциклопедии предполагает научный стиль изложения, и, с другой стороны, с разнообразными постмодернистскими играми, характерными для современной городской культуры, отражением которой в первую очередь и является «Луркоморье». Так, например, в следующем контексте при классификации жаргонизма «зафейлить» неверно употреблен узкоспециальный термин *англицизм* (предполагаемая цель автора – подчеркнуть «научный» характер описания слова):

«... «зафейлить» (хотя само по себе-то вполне обычный *англицизм*, вошедший в язык программистов) и прочие производные» («Язык Луркоморья»).

¹ Здесь и далее оригинальные орфография и пунктуация сохранены.

Однако согласно СЛТ, термин *англицизм* – это «слово, выражение (или синтаксическая конструкция), заимствованное из английского языка и воспринимаемое как чужеродный элемент» [1, с. 45]. В статье же интернет-энциклопедии «англицизм» использован в значении ‘русское исконное производное от заимствованного английского корня’.

Более интересными представляется употребление термина *морфология* в ныне не часто встречающемся даже в лингвистических штудиях значении ‘морфемика’:

«*Морфология* слова намекает на два значения:

– Калифорнизация – как “электрификация”, “демократизация” и т.д., короче.

– Cali + fornication – просто: Калифорния + Блуд. Столь же просто взглянул на термин переводчик выдавший перевод названия сериала – «Блудливая Калифорния» («Портал: Ниасилили/Californication»).

По данным СЛТ, термин *морфология* имеет два значения: «1. Раздел языкознания, изучающий разнообразные аспекты строения слова с точки зрения зависимости его значения от составляющих его морфем /.../; 2. Совокупность морфологических противопоставлений, свойственных данному языку, его грамматических категорий и способов их выражения» [1, с. 234]. Формально в статье “Californication” ни одно из этих значений термина *морфология* не актуализировано, однако подчеркнем еще раз, что, во-первых, частным разделом морфологии является морфемика (следовательно, перед нами метонимический перенос первого значения термина), и, во-вторых, автор мог использовать термин *морфология* в его общенаучном значении – ‘строение; внешняя форма (чего-либо)’.

3. Людическая функция (функция языковой игры). Филологические термины в интернет-энциклопедии «Луркоморье» могут употребляться для создания языковой игры, например, в ситуации, когда автор статьи пытается «при создании речевого произведения (в том числе письменного текста) выйти за рамки горизонтов ожидания читателя» [7, с. 137]. Так, общепилологический термин *сарказм* в следующем контексте использован вместо созвучного ему слова (подобного рода параномазия позволяет выразить такой элемент языковой рефлексии, как ироническое авторское отношение авторов к объекту описания):

«Единственная девушка Лаундейла, способная испытывать множественный *сарказм*. Зачастую – с несколькими мужчинами одновременно, да и с женщинами тоже» («Дарья»).

Иной способ создания языковой игры использован в следующем контексте, в котором слово «батарея» классифицируется как *деепричастие*:

«Батарея – хрестоматийный пример того, как в русском языке могут трансформироваться части речи. В данном случае существительное превратилось в *деепричастие* и стало отвечать на вопрос «что делаешь»: худея, леденея, батарея» («Батарея»).

В статье использованы псевдолингвистические рассуждения, приводящие к абсурдному утверждению о том, что слово «батарея» – это результат пере-

хода существительного в деепричастие. Однако в конце статьи авторы как бы намекают на то, что, быть может, перед читателем была развернута языковая игра: «Подобная *игра слов* существует и в английском языке» («Батарея»).

4. Функция шиболет-теста. Филологические термины в интернет-энциклопедии lurkmore.to могут использоваться и в функции шиболет-теста, то есть как средство идентификации «по принципу «свой – чужой» на основе общности/различий языковых явлений» [2, с. 152]. Так, с точки зрения авторов, описывающих *многоточие*, использование этого знака препинания («в виде трех рядом поставленных точек, употребляющийся для обозначения прерванности речи или смыслового подчеркивания следующего за ним (многоточием) текста» [1, с. 227] может быть средством разграничения людей на две группы: на тех, кто правильно употребляет многоточие в русском языке, и тех, кто неправильно это делает. Соответственно, в статье «Многоточие» те, кто неправильно используют этот знак препинания, называются «упоротые анонимусы», а те, кто знает, где его надо ставить, – «Граммар Наци»:

«Особо упоротые анонимусы предпочитают выписывать *многоточие* таким способом: «. . .», что заставляет Граммар Наци с**ть кирпичами не переставая, это я гарантирую. Для тех, кто не понял: *многоточие* с отбивкой пробелами позволительно в английской типографике (хотя и считается там несколько устаревшим), но никак не в русской» («Многоточие»).

Даже вышеупомянутый термин *сарказм* может выступать в качестве средства идентификации понимающих «сарказм» и не понимающих его. Так, по мнению авторов lurkmore.to, зрители юмористической телепрограммы «Городок» делятся на тех, кто осознает, что юмор в передаче переходит в «сарказм», и тех, кто этого не осознает:

«Однако не все смотревшие сознавали, что юмор в Городке – на самом деле переходящий в *сарказм*, порою черный» («Городок»).

В функции шиболет-теста может выступать не только знание того или иного филологического термина, но и собственно языковое знание как часть лингвистической компетенции языковой личности. Так, для автора статьи «Копипаста: Образование» шиболетом становится склонение числительных (а также некоторые акцентологические нормы): все люди делятся на тех, кто знает, как склонять числительные, например автор («я»), и тех, кто не знает правил и норм родного языка:

«Все они одеты в чёботы, шаровары, бурку и скуфью и т.д. А на выходе мы имеем: каждый первый одновременно блует и звонит; каждый первый не умеет склонять *числительные* (даже на радио, тв) – т.е. не умеет пользоваться падежами; путает рода слов – «мое день рождение» («Копипаста: Образование»). (Уровень владения самим автором нормами современного русского языка выносим за скобки.)

Попутно отметим, что данные рассуждения являются типичной иллюстрацией такой характерной особенности современного рунета, как хейтерство,

или повышенная немотивированная агрессия к незнакомым интернет-собеседникам [6, с. 163].

Ошибочное использование филологического термина. Неверное использование научных терминов в ряде случаев свидетельствует о непонимании автором их истинного значения. Так, слово «дракон» в статье «ГСР» классифицируется как *междометие*, хотя в самом авторском примере использовано в функции обращения:

«Чорт, бес, броня, дракон – *междометия*, используемые в сложных сюжетах, в крайне взволнованном состоянии, когда контроль ускользает из рук. Например: «Ты чо, дракон, а?» («ГСР»).

По-видимому, термин *междометие* для составителя данной статьи является агнонимом. Классификация элементов однородного ряд «*чорт, бес, броня, дракон*» как междометий свидетельствует, что в автор имеет «представление только о том, что слово обозначает нечто относящееся к определенной весьма широкой сфере» [8, с. 192 – 193].

Выводы

Итак, в ходе исследования специфики употребления филологических терминов в языке интернет-энциклопедии «Луркоморье» был проведен их качественно-количественный и контекстуальный анализ, с помощью которого были эксплицированы следующие функции терминов: прямая номинация, имитация научного стиля, создание языковой игры и шиболет-тест. Необходимо еще раз отметить следующий факт: несмотря на то что авторы интернет-энциклопедии опираются на терминологический аппарат, который должен быть известен им (и читателю) со школьной скамьи, в ряде случаев они допускают грубые лексические ошибки, связанные с плохим знанием или агнонимичностью некоторых филологических терминов.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

УДК 070.422.2

И.О. Капустина

*Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор И.Л. Волгин
Московский государственный университет*

КРИТИКА ЖУРНАЛА В.В. КАШПИРЕВА «ЗАРЯ» В СОВРЕМЕННОЙ ПЕЧАТИ (НА ПРИМЕРЕ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»)

В статье рассматривается журнал В.В. Кашпирева «Заря» в оценке современной печати (на примере «Отечественных записок»). Выход журнала, относящегося к позднему славянофильству, не прошел незамеченным. В статье также рассматриваются значимые работы, опубликованные в «Заре» и отмеченные критикой «Отечественных записок»: сочинение «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского и диссертация «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» В.И. Ламанского.

Кашпирев, «Заря», «Отечественные записки», славянофилы, западники.

The article deals with Kashpirev's journal "Zarya" assessment in the modern press (in the publications of the "Otechestvennie zapiski"). The publication of the journal belonging to the late slavophilism did not remain unnoticed. The article also discusses sig-

2. Большакова И.Г. О социальной роли метода тестов в истории человечества и в современном обществе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 7. №3. С. 149–158.

3. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005.

4. Грачев М.А. От Ваньки Каина до мафии. СПб., 2005.

5. Ефремов В.А. О новых формах наивной лингвистики в эпоху интернета // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 74–81.

6. Ефремов В.А. Русский язык в Интернете // Октябрь. 2013. № 5. С. 71–76.

7. Зайковская И.А. Ассоциативно-семантический потенциал и текстовые реализации лексической парадигмы «словарь»: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.

8. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.

References

1. Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, 1966.

2. Bol'shakova I.G. O social'noi roli metoda testov v istorii chelovechestva i v sovremennom obshchestve [About a social role of a method of tests in the history of mankind and in modern society]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [The Bulletin of the Leningrad state university of A.S. Pushkin], 2011, T. 7, №3, pp. 149–158.

3. Vepreva I.T. *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu ehpoхu* [Language reflection during Post-Soviet era]. Moscow, 2005.

4. Grachev M.A. *Ot Van'ki Kaina do mafii* [From Vanka Cain to mafia]. SPb., 2005.

5. Efremov V.A. O novykh formah naivnoi lingvistiki v ehpoхu interneta [About new forms of naive linguistics during an Internet era]. *Antropologicheskii forum* [The Anthropological forum], 2014, № 21, pp. 74–81.

6. Efremov V.A. *Russkii yazyk v Internetе* [Russian on the Internet]. October, 2013, № 5, pp. 71–76.

7. Zaikovskaya I.A. *Associativno-semanticheskii potencial i tekstovye realizacii leksicheskoi paradigmy «slovar'»* [Associative and semantic potential and text realization of a lexical paradigm "dictionary"]. Dr. dis. St. Petersburg, 2011.

8. Morkovkin V.V., Morkovkina A.V. *Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znaem)* [The Russian agnonima (words which we don't know)]. M., 1997.

nificant works published in "Zarya" and noted by critics of "Otechestvennie zapiski": work "Russia and Europe" by H.Ya. Danilevsky and dissertation "On the historical study of Greco-Slavic world in Europe" by V.I. Lamansky.

Kashpиров, "Zarya", "Otechestvennie zapiski", slavophiles, *westernizers*.

Введение

Издатель журнала «Заря» В.В. Кашпиров не имел литературного и редакторского опыта, но обладал огромным энтузиазмом и бесконечной верой в свое начинание. Ради журнала Кашпирову даже пришлось заложить свое имение – ему непременно хотелось подарить России ежемесячник, которого, по его мнению, до тех пор не было [10].

Несмотря на недолгую жизнь издания («Заря» просуществовала чуть больше трех лет), журнал обладал ярким отделом критики и поместил на свои страницы немало заметных произведений. По своему направлению «Заря» относилась к позднему славянофильству. Так, Ф.М. Достоевский видел в ней продолжательницу дела «Времени» и «Эпохи». Не имея на тот момент собственного издания, он активно принимал участие в судьбе «Зари».

Конечно, журналы, не разделявшие направления «Зари», восприняли ее выход неблагоприятно. Для примера мы возьмем издание из противоположного «лагеря»: демократический журнал Некрасова «Отечественные записки». В статье рассматриваются следующие произведения, опубликованные в «Заре» и отмеченные критикой «Русского Вестника» и «Отечественных записок»: сочинение «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского и диссертация «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» В.И. Ламанского.

Итак, в первый же год своего существования учено-литературный и политический журнал «Заря» поместил на свои страницы одно из выдающихся произведений русской политической мысли XIX в. Речь идет о «России и Европе» Н.Я. Данилевского, которая представляла собой наиболее значительное сочинение славянофилов. Книга, позже выпущенная отдельным изданием, стала заметным явлением в русской политической мысли. «Россия и Европа» была опубликована в «Заре» в виде серии статей в 1869 г. №1–6, 8–10 (в каждом номере печаталось по две главы).

Отметим, что Н. Я. Данилевский завершил работу над «Россией и Европой» еще в начале 1868 г. Однако при опубликовании произведения он столкнулся с трудностями. Как вспоминал критик «Зари» Страхов, журналы просто не стали бы печатать такое произведение у себя: «...Ни один из тогдашних журналов не согласился бы принять сочинения, писанного в таком духе, как "Россия и Европа". Поэтому была сделана только попытка найти место в "Журнале Министерства народного просвещения", хотя в таком случае на внимание публики рассчитывать уже не приходилось» [12, с. 16]. Данилевскому помог счастливый случай: в свет начал выходить журнал «Заря». «Как раз в это время ревностный любитель литературы В. В. Кашпиров решил издавать новый ежемесячный журнал "Зарю" и звал меня в сотрудники. Николай Яковлевич очень радовался... с первой же книжки "Зари" 1869 года стали появляться в ней последова-

тельные главы "России и Европы", и в течение года вся книга была напечатана в журнале», – впоследствии рассказывал Страхов об истории печатания знаменитого произведения Данилевского [13, с. 27–28].

Публикация произведения не прошла незамеченной. Вначале, как писал В. С. Соловьев, выступивший в этом вопросе заодно с либералами-западниками, "все компетентные люди" признали труд Данилевского "за литературный курьез", не заслуживающий сколько-нибудь серьезного критического разбора; затем, когда, благодаря усилиям Н. Н. Страхова, "Россия и Европа" вышла отдельной книгой в 1871 г., против сочинения Данилевского выступила вся либеральная печать с "Вестником Европы" во главе. Тон задавали высказывания В. Соловьева, назвавшего теорию Данилевского "ползучей теорией"; сам же Данилевский порицался за отсутствие нравственного отношения «к прочим народам и к целому человечеству» [2, с. 560–561].

Отметим, что «Заря» ревностно относилась к произведениям, опубликованным на ее страницах. В полемике с «Русским вестником» (также публиковавшим критическую статью на «Россию и Европу») «Заря» защищала сочинение Данилевского. Очевидно, что такое трепетное отношение было вызвано единым направлением журнала и произведения, хотя «Заря» это и отрицала. Так, в №7 от 1869 года «Заря» уверяла, что произведение Данилевского достойно внимания читателей своей новизной и оригинальностью в вопросах, интересующих каждого русского человека, а вовсе не тем, что оно «более или менее совпадает со взглядами славянофилов» [6, с. 152].

Неудивительно, что наиболее резкие высказывания о «России и Европе» принадлежат демократическим журналам и противникам славянофильства. Одним из таких изданий были «Отечественные записки» Некрасова, которые опубликовали обширную критическую статью уже после выхода «России и Европы» отдельной книгой в 1871 году.

В № 5 за 1871 г. в рубрике «Новые книги» «Отечественные записки» разбирали сочинение «Россия и Европа» Данилевского и диссертацию «Об историческом изучении греко-славянского мира к германороманскому» Ламанского. Интересно, что добрая половина критической статьи отдана порицанию славянофильства и лишь во второй части автор вспоминает о работах Данилевского и Ламанского. Критик рассуждает о минусах славянофильства. «Усердные друзья опаснее врагов», – пишет критик «Отечественных записок». Казалось бы, чем может не понравиться учение, в основе которого лежит любовь к Отечеству, видение особого пути его развития, индивидуальности и т.д.? Конечно, любой мыслящий человек согласится с этими утверждениями. Но зачем нужно славянофильство как отдельное учение, – удивляется критик. Чему его можно противопоставить? Ведь каждая партия должна иметь партию-антипода [9, с. 73–74].

Итак, славянофилы противопоставляют себя западникам. Однако их ценности также присущи и западникам. «Найдите хоть одного западника, который не любил бы родины, славян...», – отмечает критик «Отечественных записок». По его мнению, славянофилы разделяют всеми известное мнение, при этом отделяя себя от всего остального общества и уверяя, что число их единомышленников весьма мало, а западники считают их всего лишь «горстью беснующихся» [9, с. 74].

На протяжении статьи автор неоднократно повторяет, что не имеет ничего против выставления напоказ «светлых задатков народности», однако, славянофилы не ограничиваются этим, постоянно твердя о гниении Запада и отрицая в нем любые хорошие черты. В то же время все русское, славянское предстает в их глазах образцовым и блестящим. В этом отсутствует здравый смысл и логика. Также автор обвиняет славянофилов в двойных стандартах. Так, если реформа им не нравится, и она позаимствована с Запада, то славянофилы будут кричать об «обезьянничестве», а если реформа придется им по душе, то не составит труда найти массу доводов о том, что нововведение вполне соответствует славянским традициям и что в допетровской Руси уже были подобные задатки, да не успели осуществиться [9].

Стоит признать, что славянофилы действительно обладали неприязнью к инакомыслию и не принимали альтернативных точек зрения. Например, славянофилы вовсе не были согласны с утверждением, что западники и либералы могут любить Родину. У Достоевского можно найти много резких заявлений о либералах, в том числе и о ненависти либералов к России: «Русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность наших вещей...на самую Россию. Мой либерал дошел до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать...Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, все...свою ненависть к России принимает за самый плодотворный либерализм» [4, т. 9, с. 277].

При исследовании проблемы взаимоотношений западников и славянофилов, обращает на себя внимание то, что каждая из сторон приписывала своим идейным противникам определенный набор качеств. Но действительно ли все славянофилы не признавали успехов стран Западной Европы и отрицали прогресс? Правда ли, что западники слепо поклонялись западным идеям и презирали все русское? Обратимся к истории вопроса.

При обращении к истории западничества и славянофильства стоит помнить, что сами названия этих направлений случайны и неточны, они родились в салонной полемике. Это немаловажный факт, осложнивший впоследствии восприятие их учений русской общественностью, отмечает исследователь данной проблемы Н. Цимбаев. Так, славянофилам приписывали неприязнь к Западной Европе, ксенофобию, национализм. Западников же обвиняли в слепом преклонении перед Западной Европой, отсутствии чувства национальной гордости. В конце 1870-х гг. участник споров западников и славянофилов, мемуарист В. Анненков отмечал: «Не очень точны

были прозвища, взаимно даваемые обеими партиями...но мы сохраняем эти прозвища потому, что они сделались общеупотребительными, и потому, что лучших отыскать не можем...» [14, с. 329].

Таким образом, эти «прозвища» не выражали точной сущности направления. Западники не отвергали исторических условий, дающий особенный характер цивилизации каждого народа, а славянофилы не были приверженцами установления неподвижных форм для науки и искусства. Однако устойчивое восприятие их именно в таких узких рамках вызвало немало проблем и непонимания как в полемике XIX века, так и в современном восприятии.

Итак, переходя к произведению Данилевского, критик «Отечественных записок» очерчивает его основную мысль: Россия и Европа слишком разные, отсюда и естественным образом возникает конфликт. Данилевский пишет о том, что Россия не ведет завоевательную политику и является мирной державой. Чтобы доказать свою мысль, Данилевский использует подмену понятий. Так, Данилевский дает слову «завоевание» следующее значение: порабощение народности вопреки ее желанию быть свободной и единой. Если же такого порабощения нет, то нет и завоевания. Например, у Швеции Россия не отняла шведской земли, а забрала лишь Финляндию. Финны народ неисторический, о самостоятельности не думающий, так что и завоевания никакого нет. Что же касается Польши, то это также не завоевание, а лишь мечта юности Александра I – «загладить проступок своей великой бабки» [9, с. 79]. Конечно, это совершенно бездоказательные утверждения, поэтому неудивительно, что именно за них зацепился критик «Отечественных записок».

Критика также возмутил тот факт, что Данилевский уверен в отсутствии единой мировой цивилизации, (он считал, что существуют культурно-исторические типы, сменяющие друг друга (римский, греческий и т.д.)), но совершенно не против технического развития в России по западному образцу (телеграфы, железные дороги и т.п.) Критик «Отечественных записок» видит в этом принципиальное противоречие («раз вы уступили на один вершок, вы должны немедленно уступить все»). Общечеловеческая цивилизация существует, иначе как назвать такие блага, которыми пользуется весь человеческий род? [9, с. 79].

В этой же статье «Отечественных записок» обсуждается еще одно произведение, впервые опубликованное в «Заре», но на год позже. Речь идет о докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» Владимира Ивановича Ламанского. Она также была выпущена отдельной книгой в 1871 году.

Главной идеей культурно-исторических воззрений В.И. Ламанского было научно обоснованное противопоставление греко-славянского, восточно-христианского мира миру германо-романскому, католическо-протестантскому. Ламанский обосновывает теорию о греко-славянском мире как самостоятельном объекте изучения, критикует принятую систему построения всеобщей истории, разоблачает ненаучность нигилистических воззрений на славянство

как на нечто низшее по сравнению с народами романо-германскими, господствующую у германцев (немцев), отчасти и у романцев [8]. Отметим, что в круг людей, с которыми В.И. Ламанский был связан тесными научными и непосредственными человеческими отношениями, входили Н.Н. Страхов, Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский, Ап. Н. Майков, византист Ф.И. Успенский, К.Н. Бестужев-Рюмин [8].

На критика «Отечественных записок» Ламанский произвел еще более удручающее впечатление, чем Данилевский. Основная претензия к нему заключается в том, что Ламанский в своей докторской диссертации собирает критику немецких писателей, высказывающихся против славян, и опровергает их. Критик обвиняет Ламанского в ненаучном подходе и в неуместном выборе темы. Поскольку личное мнение писателей не может быть составлено перед ученой критикой, то они не могут составлять сам предмет критики. Это также курьезно, как написать опровержение мнения турок о том, что все христиане собаки. Критик обвиняет Ламанского в отсутствии чувства народного достоинства, раз он унижает себя опровержением нелепых мнений, не заслуживающих внимания. Такими подробными разборами Ламанский лишь возвышает своих противников и их абсурдные мнения. В заключении критик отмечает, что подобными публикациями славянофилы лишь опешляют славянский вопрос и отгоняют от себя потенциальных сторонников [9].

Добавим, что Петербург довольно прохладно относился к славянофильскому вопросу (весьма резко выставленному г. Ламанским); москвичи же уверяли, что диссертация в Москве возбудила бы намного больше и возражения, и одобрения. В самом деле славянофильство гораздо крепче утвердилось в Москве, и оно ближе принималось к сердцу и друзьями и врагами; в здешней же столице книга В.И. Ламанского не произвела того впечатления, которого можно было ожидать, подчеркивает историк славяноведения А.Н.Пыпин [11].

Магистерская диссертация В.И. Ламанского, если и не получила сильного общественного резонанса (поскольку в XIX в. диспуты были публичными и собирали обыкновенно не только специалистов, но достаточно широкую интеллигентскую аудиторию) и не имела шумного успеха, то причиной того явилась новизна идей, смелость подхода и общей концепции, предложенной молодым исследователем [11]. Тем не менее, как отмечает ученик Ламанского К.Я. Грот, в узких кругах диссертация произвела глубокое впечатление и послужила «заделом» для следующих поколений. «Он, несомненно, принадлежит к тем избранным, редким людям, которых жизнь и деятельность представляют и знаменуют целую эпоху, которые не успевают...пожать плоды своих усилий, которые обыкновенно остаются не оцененными и не признанными в настоящем, но сознательно готовят почву и работают для будущего своей Родины», – вспоминал Грот о своем учителе [3, с. 209–210].

В № 5 за 1872 год «Отечественные записки» в рубрике «Литературные и журнальные заметки» (в лице Н.К. Михайловского [1]) вновь возвращаются к

славянофильскому вопросу. На этот раз обсуждается отсутствие свободной мысли у славянофилов. Как считает критик, славянофилы отказались от свободной мысли по отношению к жизни европейской и древнерусской и признают законными только две рубрики: западничество и славянофильство. Рупором славянофилов осталась лишь «Заря». Впрочем, и она теперь не журнал, а труп, «хотя наружность журнала сохранила и после смерти», – отмечают «Отечественные записки». Здесь журнал проводит любопытный анализ содержания «Зари» [7, с. 65]. Однако, интересно, что к этому времени «Заря» не выходила в свет уже три месяца. Журнал перестал существовать в марте 1872 г. По-видимому, «Отечественные записки» не так пристально следили за обстановкой в современной прессе.

Итак, издание Кашпирева обладает своей программой, которая прорывается наружу при всяком удобном и неудобном случае, отмечали «Отечественные записки». Так, в первом номере «Зари» были опубликованы «Воспоминания и записки графини А.Д. Блудовой», в которых рассказывается о делах давно минувших дней. И вдруг среди этих благовидных воспоминаниях, практически «житиях святых» вклинивается строчка: «Даже наши малообразованные и совсем необтесанные приверженцы молодой России, поклоняющиеся, за две недели до ее падения, парижской коммуне, за ее требование, чтобы право голосования оставалось в руках городов, и лишило бы голоса этих грубых, невежественных крестьян, даже часто великие реформаторы de'Internationale, метят в олигархию, в правление меньшинства, аристократии, интеллигенции, разума. Как хороша интеллигенция, увидели мы в Париже, как основателен разум, свидетельствуют посмертные записки Герцена, так забавно разоблачающие всю несостоятельность ваших эмигрантов» и т.д. На следующей же странице, как ни в чем не бывало, продолжают «жития святых» [7]. Таким образом, «Заря» пыталась «втиснуть» между строк славянофильскую программу в совершенно непригодные для этого произведения.

Еще один пример. В том же номере «Зари» был опубликован рассказ «Плач Зайца» Генслера, который начинается так: «Когда Дарвиновы прародители были обезьянами, тогда, я, вероятно, был нигилистом, отрицал все и вся, и за это судьба в наказание обидела меня, отняла у моей фигуры все, чем пользуются другие звери – чисто на смех пустила по белому свету» [7, с. 66].

«Зарю» «Отечественные записки» сравнивают с ворчливой старухой, которая давно оказалась не у дел и даже уже прикупила себе место на кладбище, но все еще по старой привычке огрызается на прохожих. «Цельных руководящих статей «Заря уже давно не дает, не дает даже таких, какими время от времени снабжают «Русский вестник» г. П. Щебальский, г. П. Щ и просто г. Щ», – отмечают «Отечественные записки» [7, с. 67].

Содержание «Зари» также вызывает у «Отечественных записок» иронию. Помимо «жития святых», о которых говорилось выше, журнал печатает «звукотрагические упражнения». Генслер в «Плаче

Зайца» подражает воробью: «Врешь, врешь, врешь... Чирррр... Не споррь, не споррь...». Крестовский («На зимних квартирах») подражает еврейке: «Пьес ходит по ласу и увеше нюхает, нюхает за носом своим по земю...». Помещение живых нот в виде маленьких кусочков среди «житий святых и звукоподражательных произведений, наполненных безмятежным спокойствием» – это, всего лишь, предсмертные конвульсии журнала [7, с. 67].

Таким образом, «Заря» – единственный оставшийся журнал (хотя на самом деле, «Заря» уже прекратила свое существование к тому времени), еще «поминающий в своих ежемесячных молитвах западников и славянофилов, пробавляется тинь-пирвином, благолепными старцами, гашспадином спиручином, двойником императрицы Анны Ивановны и трухлей», – заключают «Отечественные записки». Вся остальная журналистика относит себя и других к либералам, консерваторам, ретроградом, радикалам и т.п. [7, с. 67].

Выводы

Мы можем заключить, что появление «Зари» вызвало реакцию на страницах крупных современных журналов. Выход издания не прошел незамеченным: «Заре» посвящали крупные обзорные статьи и критические заметки. Также стоит отметить смелость «Зари»: журнал не боялся отстаивать свою славянофильскую позицию и публиковать произведения, которые другие издания не рискнули бы. Это относится, прежде всего, к «России и Европе» Н.Я. Данилевского и к положительным отзывам Н.Н. Страхова о «Войне и мире» Л.Н. Толстого [5]. «Россия и Европа» Данилевского впоследствии получила широкую известность и признание, однако, впервые выйти в свет ей помогла именно «Заря», поддерживающая славянофильское направление.

Но, по мнению Достоевского, сотрудничавшего с журналом и опубликовавшего в нем произведение «Вечный муж», «Заре» была присуща излишняя мягкость, отсутствие искры... «Вы слишком, слишком мягки... если б вы ... поазартнее и поглубже нападали – было бы лучше», – отмечал писатель в переписке с Майковым [4, т. 29, с. 111].

Используя свой редакционный опыт и опыт журналиста, писатель дал много ценных советов журналу. Однако его предложения услышаны не были. Для укрепления позиций журнала Достоевский предлагал устранить некоторые его недостатки: малый объем, невыразительное оформление, отсутствие материалов о текущей политике, фельетонов, ежемесячных политических обозрений, полемических статей. «Заря» мало считалась с интересами читателей, была слишком академичной, придерживалась принципа «искусство ради искусства», была далека от острых, злободневных общественных и литературных вопросов. Помимо этого, «Заря» часто не выходила во время, опаздывала с очередным номером [5].

Блестящий подбор авторов «Зари» и достаточно сильный отдел критики не смог спасти издание: всплеск популярности журнала оказался недолгим. Число читателей стало неуклонно падать. В конце 1871 – начале 1872 гг. у журнала осталось лишь 700

подписчиков. Февральский выпуск издания оказался последним. Несмотря на яркий старт журнала, «Заря» угасла, просуществовав лишь три года.

Литература

1. Бюград В. Журнал «Отечественные записки» 1868–1884. М., 1971.
2. Вайгачев С.А. Послесловие // Н.Я. Данилевский. Россия и Европа. М., 1991.
3. Грот К.Я. Владимир Иванович Ламанский // Исторический Вестник. 1915. №1. С. 209–210.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1974. Т. 9. С. 277.
5. Капустина И.О. «Сотрудничество Ф.М. Достоевского с журналом В.В. Кашпирова «Заря» // Вестник Московского государственного университета. 2015. №5. С. 59.
6. Критические заметки // Заря. 1869. №7. С. 152.
7. Литературные и журнальные заметки // Отечественные записки. 1872. №5. С. 65.
8. Нечаева Г. «... Чтобы было с кем “душу отвести”» // Русское самосознание. 1998. №5. URL: (<http://russamos.narod.ru/05-05.htm>)
9. Новые книги // Отечественные записки. 1871. №5. С. 80–81.
10. Плеханов С.Н. Писемский. М., 1986.
11. Пыпин А.Н. Новые славянские исследования / О кн.: В.И. Ламанский: О славянах в Малой Азии, Африке и Испании // Современник. 1860. № 4. С. 309.
12. Страхов Н.Н. Борьба с Западом. М., 2010.
13. Страхов Н.Н. Предисловие «Жизнь и труды Н.Я. Данилевского» // Данилевский Н.Л. «Россия и Европа». СПб., 1995. С. 27–28.
14. Цимбаев Н. Славянофилы и Западники // Страницы минувшего. М., 1991. С. 329.

References

1. Bograd V. *Zhurnal «Otechestvennye zapiski» 1868–1884*. [Otechestvennye zapiski journal of 1868–1884]. Moscow, 1971.
2. Vaigachev S.A. Posleslovie [Epilog] *N.Ya. Danilevskii. Rossiya i Evropa* [N. Ya. Danilevsky. Russia and Europe]. Moscow, 1991.
3. Grot K.YA. Vladimir Ivanovich Lamanskii [Vladimir Ivanovich Lamansky]. *Istoricheskii Vestnik* [Historical Bulletin]. 1915, №1, pp. 209–210.
4. Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete works]. Leningrad, 1974, T. 9, pp. 277.
5. Kapustina I.O. «Sotrudnichestvo F.M. Dostoevskogo s zhurnalom V.V. Kashpireva «Zarya»» [F. M. Dostoyevsky's cooperation with V. V. Kashpiron's journal "Dawn". *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Moscow State University], 2015, №5, pp. 59.
6. Kriticheskie zametki [Critical notes]. *Zarya* [Dawn (Zarya)], 1869, №7, pp. 152.
7. Literaturnye i zhurnal'nye zametki [Literary and journal notes]. *Otechestvennye zapiski* [Otechestvennye zapiski], 1872, №5, pp. 65.
8. Nechaeva G. «... Chtoby bylo s kem “dushu otvesti”» [“... to have somebody “to unburden the heart”]. *Russkoe samosoznanie* [Russian consciousness], 1998, №5. URL: (<http://russamos.narod.ru/05-05.htm>)
9. Noveye knigi [New books]. *Otechestvennye zapiski* [Otechestvennye zapiski], 1871, №5, pp. 80–81.
10. Plekhanov S.N. *Pisemskii* [Pisemsky]. Moscow, 1986.
11. Pypin A.N. Noveye slavyanskije issledovaniya / O kn.: V.I. Lamanskii: O slavyanah v Maloi Azii, Afrike i Ispanii [New Slavic researches / About the book by V. I. Lamansky:

About Slavs in Asia Minor, Africa and Spain]. *Sovremennik*. [The Contemporary], 1860, № 4, pp. 309.

12. Strahov N.N. *Bor'ba s Zapadom* [Fight against the West]. Moscow, 2010.

13. Strahov N.N. Predislovie «Zhizn' i trudy H. Ya. Danilevskogo» [Preface "Life and works of H. Ya. Danilevsky"].

Danilevskii N.L. «Rossiya i Evropa». [Danilevsky N.L. "Russia and Europe"]. St.-Peterburg, 1995, pp. 27–28.

14. Cimbaev N. *Slavyanofily i Zapadniki* [Slavyanofils and Westerners]. *Stranicy minuvshogo* [Pages of the past]. Moscow, 1991, pp. 329.

УДК 882 (075.8)

Е.О. Кириллова

Дальневосточный федеральный университет

(г. Владивосток)

МОТИВЫ УХОДА ОТ РЕАЛЬНОСТИ, СОЗЕРЦАНИЯ, ОТШЕЛЬНИЧЕСТВА В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Б. ЮЛЬСКОГО)

Статья продолжает исследования, посвященные проблемам изучения литературы русского дальневосточного зарубежья, на примере творчества писателя Б.М. Юльского, жизнь и судьба которого были связаны с дальневосточной эмиграцией. Встреча русских эмигрантов с древней и совершенно не похожей ни на что культурной традицией Китая не могла остаться без внимания. Объектом изучения в представленной статье стало художественное произведение «Возвращение г-жи Цай», в котором на примере образа крысы-оборотня и ориентальных мотивов недеяния, созерцания, отшельничества, опикурения выявляется отражение восприятия элементов китайской культуры в творчестве русского писателя.

Борис Юльский, китайская мифология, Дальний Восток, Харбин, ориентальные мотивы и образы, мотивы созерцания, отшельничества, опикурения, оборотничества.

This article deals with problems of studying the literature of Russian Far East abroad through the example of the works of writer Boris Mikhailovich Yulskiy whose life and destiny were firmly connected with Far East emigration. The meeting of Russian emigrants with ancient and absolutely different Chinese cultural tradition could not remain without attention. Object of studying in the article became a story «Come-back of Mrs. Tsai». The story presents the oriental image of a wererat and contains the motives of non-acting, contemplation, reclusion and opium-smoking. It reveals Yulskiy's perception of Chinese culture elements and their reflection in his writings. Yulskiy belonged to «the younger» generation of Harbin emigrants. From adolescence he lived with his parents in Harbin. It gave him an opportunity to get a full apprehension of Chinese culture and reflect it in a peculiar way in his «Russian» stories.

Boris Yulskiy, Chinese mythology, Far East, Harbin, oriental motives and images, motives of contemplation, reclusion, opium-smoking, wererat.

Введение

Постепенно восстанавливается во всей сложности, полноте, насыщенности и трагичности панорама литературной жизни русского дальневосточного зарубежья, серьезное научное изучение которой оказывается не менее интересным, чем западного. Обе ветви русской эмиграции, дополняя одна другую, составили в свое время литературу «русского рассеяния», а в наши дни вошли двумя равноценными потоками в общее русло русской литературы XX–XXI вв. В этой связи очевидна актуальность изучения творчества литераторов дальневосточного зарубежья, введение в литературоведческий оборот новых ярких произведений. Особое – перспективное – направление представляет изучение прозы русских харбинцев: Арс. Несмелова, А. Хейдока, Н. Байкова, М. Щербакова, П. Северного, Я. Ловича, А. Ненцинского.

Цель данной работы состоит в исследовании одного из аспектов творчества писателя дальневосточной эмиграции Бориса Михайловича Юльского (1911–1950?), жизнь и судьба которого были связаны с Китаем. Сегодня об этом литераторе и человеке известно крайне мало. Принадлежавший к «младшему» поколению харбинских эмигрантов, Юльский, с отрочества проживавший с родителями в Харбине, полно воспри-

нял окружавшую его китайскую культуру и весьма своеобразно отразил ее в своих «русских» рассказах. Объектом изучения в представленной статье стало художественное произведение «Возвращение г-жи Цай».

Основная часть

Рассказ Юльского был опубликован в №28 харбинского журнала «Рубеж» за 1937 год и представляет собой стилизацию под китайскую фантастическую новеллу. В нем даже присутствует такая характерная для китайских новелл XVII века особенность, как ссылка на первоисточник истории, будто бы где-то слышанной автором: «Эту историю мне поведал старый китаец» [12, с. 316]. Через образ старика Цая Юльский реализует ориентальные мотивы созерцания, недеяния, отшельничества, опикурения. Тема наркотического опьянения, мотив забытья, ухода в ирреальность, затуманенного сознания проходит через всю рассказанную читателю фантастическую историю. Она воплощается в предметных словах, напрямую связанных с ритуалом курения опиума: трубка, которая была «старой и ценной. Из нее курили чьи-то деды и прадеды, и она имела вид человеческой руки, сжимавшей пальцами темную обкуренную чашечку. <...> С тех пор (со смерти жены. – Е.К.) прошло пятнадцать лет. Господин Цай курил

опиум. Но ни разу за то время, как пятнадцать раз цвели грушевые деревья, он не посетил даянь-гуан (курительно опиума). Он курил дома, зажигая на своем кане маленькую лампочку с круглым стеклом и переворачивая над огнем серебряными иглами пузырящийся комочек коричневого снадобья. Опи́й поджаривался, пальцы господина Цай методично вращали иглы, а в торжественном выражении его лица таилась великая философия малого спокойствия жизни» [12, с. 317]. Опиум – это сон разума, способ расширить границы сознания. У другого писателя дальневосточного русского зарубежья Н. Байкова находим: «Немало было и любителей опиума: они залегли со своими курительными приборами в заднем углу фанзы (зверовая избушка в Уссурийской тайге. – Е.К.) на канах (теплая лежанка маньчжурского типа. – Е.К.) и погрузились в сладостное небытие, полное блаженных снов и фантасмагорий» [1, с. 322].

Мотив сна используется в танских чуаньци в определенной функции. Чуаньци невелики по размеру, их отличает занимательность сюжета и динамичность действия. Каждая история может быть прочитана «в один присест». Все эти качества в сочетании с обязательной новизной сюжета роднят чуаньци с европейской новеллой [10, с. 486–497]. Сон рассматривался даосами как особое духовное состояние человека, когда его сознание и его чувства полностью выключаются из внешнего мира, и он погружается в созерцание своей души, постигая внутренним взором неведомые дотоле глубины духовной жизни, прозревая свою судьбу, убеждаясь в иллюзорности внешнего мира [4, с. 132–136]. Это «спокойствие жизни» черпает корни в даосских верованиях, поэтому мотив опиекурения переплетается с мотивом отшельничества. Писатель Михаил Пришвин, побывавший в начале 1930-х гг. на Дальнем Востоке, во Владивостоке, в своем путевом дневнике также отмечал, что привязанность к курению опиума у китайцев не только физиологическая. По всей видимости, эта пагубная привычка стала частью религиозного мировоззрения нации. По представлениям китайцев, систематическое состояние подобного наркотического опьянения помогало в постижении субстанции странственного бытия всего сущего, иного мира, отличного от мира материального, давало возможность астрально приблизиться к покойным родственникам. Опи́й и ханшин (китайская водка. – Е.К.) также использовали для притупления страха перед казнью, для осужденных на смерть они действовали в качестве «успокоительного». Так, у Н. Байкова в романе «Великий Ван» отданный в качестве жертвы Горному Духу – Тигру китаец Сун-Фа перед казнью выкуривает несколько шариков опиума, от чего «несчастный совершенно ошалел и впал в полусознательное состояние». Оставленный на тигриной тропе привязанным к дереву, «под действием наркотиков он находился в возбужденном состоянии. Постоянно жестикулировал, пел песни, громко молился Горному Духу. Затуманенный взор его по временам вспыхивал огнем, и он видел образы своих родных и предков, пришедших навестить его и утешить в смертный час» [9, с. 185]. Отмечая любопытные факты о выносливости и работоспособности китайцев, которым соответствует как пища, так и принимаемые ими наркотики, М. Пришвин писал: «Китаец курит опиум с

целью побывать на родине, а может быть, и свидеться на небе с его дорогими покойниками. <...> Китаец живет как бы согласованно с землей и небом, больше, вероятно, небом, русский живет как налетчик, сорвет и дальше. Так каждый народ согласованно с характером своим подбирает себе наркотики, но возможно и наркотики очень влияли на образование народного характера» [9, с. 211].

Курение опи́я было обычным делом для китайцев, промышлявших в Уссурийской тайге – искавших женьшень, охотившихся, собиравших древесные грибы и пармелиевые лишайники. Опиум курили в трущобном районе Миллионки в центре Владивостока. Этот наркотик был доступен для манз так же, как для русского населения самогон. Хаотично застроенная и заселенная преимущественно азиатами – китайцами, корейцами и японцами – Миллионка жила по своим укладам, не подчиняясь российским законам. Этот район был сердцем и мозгом криминальной жизни Уссурийского края. Незаконные бордели, игорные притоны, специализированные опиекурильни, шинкарни соседствовали с дешевыми харчевнями, гостиницами, продуктовыми лавками. Сбывавшиеся на Миллионке наркотики уходили в Китай. К употреблению опи́я манзы пристрастили и коренных обитателей Уссурийской тайги – малочисленные народы тазов и удэгейцев, которые соглашались выполнять любую работу, отдавали своих жен и дочерей, чтобы получить новую дозу. Стоит также отметить, что в современном владивостокском фольклоре фигурируют разные истории о тоннелях под Миллионкой, о спрятанных тамкладах, замурованных убитых и умерших опиекурильщиках. Опиум продолжал циркулировать внутри Миллионки до середины 1930-х гг., когда подразделения НКВД удалось зачистить район от азиатов. Плантации тоже искоренили. В самом Китае употреблением опиума продолжалось до прихода к власти Мао Цзе Дуна.

Мотив отшельничества, блуждания, навеянный, несомненно, не только философией Востока, но и вынужденным бездомным, эмигрантским состоянием, был очень распространен в творчестве русских литераторов-эмигрантов Дальнего Востока (Е. Яшнова, Е. Недельской, Л. Гроссе). Так, богемный поэт Б. Бета, дворянин, профессиональный военный, напишет: «Ну почему бы не поплыть, / А то отправиться пешком / С бродячим за спиной мешком». Бета мечтает о жизни отшельника, аскетично-одиокой, уединенной, когда концентрация духа проявляется в особой тяге к выражению себя в прекрасном, в слове, живописи: «Не раз задумывался я / Уйти в далекие края, / И в фанзе поселиться там, / Где часты переплеты рам; / Бумага в них, а не стекло, / И кана под окном тепло» [11, с. 96–98].

Многим дальневосточным поэтам без «богемных» составляющих – наркотиков, «любви интимии» и прочего – не мыслилось большое творчество. По этой причине, кстати, немалая часть литературного наследия модернистов надолго осталась незамеченной, потому что была отнесена к упаднической. Действительно, грешили подобными увлечениями многие. Так, поэт Ф. Камышнюк создает поэму «Аттракцион опиофага», цикл стихов «Любовь наркозная» [7]. Богемный поэт С. Алымов, последователь-неофит «проклятых» французов, Бодлера, Рембо, прочно усвоивший традиции

И. Северянина и М. Кузмина, «гашишируя действия и мечты облеяя» [3], в стихотворении «Ядоплен» эпатажно, в духе Серебряного века, взывает: «Может быть нужен, как Бог, / кокаинный экстаз?» [7]. А Арс. Несмелов в жестокой поэме «Дьяволица» мрачно фиксирует: «Потом в пивной, где синеватый газ / Подвел углы у потемневших глаз, / Ты будешь пить и слушать гул Арбата. / И, кокаином нос запороша, / Ты подождешь, пока твоя душа / Не станет сумрачной, заостренно-горбатой» [8, с. 373]. «Каждый день над телом новый опыт... / Что же жизнь не блещет, как Аи. / Я курю из длинных трубок опий, / Нюхаю блестящий кокаин. / И когда над маленькой спиртовкой / С опиумом вращается игла, / Чувствую – соседка по цинковке / Не спускает подведенных глаз. / Память в сердце все бывшее коптит, / Вызывает в призраках из мглы... / Я над трубкой поправляю опий / Плавными вращениями иглы», – так напишет харбинский поэт Н. Петерек [11, с. 419–420]. Погибший от алкоголизма и наркотиков Л. Ещин славит «кокаинные объятия» и опий: «Вот закат, истлевая, увянет, – / Он от жара давно изнемог, – / И из опийной трубки потянет / Сладковатый и сизый дымок. / Этот кан и ханшинные чарки / Поплывут – расплываясь – вдали, / Там, где ткнут вековечные Парки / Незатейливо судьбы мои». Однако для многих писателей-эмигрантов наркотическое забытие становится неким оптимальным вариантом ухода в дорогие воспоминания: о потерянной прошлой жизни, о Родине: «...Ляиль-лях», – муэдзин напевает / Над простором киргизских песков, / Попираемых вечером в мае / Эскадронами наших подков. / И опять, и опять это небо, / Как миража дразнящего страж. / Тянет красным в Москву, и в победу, / И к Кремлю, что давно уж не наш. / А когда, извиваясь на трубке, / Новый опийный ком зашипит, / Как в стекле представляется хрупком / Бесконечного города вид...» [11, с. 180–182].

Образ старика-китайца из рассказа Юльского «Возвращение г-жи Цай» символизирует полное воплощение мотива отшельничества. После смерти жены Лао Цай живет уединенно, у него «на краю города маленький домик с садиком и голубятней» [12, с. 318]. Во дворе стоит деревянный, беленный известью щит с большим черным иероглифом «Фу», что означает «Счастье». Китайский иероглиф «Фу» (福), один из самых загадочных иероглифов, имеющих богатую историю, означает также благополучие, богатство, удачу, успех, процветание, долголетие, здоровье, мир. Старик в рассказе Юльского курит опиум, окруженный голубями, под большой надписью «Счастье», и в таком его отшельничестве воплощается человеческое счастье. Можно ли ставить под сомнение счастье старика? У Юльского нет никакой иронии. «Для персонажа Юльского единственной приемлемой формой существования становится воспоминание. Автор пытается приблизиться к пониманию утопии «тихой жизни», когда герой погружен в созерцание природы и свои внутренние ощущения, а внешний мир находится вне сферы его интересов» [5, с. 111]. Образ старика с опиумной трубкой – предметом в китайской культуре косвенно выражающим мотив связи с покойными родственниками – в рассказе также сопровождает цветущее белой пеной дерево груши, под которым юный Цай встретил когда-то свою любовь, будущую госпожу Цзи-шень. Дерево

груши особенно поэтично для китайской традиции. Это символ весны, красоты.

Рассказ Юльского построен на мотиве перевоплощения, перерождения, связанного с идеями даосизма: умершая госпожа Цай разделяет увлечение супруга опиумом в образе крысы и в трудную минуту является помочь ему. Абсолютно сказочно крыса приносит во рту большого размера бриллианты, чтобы старик мог заплатить выкуп за дом, в котором прошли самые счастливые годы их совместной жизни, дом, который связан со священной памятью госпожи Цзи-шень: «В этом домике она умерла, в этом домике должен умереть и он, старый Цай» [12, с. 321]. Юльский использует традиционный для китайцев мотив оборотничества: «Смотря на крысу, г-н Цай думал, не оборотень ли она, явившийся, чтобы смутить спокойствие его души и заставить совершить злое дело. Он знал, что оборотни часто принимают облик лисицы, но могут ли они превращаться в крыс?» Из мира ничего не уходит навсего, все перерождается, все связано невидимыми нитями: «Один раз старый Цай подумал даже, не вошла ли душа госпожи Цзи-шень в тело этой крысы...» [12, с. 319–320]. Старик ежедневно разговаривает с крысой и уверен, что та его понимает, ведь ее глаза были такими умными, она с вниманием вслушивалась в каждое слово. Цай говорил с крысой подолгу, как говорил бы с самим собой, и когда пришло несчастье, он тоже обращается к единственному в его жизни близкому живому существу: «Небо видит, у меня нет пяти тысяч. Поэтому сегодня мы курим в последний раз, а вечером я засну тем сном, который дает опиум, и больше никогда не проснусь». <...> Крыса пошевелила передними лапками, закрутила головкой, и г-ну Цаю показалось, что крыса хочет что-то сказать. Но она не сказала ничего, опустила на передние лапки и соскользнула с кана на пол. «Больше я тебя не увижу», – сказал Цай и стал думать о том, что скоро его душа встретится с душой незабвенной Цзи-шень, – встретится там, куда уходят после смерти все человеческие души» [12, с. 322].

Крыса чудесным путем спасает старика от смерти, сохранив ему дом, а вместе с ним и жизнь, ведь почтенный Цай был мудр: он курил опиум очень долго и отлично знал, что такое фан (точный перевод: штраф за курение – реакция, выражающаяся в потребности новой порции опиума; в современном значении – наркотическая ломка. – Е.К.). «Господин Цай плакал перед крысой, гладил ее рукой и говорил: «Теперь я знаю, кто ты! Ты – душа моей верной, возлюбленной Цзи-шень, и ты пришла для того, чтобы быть со мной всегда и помочь мне в минуту несчастья!...». Крыса смотрела на него, и в ее бисеринках-глазах господину Цаю почудились светлые слезинки» [12, с. 323]. Эта забавная, нереальная, в чем-то сентиментальная байка может показаться европейскому или русскому читателю откровенным вымыслом: про крысу-наркоманку, пристрастившуюся к опию, если только не знание китайской мифологии, могущее глубже раскрыть эту короткую историю.

Роль крысы/мыши в китайском фольклоре очень значительна. Если рассматривать образ Крысы в контексте сказок, мифов, легенд, преданий, то можно увидеть, что эти символы на Востоке и Западе коренным образом отличаются друг от друга и несут совершенно

разную эмоциональную окраску: от возвеличивания и почитания до совершенно негативной оценки. В древних культурах символика крыс была намного богаче, разнообразнее и, как всегда, дуальна. В христианской традиции крыс отождествляли с дьяволом, поскольку в истории средневековой Европы крысы сыграли самую зловещую роль, именно их не без оснований обвиняли в эпидемиях бубонной чумы. Подтверждение тому можно найти и в мифологии: в тибетских мифах, например, под именем сабдагов выведены злобные демоны с крысиными головами, насылающие на людей и домашний скот чуму и моровую язву. Однако славяне верили, что крысой способен оборачиваться домовый, а матросы парусного флота наделили крысу даром предвидения. В изобразительном искусстве Ренессанса присутствовал популярный аллегорический сюжет: белая и черная крысы, олицетворяющие День и Ночь, грызут Время. В России мышь часто называют «серым воришкой», это символ робости, незаметности. Мышь помогает найти потерю в доме [6]. Народные поверья называли мышей душами, выбегающими изо рта умерших людей. При этом души добродетельных людей выглядели как красные (белые) мыши, а души грешников имели черный цвет. Среди африканских народов мыши также связывались с миром мертвых – считалось, что они могут проникать туда из мира живых и возвращаться обратно, получив знания о будущем. Поэтому мышей использовали для гаданий. Даже в земледельческих цивилизациях Древнего Востока, где, казалось бы, должны ненавидеть этих грабителей зернохранилищ, к ним относятся на удивление терпимо. В Древнем Египте, Индии, Китае белых мышей и крыс содержали в храмах в качестве священных животных: кормили, ухаживали, использовали для предсказаний.

Примечательно, что в мифологии некоторых азиатских народов крыса часто выступает в роли божественного существа и верного помощника человека. Крыса символизирует светлое, доброе начало. В Азии крыс связывают с богами мудрости, успеха, богатства (Ганеша, Дайкоку). В мифологии Южного Китая крыса выступает и в качестве культурного героя – она принесла людям рис и научила их его выращивать, поэтому крыса издавна пользуется там уважением. На Востоке крысу почитают за ум, ловкость и проворство. В буддийской традиции к ней особое отношение. Согласно легенде именно крыса не без своей хитрости первой среди всех животных пришла попрощаться с Буддой. За проявленную находчивость крыса удостоилась чести открывать восточный календарь. Крысу отождествляют с богатством, достатком, процветанием, бережливостью и счастьем. В учении Фэн-шуй именно крыса является признанным символом благосостояния – ведь крыса не станет жить там, где нечего есть. Крыса приносит в дом деньги, делает своих хозяев и почитателей удачливыми, хранит их от бед. В Китае, Японии отсутствие крыс в доме и во дворе считалось тревожным знаком. Среди картин, фигурок и нэцкэ центральное место занимает образ денежной крысы: крыса с монеткой, крыса с мешком зерна. По поверьям, «когда крыса грызет, она считает деньги» – значит, есть что считать. В Японии существует поговорка: «Хочешь разбогатеть – пригласи в дом крысу». Всегда считалось, что раз

припасов хватает не только людям, но и крысам, в доме существует достаток.

Как видно, Юльский в своем рассказе не случайно обращается к образу крысы, рассказывая о денежной нужде старика Цая. Появление крысы в доме старика Цая закономерно. Ведь по китайским поверьям, крыса, которая появилась в жилище, считается предвестником финансового процветания семьи и ее защиты от нужды. Вообще, крысы в восточных мифах часто выступают в роли спасителей. В Каббале есть притча о том, как крыса съела расписки злого ростовщика, крысы принесли деньги бедным и целебные травы больным и пр. Любопытно также, что с деньгами у китайцев ассоциировалась особенно большая крыса. Ван Цин в статье «Животное как персонаж китайской мифологии» отмечает: «Если в доме заводилась крупная крыса, с ней обращались как с почетным гостем и называли «денежной крысой»» [2]. Как помнится, у Юльского старик Цай видит рыжеватую-серую крысу огромных размеров: «Вероятно, это была очень старая и мудрая крыса, – она превосходила величиною всех крыс, которых когда-либо видел господин Цай» [12, с. 319].

Интересна, на наш взгляд, также параллель между образом крысы и иероглифом счастье, изображенным на доме старика Цая. В Китае изображение летучей мыши служит аллегорией «счастья», так как звучание иероглифа «летучая мышь» и звучание иероглифа «счастье» одинаковы. Юльский, конечно, не мог об этом не знать.

С другой стороны, в Китае крысы частично считались демоническими, некоей мужской противоположностью женских духов-лис. Широкое распространение получил у китайского народа культ змей, лисиц, обезьян, ящериц, крыс. Крыса выполняет роль, чаще отдаваемую лисе, – помогает старику, сохранившему и через пятнадцать лет со смерти жены любовь к ней. Старик печалится, тоскует по жене. Это чувство лирического героя, входящее в китайскую «традицию печалей», характерную для восточной пейзажной лирики. «Традиция печалей» берет свое начало в лирике китайских поэтов-классиков Ду Фу, Гао Ци, Лю Ци и связана с мотивом бренности бытия. Старик Цай надеется после смерти встретить душу своей госпожи Цай. В Китае большое значение придавалось семейной солидарности; она поддерживалась преданностью могилам предков и обращением за советами к этим «старшим членам» рода. Китайская традиция в силу многих причин поддерживает и одобряет верность супругов и после смерти. Есть истории о любви между супругами, верной и стойкой, над которой не властны ни разлука, ни сама смерть. Примечательно в связи с этим, что образ крысы у китайцев также ассоциируется со сватовством и браком, супружеством, семейной жизнью. Так, например, считалось, что в третий день Нового года крысы выдают замуж своих дочерей, и в знак уважения и почтения к крысам люди, оставляя на полу угощение для грызунов, старались лечь спать пораньше, чтобы шум не мешал крысиным свадьбам. Вполне объяснимо потому, что в рассказе у Юльского именно огромная крыса является олицетворением вечной любви.

Белые бумажные кони, уносящие душу на небо, – это китайские представления в русле даосизма о загробной жизни. В тексте подробнейшим образом вос-

производится китайский погребальный обряд, согласно которому сжигаются бумажные кони, отвозящие усопших в загробный мир, и издаются громкие звуки, чтобы создать покойнику хорошее настроение: «Скоро белые бумажные кони, которых сожгут в день похорон, понесут душу госпожи Цзи-шень в золотое просторное небо. Белые кони умчатся с дымом в пляшущих языках огня, а визг пицалок и грохот литавров будут веселить звонкой музыкой освобожденную уходящую душу» [12, с. 317]. Представления о том, что любое живое существо может стать носителем умершей души (так крыса становится воплощением души Цзи-шень), – также отзвук мифологических представлений древнего Китая. Вознесение на небо – благополучное завершение жизни. Господин Цай обязательно встретит свою жену под цветущим грушевым деревом на том свете. «Старик умер ночью, во сне, и на следующий день его нашли мертвым соседи. Когда же были совершены похороны и белые кони умчали с огнем душу старого господина Цай в вечернее звездное небо, соседи, пришедшие в его опустевший домик, нашли на кане громадную седую мертвую крысу. Крыса была очень большая. И соседи невольно подумали, что это был, может быть, добрый дух дома, охранявший хозяина и теперь, когда старый Цай умер, покинувший землю для того, чтобы вернуться в свои небесные края» [12, с. 324].

Выводы

В текстах русского писателя Б. Юльского много восточных реалий, экзотизмов, мотивы созерцания, недеяния, отшельничества, опекурения являются сюжетообразующими традиционными китайскими мотивами, зооморфный образ крысы представлен как ориентальный мифопоэтический. При реализации задуманного писатель не отказывается и от цветовых выражений, как связующих элементов, например, символы белого (смерть, траур). В творчестве Юльского животные персонифицируются: дракон может стать своенравным главарем китайской банды, за черными бусинками крысиных глаз можно разглядеть прекрасные глаза госпожи Цай. Круг образов, реализованных в текстах писателя русского восточного зарубежья Б. Юльского, представлен разными тематическими сферами (Человек, Время, Пространство, Жизнь – Смерть и др.), пересечением разных форм бытия.

Литература

1. Байков Н.А. Великий Ван; Черный капитан. Владивосток, 2009.
2. Ван Цин. Животное как персонаж китайской мифологии // Pandia.ru. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/452/31615.php>.

3. Дальневосточное обозрение: ежедневный официальный орган правительства ДВР. Владивосток. 1920. 5 мая. Государственный архив Приморского края.
4. Желоховцев А.Н. и др. Танская новелла // История всемирной литературы. М., 1983–1994. Т. 2. 1984. С. 132–136.
5. Иващенко Е.Г. «Утраченные иллюзии» Бориса Юльского // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 1. Благовещенск, 2007. С. 100–122.
6. Крыса // Магические символы. URL: http://magicsym.ru/mir_fauny/krysa-2.html.
7. Лель: журнал искусства и литературы. Владивосток, 1919. № 1, 3, 4.
8. Несмелов А. Собрание сочинений. Т. I. Владивосток, 2006.
9. Пришвин М.М. Дальний Восток (путевой дневник 1931 г.) // Рубеж. 2006. № 6. С. 201–277.
10. Рифтин Б.Л. Повествовательная проза: (Китайская литература XVII в.) // История всемирной литературы. М., 1983–1994. Т. 4. 1987. С. 486–497.
11. Русская поэзия Китая. М., 2001.
12. Юльский Б.М. Зеленый легион. Владивосток, 2011.

References

1. Bajkov N.A. *Velikii Van; Chernyj kapitan* [Great Van; Black captain]. Vladivostok, 2009.
2. Van Cin. *Zhivotnoe kak personazh kitajskoi mifologii* [The animal as a character of Chinese mythology]. *Pandia.ru*. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/452/31615.php>.
3. *Dal'nevostochnoe obozrenie: ezhednevnyi oficial'nyi organ pravitel'stva DVR* [Far Eastern Review: daily official body of the Government of the DDA.]. Vladivostok. 1920. May 5th. State archive of Primorsky.
4. Zhelohovcev A.N. i dr. *Tanskaya novella* [Tang novel]. *Istoriya vsemirnoi literatury* [History of World Literature]. Moscow, 1983–1994, T. 2, 1984, Pp. 132–136.
5. Ivashchenko E.G. «Utrachennye illyuzii» Borisa Yul'skogo ["Lost Illusions" Boris Jurassic]. *Russkii Harbin, zapечатlenniy v slove* [Russian Harbin, embodied in the word]. Vol. 1, Blagoveshchensk, 2007, pp. 100–122.
6. Krysa [Rat]. *Magicheskie simvoly* [Magical symbols]. URL: http://magicsym.ru/mir_fauny/krysa-2.html.
7. *Lel': zhurnal iskusstva i literatury* [Lel: art and literature magazine]. Vladivostok, 1919, № 1, 3, 4.
8. Nesmelov A. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. T. I. Vladivostok, 2006.
9. Prishvin M.M. *Dal'nii Vostok (putevoi dnevniki 1931 g.)* [Far East (travel diary 1931)]. *Rubezh* [Boundary], 2006, № 6, pp. 201–277.
10. Rifting B.L. *Povestvovatel'naya proza: (Kitaiskaya literatura XVII v.)* [Narrative prose: (Chinese Literature of the XVII century)]. *Istoriya vsemirnoi literatury* [History of World Literature]. Moscow, 1983–1994, T. 4, 1987, pp. 486–497.
11. *Russkaya poehziya Kitaya* [Russian poetry China]. Moscow, 2001.
12. Yul'skii B.M. *Zelenyi legion* [Green legion]. Vladivostok, 2011.

**К ВОПРОСУ О КОНФЛИКТНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ
И СМЫСЛОВОЙ ЁМКОСТИ ПОНЯТИЙ ПОДРАЖАТЕЛЬ И ЭПИГОН**

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 15-14-54001)*

Предметом анализа является денотативное и коннотативное содержание понятий тематической группы «подражание». Избранные для анализа слова *эпигон* и *подражатель* рассматриваемые как составляющие общего синонимического ряда, маркируют особое отношение к вторичности эстетической деятельности, закрепленное в национальной картине мира.

На материале широкого круга лексикографических и энциклопедических источников, а также прецедентных текстов XIX и XX вв. изучается эволюция данных понятий в языковом сознании, анализируется конфликтный потенциал слова в контексте общей семантики и прагматики высказывания.

Лексикография, конфликтный потенциал, вторичность и альтернативность.

The subject of analysis is the denotative and connotative content concepts of thematic group “imitation”. Selected for the analysis words *imitator* and *epigone*, considered as constituting a total synonymic row, mark a special relationship to the secondariness of aesthetic activity, fixed in the national language worldview.

Using the data of a wide range of lexicographical and encyclopedic sources, precedent texts of XIX and XX century, the evolution of these concepts in the linguistic consciousness is studied; the potential for conflict in the context of the words of general semantics and pragmatics statements is analyzed.

Lexicography, conflict connotation, secondariness and alternative.

Введение

Явление подражания в эстетической деятельности получает своеобразное отражение в русской языковой картине мира, часто находя негативную оценку как в элитарной, так и в усредненной, иногда профанной, языковой среде. Возможной причиной этого можно назвать коннотативное значение вторичности, сопровождающее денотативные смыслы слова и его когнитивного прообраза – понятия. Учитывая опыт русской культуры в кросс-культурной перспективе, сложившуюся ситуацию нельзя назвать адекватной эмпирической реальности. Зачастую выстраиваемая на выработанных западноевропейской культурой моделях парадигма русской этики и эстетики довольно поздно осмысляет себя в качестве самостоятельного целого. Еще позже происходит осознание этого феномена в зарубежной критической и исследовательской литературе. Тем не менее, остается констатировать, что стереотипное представление о самостоятельности как презумпции оригинальности эстетической деятельности почти всегда становится определяющим в русской языковой картине мира. Этот факт находит отражение в критике, публицистике, научной среде – лингвистике и литературоведении, и, что естественно, в словарных и энциклопедических статьях.

Частотный синонимический ряд, предлагаемый словарями: *эпигон*, *сторонник*, *подражатель*, *последователь*, предполагает внутреннюю градацию [122]. *Последователь*, как идущий по следам, и *сторонник*, как занимающий одну сторону, воспринимаются в контексте генетической взаимосвязи однозначно положительно (отношения *ученик* и *учитель*; *предок* и *потомок*), *подражатель* – часто имеет негативные

оценки, связанные с потерей оригинальности, ложной идентичностью (копия и оригинал, слепок и натура), наконец, *эпигон* – наименее частотный в рассмотренных контекстах, однозначно маркирует негативную оценку, регулярно сообщающую речевой ситуации конфликтный потенциал (*нетворческое, несамостоятельное, вторичное, худшее*). При этом изучение последнего слова в лексикографическом аспекте показывает его относительную недолговечность в языковом сознании: по всей видимости, сформировавшееся представление долгое время не находило уникальной вербальной формы, что привело к расширению исходного значения и избыточной многозначности слова *подражатель*.

Слово *эпигон* фиксируется вне академической лексикографии энциклопедическим словарем Брокгауза и Ефрона. Оба значения, приводимые в словаре Н.П. Обнорским, не являются переносными: они служат для номинации наследников античных героев, «сыновей», находя соотношение с мифологемами [19, т. 41]. В другой словарной статье энциклопедии *подражание* определяется как литературный жанр, при этом приводятся сведения о нормативных и ненормативных подражаниях: «...легко утратить чужой стиль, но создавать в нем с сохранением чувства меры есть, в сущности, попытка перевоплотиться, усвоить себе чужую писательскую личность. Психологическая заманчивость этого жанра заключается именно в трудности писать от имени другого. <...>. В обширном смысле говорят также о П. как о следах влияния, оказанного одним поэтом на другого и литературой одного народа на литературную производительность другого, обыкновенно более молодого в культурном отношении. Факты этого рода

составляют существенную часть истории каждой литературы» [19, т. 24, с. 102]. Данная статья, что далеко не всегда свойственно энциклопедическим словарям, позволяет составить представление о языковом сознании.

Основная часть

Актуализируемый в литературе Нового времени вопрос о подражании, наследовании традиции и эпигонстве был прямо связан с поиском идентичности и идентификацией в культурном пространстве. Его рассмотрение в диахронии показывает динамические изменения в концептуальном содержании слова, что обусловлено изменением принципов нормативной эстетики, формированием альтернативных эстетических принципов и, наконец, их синхронным существованием в определенные периоды развития культуры. Так, например, вопрос о самостоятельности пушкинских произведений, равно занимавший современников поэта, а впоследствии «реальную» и «органическую» критику, в широком смысле этого слова представлял дискуссию о возможности существования русской культуры. Обращаясь к публичной и кулуарной полемике, развернувшейся вокруг пушкинского творчества, отметим прагматическую направленность большинства высказываний – утвердить самоосновность пушкинского творчества, рассмотреть его вне образующих контекстов западноевропейской культуры. В этом контексте спектр высказываний от оценочных: «Пушкин не подражатель, но творец!» (Н. Полевой), «...это еще не значит, что Пушкин просто подражатель» (Д. Веневитинов), «Пушкин начал, не скажу с подражания, но с поклонения Байрону» (Ап. Григорьев), до аналитических: «Здесь Пушкин не подражатель, но первоклассный продолжатель Шекспира» (М.М. Покровский), – получает единую векторную прагматическую обусловленность. Именно в этом ключе следует рассматривать и хрестоматийные слова Достоевского о пресловутой *всемирности, всецеловечности, всеотклике* пушкинского творчества: «Подражатель, скажут нам, отсутствие собственной мысли. Но ведь так не подражают. Он является везде en maître; так подражать, значит творить самому, не подражать, а продолжать. Неужели такое явление кажется вам несамостоятельным, ничтожным, ничем?» [8, т. 11, с. 174]. Кажется очевидной корреляция определения в словаре Брокгауза и Ефрона с концепцией Достоевского, позволяющей провести демаркацию между подражателями и продолжателями. То, что могло быть названо эпигонством, в энциклопедической статье образует одно из возможных значений слова *подражатель*¹.

Другой, не менее важный эпизод полемики о подражаниях – споры славянофилов и западников. Этот вопрос нашел всестороннее освещение в исследовательской литературе, тем не менее, проблема

вторичности и альтернативности редко рассматривалась как определяющий, буквально задающий структуру целого предикат. Так, доводя до абсурда доводы К.С. Аксакова, критик «Русской беседы» писал: «Итак, Кантемир, Ломоносов, Державин, Фонвизин были безжизненные подражатели безжизненным подражателям, а Карамзин, Жуковский, Батюшков, Пушкин, Гоголь, Лермонтов были пустые, легкомысленные собиратели чужих форм и идей» [17, с. 195]. Плеонастически описывая литературный процесс и историю литературы, критик показывает несостоятельность аргументов своего оппонента. Аналогичным приемом, споря с Аксаковыми, пользовался и критический отдел «Времени»: «У него вся литература наша – сплошь подражание и стремление к иноземному идеалу. Он отрицает всякое проявление сознания общественного в нашей литературе, не верит анализу, в ней проявлявшемуся, самоосуждению, мукам, смеху, в ней отражавшимся»; «...в каком-то отчаянии, бросаемся в эпоху «Илиады» и создаем себе таким образом искусственную действительность, жизнь, которую не мы создавали и не мы проживали, мечту, пустую и соблазнительную, – и, как низкие люди, заимствуем, ворует нашу жизнь у давно прошедшего времени и прокисаем в наслаждении искусством, как никуда не годные подражатели!» [8, т. 11, с. 69]. Комментируя такой взгляд на национальную литературу, Ап. Григорьев между тем писал: «Оборонительное положение берется даже часто в прок, в запас на будущее время: ампутация, несколько, конечно, болезненная, вытерпливается героически – и избегая всеми мерами обличений в подражании, мы готовы довести себя до состояния нуля, чистой *tabula rasa*, ступешаться, говоря словом сентиментального натурализма» [7, с. 88]. Очевидно, что в результате подобных споров удельный вес критических высказываний смещался с эстетических свойств конкретного произведения или направления в искусстве к его оригинальности и самостоятельности. Такое смещение может объясняться утверждением принципов реальной критики и реализма как определяющего эстетического метода в литературе XIX века.

Тем не менее, видимая однозначность представленной позиции корректируется уже в 30-е годы, когда дискуссия о натуральном начале в искусстве, актуализирует коннотативные смыслы слов *трафальщик* (реже используется – трафельщик, т.е. тот, кто *трафит*, подражает, прислушиваясь к мнению толпы), и *копиист* (семантика труда чиновника, переписчика, т.е. субъекта, а priori лишённого индивидуальности). Так, например, в повести «Портрет», в духе шеллингианской эстетики, жестко дифференцировано подражание натуре, подражание искусству и творчество: «...властительней всего видна была сила создания, уже заключенная в душе самого художника. Последний предмет в картине был им проникнут; во всем постигнут закон и внутренняя сила. Везде уловлена была эта плавучая округлость линий, заключенная в природе, которую видит только один глаз художника-создателя и которая выходит углами у копииста» [6, с. 112]. Показывая разницу, отделяющую *создание* от простой *копии с природы*,

¹ Очевидна различная семантическая емкость понятий *подражание* и *подражатель*. В то время как первое может быть соотнесено с особым жанром, в основе которого – соревновательность и художественный эксперимент, слово *подражатель* однозначно маркирует вторичность эстетической деятельности.

Гоголь фактически подвергает критике и натуральное начало в искусстве, и тип тиражного массового воспроизведения существующего образца. Знаменательно, что Гоголь, номинально признанный главой натуральной школы, манифестировал в «Портрете» принципиально иное представление о феномене творчества и подражания.

На протяжении всего XIX века в поле критической литературы слова тематической группы *подражание* будут вспыхивать, образуя ряд устойчивых лексико-семантических вариаций, описывая, в зависимости от контекста продолжение, литературное соперничество или даже случаи литературного воровства – взятничества и заимствования. Действительно, негативные коннотации, закрепляемые в семантике слова *подражатель*, наряду со словами *копиист* и *трафарельщик*, актуализируют еще одно локальное поле – внутренних заимствований и подражаний. Особенно красноречиво в этом контексте выглядят отзывы Салтыкова-Щедрина о беллетристике Я.П. Полонского и М.В. Авдеева: «Подражатель наименее самостоятельный найдет больше участия в публике, нежели бледный эклектик, производящий свое литературное взятничество втихомолку со всех знаков, произрастающих на литературной ниве. Встречаясь с первым, публика знает, что она услышит напоминание того, что ей почему-либо дорого или почему-либо ненавистно; ей кажется, например, что г. Авдеев совсем не г. Авдеев, а просто псевдоним Тургенева, под которым последний издает свои произведения поплотше, но отчего же не почитать ей и плохих произведений Тургенева?» [11, т. 6, с. 344–345]; «Неловкий подражатель всегда или не доскажет, или перескажет что-нибудь, ну и сразит! Вспомните г. Вс. Крестовского: мог ли А.Н. Майков предчувствовать, что ему придется погибнуть от руки его в цвете лет? [11, т. 6, с. 48]. *Неловкий подражатель, бледный эклектик, беллетрист-взятчик* предстают устойчивыми, практически марионеточными образами в критике Салтыкова-Щедрина. В этой марионеточности слова и скрывающегося за ним понятия фактически разрушается целостный образ личности, редуцируясь до неполнозначимого, становясь тенью гениального предшественника, тусклым отражением художника и творца. Такие оценки, щедро рассыпаемые в критической литературе, зачастую распространяясь на прижизненную и посмертную литературную репутацию, становятся одним из устойчивых факторов культурной и исторической селекции, отбора.

Обращение к критическим контекстам XIX века позволяет, вне зависимости от политической принадлежности и социальной идентификации субъектов, выявить множество высказываний, соответствующих общей схеме $S \neq P_{const1}$, а $S P_{const2}$, и обратную схему $S \neq P_{const2}$, а $S P_{const1}$ где $const1$ – подражатель; $const2$ – явление самобытное и оригинальное / талант / творец. Симптоматично, что в ряде случаев цельное восприятие писателя не только в синхронии, но и диахронии определялось подобной, предельно схематичной оценкой.

Таким образом, сформировавшееся представление, влияя и на ход полемики, и на этикет критики, и

на идентификацию в поле культуры, и на смысловую жизнь текста, и на литературную смерть писателя, преимущественно умещалось в пределах слова *подражатель*, часто непропорционально заполняя и искажая его семантическую емкость. Потребность в слове *эпигонство* обозначается только на рубеже веков; судя по данным НКРЯ, пик популярности слова приходится на первую треть XX века¹. Вспыхивая в дискурсе левых политиков (Л. Троцкий, В. Ленин), писателей и поэтов (В. Маяковский, И. Бунин), литературных критиков (К. Философов, В. Розанов), обозначая подражательность в социальной и эстетической сферах, эпигон становится модным словом, своеобразным *la mot*. После такого «путешествия по дискурсу», оно обретает ряд устойчивых терминологических смыслов в трудах литературоведов формальной школы (Б. Эйхенбаум, О. Брик, В. Шкловский) и, в частности, Ю. Тынянова. Именно в трудах Тынянова слово *эпигон* становится характеристикой авторского творчества («песенная лирика символистов ослабевает, появляются эпигоны (Игорь Северянин)» [16, с. 132]), степени вторичности («...в эту-то сторону и должно быть обращено внимание. Эпигоны добролюбовской статьи так же литературно реакционны в критике, как эпигоны Златовратского в прозе; эпигоны Айхенвальда так же невыносимы в критике, как эпигоны Бальмонта в лирике» [16, с. 148–149]) и представлением тенденции («Некрасов стоял перед двумя крайностями: неорганизованного внесения диалектизмов и прозаизмов и бесплодного эпигонства классического стиля» [16, с. 26]). Наиболее полное развитие терминологического значения исследуемого слова происходит в программной статье Ю.Н. Тынянова «О литературной эволюции»: «Ускользало то, что каждое новое явление сменяло старое и что каждое такое явление смены необычайно сложно по составу; что говорить о преемственности приходится только при явлениях школы, эпигонства, но не при явлениях литературной эволюции, принцип которой – борьба и смена» [16, с. 258], где эпигонство маркирует не только явление и тенденцию, но и подход к их изучению, связанный со статическим взглядом в литературоведении. Мы не беремся утверждать, что именно Тынянов вводит данное слово в современный теоретико-литературный дискурс, однако очевидно, что частотность его употреблений связана с развитием формальной школы. В то же время приведенные контексты позволяют убедиться в субъективности данного понятия и маркирующего его слова – фактически аксиологичность данного подхода вела к иерархии, и как следствие – вопросу о коррекции сложившейся истории литературы².

Своеобразно освещение слов *эпигон, эпигонство* и *подражание* в трех основных изданиях «Большой

¹ Значительно реже слово использовалось в дискурсе русской критики второй половины XIX века (например, Н.Г. Чернышевским и П.В. Анненковым – вне зависимости от идейного направления).

² В сущности, такую страдательно-эпигонскую роль играет С.Я. Надсон и поэты-современники в «Юбилейном» В. Маяковского.

советской энциклопедии». В первом издании, как и в последующих, слово *эпигон* определяется через лингвокультурологическое толкование, однако здесь представлено дополнительное значение, в котором выделяется «...оттенок осуждения и презрения» [3, т. 64, с. 508], впоследствии убранный из энциклопедической статьи. При этом слово *эпигонство*, означающее регрессивное явление в культуре, появляется только во второй редакции энциклопедии. Симптоматичным выглядит и изменение содержания статьи *подражание*. Если в первой редакции «БСЭ» *подражание* определяется с позиции вульгарного натуралистического социологизма [3, т. 45]), то в последующих [4, т. 33], [53, т. 49] оно представлено как эстетический феномен, соотносимый с мимесисом Аристотеля (при этом прослеживается эволюция философского понятия от Платона до Гегеля и Энгельса).

Несколько иную ситуацию отражают толковые словари. Лингвокультурологическое толкование слова *эпигон*, что закономерно, полностью редуцируется в лексикографии XX века, а переносное лексическое значение становится единственно определяющим. Вместе с тем, такой перенос как бы нейтрализует героический фон, репрезентация которого очевидна при обращении к любому энциклопедическому словарю: актуализируются негативные оценочные коннотации, свойственные как явлению – *эпигонству*, так и субъекту – *эпигону*. Толкование слова сопровождается пометой к н и ж н о е:

ЭПИГОН – (греч. *epigonos* – рожденный после) (книжн.). Последователь какого-н. художественного, литературного, научного или иного направления, лишенный творческой самостоятельности [144, т. 4, с. 1345].

ЭПИГОНСТВО – (книжн.). Деятельность, работа эпигона. *Жалкое эпигонство* [144, т. 4, с. 1345].

Называя эпигона *последователем*, автор статьи далее вводит коннотативную информацию, способствующую демаркации этих понятий. Мотивированное словом *эпигон эпигонство* лишено специального комментария, за счет чего можно посчитать таковой любую деятельность (эстетическую и практическую), осуществляемую субъектом, имеющим свойства эпигона. Приведенный пример, представляющий сочетание со словом *жалкий*, формирует однозначное представление о явлении и субъекте – его выразителе. В то же время *подражатель* определяется в толковом словаре Д.Н. Ушакова, как «тот, кто искусен в подражании кому-чему-н», в дополнение к исходному определению сообщается: «тот, кто следует в своих произведениях, действиях какому-н. образцу, не проявляя самостоятельности» [14, т. 3, с. 655]. Очевидно, что данные значения отражают разные явления эстетической деятельности, возвращая к вопросу о последователях и подражателях.

Базовое определение уточняется и корректируется в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой:

ЭПИГОН – (книжн.). Последователь какого-н. направления в искусстве или науке, лишенный твор-

ческой оригинальности и повторяющий чужие идеи [13, с. 1100].

ЭПИГОНСТВО – (книжн.). Подражательная, лишенная творческой оригинальности деятельность в какой-н. интеллектуальной сфере [13, с. 1101].

Слово *эпигонство* получает большее уточнение, за счет усиления денотативного компонента семантики «подражательный», «нетворческий». Разрыв дефиниции с мотивирующим словом позволяет убедиться, что эпигон как субъект и эпигонство как результат (точнее, оценка результата) деятельности субъекта не всегда взаимосвязаны. Заметим, что данное понятие практически без изменений лексикографируется в академических словарях более позднего времени и современности. Так, в «Толковом словаре современного русского литературного языка» (БАС-1) находим компромисс между толкованиями ушаковской и ожеговской группы:

ЭПИГОН, а, м. Последователь какого-либо художественного, литературного, научного направления, лишенный творческой самостоятельности. *В числе этих эпигонов, воображавших, что пошли далее Белинского, были люди умные и даровитые, но нужно только сличить их статьи со статьями Белинского, и каждый убедится, что все эти люди живут только тем, чего наслушались от Белинского.* Черныш.

<...>

ЭПИГОНСКИЙ, ая, ое. Относящийся к эпигону; свойственный эпигону. *Эпигонский роман.*

– Ушак. Толк. Слов. 1940: э п и г о н с к и й

<...>

Эпигонство, а, ср. Деятельность последователей какого-либо художественного, литературного, научного или иного направления, лишенная творческой оригинальности. *Эпигонство и эклектика постепенно становятся излюбленными и господствующими направлениями в архитектуре, которые легко приспособлялись к любым вкусам заказчика* [155, т. 17, с. 1889].

Отражая динамические процессы в речи и подвижность языковой нормы, часть словарей не включает толкования слова *эпигон*, что свидетельствует о пребывании слова в пассивном запасе усредненного носителя языка. Тем не менее, при отсутствии исходного слова, важные смыслы обретает слово *подражатель*. Особенно ценную информацию дает современный толковый словообразовательный словарь, позволяя, вслед за классическими словарями, (например, БАС-1 и БАС-2), провести более точную демаркацию между явлениями *подражательности* и *подражательства*.

Смысловая память слова *эпигон*, редуцированная в толковом словаре, временами проявляется в эссеистике и публицистике. Так, в одной из записных книжек В. Шаламов замечает: «Что такое эпигоны? Эпигонство? Есть два вида эпигонов: первый, когда берут образную систему поэта, видение мира, стиль и язык – продолжает разрабатывать темы и пути, указанные поэтом. Подчас это граничит с настоящим

стихом и вызвано событиями живой жизни.<...> Есть и другой вид эпигонов – когда стихи рождаются от стихов, а не от жизни. Грамотность, квалификация этих авторов – вне всякого сомнения – но проходят они по знакомым дорогам и своего голоса не имеют» [188, т. 5, с. 68–69]. Заметим, что, идя *ab ovo*, Шаламов ориентируется не на словарный, а культурный опыт, интуитивно обращаясь к демаркации *подражатель* и *продолжатель*. Однако в данном высказывании в качестве определяющего критерия писатель обращается к соотношению литературности, фикциональности и эмпирики – непосредственного жизненного опыта, определяющего творческие горизонты. Это беглое замечание позволяет иначе квалифицировать творчество писателей второго ряда, позволяя, как минимум, признать в их произведениях художественные достоинства. Иная позиция, построенная на каламбуре, представлена М. Алдановым, остроумно соединившим историческое и современное значения слова эпигон: «Современных романистов критик (Ф. Мориак – А.К.) назвал “эпигонами”, явно вкладывая в греческое слово обидный смысл. В отношении “историческом” это, разумеется, не слишком удачно: ведь именно эпигоны, а не их отцы, взяли Фивы, и статуи в Дельфийском храме были воздвигнуты именно эпигонам. <...> Кажется, Эдвин Мюр назвал величайшими романистами всех времен Толстого, Достоевского, Пруста и Джойса. <...> “Эпигоны” могут утешаться тем, что в число четырех величайших попали два эпигона, один из которых еще здравствует и даже не очень стар» [1, с. 201]. Заметим, что данные высказывания вносят значительные коррективы в исходное представление, понижая конфликтный потенциал, заключенный в слове *эпигон* и понятии о подражательности как несамостоятельности и вторичности. Однако ни в одной из известных нам литературных энциклопедий, из него не был извлечен практический теоретико-литературный смысл.

Выводы

Таким образом, приходится констатировать, что в рассмотренном поле понятие, значение, слово и концепт не образуют единства. Эта ситуация, открывая возможность «войны языков» [2] и «вавилонского столпотворения» [10] определяет конфликтный потенциал слова *эпигон*. Действительно, в ряде коммуникативных ситуаций *эпигон* либо становится агнонимом, либо утрачивает свой книжный характер, воспринимаясь среднестатистическими носителями языка (иногда – писателями) как бранное¹. Послед-

нее, свидетельствуя о недостаточно высоком уровне компетентности среднестатистического носителя языка, обнаруживает конфликтный потенциал слова, не очевидный при изучении его словарных значений и понятий, отраженный в толковых словарях и литературных энциклопедиях.

Изменить исходную ситуацию, на наш взгляд, может выделение у слова *эпигон* терминологического значения, что потребует, наряду с лексикографическим анализом, значительного уточнения методологического аппарата, используемого современной теорией и историей русской культуры.

Литература

1. Алданов М. Эссе, публицистика. М., 2012.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
3. Большая советская энциклопедия. М.; Л. Т. 45, 1940. Т. 64, 1934.
4. Большая советская энциклопедия. М.; Л. Т. 33, 1955. Т. 49, 1957.
5. Большая советская энциклопедия. М.; Л. Т. 20, 1975. Т. 30, 1978.
6. Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 6 т. М., 1973.
7. Григорьев А.А. Эстетика и критика. М., 2008.
8. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л., 1993.
9. Новый толковый словообразовательный словарь / под ред. М. Ефремовой. М., 2001.
10. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. Антология литературно-эстетической мысли. М., 1991.
11. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 15 т. М., 1965.
12. Словарь синонимов русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 2002.
13. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М., 1994.
14. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: в 4 т. – М., 1935–1940.
15. Толковый словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948–1965. Т. 17.
16. Тынянов Ю.Н. Поэтика, история литературы, кино. М., 1977.
17. Чичерин Б. Критика в «Русской беседе» // Русский вестник. 1857. Т. 11. Сентябрь. Кн. 1.
18. Шаламов В.Т. Собр. соч.: в 6 т. М., 2005.
19. Энциклопедический словарь. СПб., 1890.

References

1. Aldanov M. *Ehsse, publicistika* [Essay, journalism]. Moscow, 2012.

¹ Данное слово транслируется преимущественно в конфликтных контекстах, прагматически направленных на дискредитацию эстетических возможностей оппонента. Например, «Так же, как фамилии российских эпигонов: Е-ц, С-в, теперь вот наша землячка пополнит их ряды. Но неужели издатели думают, что отдохнуть с ширпотребом в руках хотят все поголовно?», «***-шкевич-Петушкевич, как заправский Сабакевич (орф. Сохранена) – эпигон Стругацких, Уэллса и Толкина – всех, кого он задел своим аароновым ЖЗЛ-ом». Заметим, что во втором высказывании слово *эпигон* вступает в синтагматические отношения с иными словами ряда. Это и трансформация исходной

фамилии в прозвище, корень которого мотивирован бранным жаргонным словом, не фиксируемым в нормативном словаре, и сравнение реального лица с героем гоголевской поэмы, и, наконец, включение ветхозаветных коннотаций (Аарон – брат Моисея, эпигоны – сыновья героев), работающий на развитие модели «второй», «остающийся в тени». Впрочем, использование в данном контексте имени ветхозаветного патриарха может быть мотивировано и аббревиатурой ЖЗЛ, обретающей частичное фонетическое тождество со словом «жезл». Данные примеры, взятые из практики лингвистического анализа конфликтного высказывания, позволяют составить представление о прагматической маркированности рассмотренного слова.

2. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poehtika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow, 1989.
3. *Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya*. [Big Soviet encyclopedia]. Moscow ; L. T. 45, 1940. T. 64, 1934.
4. *Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya*. [Big Soviet encyclopedia]. Moscow ; L. T. 33, 1955. T. 49, 1957.
5. *Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya*. [Big Soviet encyclopedia]. Moscow ; L. T. 20, 1975. T. 30, 1978.
6. Gogol' N.V. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected edition]. Moscow, 1973.
7. Grigor'ev A.A. *Ehstetika i kritika* [Esthetics and criticism]. Moscow, 2008.
8. Dostoevskii F.M. *Sobr. soch.: v 15 t.* [Collected edition]. Leningrad, 1993.
9. *Novyi tolkovyi slovoobrazovatel'nyi slovar'*; pod red. M. Efremovoi [The new explanatory word-formation dictionary under the editorship of M. Efremova]. Moscow, 2001.
10. Ortega-i-Gasset H. *Degumanizatsiya iskusstva i drugie raboty. Antologiya literaturno-ehsteticheskoi mysli* [Dehumanization of art and other works. Anthology of literary and esthetic thought]. Moscow, 1991.
11. Saltykov-Shchedrin M.E. *Sobr. soch.: v 15 t.* [Collected edition]. Moscow, 1965.
12. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka*; pod red. A.P. Evgen'evoi [The dictionary of synonyms of Russian language; under the editorship of A.P. Evgenyeva]. Moscow, 2002.
13. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*; pod red. S.I. Ozhegova, N.Yu. Shvedovoi. Moscow, 1994.
14. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*; pod red. D.N. Ushakova: v 4 t. [The explanatory dictionary of Russian language; under the editorship of D. N. Ushakov]. M., 1935–1940.
15. *Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Explanatory dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow ; Leningrad, 1948–1965, T. 17.
16. Tynyanov Yu.N. *Poehtika, istoriya literatury, kino* [Poetics, history of literature, cinema]. Moscow, 1977.
17. Chicherin B. *Kritika v «Russkoi besede»* [Criticism in "The Russian conversation"]. *Russkii vestnik* [The Russian messenger], 1857, T. 11, September, Kn. 1.
18. Shalamov V.T. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected edition]. Moscow, 2005.
19. *Ehnciklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic dictionary]. St-Peterburg, 1890.

УДК 821.111(73)

И.Н. Ломакина

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
(г. Симферополь)*

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ МОДЕЛИ ХРОНОТОПА В ПРОЗЕ ДОНА ДЕЛИЛЛО

Статья посвящена изучению особенностей авторской интерпретации категорий времени и пространства в романах современного американского писателя-постмодерниста Дона Делилло. В ходе исследования была обозначена специфика мифологического и постмодернистского хронотопа. Было установлено, что наиболее часто автор использует цикличность, ритуализацию времени, гетеротопии и атопии.

Хронотоп, постмодернизм, миф, цикличность, гетеротопия.

The article considers the study of the peculiarities of 'time' and 'space' categories interpretation in Don DeLillo's fiction. In the course of the study the specific features of the mythological and postmodern chronotope have been analyzed. It has been found out that the American author primarily uses cyclic structures, time ritualization, heterotopias and atopias.

Chronotope, Postmodernism, myth, cyclic nature, heterotopia.

Введение

Литература постмодернизма, нивелируя общепризнанные каноны построения художественного текста и включая в себя элементы различных направлений и течений, представляет собой чрезвычайно сложный объект для системного анализа и интерпретации. Категории времени и пространства, претерпев значительные изменения, начиная с литературы и философии античности и заканчивая современными постмодернистскими и лингвосинергетическими теориями, играют особую роль в постмодернистском литературном произведении. В современной прозе хронотоп является тем системообразующим стержнем, который скрепляет фрагментарную ткань повествования.

Целью данного исследования является анализ особенностей интерпретации мифологических и постмодернистских моделей хронотопа в прозе совре-

менного американского писателя-постмодерниста Дона Делилло.

Очевидно, что для достижения поставленной цели необходимо обозначить специфику категорий времени и пространства в мифе и философии и литературе постмодернизма.

Основная часть

Вопрос о природе и характере мифологического времени инициирует научные дискуссии и не поддается единообразному и общепризнанному толкованию в среде литературоведов, философов, культурологов и других представителей гуманитарной области знания.

Можно выделить несколько подходов к интерпретации феномена мифологического времени: 1) время в мифе – циклическое (А.Ф. Лосев [3]); 2) время может выступать и циклическим, и линейным (С.Ю. Неклюдов [5]); 3) апология одновремен-

ности прошлого, настоящего и будущего (М.И. Стеблин-Каменский [6]); 4) мифологическое время – застывшее монументальное образование (Ю. Кристева [2]).

Необходимо отметить, что описание мифологического пространства носит более унифицированный характер, чем характеристика мифологического времени. Такие исследователи как Ю. Лотман [4], Б. Успенский [4], М. Стеблин-Каменский [6], В. Топоров [8] и другие указывают на прерывистость и замкнутость мифологического пространства.

Отсутствие единой трактовки феномена постмодернистского времени и пространства обусловлено наличием диаметрально противоположных взглядов на их природу. Так, время в литературе постмодернизма характеризуется как «вечное», застывшее настоящее (Б. Бёрд [10]), как проявление некой философской категории – темпоральности (Ю. Кристева [2], Ж. Бодрийяр [1]), как фрагментарное, практически не поддающееся описанию явление современной действительности (Е.А. Стеценко [7]).

Подобно вопросу о темпоральности в постмодернизме, вопрос о сущности и природе пространства также вызывает множество дискуссий. Существует несколько точек зрения на эту проблему: 1) постмодернистское пространство – открытое и лишённое центра (Ж. Делез [Цит. по: 9], Э. Гваттари [Цит. по: 9]); 2) постмодернистское пространство – замкнутое (Ю. Кристева [2], Ж. Бодрийяр [1]); 3) апология множественности постмодернистских пространств (И. Гомел [24]).

Для мифопоэтики Дона Делилло свойственен синтез мифологических и постмодернистских характеристик хронотопа, переплетающихся порой самым причудливым образом.

Цикличность, свойственная мифологическому повествованию, становится одной из черт романа «Падающий». Главный герой, Кит Нойдеккер, вновь и вновь мысленно возвращается к событиям 11 сентября 2001 г., свидетелем которых он стал поневоле: “Now he finds himself drifting into spells of reflection, thinking not in clear units, hard and linked, but only absorbing what comes, drawing things out of time and memory and into some dim space that bears his collected experience” [14, с. 66]. Делилло демонстрирует, что в психологии западного человека переживание тяжелых жизненных моментов и катастроф сопряжено с повторяемостью как результатом перманентной рефлексии.

Категория цикличности сопоставима с введенным М.И. Стеблиным-Каменским понятием «обратимости времени» [6], наблюдаемым в таких романах Делилло как «Падающий» [14], «Точка Омега» [18], “The Body Artist” [20] и «Американа» [12]. Наиболее часто в прозе писателя обратный бег времени ассоциируется с воспоминаниями персонажей и с идеей регресса современной технократической цивилизации.

В «Американе» временной пласт расщепляется на две составляющие: линейное повествование о путешествии Дэвида Белла по американскому Западу чередуется с неприятными воспоминаниями героя о своем детстве. Мужчина размышляет над причинами

помешательства своей матери, которая перед смертью покупает куклу в качестве подарка своим взрослым дочерям. На помощь герою приходит его сестра Джейн: “It must have something to do with our childhoods. She must be trying to make up for something” [12, с. 47]. На пороге смерти мать Дэвида чувствует угрызения совести из-за того, что мало внимания уделяла своим детям, и живет болезненными переживаниями прошлых лет, дистанцируясь от окружающей реальности.

В «Точке Омега» и “The Body Artist” Делилло использует образ старушки-японки, спускающейся по лестнице спиной вперед и символизирующей обратимость времени: “...the elderly woman who walked down the stairs backwards, slowly, eternally, four flights, backwards, and I never asked her why” [18, с. 32]. Автор недвусмысленно намекает на регресс личности, при этом данный образ приобретает зловещную окраску.

Очевидно, что специфические для мифа цикличность и обратимость времени трансформируются в постмодернизме в отказ от линейности и каузальности, нелинейный хронотоп, темпоральность ускоренного цикла и скитания героя по замкнутому пространству. Данные характеристики свойственны и таким произведениям Дона Делилло как «Изнанка мира» [22], «Белый шум» [23], «Звезда Ратнера» [19], «Весь» [16] и вышеупомянутым «Падающему» [14], «Точке Омега» [18] и “The Body Artist” [20].

Необходимо отметить, что если в мифе полный цикл нередко представлял собой возвращение героя в исходную точку путешествия, то в литературе постмодернизма наблюдается «темпоральность ускоренного цикла» (термин Ж. Бодрийяра [1]), подразумевающая введение автором в текст нескольких циклов, своего рода «витков спирали», причем временные рамки данных циклов значительно уже мифологических.

В романе «Падающий» ускорение цикличности проявляется в том, что с течением времени герои все чаще и чаще мысленно возвращаются к событиям 11 сентября 2001 г., и витки временной спирали сжимаются все плотнее.

В «Изнанке мира» такой поворотной датой, изменившей ход времени, становится 3 октября 1951 г., когда малоизвестная бейсбольная команда “Giants” обыграла прославленных игроков “Dodgers”, а Советский Союз провел испытания ядерного оружия. Именно эти два события играют в романе ключевую роль, объединяя судьбы огромного количества персонажей.

С цикличностью тесно связана и ритуализация времени в мифе, при этом ритуал служит средством объединения прошлого и настоящего. Например, в романе Дона Делилло «Мао II» [17] писатель Билл Грей вновь и вновь переделывает свое уже оконченное произведение, а его помощники Скотт и Карен ежедневно усовершенствуют и без того идеальную картотеку писателя-отшельника.

Одним из наиболее ярких примеров ритуализации времени в прозе Дона Делилло становится перформанс Дэвида Джениэка в «Падающем»: “A man was dangling there, above the street, upside down. He wore a

business suit, one leg bent up, arms at his sides. A safety harness was barely visible, emerging from his trousers at the straightened leg and fastened to the decorative rail of the viaduct” [14, с. 33]. Актер прыгает с нью-йоркских небоскребов, напоминая потрясенным обывателям о сентябрьском теракте 2001 г.

Феномен ритуализации времени тесно связан с категорией симуляции, свойственной мифологической темпоральности и подразумевающей одновременность прошлого, настоящего и будущего, сливающихся в одной точке.

В “The Body Artist” невозможно четко отграничить настоящее и прошлое в жизни героини Лорен Хартке, так как женщина постоянно погружена в воспоминания о погибшем супруге, дистанцируясь от окружающей реальности: “It felt like home, being here, and she raced through the days with their small ravishing routines, days the same, paced and organized but with a simultaneous wallow, uncentered, sometimes blank in places, days that moved so slow they ached” [20, с. 34]. Отсутствие знаковых событий в настоящем Лорен актуализирует значение прошлого, словно объединяя временные пласты.

Примечательно, что мифологическое время часто характеризуется как «растянутое» (А.Ф. Лосев [3]), «единый монументальный Хронос» (Ю. Кристева [2]), что вполне сопоставимо с постмодернистскими понятиями «Хронос» (Ж. Делёз [цит. по: 9]), ‘Pure duration’ (А. Бергсон [цит. по: 10]), ‘perpetual present’ (The Cambridge Companion to Postmodernism [26]), ‘presentism’ (Key Concepts in Literary Theory [25]).

В прозе Делилло темпоральность подобного рода наиболее ярко выражена в таких произведениях как «Космополис» [13] и “The Body Artist” [20]. Например, в «Космополисе» действие занимает всего один день, но этот день настолько насыщен событиями, что время превращается в некий глобальный Хронос, неподвижный конструкт, застывшее настоящее. Этот же эффект в “The Body Artist” автор создает за счет совершенно противоположного приема: в отличие от «Космополиса», действие здесь практически лишено событийности, и время словно замирает, остановив свой ход.

Наряду с вышеупомянутой цикличностью, для мифа характерна и линейная временная модель, например, христианская апокалиптика. Данная разновидность темпоральности наглядно представлена в романах Делилло «Космополис» [13], «Грейт-Джонс-стрит» [15], «Белый шум» [23]. Эрик Пакер из «Космополиса», Баки Вундерлик из «Грейт-Джонс-стрит» и Джек Глэдни из «Белого шума» спешат навстречу своей смерти, а действие произведения сопряжено с эсхатологией.

Прерывистость мифологического пространства, отмеченная Ю. Лотманом и Б. Успенским, в литературе постмодернизма принимает формы децентрированного и открытого, полиперспективного пространства, гетеротопии и атопии.

Фрагментарность постмодернистского временного потока и нелинейный характер романной темпоральности обуславливают наличие в тексте целого ряда локусов, нередко антагонистичных друг другу и представляющих собой гетеротопные образования,

способствующие формированию коллажного нарратива.

В романе «Имена» [21] гетеротопиями являются древний храм на острове Крит, места археологических раскопок Оуэна Брейдмаса, пещеры, т.е. прибежище адептов таинственного культа. Все вышеперечисленные локусы искажают не только пространственные, но и временные рамки повествования, словно отодвигая действие на тысячелетия назад.

В свете анализа особенностей построения постмодернистского хронотопа и, в частности, гетеротопий, особого внимания заслуживают такие произведения Дона Делилло как “The Body Artist” [20], «Космополис» [13] и «Точка Омега» [18]. В указанных романах автор кардинально редуцирует описываемое пространство, сводя его к изображению дома в “The Body Artist” и «Точке Омеге» и автомобиля в «Космополисе», при этом все, что остается за рамками данного «микролокуса», представляет собой гетеротопию.

Нью-Йорк в «Изнанке мира» становится примером атопической градации по вертикали (‘vertical city’, E. Gomel [24]). Так, подземелья, заброшенные станции метро и тоннели, мусорные свалки (‘underworld’) – место обитания наркоманов, преступников и прочих маргиналов. Поверхность земли – обычные улицы и дома – населены обывателями, а элитные пентхаусы и вертолетные площадки на небоскребах – вотчина небожителей, современных нью-йоркских нуворишей.

Однако если в мифе верхнюю ступень мироустройства занимают идеальные и всеми почитаемые боги и полубоги, то в романе Делилло безупречность и нравственность американской богемы, обосновавшейся на пике социальной иерархии, кажутся сомнительными. Обитатели же трущоб (девочка Эсмеральда, граффитчик-наркоман Муньос, бедный чернокожий паренек Коттер Мартин) вызывают куда больше сочувствия, сострадания и уважения, нежели избранные Делилло циничные «сливки общества».

Свойственная постмодернизму децентрализация пространства, выражающаяся в наличии множества гетеротопий и атопий, тем не менее, не предполагает выделения определенных локусов в качестве преобладающих. В мифе, напротив, пространство четко делится на центр, или пуп Земли (*omphalos*, H. Birenbaum [11]) и периферию.

Примером такой типичной для мифа пространственной градации служат романы Дона Делилло «Падающий», «Точка Омега», «Американа», «Звезда Ратнера», «Грейт-Джонс-стрит» и “The Body Artist”. Например, в «Звезде Ратнера» центральным локусом служит секретная лаборатория, а в «Точке Омеге» – дом Ричарда Эльстера, при этом оба объекта окружены пустыней, выполняющей роль периферии.

Писатель нередко обозначает в качестве центрального локуса жилище героев, наделив природные объекты функцией романной периферии. Так, дом музыканта Баки Вундерлика из «Грейт-Джонс-стрит» находится в горах, а съемное жилье Лорен Хартке в “The Body Artist” расположено на морском побережье. Подобная организация хронотопа позволяет Делилло акцентировать внимание на разрыве

связей между дикой, нетронутой природой и техно-кратической цивилизацией.

Выводы

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что проза Дона Делилло представляет собой гармоничное сочетание элементов и моделей как мифологического, так и постмодернистского хроно-топа. В частности, автор использует цикличность, обратимость, симуптенцию и ритуализацию времени, характерные для мифа. В то же время, обращает на себя внимание наличие в романах Делилло сугубо постмодернистских пространственно-временных характеристик, наиболее значимыми из которых являются отказ от линейности и каузальности, темпоральность ускоренного цикла, гетеротопии и атопии. Причудливое смешение мифологической и постмодернистской трактовки категорий времени и пространства позволяет автору объединить фрагментарный и самоорганизующийся художественный текст.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013.
2. Кристева Ю. Разрушение поэтики. М., 2004.
3. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
4. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 58–75.
5. Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov4.htm>.
6. Стеблин-Каменский М.И. Миф. URL: <http://norse.ulver.com/articles/steblink/myth/index.html>.
7. Стеценко Е.А. Постмодернизм и современная теория хаоса // Вопросы филологии. 2010. №1(34). С. 82–90.
8. Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира. М., 1980. Т. 2. С. 341–342.
9. Энциклопедия постмодернизма. URL: <http://lib.rus.ec/b/172932/read>.
10. Bird B. Models of Consciousness in the Novels of Don DeLillo. Leeds, 2005.
11. Birenbaum H. Myth and Mind. N.Y., 1988.
12. DeLillo D. Americana. N.Y., 1971.
13. DeLillo D. Cosmopolis. N.Y., 2003.
14. DeLillo D. Falling Man. N.Y., 2007.
15. DeLillo D. Great Jones Street. N.Y., 1973.
16. DeLillo D. Libra. N.Y., 1988.
17. DeLillo D. Mao II. N.Y., 1991.
18. DeLillo D. Point Omega. N.Y., 2010.
19. DeLillo D. Ratner's Star. N.Y., 1976.
20. DeLillo D. The Body Artist. N.Y., 2001.
21. DeLillo D. The Names. N.Y., 1982.

22. DeLillo D. Underworld. N.Y., 1997.
23. DeLillo D. White Noise. N.Y., 1985.
24. Gomel E. Narrative Space and Time : Representing Impossible Topologies in Literature. – N.Y., 2014.
25. Key Concepts in Literary Theory / J. Wolfreys, R. Robbins and K. Womack. – Edinburgh, 2006.
26. The Cambridge Companion to Postmodernism / Steven Connor. – Cambridge, 2004.

References

1. Bodriyar Zh. *Simulyakry i simulyaciya* [Simulacra and Simulation]. Tula, 2013.
2. Kristeva Yu. *Razrushenie poehtiki* [Destruction of poetics]. Moscow, 2004.
3. Losev A.F. *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow, 1991.
4. Lotman Yu.M., Uspenskii B.A. Mif – imya – kul'tura [Myth – Name – Culture]. *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected papers]. Tallin, 1992, T. 1, pp. 58–75.
5. Neklyudov S.Yu. *Struktura i funkciya mifa* [Structure and function of myth]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov4.htm>.
6. Steblin-Kamenskii M.I. Mif [Myth]. URL: <http://norse.ulver.com/articles/steblink/myth/index.html>.
7. Stecenko E.A. Postmodernizm i sovremennaya teoriya haosa [Postmodernism and modern chaos theory]. *Voprosy filologii* [Questions of philology], 2010, №1(34), pp. 82–90.
8. Toporov V.N. Prostranstvo [The space]. *Mify narodov mira* [Myths of the World]. Moscow, 1980, T. 2, pp. 341–342.
9. *Ehnciklopediya postmodernizma* [The Encyclopedia of postmodernism]. URL: <http://lib.rus.ec/b/172932/read>.
10. Bird B. *Models of Consciousness in the Novels of Don DeLillo*. Leeds, 2005.
11. Birenbaum H. *Myth and Mind*. N.Y., 1988.
12. DeLillo D. *Americana*. N.Y., 1971.
13. DeLillo D. *Cosmopolis*. N.Y., 2003.
14. DeLillo D. *Falling Man*. N.Y., 2007.
15. DeLillo D. *Great Jones Street*. N.Y., 1973.
16. DeLillo D. *Libra*. N.Y., 1988.
17. DeLillo D. *Mao II*. N.Y., 1991.
18. DeLillo D. *Point Omega*. N.Y., 2010.
19. DeLillo D. *Ratner's Star*. N.Y., 1976.
20. DeLillo D. *The Body Artist*. N.Y., 2001.
21. DeLillo D. *The Names*. N.Y., 1982.
22. DeLillo D. *Underworld*. N.Y., 1997.
23. DeLillo D. *White Noise*. N.Y., 1985.
24. Gomel E. *Narrative Space and Time : Representing Impossible Topologies in Literature*. N.Y., 2014.
25. Wolfreys J., Robbins R. and Womack K. *Key Concepts in Literary Theory*. Edinburgh, 2006.
26. Connor S. *The Cambridge Companion to Postmodernism*. Cambridge, 2004.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ СРАВНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В статье анализируется эволюция представлений российских лингвистов о функциональной грамматике и полевых структурах. Как продемонстрировано в настоящем обзоре, в фокусе этих исследований находится теория функционально-семантического поля. Функционально-семантическое поле сравнения в этом отношении представляется наиболее интересным. Функционально-семантические исследования, как установлено в данной работе, в России XX века восходят к трудам В.А. Богородицкого и И.И. Мещанинова и эффективно продолжают А.В. Бондарко и его последователями.

Функционально-семантическое поле, грамматика, ономаσιологический подход, сравнение, категория, сложноподчиненное предложение, значение.

In the article the evolution of ideas of Russian linguists on functional grammar and field structures is analyzed. As this review reveals, a theory of a functional-semantic field is in the focus of these investigations. The functional-semantic field of comparison is in this respect the most interesting one. Functional-semantic studies in the XX century Russia, as it has been established in this paper, go back to works of V.A. Bogoroditsky and I.I. Meshchaninov and are efficiently continued by A.V. Bondarko and his followers.

Functional-semantic field, grammar, onomasiological approach, comparison, category, complex sentence, meaning.

Введение

Функционально-семантическое поле, как термин функциональной грамматики, представляет собой основывающуюся на семантической категории группировку средств разных уровней и средств языка, связанных общностью семантических функций. Это поле имеет свою структуру (центр и периферию). Его центр составляют единицы морфологического и синтаксического уровня (с набором дифференциальных признаков). А на периферии находятся словообразовательные и лексические средства (без этих признаков).

Понятие смыслового (функционально-семантического) поля связано с ономаσιологическим подходом в грамматике и ее исследованием как системы. Теория поля первоначально появилась в немецкой лингвистике под влиянием понятий «поля» в физике и других естественных науках. Истоки этой концепции связаны с именами К. Хейзе (1797–1855), автора статьи «Система языкознания» (нем. System der Sprachwissenschaft) и Й. Трира (1894–1970), создавшего теорию поля в лингвистике. Второй из них в своей диссертации заявлял: «Отдельный словесный знак <...> значит лишь в этом целом и в силу этого целого. Вне целого поля значения вообще не может быть» [14, с. 5]. Лишь полевые структуры, по этой теории, наделены полноценным значением. Оценивая ее, Г. Мозер писал: «Структурный способ рассмотрения, как он решительным образом был обоснован Триром с его теорией семантического поля в сфере семантики, в целом правилен и оказался чрезвычайно плодотворным» [13, с. 325]. Подтверждением этого служит широкое распространение теории семантического поля за пределами Германии.

Основная часть

Теория функционально-семантических полей (ФСП) в России была предложена петербургским лингвистом А.В. Бондарко. Но и до него учеными

проводились исследования этих полей. Познание окружающего мира непосредственно связано с таким широко распространенным видом познавательной деятельности (на нем основывается и научный метод), как сравнение.

Поле сравнения, или компаративности, действительно, является ярким примером ФСП. Оно группируется вокруг семантической категории сравнения. Р.З. Мурашов призывал к учету особенностей структуры поля. В статье «Грамматика производного слова» он по этому поводу отмечал: «В качестве конститuentов ФСП словообразовательные средства в зависимости от характера выражаемых ими значений и частеречной характеристики репрезентируемой категории находятся в различных соотношениях с грамматическим ядром ФСП» [9, с. 22]. По справедливому замечанию Н.Н. Будниковой, сравнение относится к числу языковых универсалий, обнаруживающихся практически в любом языке [4, с. 3]. Ядро данного поля представлено морфологической категорией степеней сравнения имен прилагательных и наречий (*красивый, самый красивый*) и синтаксическими сравнительными конструкциями (*Она красива как фея*). На его периферии размещаются лексические средства (подобен, похож, схожесть, аналог) и словообразовательные (скалоподобный, землистый, синеватый).

В грамматике русского языка категория сравнения была отчетливо выделена еще видным представителем Казанской лингвистической школы В.А. Богородицким (1857–1941). В своей классификации сложноподчиненных предложений он под вторым номером рассматривал уподобительно-сравнительный тип. Ученый писал о нем в «Общем курсе русской грамматики»: «Тип уподобительно-сравнительный употребляется в том случае, когда требуется сравнить однородные предметы или явления в смысле сходства, или же показать разницу между ними в смысле степени качества» [2, с. 323]. Придаточное

предложение при этом начинается с относительного местоимения (или местоименного наречия) (*какой, как*), или со слова «чем»: «...как все русские дворяне, он в молодости учился музыке» (И.С. Тургенев, «накануне», гл. V). Категория сравнения рассматривалась, в частности, в лингвистических концепциях И.А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра и их сторонников.

В своем «Общем курсе русской грамматики» В.А. Богородицкий представил лингвистически непротиворечивую модель ономазиологического описания словообразовательной системы русского языка. Эта модель, как подчеркивала В.А. Косова, нашла свое отражение и в нынешних исследованиях. Она особо отмечала: «При этом перспективность идеи единого рассмотрения в ономазиологическом ракурсе грамматических, словообразовательных и даже лексических средств выражения тех или иных значений доказана временем: этот подход, как известно, стал одним из базовых принципов функциональной грамматики, развиваемой школой А.В. Бондарко» [6, с. 98]. В этой связи можно говорить о подлинной преемственности традиций Казанской школы в современной русистике.

Понятие ФСП во многих отношениях опирается и на теорию понятийных категорий И.И. Мещанинова (1883–1967). Эти категории, с одной стороны, представляют собой отображение свойств и отношений реальности, а с другой – опираются на средства языка. Под понятийными категориями И.И. Мещанинов имел в виду семантически выделяемые в языке категории, которыми передаются в самом языке понятия, имеющиеся в данной общественной среде. При этом эти понятия не изображаются при помощи языка, а проявляются в нем самом, в его лексике и грамматике. Один из признаков имени прилагательного как части речи – это изменение по степеням сравнения. В книге «Члены предложения и части речи» ученый писал: «Различение по степеням сравнения относится к числу понятийных категорий, обращающихся в грамматические понятия только тогда, когда получают свои внешние формальные показатели» [8, с. 246]. Соответственно, в этом случае степени сравнения должны получить особую грамматическую форму.

В.А. Богородицкий и И.И. Мещанинов, таким образом, стояли у истоков теории ФСП в российской науке о языке. Идея поля, так или иначе, также присутствует в исследованиях Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, А.А. Шахматова, Ф. Брюно, О. Есперсена, В. Матезиуса, Р.О. Якобсона, Э. Бенвениста, А. Мартине и других ученых [12, с. 92]. Наибольшей высоты в нашей стране эта концепция получила в работах А.В. Бондарко и сектора функциональной грамматики в Петербургском Институте лингвистических исследований РАН.

А.В. Бондарко предложил теорию функционально-семантических полей (ФСП) в 60-е гг. XX столетия (спустя более чем полувека после выхода книги В.А. Богородицкого). Эта теория была развита автором в работах 1980–90-х гг., посвященных функциональной грамматике, а в дальнейшем ее теоретические положения были уточнены. Во введении к кол-

лективной монографии «Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры» ее редактор дал определение поля: «Функционально-семантическое поле (ФСП) – это базирующаяся на определенной семантической категории группировка равноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [3, с. 27]. При этом в ФСП включаются языковые категории, классы и единицы с их языковыми значениями в связи со средствами формального выражения в конкретном языке. По мнению И.В. Недялкова, исследования, проводимые в рамках семантико-категориального и функционально-полевого уровней, позволяют решать проблемы контрастивной лингвистики, перевода и перифразирования [10, с. 119]. В связи с этим концепция ФСП представляется достаточно многообещающим направлением ономазиологических исследований.

К рассмотренному В.А. Богородицким уподобительно-сравнительному типу, лежащему в основе функционально-семантической категории сравнения (далее – ФСК), также обращаются лингвисты XXI столетия. Вслед за казанским языковедом Н.А. Андранонова и Л.М. Салмина считали возможным выделение этого типа придаточных предложений [1, с. 21]. В своей диссертации Л.И. Ильцова также подчеркнула: «Так, В.А. Богородицкий одним из первых раскрывает семантико-синтаксическую природу сравнения, выделяя в системе сложноподчиненных предложений уподобительно-сравнительный тип, включающий конструкции различного оформления» [5, с. 3]. В этом типе функция сравнения и находит свою реализацию.

Следуя мнению А.В. Бондарко, С.В. Постникова указывала, что система средств выражения сравнения, рассматриваемая как ФСП сравнения, обладает всеми характерными признаками ФСП. Исследователь подчеркивала: «Вхождение этих средств в данное ФСП предопределено их способностью выполнять языковую или речевую семантическую функцию выражения сравнительных отношений» [11, с. 272]. Семантику сравнения она определяла как «скрытую категорию», требующую определенного контекстуального окружения. Это окружение должно быть представлено синтаксическими средствами.

ФСП сравнения должно рассматриваться, прежде всего, с учетом законов диалектики. Категория сравнения – это равноуровневое образование, причем сравнение фактически больше ориентировано не на грамматическую, а на семантическую сторону. Такое понимание данной категории выразила Л.М. Малых. Соответственно, в статье «Статус категории сравнения в современных лингвистических исследованиях» она подчеркнула: «При характеристике сравнения как семантической категории в явной или имплицитной форме ученые исходят из достаточно традиционного философского понимания сравнения как проблемы, в первую очередь, «сличения», «соединения», «соотнесения» двух предметов, то есть осуществления качественного сравнения, важными показателями которого является установление отношений тождества и / или уподобления» [7, с. 106]. Это наиболее характерные признаки и категории, и ФСП срав-

нения. Поэтому установление количественного сравнения представляется вторичным моментом.

Выводы

ФСП сравнения, таким образом, как и любое другое поле такого вида, представляет собой не замкнутую, а открытую систему с прозрачными границами. Данное поле взаимодействует с ФСП количественности, интенсивности, определенности / неопределенности, условия и другими. По этой причине теория ФСП находится в основе одной из современных методик изображения языка. Универсальный характер категории ФСП позволяет применять анализируемую концепцию в широком спектре филологических и вообще культурологических исследований (например, в литературе, изобразительном искусстве и т.д.). Исследования современных российских лингвистов продолжают вносить весомый вклад в развитие теории ФСП и направлений функциональной грамматики в целом.

Литература

1. Андрамонова Н.А., Салмина Л.М. Синтаксис сложного предложения. Казань, 2003.
2. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. 1907.
3. Бондарко А.В. Введение. Полевые структуры в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. 2005. С. 12–28.
4. Будникова Н.Н. Этнокультурный аспект в выражении сравнительных отношений в языке русского, английского и немецкого песенного фольклора: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2009.
5. Ильясова Л.И. Устойчивые сравнения с колоративным компонентом в английском и русском языках: автореф. дис. .... канд. филол. наук. Казань, 2009.
6. Косова В.А. Категориальное представление деривационной признаковой семантики русского языка в учении В.А. Богородицкого // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 8 (26); в 2 ч. Ч. II. С. 96–98.
7. Малых Л.М. Статус категории сравнения в современных лингвистических исследованиях // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 2. С. 105–110.
8. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.; Л., 1945.
9. Мурясов Р.З. Грамматика производного слова // Вопросы языкознания. 1987. № 5. С. 18–30.
10. Недряков И.В. Семантические ранги дискурсных функций видовых граммем // Исследования по языкознанию: К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. – СПб., 2001. – С. 119–125.
11. Постникова С.В. К вопросу о центре функционально-семантического поля сравнения (на материале немецкого языка) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 5. С. 272–276.
12. Самарин Д.А. Структурно-семантическая классификация сложноподчиненных предложений В.А. Богородицкого в контексте российской синтактологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. №8. С. 90–93.
13. Moser H. Dem Gedächtnis Jost Trier // Sprache und Gesellschaft. Beiträge zur soziolinguistischen Beschreibung der deutschen Gegenwartssprache. Jahrbuch 1970. pp. 323–327.
14. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1932.

References

1. Andramonova N.A., Salmina L.M. *Sintaksis slozhnogo predlozheniya* [The syntax of a complex sentence]. Kazan', 2003.
2. Bogorodickii V.A. *Obshchii kurs russkoi grammatiki* [The general course of Russian grammar], 1907.
3. Bondarko A.V. Vvedenie. Polevyie struktury v sisteme funkcional'noi grammatiki [Introduction. Field structures in the system of functional grammar]. *Problemy funkcional'noi grammatiki: Polevyie struktury* [Problems of functional grammar: Field structures], 2005, pp. 12–28.
4. Budnikova N.N. Ehtnokul'turnyi aspekt v vyrazhenii sravnitel'nyh otnoshenii v yazyke russkogo, anglijskogo i nemeckogo pesennogo fol'klora: avtoref. dis. .... kand. fi-lol. nauk. [Ethno-cultural aspect in terms of comparative relations in language in Russian, English and German folk songs. Dr. sci.dis.]. Kursk, 2009.
5. Il'yasova L.I. Ustoichivye sravneniya s kolorativnym komponentom v angliiskom i russkom yazykah: avtoref. dis. .... kand. filol. nauk. [Steady comparisons with colorative component in English and Russian. Dr. sci.dis.]. Kazan', 2009.
6. Kosova V.A. Kategorial'noe predstavlenie derivacionnoi priznakovoi semantiki russkogo yazyka v uchenii V.A. Bogorodickogo [Categorical representation of derivatives feature semantics of the Russian language in the study of VA Bogoroditsky]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Questions of theory and practice]. Tambov, 2013, № 8 (26), Vol. 2, pp. 96–98.
7. Malyh L.M. Status kategorii sravneniya v sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniyakh [Status of comparison category in modern linguistic research]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University], 2011, Vol. 2, pp. 105–110.
8. Meshchaninov I.I. *Chleny predlozheniya i chasti rechi* [Parts of sentence and parts of speech]. Moscow ; Leningrad, 1945.
9. Muryasov R.Z. Grammatika proizvodnogo slova [Grammar of derivative words]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of Linguistics], 1987, № 5, pp. 18–30.
10. Nedyalkov I.V. Semanticheskie rangi diskursnykh funktsii vidovykh grammem [Semantic grades of discourse functions grammemes species]. *Issledovaniya po yazykoznaniiyu: K 70-letiyu chlena-korrespondenta RAN Aleksandra Vladimirovicha Bondarko* [Research on linguistics: for the 70th anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Science Alexander Vladimirovich Bondarko]. St-Peterburg, 2001, pp. 119–125.
11. Postnikova S.V. K voprosu o centre funkcional'no-semanticheskogo polya sravneniya (na materiale nemeckogo yazyka) [On the question of the centre of the functional-semantic field of the comparison (based on German language)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the NI Lobachevsky Nizhny Novgorod University.], 2009, №5, pp. 272–276.
12. Samarina D.A. Strukturno-semanticheskaya klassifikatsiya slozhnopodchinennykh predlozhenii V.A. Bogorodickogo v kontekste rossiiskoi sintaktologii [Structural-semantic classification of complex sentences by VA Bogoroditsky in the context of Russian sintaktology]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2015, №8, pp. 90–93.
13. Moser H. Dem Gedächtnis Jost Trier *Sprache und Gesellschaft. Beiträge zur soziolinguistischen Beschreibung der deutschen Gegenwartssprache*, Jahrbuch 1970, pp. 323–327.
14. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1932.

О.Р. Самарцев
 Ульяновский государственный университет (г. Ульяновск),
В.М. Латенкова
 Академия медиаиндустрии (г. Москва)

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ ИНТЕРАКТИВНОГО ДИСКУРСА В ИНТЕРНЕТ-СМИ

В статье рассматривается проблема изменения восприятия аудиторией материалов СМИ, комментированных в интерактивной медиасреде.

Текст, психосемантика, восприятие, интерактивность, пользовательский контент.

The article deals with the ways users' comments in the interactive media environment change the way audience perceives information provided in mass media.

Text, psychosemantics, perception, interactivity, user-generated content.

Введение

Практика организации интерактивного взаимодействия с аудиторией посредством свободного и анонимного комментирования читателями публикуемых материалов в современных Интернет-СМИ становится достаточно серьезной проблемой для редакций сетевых изданий. По сути дела информационный материал, публикуемый Интернет-ресурсом, при наличии активного комментирования приобретает особые свойства расширенного информационного дискурса, который воспринимается аудиторией иначе, нежели сама публикация, без интерактивного контекста. Достаточно очевидно, что комментарии активно влияют на восприятие материала, его оценку читателями и создают особое пространство смыслов, отличное от первоначального, однако вопрос о том, каков механизм этого влияния, в каком направлении изменяется отношение к нему, какие факторы при этом оказываются наиболее значимыми, требует научного осмысления.

Основная часть

На прагматическом уровне в формировании интерактивного дискурса участвует не только редакция, автор, социальный контекст, но и аудитория, авторская активность которой в этом формате не поддается редакционному влиянию и носит спонтанный характер. Меняется не только способ взаимоотношений «редакция – читатель», при котором читатель приобретает способность влиять на редакционную политику непосредственно и оперативно, высказывая свое отношение, но и смысловое восприятие самого текста. Текст, как показывает практика, неотделим от массива комментариев, которые трансформируют в сознании читателя его смысловую, оценочную и информационную составляющие, при этом коммуникативный уровень «понимание – интерпретация» переходит в совершенно иную плоскость, нежели в традиционной модели Чарлза Осгуда.

Именно Осгуд, введя в коммуникативную цепочку такие элементы, как **понимание** и **интерпретация**, исходил из распространенного в 1960-е гг. когнитивного подхода к описанию коммуникативного акта, который учитывает не только смыслы переда-

ваемой информации – сам контент, но и личность автора. «Если реципиент позитивно оценивает коммуникатора, – который вдруг дает позитивную оценку какому-то явлению, которое сам реципиент оценивает негативно, – полагал Осгуд, – то в когнитивной структуре этого реципиента возникает ситуация неконгруэнтности; два рода оценок – моя собственная и позитивно мною воспринимаемого коммуникатора – не совпадают» [1, с. 180]. При этом возможно «одновременное изменение отношения реципиента и к коммуникатору», при котором «позитивным отношениям» соответствуют «ассоциативные утверждения», а «негативным отношениям» – «диссоциативные утверждения» [1, с. 288]. Метод семантического дифференциала, разработанный Осгудом для оценки восприятия и интерпретации, дает весьма предсказуемые результаты при эксперименте по изучению влияния комментариев на восприятие смысла и оценки личности автора публикации и контекста. Как пишет В. Петренко, один из лидеров российской экспериментальной психосемантики, семантический дифференциал позволяет оценить объект – в нашем случае публикацию совокупно с комментариями, с учетом коннотативного значения, когда «оценка делается по ряду параметров, соответствующих обобщенным качествам опыта» [2] реципиента, т.е. в зоне «прагматических значений».

Задаваясь вопросом о том, каким именно образом влияет восприятие комментариев на содержание оригинального сообщения и оценку автора этого сообщения, мы исходили именно из соображений прагматики, поскольку семантический аспект – т.е. смыслы – в этом случае едва ли может подвергнуться существенным деформациям. Если исходить из предположения о том, что воспринимаемая комментарию, читатель меняет отношение к материалу, как дискурсивной смысловой единице, вполне естественно было поставить перед собой цель изучить и направленность этих изменений, а, по сути дела, ответить на вопрос: каким образом изменяется после восприятия комментированного дискурса процесс его интерпретации. Следует учитывать, что наличие контекста (которым, несомненно, являются и комментарии) в процессе коммуникации, отмеченное

А. Стейнбоком [3] в его циркуляционной модели, перенесшей принципы эмпирической валидации и психодинамики бессознательного на коммуникацию, зачастую превалирует над сознательным пониманием и осуществляется первично, до стадии рационального осмысления. Именно поэтому, следует полагать, само количество комментариев воспринимается читателем как самостоятельный фактор значимости публикации и зачастую стимулирует его к чтению, даже в том случае, если в иных обстоятельствах тема его не интересовала.

Известный исследователь медиа И. Дзялошинский отмечает, что феномен «вирусного редактора», действующего как бы вне медиа, без его активного участия в формировании контента и без посредников, проявляется, когда *«огромные массивы частных мнений начинают переплетаться и подстраиваться, в них созревает феномен самоорганизации»*, и «случайно натываясь на интересное сообщение, случайный юзер перепечатывает, комментирует, что-то добавляет, что-то убавляет. При этом юзер не только распространяет, но и редактирует сообщение, стараясь заразить других юзеров интересом» [4, с. 75].

Следует отметить, что не только количество комментариев, но и их содержание, тональность, направленность и позиция анонимных или персонифицированных комментаторов влияет на восприятие публикации, являясь своеобразной эмуляцией *vox populi*. По сути дела, комментарии носят отчетливо манипулятивный характер, если таковая цель стоит перед активно участвующими в интеракции со СМИ. Информационные сообщения, чаще всего анонимизированные, т.е. не имеющие авторства, становятся своего рода инициатором отдельной «ветки» обсуждения, которая по количеству и содержательности комментариев вполне сравнима с темой социальной сети. При этом объектом оценки становится и сам материал – как его фактологическая, содержательная и социальная оценка, так и личность автора, что крайне существенно для интерпретации материала аудиторией. Аудитория, воспринимающая автора виртуально, чаще всего обезличено, и, тем самым, основывая свое доверие к сообщению на доверии к бренду определенного СМИ, делает коррекцию на характеристики автора в комментариях.

В весьма содержательном исследовании американского психолога Джудит С. Донот «Идентичность и обман в виртуальном сообществе» достаточно убедительно доказывается, что личность автора играет ключевую роль в виртуальных сообществах, какими являются и «ветки» комментариев под определенной публикацией. «В коммуникации важное значение для понимания и оценки взаимодействия является именно личность тех, с кем вы общаетесь», – отмечает исследователь [5].

«У юзернета нет редколлегии и обеспечения стандартов надежности – пишет она, – каждый пост исходит непосредственно от автора. Таким образом, личность автора – в частности, требования к его реальному опыту или точности его источников – играет важную роль в оценке достоверности и самой публикации. Аналогично, знание мотивации автора – например, его политических убеждений, профессио-

нальной принадлежности, личных установок – может значительно повлиять на то, как мы интерпретируем его или ее заявления» [5].

В связи с этим интерпретация материала СМИ, происшедшая в окружении комментариев, весьма существенно формирует у читателя представление о личности автора публикации и тем самым оказывает негативное или позитивное воздействие на доверие к нему как источнику информации. Вместе с тем, в комментариях появляются и узнаваемые группы авторов-соавторов-комментаторов публикации, которые иногда по содержательности и компетентности, позиции или эмоциональности оценок становятся значительно более «доверительными», нежели первоисточник.

Поставленный нами эксперимент заключался в определении изменения отношения читателей (группа испытуемых), которые воспринимали публикацию вместе со всем массивом комментариев к ней (выбор предъявляемого для оценки материала предусматривал наличие не менее 50 комментариев). В качестве референтной группы выступали читатели, которым комментарии не предъявлялись и эксперты (журналисты), дающие объективный анализ публикации по ряду профессиональных критериев.

Двум группам испытуемых предъявлялись 10 текстов региональных интернет СМИ в качестве объекта оценки (№1. Кто ответит за идентичность? По слухам в НИИ имени Карамзина задумали менять руководство. Улпресса, 24 марта 2015 г., №2. Единая Россия хочет быть направляющей. Коммерсантъ, 24 марта 2015 г., №3. «В дорожной отрасли очередной скандал: 110 миллионов едва не ушли в Самару без каких-то гарантий». Улпресса, 20 марта 2015 г., №4. Вильдан Зиннуров уходит на федеральный уровень. Улпресса 19 марта 2015 г., №5. 500 шаров из 5000 заявленных: 18 марта на площади Ленина пройдет митинг-концерт, посвященный первой годовщине воссоединения Крыма с Россией. Улпресса 16 марта 2015 г., №6. Мамы в шоке, учителя 33-й гимназии тоже. В Ульяновске накрыли притон, где работали школьницы. 73online.ru, 14 марта 2015 г., №7. Маршрутки поднимают цены. 73online.ru, 4 марта 2015 г., №8. Лицемерие на родине Ленина. Ульяновские коммунисты заглядывают в чужие кошельки, но молчат о своих доходах. 73online.ru, 7 марта 2015 г., №9. Личное мнение: «Нужно ли делить детей на чужих и своих» 73online.ru, 21 марта 2015 г., №10. Аппаратка из Кулатки. Чиновники затягивают пояса, Зиннурову нашли применение. 73online.ru, 10 марта 2015 г.). Одна группа читала текст с комментариями (Группа А), вторая – без комментариев (Группа Б). Критериями оценки субъективного шкалирования по ряду стандартизованных признаков в семантическом дифференциале мы выбрали профессиональные нормы, отражающие такие качества материала, как: достоверность, точность, объективность, полезность или релевантность и информационную полноту, выражающих традиционные профессиональные характеристики журналистского текста. Всего испытуемые (20 студентов обучающихся по направлению «журналистика» от 18 до 21 года в группе А и столько же в группе Б) субъективно шкалировали (т.е.

оценивали на основе субъективного восприятия) от максимально отрицательной представленности критерия в данном объекте-тексте (-5) до максимальной положительной представленности (+5) с возможностью оценки отсутствия критерия (0).

Интерпретация результатов эксперимента (кластерного анализа) была представлена в форме дендрограммы и плотами семантических пространств (рис. 1). Оба графических формата показывают четкие изменения восприятия аудиторией предъявляемых текстов в зависимости от наличия или отсутствия комментариев.

Очень четко видно объединение по восприятию материалов №1 и 3, которые по референтной оценке относятся к разряду «качественных». К ним примыкает материал №5. Материалы №7 («желтого типа») и №4 находятся в одной группе, которая по всем признакам примыкает к материалам первой группы (№1, 3, 5). Вторая группа, достаточно четко отделенная от первой, – это группа схожих по ощущению, по восприятию испытуемыми материалов (№6 и 10) – по предварительной экспертной оценке идентичные по тенденциозности и «желтой» подаче материала. Материалы №8 и 9 примыкают к этой группе в оценке обеих групп испытуемых (А и Б).

Таким образом, наличие комментариев сегментировало в восприятии аудитории материалы качественного и «желтого» типов на две отчетливых группы кластеров, при этом, ряд материалов – 7 и 4 сблизились (хотя относятся по экспертной оценке к разному типу), в частности материал 7 вышел из «желтой» группы в группу качественных.

Дендрограмма испытуемых второй группы, тех, которые получали материалы без комментариев (Группа Б), показывает идентичность восприятия материалов №8, 9 и 10, это, как и в первой группе испытуемых, читавших комментарии – «желтая» группа. Однако, достаточно заметно изменение отношения к материалу №6, который из группы №8, 9 и 10 («желтой») перешел в группу 1–7 («качественной») во втором. Комментарии повысили доверие к

материалу, делая автора в восприятии аудитории более информированным и объективным.

Характерно изменение отношения к материалу №6 (находящегося в первой группе А, испытуемых с комментариями – в «желтой» зоне, а во второй группе Б, испытуемых без комментариев – в «качественной»), которое достаточно показательно. Автор материала объективно является так называемым, «скандальным журналистом», т.е. журналистом, использующим достаточно провокационные методики, однако в оценке референтов очень профессиональным. Материал №6 посвящен теме оказания интимных услуг ученицами элитной гимназии и оценивается группой экспертов как «желтый». Как показывает дендрограмма, материал с комментариями воспринимается в качестве крайне необъективного и находится в группе подобных же материалов того же автора. Испытуемые, не читавшие комментарии, оценивают его позитивнее. Сомнительность материала увеличивается по мере поступления дополнительной информации, оценок автора и самой публикации, поскольку количество комментариев в данной статье достаточно велико, и они носят весьма содержательный, но оценочный характер. Читатель, воспринимая тональность и содержание комментариев, начинает по иному воспринимать и сам материал, его автора, теряя к нему доверие и, как следствие, доверие к приведенным в материале сведениям, поскольку в комментариях негативная оценка автора превалирует над оценкой приводимых им фактов.

Интересно, что вторая группа испытуемых (Группа Б) объединяет материалы №1, 6 и 7 – достаточно различные по стилистике и тональности, но объективно – весьма информативные в один кластер. Разница в оценке этих материалов в комментариях, напротив, крайне велика, таким образом, отсутствие или наличие комментариев не просто изменяет отношение читателя к тексту, но делает его диаметрально противоположным, понижая (для №1 и 6) либо повышая доверие к нему (№7).

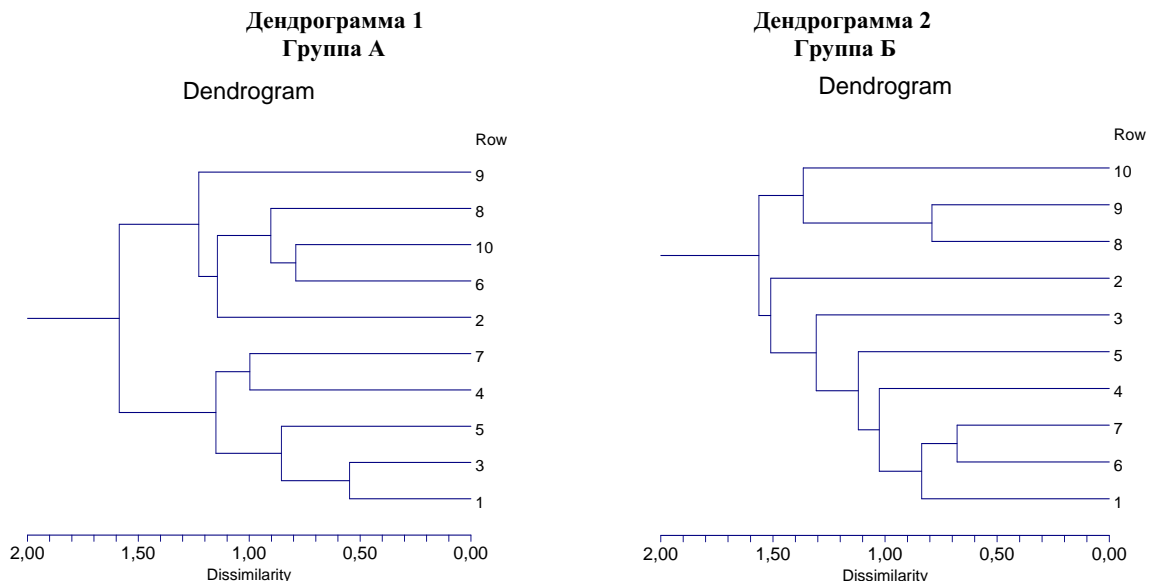

Рис. 1. Дендрограммы

Следует обратить внимание, что практически всегда в обсуждении в качестве авторов фигурируют как безымянные, так и персонифицированные комментаторы. Если проследить всю «ветку» дискуссии, легко заметить, что эти имена повторяются достаточно часто, под однородными оценками и полемическими постами, т.е. опосредовано имеют «собственное лицо». Как отмечает автор упоминавшегося выше исследования из MIT Media Lab Джудит С. Донот, «личная идентификация признается важной во многих группах новостей. Участники в спорах часто называют друг друга по имени – иногда подогревая друг друга или поддерживая, часто комментарии пишутся словно бы от человека к человеку. Онлайн статус признается большинством, и существуют предпочтения для уважаемых в обсуждающей группе членов» [5].

Более визуально наглядную картину изменения отношения к материалу под влиянием комментариев представляет формат семантических пространств, который показывают пересечения каждой группы факторов во всей совокупности возможных комбинаций. В самом эксперименте мы имеем целую группу пространств, показывающих отношения аудитории к тому или иному материалу по следующей схеме:

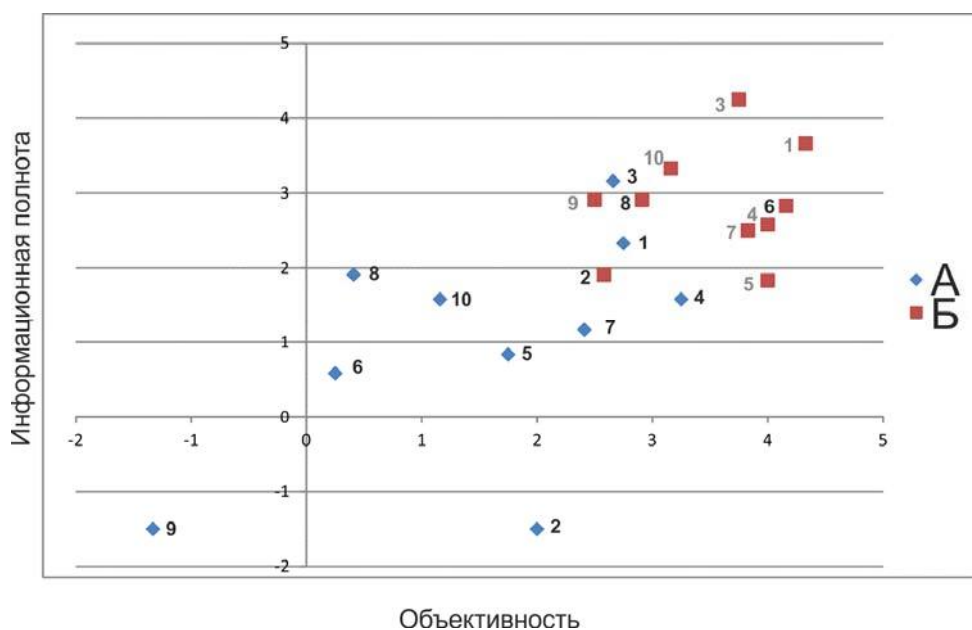
- ось X – достоверность, ось Y – точность;
- ось X – достоверность, ось Y – объективность;
- ось X – достоверность, ось Y – полезность или релевантность;
- ось X – достоверность, ось Y – полнота и т.д.

Полная интерпретация предусматривает построение всех возможных сочетаний факторов, однако некоторые пространства являются наиболее характерными, отчетливо показывая направление изменений в восприятии испытуемыми предъявленных им текстов.

Весьма любопытно и показательно, например, семантическое пространство по факторам оценки «Объективность-Полнота», которые мы проиллюстрируем семантическим пространством, в котором по осям X–Y расположены критерии 6, 10 (Критерий 6: Автор беспристрастен, занимает нейтральную позицию \ Автор пристрастен, стоит на одной определенной позиции (рис. 2). Критерий 10: Материал включает достаточное количество сведений, полно раскрывает аспекты проблемы, приводит факты и необходимые для понимания сведения \ Материал носит поверхностный характер, не содержит сведений, необходимых для полного понимания проблемы).

По критерию 6 («автор беспристрастен») и критерию 10 («материал включает достаточное количество сведений») отчетливо видно, что, что вся Группа Б, воспринимавшая тексты без комментариев, оценивает данные материалы крайне высоко по степени беспристрастности. В основном, все материалы воспринимаются как достаточно беспристрастные и при этом информационно полными, с достаточным количеством сведений.

Группа А (читавшая комментарии) оценивает публикации по-иному. Комментированные материалы практически выходят из зоны беспристрастности в зону крайней, сугубой пристрастности с высокими степенями низких отрицательных оценок, за исключением 3-х материалов, оценка которых совпадает с оценкой референтной группы (и один материал, обозначенный номером 3 «В дорожной отрасли очередной скандал: 110 миллионов едва не ушли в Самару без каких-то гарантий». Улпресса, 20 марта 2015 г. 155 комментариев. Доступ к ресурсу: [http://ulpressa.ru/2015/03/20/ooo-skm/] по этому критерию с учетом комментариев даже поднимается за счет подтверждения в комментариях позиции автора

Номера точек группы А и Б обозначают номер статьи, т.е. предъявляемого для исследования материала

Рис. 2. Плот 1. Критерии 6–10

и приведенных им фактов). Следует отметить, что по критерию пристрастность-беспристрастность комментированные материалы расположены неоднородно: от воспринимаемых достаточно беспристрастными к совершенно, по мнению читателей пристрастным. И информационная полнота данных материалов становится для аудитории более низкой именно за счет того, что комментарии, как правило, задают новые и новые вопросы, на которые в статье ответа мы не находим.

Изучение плота, где в качестве критерия оценивалось внимание автора к позициям обеих сторон (предвзятость-непредвзятость), напротив, в обеих группах равномерно распределены по всему пространству: комментарии в данном случае на отношение аудитории к предвзятости автора (отставания особой позиции сторон конфликта) повлияли незначительно либо повлияли в одинаковой степени и с одним вектором. При этом с отношением к информационной полноте складывается практически идентичная с предыдущим плотом ситуация. Информационная полнота некомментируемых материалов воспринимается как более высокая или очень высокая, тогда как информационная полнота материалов комментируемых, напротив, либо очень не высока, либо абсолютно отсутствует в шкале оценок.

Выводы

В заключении следует сделать ряд выводов, которые не столько доказывают, что интерактивная форма формирования медийного дискурса – в частности, использование практики комментирования, интеракции, включения аудитории в диалог – достаточно спорная практика в деятельности СМИ, сколько пунктирно намечают понимание проблемы самой интерактивности, как принципа конвергентной журналистики.

1. Редакция сознательно принимает условия изменения отношения к собственным публикациям в пространстве интерактивного дискурса. Интерактивность существенно меняет систему взаимоотношений редакции и аудитории, и это уже учитывается в медийной практике последнего десятилетия. Многие рейтинговые Интернет-СМИ вынуждены комментариями закрывать или ограничивать премодерацией. Только в России – это Ведомости, Лента.ру, «Газеты.ру», а так же сайт российского Forbes, в мире – CNN, Reuters и Bloomberg, The Verge, The Daily Beast и Motherboard (группа Vice) [6]. Эти издания видят в функции комментирования скорее вред, нежели преимущества, предпочитая использовать для комментирования и обсуждения публикаций социальные сети либо блогосферу.

2. Интеракция – принципиально новый механизм взаимоотношений журналистики и аудитории инициирует развитие и новой идеологии развития СМИ,

которые уже не монополюльно владеют ситуацией в информационном пространстве. Автор и издатель, активно влияя на информационный продукт которых аудитория получила достаточно большие полномочия, становятся новым типом игрока «медийного шахматного поля». СМИ по прежнему инициируют информационную интенцию, стимулируют интерес к тому или иному событию, придают ему значимость и масштабность. Но интерпретация, дальнейшее развитие последствий и эффектов публикации (сфера прагматики) теперь зависит не только от СМИ. Время односторонней манипуляции обществом через каналы массовой коммуникации меняется временем партнерства и взаимозависимости СМИ и аудитории, которая активно участвует в информационном процессе.

Литература

1. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы. М., 2002.
2. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб., 2005.
3. Steinbock A. J. Husserl's static and genetic phenomenology: Translator's introduction to two essays // *Continental Philosophy Review* 31: 127, 1998
4. Дзялошинский И.М. Медиалингвистика в контексте трансформирующихся медиа // *Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение*. 2014. №4(40). С. 74–83.
5. Judit S. Donath Identity and Deception in the Virtual Community. URL: <http://smg.media.mit.edu/people/Judith/Identity/IdentityDeception.html>
6. A Brief History of the End of the Comments. URL: <http://www.wired.com/2015/10/brief-history-of-the-demise-of-the-comments-timeline/>

References

1. Andreeva G.M., Bogomolova N.N., Petrovskaya L.A. *Zarubezhnaya social'naya psikhologiya XX stoletiya: Teoreticheskie podhody* [International social psychology of the XX century: Theoretical Approaches]. Moscow, 2002.
2. Petrenko V.F. *Osnovy psihosemantiki* [Basics of psychosemantics]. St-Peterburg, 2005.
3. Steinbock A. J. Husserl's static and genetic phenomenology: Translator's introduction to two essays. *Continental Philosophy Review* 31: 127, 1998
4. Dzyaloshinskii I.M. Medialingvistika v kontekste transformiruyushchih media [Medialinguistics in the context of the transforming media]. *Gumanitarnyi vektor. Seriya: Filologiya, vostokovedenie* [Humane vector. Series: Philology, Oriental Studies], 2014, №4(40), pp. 74–83.
5. Judit S. Donath Identity and Deception in the Virtual Community. URL: <http://smg.media.mit.edu/people/Judith/Identity/IdentityDeception.html>
6. A Brief History of the End of the Comments. URL: <http://www.wired.com/2015/10/brief-history-of-the-demise-of-the-comments-timeline/>

**РОМАН З. ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»:
МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СОЛОВКОВ**

В статье представлен анализ метафизического пространства в романе З. Прилепина «Обитель». Мифологизация и метафоризация представляет для автора более значительный интерес, чем изображение конкретных пространственных реалий. Рассматриваются три параметра метафизического пространства: зрительная метафизика (метафоризация природных объектов, гротескное изображение персонажей), пространство культуры (поэзия Серебряного века, символические образы слов и букв) и религии (противопоставление «советское – православное» и «советское – соловецкое»).

Метафизическое пространство, реальное пространство, мифологизация, метафоризация, символическая оппозиция.

The paper represents the analysis of metaphysical space in the novel «Monastery» by Z. Prilepin. The writer uses mythologization and metaphorization, it's more important for him than description of specific spatial realia. There are three main aspects of metaphysical space in the novel. First of all, the aspect of visual metaphysics shows metaphorization of the natural objects and grotesque images of the characters. The second aspect is the space of culture: the poetry of the Silver Age in the novel, symbolic images of words and letters. And the last one is religion which is characterized by the oppositions «soviet – orthodox» and «soviet – Solovetsky».

Metaphysical space, real space, mythologization, metaphorization, symbolic opposition.

Введение

В 2014 г. вышел роман З. Прилепина «Обитель», получивший премию «Большая книга». Высокая оценка романа читателями и критикой сопровождалась неоднозначными характеристиками – от «авантюрного» до «христианского» произведения. Такое же разнообразие мнений вызвала и жанровая форма произведения: приключенческий роман, роман-антиутопия, исторический роман, наконец, полифонический роман. Большой по объему роман сравнили с толстовской эпопеей, находя в нем также требующую временем триллерность и сериальность.

Место и время действия в произведении – Соловецкий лагерь конца 1920-х гг., входящий в группу Северных лагерей особого назначения (СЛОН), что позволяет отнести «Обитель» к жанру «лагерной прозы», активно развивавшейся в русской литературе в 1960-е и во второй половине 1980-х гг.

Основная часть

Историческое время романа задано точно – 1929 год. Образ пространства более неоднозначен. С одной стороны, указаны конкретные топонимы – Соловки, Секирная гора и т.д., с другой, как уже было отмечено критикой, в тексте совершенно не показан географический русский север, нет пейзажных описаний и подробностей монастырских/лагерных построек изнутри и снаружи. Таким образом, реальное пространство в романе практически не представлено, несмотря на динамичное перемещение героев в нем. И все же образ пространства в романе задан, и в задачу автора не входило близкое к реальному описание северных островов, ставших лагерем монастыря. Прилепин поместил своих героев в пространство метафизическое, обозначив его словами своего персонажа Василия Петровича – «странное место». Андрей Рудалев видит в изображенных Прилепиным Соловках некий пространственный оксюморон, со-

единение несоединимого: «Ноев ковчег наоборот в ситуации близкой к вселенскому потоку только в пределах одной страны и на котором никто не дает гарантии спасения. Можно идти покупать леденцы в «Розмаге» и услышать выстрел, ведь рядом тюрьма, в которой расстреливают. Здесь есть многое: и фермы животных, метеостанция, театр, свой журнал, действующий храм. Брань ведется с прошлым, выкорчевывается не только монашеское кладбище, но и идет перековка всего мира и человека. Подразумевается, что этот дивный мир будет лишен пороков прошлого, избавлен от его греха. Прошлое должно быть покрыто бушующими водами нового потопа» [6].

Мифологизированность пространства «Обители» отмечают и Д. Бутрин, и В. Бондаренко: «Соловецкая мистерия – это богатейший русский миф, в котором есть свои Гераклы и Перуны, свои Меркурии, свои черти и бесы. Роман безбрежен, как безбрежна и сама Россия. Он старается прочувствовать весь мир в полноте. Ничего не теряя» [1]. С. Лихачев анализирует пространство романа с точки зрения его двоимирия и приходит к выводу, что это произведение содержит два пространства – реальное и метафизическое, которые сложно разделить, ибо они расположены в одном месте, с использованием одних и тех же топонимов и географических реалий: «Как и положено романам с двоимирием, в «Обители» пространство реального мира перерастает рамки обычного, превращаясь в пространство бытия. Прилепин детально изображает работу и быт персонажей, не лишает последних «домашнего пространства», связей с «домашними» вещами, с их видом и месторасположением. Одновременно с этим существенные детали быта, та же еда и одежда, получают символическую окраску. Особенно это касается еды: герои голодные всегда и везде, готовы съесть или выпить все. Это выводит пространство на новый уровень его

осмысления, связывает со всеобщими законами жизни» [2]. Говоря о принципах разграничения пространства реального и метафизического, критик отмечает, что «реальным аспектом границы, разделяющей пространства, становится не территориальный, а нравственно-этический фактор и в разделении пространств, наряду с принятой в каждом пространстве маркировкой, активное участие принимают мотив зрения, сфера культуры и религии» [2]. Три указанных С. Лихачевым аспекта чрезвычайно важны в понимании пространственной метафизики «Обители», обратим внимание на них.

1. Зрение

Развернутых пейзажных описаний в романе действительно нет, но они и не нужны в произведении, где на первом месте – действия главного героя в черед его мытарств. Выпавшие на долю Артема испытания обостряют все его чувства, в том числе и зрение. Взгляд его часто обращен вверх, и в поле зрения попадают природные объекты, метафоризация которых происходит с использованием пищевого, одоративного (через запах) или тактильного кода. Так, на островах дует пересоленный ветер [5, с. 231], звезды над Соловками Артему «отдавали селедкой» [5, с. 231], были колючими [5, с. 339] или мелкопорошенными [5, с. 74], а отраженные в воде, напоминали кляксы [5, с. 303]. Впрочем, слово «звезда» употребляется в романе не только в значении ночного небесного светила. В ситуации драки, когда Артему «звездзили», перед глазами у него появляются «звезды», о которых главный герой думает как о чем-то съедобном: «вот плавают звезды перед глазами <...>, а если их выловить и сварить» [5, с. 48]. Образ этот многозначный, в тексте появляется и пятиконечная звезда как символ новой страны (об этом аспекте ниже), и звезда как удача, оправдание везучести Артема, в начале романа Афанасьев говорит ему: «Вам везет, Артем. Хорошая звезда над вашей купелью светила» [5, с. 58].

Самый яркий в плане метафоризации – образ солнца. Этот природный объект часто оказывается в поле зрения главного героя в разные ситуации его испытаний на Соловках. Солнце как символ вечного бытия включено в систему философских бесед о бытии соловецком. Оно также становится для Артема весьма значимым символом продолжающейся жизни, он стремится «оказаться на солнце, понюхать солнечный свет» [5, с. 279], насытиться им, «заманить к себе, на себя, внутрь себя хоть один луч» [5, с. 277] (поместить внутрь себя – то есть съесть).

Метафизичность и мифологичность пространства Соловков создается и за счет портретирования второстепенных персонажей с точки зрения главного героя. Именно глазами Артема мы видим гротескные образы чекистов и красноармейцев, представленные в «зоосравнении»: «Чекисты орали, как большие, мордастые и пьяные чайки» [5, с. 137], «Красноармейцы: со своими собачьими лицами и вдавленными глазами. Как их было отличить? Проще одну чайку отличить от другой» [5, с. 207]. По словам С. Лихачева, «чекистам и красноармейцам автор придает настолько звериные черты, что эта группа персонажей оказывается представленной в каком-то погра-

ничном состоянии: одной ногой герои стоят в реале, другой – в воображаемом аду» [3]. Таким образом, через зрительное восприятие главного героя автор хочет показать фантазмагоричный, «другой» мир не столько конкретных Соловков, сколько возможный мир существования человека в нечеловеческом пространстве, населенном персонажами, перестающими быть людьми.

2. Сфера культуры

В художественном мире «Обители» одной из значимых становится «культурная» составляющая представленной жизни лагеря. И дело не только в стремлении Эйхманиса организовать на Соловках театр или изучать оставшиеся от монастыря иконы, привлекая к этим занятиям сидельцев-интеллигентов. Сам автор в интервью о своем романе называет «Обитель» последним аккордом Серебряного века, внося его дух и в образы персонажей, и в ситуации, и в диалоги, и в думы героев. Главный герой романа Артем любит и знает поэзию Серебряного века, впрочем, для него значима любая поэтическая строчка, в том числе и фольклорная. Серебряный век проступает сквозь прозаический текст ключевыми словами из поэзии Блока, Северянина, Ахматовой и прочих символистов и футуристов, звучащими из уст персонажей: «Ах, красота, – по-доброму ерничая, нахваливал Борис Лукьянович. – Это просто *соловьиный сад*. Артем, вы могли бы стать великолепным агитатором. *Громокипящим!*» [5, с. 116], Василий Петрович говорил Артему в начале романа: «Начитались всякой дряни <...> *Дыр бул щыл* в штанах, *навьи чары* на уме» [5, с. 11].

Еще одна из возможностей конструирования «второго мира» в романе – акцент на таких образах, как *слово* и *буква*, написанных и произнесенных (примечательно, что и сравнительный союз «словно» используется автором чрезвычайно часто, бывает, несколько раз на страницу, – гораздо чаще, чем использование синонимичных «как» и «будто»).

Образ слова становится метафоризатором природных объектов («Под утро прошел дождь, неопрятный и многословный» – [5, с. 235]); с его помощью представляются эмоции (положительные: «Люблю? – еще раз повторил он, беззвучно произнеся это слово, чтоб почувствовать его на губах» [5, с. 329] и отрицательные: когда Артем рассказывает Гале о своем преступлении, то «слова его сухие и растрескавшиеся» – [5, с. 252]). В экстремальных условиях слово становится мерилем человеческой жизни: в сцене на Секирке безымянный персонаж «больше ничего не говорил, словно берег каждое свое слово, зная, что до смерти их осталось наперечет» [5, с. 274]. Духовное насыщение словом уподобляется пище при постоянном голоде физическом: «Василий Петрович согласен с владычкой во всем, но только никак не может насытиться его словами и желает слушать все новые и новые доводы о милости, благе, неизбежном спасении» [5, с. 294]. Образ слова в романе становится той скрепой, что соединяет мир реальный и метафизический.

Если слова могут принадлежать главному герою, то буквы всегда из внешнего по отношению к нему мира. Они не похожи сами на себя: «Граков, нано-

сящий в свой блокнот каракули, явственно напоминающие хохломскую роспись, но никак не буквы» [5, с. 116]. Как и слово, буквы в романе не только написанные – они имеют звуковое воплощение, причем звучит в тексте одна и та же буква – *С*. Обозначает ли она Слово, которое было в начале, или Соловки, которые для многих персонажей стали концом, – на этот вопрос может ответить лишь автор. Но звук *С*, произнесенный по-разному, в разных обстоятельствах и разными персонажами, обращает на себя внимание. Вот поэт Афанасьев пытается найти закономерность в употреблении слов на эту букву в произведениях Достоевского и заканчивает подобранный ряд неожиданно Соловками: «Ты замечал, Тема, что у Достоевского – все самоубийцы на букву с... сэ? Свидригайлов, Смердяков, Ставрогин? Я эту букву что-то выговаривать разучился. Сэ – как луна. Посреди фамилии Дос... стоевского торчала она и затягивалась на шею у него. Свистела на ухо... сатанинская свара... сладострастная стерва... и солёные сквозняки... серп рассек сердце... и смерть... и с... Секирка. Ты понял?» [5, с. 290]. Добавление *С* – как добавление Соловков – еще три года срока добавили Артему после возвращения из неудавшегося побега с Галиной.

3. Религия

Роман о Соловках не мог не коснуться религиозной сферы. Прилепин пытается найти точки соприкосновения религиозного и советского в новой жизни, его главный герой помещен в пространство советского перелома, с одной стороны, и исторически религиозного места – с другой. Уже первые страницы романа задают этот поиск в сцене, когда Василий Петрович спрашивает Артема, сколькоконечная звезда на храме, а когда тот пытается всмотреться, смеется, ибо не надо видеть советскую звезду, чтобы знать о ее пятиконечности. Советская пятиконечная звезда на храме – еще одно соединение несоединимого в мифологизированном пространстве романа. На всем его протяжении в большей или меньшей степени ведутся две линии: с одной стороны – противопоставление «советское – православное», с другой – «советское – соловецкое».

Первая линия раскрывает тему веры, в ее раскрытии «решающая роль принадлежит образам Артема и владычки Иоанна. Развитие их взаимоотношений отражает колебания главного героя в отношении веры» [7, с. 300].

Анализируя представленные символические оппозиции концептов духовного содержания (рай – ад, святость – святотатство, свобода – рабство и др.), И.М. Попова замечает соединение двух видов пространств в одной географической точке: «В роман введено также четкое противопоставление: «святая обитель» – «преисподняя». Образ обители как ада дается в восприятии Артема: монастырь предстает как языческое «каменное чудовище», угловатое, «неопрятное, разоренное», «выгоревшее», «тяжелое». Герою кажется, что «построена обитель не слабыми людьми, а разом, всем своим каменным туловом упала с небес и уловила всех, оказавшихся здесь, в западню» [5, с. 10]. Артем страшился смотреть на монастырь, видя в нем только «кромешную» тюрьму,

«мрак». Монастырь кажется ему иногда «грязной плитой с гигантскими черными кастрюлями, крышки у которых – купола церквей, в которых варится “человечина”» [4, с. 146].

Вторая линия – противопоставление советского и соловецкого – также выводит на некое мифологическое осмысление замкнутого пространства, из которого чекисты стараются выкорчевать православие (ср. сцену разрушения монастырского кладбища), но пространство советское так и не образуется. Фраза «У нас власть не советская, а соловецкая» звучит в романе не раз, валютой лагеря становится «соловецкий рубль», применяется речевое клише «честное соловецкое».

Итак, метафизическое пространство в романе превалирует над реальным, его можно реконструировать при анализе таких составляющих художественного мира писателя, как зрительный аспект и обращение к сферам культуры и религии.

Выводы

Двоемирие романа и преобладание метафизического пространства обусловлено желанием понять и продемонстрировать «экзистенцию Соловков». Точками переключения реального пространства на нереальное служат зрительное восприятие главного героя, видящего фантазмагоричность происходящего и метафоризирующего действительность, а также обращение к сферам культуры и религии. З. Прилепин показал мыслящего героя, стремящегося понять не только события в пределах замкнутого пространства Соловецкого лагеря, но и общие закономерности человеческого бытия. Писатель продолжает традицию, обозначенную уже в его раннем творчестве, – расширять конфликт определенного места и ограниченного круга героев до размеров космического масштаба.

Литература

1. Бондаренко В. Власть Соловецкая. О романе З. Прилепина «Обитель». URL: <http://zavtra.ru/content/view/vlastsolovetskaya/> (дата обращения 16.01.2016)
2. Лихачев С. Роман Прилепина «Обитель»: Пространство. Пейзаж. URL: <https://www.proza.ru/2015/11/07/1751> (дата обращения 28.12.15)
3. Лихачев С. Роман Прилепина «Обитель»: Портрет. URL: <http://www.proza.ru/2016/01/05/1051> (дата обращения 20.12.15)
4. Попова И.М. Амплитуда исторического пути России сквозь призму трансформированных концептов «Правда Господня» и «Своя правда» по роману Захара Прилепина «Обитель» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 12 (54): в 4 ч. Ч. II. С. 144–150.
5. Прилепин З. Обитель. М., 2014.
6. Рудалев А. «Обитель» великого перелома // Литература. №65. URL: <http://literatura.org/criticism/470-andrey-rudalev-obitel-velikogo-pereloma.html> (дата обращения 06.01.2016)
7. Сухих О.С. Роман З. Прилепина «Обитель»: поэтика художественного эксперимента // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 297–304.

References

1. Bondarenko V. *Vlast' Soloveckaya. O romane Z. Prilepina «Obitel'»* [Power of the Soviets. About the novel by Z. Prilepin "Monastery"]. URL: <http://zavtra.ru/content/view/vlastsolovetskaya/> (data obrashcheniya 16.01.2016)
2. Lihachev S. *Roman Prilepina «Obitel'»: Prostranstvo. Peizazh*. URL: <https://www.proza.ru/2015/11/07/1751> (data obrashcheniya 28.12.15)
3. Lihachev S. *Roman Prilepina «Obitel'»: Portret*. [Novel by Prilepin "Monastery": Portrait]. URL: <http://www.proza.ru/2016/01/05/1051> (data obrashcheniya 20.12.15)
4. Popova I.M. Amplituda istoricheskogo puti Rossii skvoz' prizmu transformirovannykh konceptov «Pravda Gospodnya» i «Svoya pravda» po romanu Zahara Prilepina «Obitel'» [The amplitude of the Russian historical path through the

prism of the transformed concepts "The truth of the Lord" and "own truth" based on the novel by Zakhar Prilepin "Monastery"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Questions of theory and practice]. Tambov, 2015, №12(54), Vol. II, pp. 144–150.

5. Prilepin Z. *Obitel'* [Abode]. Moscow, 2014.
6. Rudalev A. «Obitel'» velikogo pereloma ["Monastery "Great Change"]. *Literratura*. [Literature], №65. URL: <http://litteratura.org/criticism/470-andrey-rudalev-obitel-velikogo-pereloma.html> (data obrashcheniya 06.01.2016)
7. Suhii O.S. Roman Z. Prilepina «Obitel'»: poetika hudozhestvennogo ehksperimenta [Novel by Prilepin "Monastery": poetics of artistic experiment]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. [Herald of the Nizhny Novgorod NI Lobachevsky University], 2015, № 1, pp. 297–304.

УДК 37.015

Л.В. Быкасова

*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)*

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: ОТ СТРУКТУРАЛИЗМА К ДЕКОНСТРУКТИВИЗМУ

С позиций системного подхода в статье предпринята попытка рефлексии использования механизмов познания, рассматриваемого как синтез когнитивных практик, и объяснения поиска нового понятийного аппарата, отвечающего современному экзистенциально-антропологическому дискурсу педагогической науки, представляющей гетерогенный контент, и нуждающийся в ревизии категориального аппарата, чьи дефиниции в результате эволюции и социокультурных изменений либо не совпадают, либо имеют специфический смысл, обусловленный семантической окраской концепта.

Экзистенция общества, эпистемный потенциал, эмпирическое фундирование, предметно-рефлексивная мотивация.

In the article an attempt of reflection of the mechanisms of cognition, considered as a synthesis of cognitive practices, from the standpoint of system approach is made; explanation of the search for a new conceptual apparatus that meets modern existential-anthropological discourse of pedagogy, representing heterogeneous content and requiring revision of the categorical apparatus, definition of which as a result of evolution and sociocultural changes either do not match or have a specific meaning due to the semantics of the concept, is provided.

The existence of society, epistemic potential, empirical site foundation, domain-reflective motivation.

Введение

«Эпистемология – теория познания – это специфический феномен, созданный абстрактным мышлением» [4, с. 29]. Поскольку человек не обладает необходимыми средствами для описания акта познания как естественной жизни, возникает потребность изменения самого «описательного аппарата» теории познания. Другими словами, нужно сформировать иной взгляд на познание, опираясь на гносеологические или логические приемы; феноменологическую абстракцию; эмпирию понятий, эксплицируемую в содержании понятий; чувственный опыт; эволюционно-исторический подход и др. [Цит. по: 3, с. 13]. Применение данных аналитических процедур позволит познавать мир не только органами, данными природой при рождении, но и органами, возникшими в пространстве познания, а также успешно использовать механизмы познания.

Основная часть

В эволюции эпистемологов сформировалось три направления:

1) познавательное. Г. Фоллмер, К. Лоренц, Д. Кэмпбэл доказывают, что модели эволюции и самоорганизации сложных систем возможно применять к познавательной деятельности человека;

2) генетическое. Э. Эзер, К. Поппер, С. Тулмин используют эволюционные модели для исследования роста научного знания посредством влияния социума и культуры;

3) синтетическое. И.Т. Касавин, М.К. Мамардашвили, И.П. Меркулов разрабатывают неклассическую теорию познания, преодолевая внешне соотношение когнитивного и социокультурного.

Данные направления, объединяя усилия, позволяют осуществлять синтез когнитивных практик, поиск понятийного аппарата, типов опыта для создания современной концепции реального познания.

Философствование о познании может иметь и антисистематический, периферийный характер (М. Хайдеггер, Х.Г. Гадамер, Ж. Деррида). Примером может служить структурализм – духовное движение, возникшее во Франции после Второй мировой войны, которое пыталось построить учение о методе, опираясь на структуру как основную данность, позволяющую дать определение всем феноменам [Цит. по: 5, с. 427] (представители движения Ж. Лакан, М. Фуко, К. Леви-Строс). Под структурой структурализм понимает реальную данность, которая существует объективно, но может быть выявлена субъективно. Структуры в структурализме являются интеллигибельными (умопостигаемыми) правилами комплексов и целостностей действительности, которые определяются из их взаимоотношения и, таким образом, имеют свойство формально передаваться [5, с. 427]. Дискурс и понятийный аппарат этих практик нетрадиционен, часто близок к арсеналу художественного мышления.

В конце 1960-х гг. во Франции возникло новое течение – деконструктивизм, дистанцировавшийся от систематизированного, цельного понятия струк-

туры, принятого в старом структурализме, а также от принципа бинарной оппозиции. В качестве основной структуры деконструктивизм предлагает бесконечную череду обозначений и принцип плюрализма (Ф. Ницше, М. Хайдеггер, З. Фрейд, М. Фуко. [Цит. по: 5, с. 354]. Новое время уверенно вывело на первое место экзистенциально-антропологические традиции познания (синектика и ее инструменты: аналогия, метафора, анафора), что позволило переосмыслить роль и место человека познающего.

Одним из примеров современной концепции реального познания является педагогика. Стремительный темп жизни способствует возникновению новых оригинальных концептов и теорий в педагогиках мира. Их рефлексия помогает нам установить, что категориальный аппарат современной педагогической науки широк и разнообразен, при этом объем многих дефиниций либо не совпадает, либо имеет специфический смысл, обусловленный семантической окрашкой концепта.

Так, концепт «педагогика искусства» имеет двоякую дефиницию. В научном контексте педагогика искусства – часть педагогики культуры, имеющая четырехкомпонентную структуру: инкультурация, социализация, воспитание, образование. В бытийном плане педагогика искусства – это формирование личности и идентичности; терапия, ведущая к улучшению вкуса; «воспитательная дистанция» (формирование Я-характера).

В формате деконструктивизма актуальная педагогика искусства – свидетель

– *расцвета* современного ощущения искусства (картина – это не только художественно-исторический артефакт, но и всеобщая визуальная тестовая система, делающая возможной культурную коммуникацию);

– *легитимности* художественно-педагогических дебатов (возможность субъект-объектного диалога, актуализация художественного производства, деятельность по выравниванию педагогического и методического ландшафтов);

– дальнейшей *эстетизации* культуры (соединение эмоционального, рационального, интуиции; расширение художественно-эстетического горизонта субъекта; воспитание эстетического вкуса).

Педагогика искусства базируется на философии искусства Мартина Хайдеггера. Его «саморазвертывание» занимает центральное место в «самотолковании» субъекта, на котором строятся основные современные педагогические теории (Г. Отто, Г. Пеез, К.-П. Бушкюле).

Феноменами эстетической философии являются две стороны художественной действительности: с одной стороны это канонизация, экземплярность, интерпретация художественных объектов; с другой стороны – выработка философской наукой актуальных концептов, ценностных установок, формирование художественно-эстетического сознания.

Цель педагогики искусства – становление субъекта посредством образования в свободе и для свободы: свобода от политической и экономической детерминации и свобода для «развертывания» личности.

Важнейшее значение в педагогике искусства принадлежит искусству. Причины – в его уникальности, в свободе, в способности формировать разностороннюю личность, в возможности общественный опыт превращать в опыт личный (в связи с изначальной комплексностью искусства).

Искусство как существенный эпицентр педагогики искусства является *медиумом* стабилизации личности, ее социализации; свободы познания мира и его природы; конструктивных альтернатив; продуктивной игры о миропредставлении в картинах. Статус педагогики искусства заключается в развитии незавершенного художественного образа с открытым будущим. Это позволяет

– преодолевать блокаду художественной теории;

– воспринимать гетерогенность художественных концептов не первично, а как переходный феномен;

– актуализировать возникающий неинституционализм в педагогике искусства: так называемое «наблюдательное учение». Данный концепт подразумевает изменение в процессе, возникающем вследствие предметно-рефлексивной мотивации, которая, в свою очередь, инициирует не только реакцию на внешнее окружение, но и эксплицирует эмпирическую практику, что позволяет сформулировать новую педагогическую опцию: влияй на ученика как можно меньше, но столько – сколько нужно.

Педагогика искусства оказывает значительное влияние на воспитание. Рассмотрим роль художественного образования и эстетического воспитания в педагогике искусства. В современной европейской педагогике предпочтение отдается концепту «эстетическое образование», как более емкому по содержанию. Эстетическое образование и художественное образование являются генетически необходимыми для полноценного умственного и физического труда, позволяющими стать человеку разумным; это незаменимые ферменты общества, которые гарантируют его социальный и технический прогресс. Базовая плоскость этих концептов находится в формировании ценностной ориентации субъекта образования; качественного контента; новой образовательной платформы.

Естественно рассуждать, что эстетическое позволяет субъекту полнее и глубже рефлексировать образовательный процесс и познать самого себя: выявить сущность человека; развить духовную надбиологическую сферу; актуализировать личность ребенка в целом и его эстетическое развитие в частности.

Эстетическое отношение к окружающему миру выполняет ряд важных функций:

– регулирующую функцию между системами человек – человек, человек – природа, человек – общество;

– функцию гармонизирующую (бессознание – подсознание – сознание);

– внутренних и внешних процессов и проявлений (духовные, психические, ментальные, образовательные).

Современная модель художественного мышления в современной педагогической науке базируется в основном на двух моделях:

- а) нелинейная «трехшаговая» модель: исследование – конструкция – трансформация;
- б) четырехблочная модель: воззрение – рефлексия – воображение – изображение.

С помощью развитого художественного мышления возможно исследовать, обосновать и рефлексировать свои собственные умозаключения на научно-историческом (подражание), научно-теоретическом (мастерство), научно-этическом уровне (творчество). Художественное исследование введено в поле художественно-дидактического дискурса.

Педагогика искусства использует три критерия «художественного»:

1. В искусстве манифестируется особое представление, наглядное мышление, которое проявляется в знаковых системах: независимо от того, является ли художественное произведение абстрактным или конкретным, двухмерным изображением на плоскости, трехмерным пластическим объектом или многомерным оптическим процессом.

2. Благодаря свободе выбора форм выражения и материалов, художественные произведения лишаются рациональной цели повседневной жизни. Это качество заметно тогда, когда художественное произведение еще не достигло всеобщего признания, пока оно не стало общим благосостоянием или функционирует как символ статуса «обеспеченных слоев» населения.

3. Искусство как особый отпечаток человеческой воли и способности проявляется благодаря аутентичности процесса просмотра и производства, которые соразмерны с тем, что художники придают своим изображениям выразительную силу, реалистичность, необычность в последовательной и адекватно изображаемой форме. В соответствии с этими положениями об искусстве учителя школ проводят отбор произведений для урока.

В русле перехода от структурализма к деконструктивизму представляется своевременным рассмотреть методы современной педагогики искусства. Палитра используемых методов очень разнообразна:

- редукция (видоизменение, новые импульсы);
- элементаризация (рефлексия составных частей);
- реконструкция (воссоздание, ремикс как признак гибридности);
- трансформация (модификация, ревизия);
- предиктографическое описание (формализация художественно-эстетического знания, педагогическая легитимность, восприятие);
- иконологический анализ (собственная эстетическая практика, социальная инклюзивность);
- иконографический синтез (эмпирическое фундирование на основе синтетической интуиции) и др.

В русле компетентностного подхода обратимся к областям, с помощью которых возможно формировать различные компетенции в области педагогики искусства [Цит. по: 1, с. 18]. Таких областей четыре:

социально-коммуникативная, методико-стратегическая, персональная, предметно-содержательная. Все они ответственны за гармоничное развитие субъекта в социуме. Для индивида и социума важна взаимная успешность.

Успешной экзистенции общества способствует развитие художественной коммуникации (как многогранный, симметричный процесс), направленный на развитие новой социально-культурной оптики, с помощью которой возможно изменить окружающий мир (интеракции, межкультурная коммуникация, креативные проекты). Из «серой» субстанции с отговоркой «ничего не знаю» необходимо стремиться формировать субъекта с установкой «знаю все». Сделать это возможно с помощью художественного образовательного проекта, имеющего стратегические линии: общение друг с другом, посредством друг друга, с самим собой. Данные стратегические линии

– основываются на основной компетенции: индивидуальное образование на межперсональном и внутривнутриперсональном уровне;

– помогут развить нарративного субъекта образования, ориентированного на достижение поставленной цели;

– предполагают использование педагогом личностноцентрированного подхода в обучении.

Наиболее продуктивными направлениями современной художественно-педагогической интервенции являются: использование специальных индикаторов и инклюзивность образовательного процесса.

Использование специальных индикаторов: лексические конструкции, концепты, клише, побуждающие школьника к мыслительной деятельности, рассуждению, дискуссии; стилистические средства, обеспечивающие герменевтический анализ художественного текста (метафоры, эпитеты, анафоры); рефлексия художественного процесса.

Инклюзивность образовательного процесса. Детское школьное сообщество представляет собой пестрый контент, в котором существуют различные формы и модели объединений детей и подростков (общий интерес, дружеские отношения, симпатия, социальный статус и др.). Для обеспечения инклюзивности художественно-образовательного процесса педагогу необходимо стремиться к построению многообразных групп обучаемых из гомогенные и гетерогенные потоки.

Современная школа – это статично фиксированное и доминирующее место взрослых. В то же время – это приоритетное пространство для детства, для развития интеллектуального, физического, творческого потенциала школьников [Цит. по: 2, с. 23]. Определить границу влияния учителей на творчество «без границ» детей и юношества довольно сложно, так как современные стратегии образования (в том числе, художественные) раздвигают рамки художественного исследования, предполагают изменение императивов педагогики искусства (вместо четкой прегнантности свобода выбора и фантазия), помогают в (само)познании субъекта.

Выводы

Обобщая сказанное, отметим, что фокус современной педагогики искусства изменяется под влиянием ее эпистемного потенциала (художественные экспликации, каноны, дискурсы), что предоставляет платформу демократическому заказу на образование: учитель – тьютор, ученик – равноправный партнер. Таким образом, с определенной долей условности можно утверждать, что рецептивная способность субъекта и возможность эстетической оценки усиливается в рамках современного деконструктивизма.

Литература

1. Беляева В.А., Петренко А.А. Компетентностный подход в образовании: моделирование и проектирование. Рязань, 2014.
2. Быкасова Л.В., Федотова О.Д. Потенциалцентрированный подход в педагогике // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2009. № 7. С. 22–29.

3. Мамардашвили М.К. Стрела познания. набросок естественноисторической гносеологии. М., 1996. С. 13–14.
4. Микешина Л.А. Философия познания. М., 2009.
5. Философский словарь. М., 2003.

References

1. Belyaeva V.A., Petrenko A.A. *Kompetentnostnyi podhod v obrazovanii: modelirovanie i proektirovanie* [Competence approach in education: simulation and design]. Ryazan', 2014.
2. Bykasova L.V., Fedotova O.D. *Potencialcentrirovannyi podhod v pedagogike* [Potential Centered approach to pedagogy]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki* [Southern Federal University. Jurisprudence], 2009, № 7, pp. 22–29.
3. Mamardashvili M.K. *Strela poznaniya. Nabrosok estestvennoistoricheskoi gnoseologii* [Boom knowledge. Sketch naturally historical epistemology]. Moscow, 1996, pp. 13–14.
4. Mikeshina L.A. *Filosofiya poznaniya* [Philosophy of knowledge]. Moscow, 2009.
5. *Filosofskii slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow, 2003.

УДК 37.013

Н.А. Власова

*Научный руководитель: доктор педагогических наук, профессор Ф.И. Кевля
Вологодский государственный университет*

**КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ
ОБЩЕЙ КУЛЬТУРЫ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА
В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

В статье раскрыты критерии и показатели уровня сформированности общей культуры младшего школьника в процессе иноязычного образования. Автором обоснована актуальность проблемы, необходимость разработки критериально-оценочного аппарата по выявлению уровня сформированности общей культуры младшего школьника как одной из важнейших задач ФГОС НОО.

Формирование, общая культура, младший школьник, критерии, показатели, иноязычное образование.

The article provides criteria and indicators of the level of the elementary school student general culture formation within foreign language study. The author proves urgency of the issue, stresses on the necessity of the criterion-evaluation unit development to detect the level of the elementary school student general culture as one of the most important goals of the Federal State Education Standard for basic elementary school education.

Formation, general culture, elementary school student, criteria, indicators, foreign language study.

Введение

Сегодня формирование общей культуры младшего школьника является одной из основных целей начального общего образования. Так, в Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования (ФГОС НОО) указывается, что основная образовательная программа должна быть направлена на «формирование общей культуры, духовно-нравственное, гражданское, социальное, личностное и интеллектуальное развитие» [7, с. 6]. Цель статьи – предложить критерии и показатели уровня сформированности общей культуры младшего школьника в процессе иноязычного образования, поскольку теоретические положения Стандарта не проливают свет на механизм формирования общей культуры младшего школьника, оставляя поле для их дальнейших научных разработок.

Основная часть

В данной статье представлены критерии и показатели уровня сформированности общей культуры младшего школьника в процессе иноязычного образования.

Понятие «критерий» в педагогике определяется как «признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо» [3, с. 149]. И.А. Маврина «критерий» характеризует как средство, с помощью которого измеряются уровни, степени проявления того или иного явления [4, с. 30]. Критерий выражает наиболее общий признак, по которому происходит оценка, а степень проявления, качественная сформированность выражается в конкретных показателях [5, с. 348].

Под общей культурой младшего школьника нами понимается совокупность взглядов, усвоенных зна-

ний, нравственных, духовных ценностей, сформированных умений и навыков, особенностей поведения и деятельности, основанных на культурно-ориентированном отношении ребенка к себе, обществу, окружающему миру. Младший школьник, обладающий общей культурой – это формирующаяся личность, имеющая духовно-нравственное и интеллектуальное содержание, творческую направленность развития, усваивающая общекультурные ценности, нравственные нормы и стандарты поведения [1, с. 8].

Понятие «иноязычное образование» было введено в терминологический аппарат отечественной педагогики Е.И. Пассовым и представляет собой целостный педагогический процесс обучения, воспитания и развития обучающихся содержанием и средствами предмета «Иностранный язык». Спецификой иноязычного образования является то, что обучающиеся познают не только язык, но и культуру другого наро-

да согласно формуле: язык через культуру и культуру через язык [6, с. 14].

На основе анализа психолого-педагогических источников нами были сформулированы критерии и показатели уровня сформированности общей культуры младшего школьника в процессе иноязычного образования. С учетом идей Д.В. Григорьева об уровнях достижения воспитательного процесса (приобретение социального знания, формирование ценностного отношения к социальной реальности, получение опыта самостоятельного общественного действия) [2, с. 9–10] нами выделены четыре компонента общей культуры младшего школьника: мотивационный, когнитивный, деятельностный и рефлексивный (см. табл. 1). В нашем исследовании (64 обучающихся 2–4 кл. общеобразовательной школы) диагностирование проводилось в процессе иноязычного образования, что нашло отражение в используемых методах.

Таблица 1

Критерии и показатели уровня сформированности общей культуры младшего школьника в процессе иноязычного образования

Наименование раздела (критерии)	Показатели	Методы диагностики
Мотивационный	1. Наличие интереса (желания, стремления) к общекультурному развитию. 2. Побуждение со стороны взрослых к общекультурному развитию	Педагогическое наблюдение, анкета на определение уровня общей культуры, анкета на английском языке “Personality and culture” («Личность и культура»), метод экспертной оценки, методика Р.В. Овчаровой «Изучение уровня владения учащимися нравственными качествами», методика М. Рокича «Ценностные ориентации», педагогическая беседа с целью выявления мотивов, степени побуждения со стороны взрослых; методика И.В. Витковской «Цветик-семицветик» на выявление направленности интересов младших школьников; методика Л.В. Байбородовой «Ситуация выбора» на выяснение направленности личности учащихся; методика Л.В. Байбородовой «Изучение мотивов участия школьников в деятельности
Когнитивный	1. Уровень усвоения знаний об общей культуре. 2. Отношение к общекультурным ценностям	Методика С.М. Петровой «Пословицы»; тест креативности Э. Торренса; анкета на определение уровня усвоенности знаний об общей культуре; анкета на английском языке “Personality and culture” («Личность и культура»); методика «Неоконченные предложения»; педагогическая беседа на выявление уровня знаний об общей культуре; анализ результатов творческой деятельности обучающихся; методика «Игра «Магазин»» О.В. Соловьева
Деятельностный	1. Следование этическим нормам. 2. Проявление умения межличностного взаимодействия. 3. Творческое отношение к труду	Педагогическое наблюдение; тестирование: методика С.М. Петровой «Пословицы»; тест креативности Э. Торренса; анкета на определение уровня общей культуры; анкета на английском языке “Personality and culture” («Личность и культура»); методика Р.В. Овчаровой «Изучение уровня владения учащимися нравственными качествами»; методика для изучения личности учащегося М.И. Рожкова; методика Н.Е. Щурковой «Размышляем о жизненном опыте» (адаптированный вариант для младших школьников); анализ результатов творческой деятельности обучающихся
Рефлексивный	1. Контроль и самоконтроль. 2. Оценка и самооценка	Педагогическое наблюдение; анкета на определение уровня общей культуры; анкета на английском языке “Personality and culture” («Личность и культура»); метод экспертной оценки; педагогическая беседа для выявления уровня оценки и самооценки учащихся; анкета на выявление уровня самооценки младших школьников

Результаты сформированности общей культуры младшего школьника в процессе иноязычного образования определяются по следующим критериям: мотивационный, когнитивный, деятельностный, рефлексивный и классифицируются по уровням: от низкого до высокого (см. табл. 2). Показателями сформированности общей культуры являются: преобладание внутренней мотивации над внешней, т.е. наличие интереса, стремления к общекультурному развитию при незначительном побуждении со стороны взрослых, активно формирующееся общекультурное мировоззрение, достаточно высокая культура поведения, проявление умений межличностного взаимодействия, в том числе с представителями иноязычной культуры, положительное отношение к учебному труду, развитие самоконтроля и самооценки.

Таблица 2

Уровни дифференциации критериев и показателей сформированности общей культуры младшего школьника в процессе иноязычного образования

Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Мотивационный критерий		
Высокое стремление к овладению общей культурой; побуждение со стороны взрослых не требуется	Проявление интереса к общей культуре; имеет место эпизодическое побуждение со стороны взрослых	Отсутствие интереса к общей культуре; активное побуждение со стороны взрослых
Когнитивный критерий		
Достаточные знания фактов; высокий уровень усвоения общекультурных ценностей	Фрагментарное, поверхностное знание фактов; средняя степень усвоения общекультурных ценностей	Незнание или ограниченное знание фактов об общей культуре; низкий уровень усвоения общекультурных ценностей
Деятельностный критерий		
Постоянное стремление к следованию этическим нормам; достаточное умение межличностного взаимодействия; явное проявление творческого отношения к труду	Непостоянное стремление к следованию этическим нормам; средний уровень сформированности умения межличностного взаимодействия; творческое отношение к труду проявляется не достаточно явно	Отсутствие стремления к следованию этическим нормам; отсутствие умения межличностного взаимодействия; творческое отношение к труду не проявляется
Рефлексивный критерий		
Наличие культурных качеств, обеспечивающих эффективность механизмов самоконтроля и самооценки	Нестабильное проявление культурных качеств, обеспечивающих эффективность механизмов самоконтроля и самооценки	Отсутствие культурных качеств, обеспечивающих эффективность механизмов самоконтроля и самооценки

Выводы

Предложенные критерии и показатели уровня сформированности общей культуры младшего школьника в процессе иноязычного образования представляют интерес для учителей иностранного языка, методистов начальной школы в свете реализации положений ФГОС НОО, а именно: для диагностики уровня достижения одной из важнейших целей начального общего образования – формирование общей культуры младшего школьника.

Литература

1. Власова Н.А. Содержание понятия «общая культура младшего школьника»: педагогический аспект // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2015. № 2 (32). С. 6–9.
2. Григорьев Д.В., Степанов П.В. Внеурочная деятельность школьников. Методический конструктор. М., 2010. (Стандарты второго поколения).
3. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Словарь по педагогике. М., 2005.
4. Маврина И.А., Мотышева А.А. Проектирование системы критериальных оценок эффективности деятельности профессиональных объединений педагогов как субъектов развития образовательного учреждения // Прикладная психология и психоанализ. 2006. № 4. С. 30–39.
5. Макарова О.Ю. Критерии и показатели оценки эффективности функционирования воспитательной системы вуза // Фундаментальные исследования. 2013. № 1–2. С. 348–351.
6. Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е. Урок иностранного языка. Ростов н/Д; М., 2010.
7. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Начальная школа. М., 2011.

References

1. Vlasova N.A. Soderzhanie ponyatiya «obshchaya kul'tura mladshego shkol'nika»: pedagogicheskii aspekt [The content of the concept of "common culture of the younger schoolboy": pedagogical aspect]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University. VP Astafieva], 2015, №2(32), pp. 6–9.
2. Grigor'ev D.V., Stepanov P.V. *Vneurochnaya deyatel'nost' shkol'nikov. Metodicheskii konstruktor* [After-hour activity of schoolboys. Methodical designer]. Moscow, 2010. (Standarty vtorogo pokoleniya) [(Second-generation standards)].
3. Kodzhaspirova G.M., Kodzhaspirov A.Yu. *Slovar' po pedagogike* [Pedagogy Dictionary]. Moscow, 2005.
4. Mavrina I.A., Motysheva A.A. *Proektirovanie sistemy kriterial'nyh ocenok ehffektivnosti deyatel'nosti professional'nyh ob"edinenii pedagogov kak sub"ektov razvitiya obrazovatel'nogo uchrezhdeniya* [System design criterion estimates the effectiveness of the professional associations of teachers as subjects of the educational institution]. *Prikladnaya psihologiya i psihoanaliz* [Applied psychology and psychoanalysis], 2006, № 4, pp. 30–39.
5. Makarova O.Yu. *Kriterii i pokazateli ocenki ehffektivnosti funkcionirovaniya vospitatel'noi sistemy vuza*. [Criteria and indicators for assessing the effectiveness of the educational system of high school]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Basic Research], 2013, № 1–2, pp. 348–351.
6. Passov E.I., Kuzovleva N.E. *Urok inostrannogo yazyka* [Foreign language lessons]. Rostov-on-Don; Moscow, 2010.

7. Primernaya osnovnaya obrazovatel'naya programma obrazovatel'nogo uchrezhdeniya. Nachal'naya shkola [Exem-

plary basic educational program of an educational institution. Primary School]. Moscow, 2011.

УДК 37.018.2

И.В. Ильинская, Г.Н. Лашкова, Н.Н. Чистякова
Череповецкий государственный университет

ДИАГНОСТИКА СФОРМИРОВАННОСТИ ИКТ-КОМПЕТЕНТНОСТИ У БАКАЛАВРОВ (НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ – ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, ПРОФИЛЬ – НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ)

В статье рассматриваются основные понятия указанной проблемы, организация и результаты диагностического исследования по определению уровня сформированности ИКТ-компетентности у бакалавров педагогики, возможные направления дальнейшего исследования.

Компетентность, профессиональная компетентность, ИКТ-компетентность, ИКТ-компетентность учителя начальной школы.

The article deals with the basic concepts of the issue as well as organization details and data of diagnostic studies aimed to determine the level of formation of ICT-competence of bachelors of pedagogy and possible directions for further research.

Competence, professional competence, ICT competence, ICT competence of teachers of primary schools.

Введение

В Федеральном государственном стандарте начального общего образования ставится задача формирования универсальных учебных действий у учащихся, в том числе умения работать с информацией. Поэтому одним из основополагающих показателей профессиональной готовности бакалавров педагогики является ИКТ-компетентность.

Подготовка бакалавров на современном этапе развития образования в высших учебных заведениях требует постоянной диагностики сформированности профессиональных компетентностей обучающихся, среди которых серьезное внимание уделяется ИКТ-компетентностям. Предметом диагностики является оценка результатов деятельности обучающихся. Необходимо отобрать методы диагностики, согласно специфике указанной компетентности, которые позволят адекватно оценивать уровень ее сформированности.

Цель работы заключается в определении методологических основ, методов и методик, направленных на выявление уровня сформированности ИКТ-компетентности у бакалавров педагогики; анализе полученных результатов.

Основными методами исследования данной проблемы можно считать рейтинговую оценку самостоятельной работы, анкетирование обучающихся, тестирование. С точки зрения результативности проведенной диагностики важным является использование оценки педагога и самооценки.

Основная часть

Анализ литературы (А.В. Хуторской, Г. Селевко, Э.Ф. Зеер, Л.М. Митина, И.А. Зимняя, С.Е. Шишов и др.) показал, что под компетентностью большинство ученых понимают «интегральное качество личности, проявляющееся в общей способности и готовности

ее к деятельности, основанной на знаниях и опыте, которые приобретены в процессе обучения и социализации и ориентированы на самостоятельное и успешное участие в деятельности» [3, с. 67–72].

В частности, Э.Ф. Зеер рассматривает компетентность «как совокупность знаний, умений, опыта, отраженную в теоретико-прикладной подготовленности к их реализации в деятельности на уровне функциональной грамотности» [3, с. 67–72].

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО) ставят своей задачей формирование информационно-коммуникационной компетентности как части профессиональной компетентности бакалавров педагогики. В данном случае основными базовыми понятиями являются «профессиональная компетентность» и «ИКТ-компетентность».

Профессиональная компетентность учителя в педагогической науке определяется как «владение учителем необходимой суммой знаний, умений и навыков, определяющих сформированность его педагогической деятельности, педагогического общения и личности учителя как носителя определенных ценностей, идеалов и педагогического сознания» [1].

Под информационно-коммуникационной компетентностью понимается «не только совокупность знаний, умений, навыков, формируемых в процессе обучения информатике и современным информационным и коммуникационным технологиям, но и личностно-деятельностную характеристику специалиста сферы образования, в высшей степени подготовленного к мотивированному использованию всей совокупности и разнообразия компьютерных средств и технологий в своей профессиональной работе» [2, с. 64–81].

Отсюда ИКТ-компетентность бакалавра педагогики (профиль – начальное образование) можно рас-

считать как способность и готовность к эффективному использованию информационных и коммуникационных технологий при обучении и развитии детей в процессе педагогической деятельности.

К компетенциям в области информационных и коммуникационных технологий бакалавра согласно ФГОС ВО по направлению педагогическое образование можно отнести следующие:

- готовность использовать основные способы, средства и методы получения, переработки и хранения информации;
- готовность работать с компьютером как средством информации;
- способность в компьютерных сетях работать с информацией;
- готовность применять для обеспечения качества учебно-воспитательного процесса современные методы, методики и технологии диагностики достижений обучающихся.

Путем использования диагностики определяется уровень сформированности ИКТ-компетентности.

Диагностика представляет собой систему деятельности, которая позволяет для оценки результатов обучения выявить определенные свойства личности.

Проведение диагностики уровня сформированности ИКТ-компетентности у бакалавров педагогики (профиль – начальное образование) включало следующие этапы:

1. *Определение цели диагностирования, показателей и уровней сформированности указанной компетентности.*

Получить достоверную информацию о готовности и способности бакалавров эффективно использовать информационные и коммуникационные технологии в профессиональной деятельности – главная цель диагностики.

На основе анализа литературы в рамках эмпирического исследования были определены критерии и уровни сформированности ИКТ-компетентности. Среди критериев выделены:

- готовность к формированию компьютерной грамотности у учащихся;
- умение использовать для методической работы средства информационных и коммуникационных технологий;
- способность на основе средств информационных и коммуникационных технологий выстроить процесс обучения.

Уровни сформированности ИКТ-компетентностей у обучающихся выделены на основе указанных критериев.

Перспективный уровень подразумевает способность бакалавров создавать и реализовывать учебные программы по формированию у учащихся компьютерной грамотности.

Повышенный уровень отражает готовность бакалавров к формированию компьютерной грамотности у учащихся; умение использовать в собственном профессиональном становлении и в обучении школьников средства информационных и коммуникационных технологий; способность на основе

средств информационных и коммуникационных технологий организовать учебный процесс.

Базовый уровень характеризуется готовностью бакалавров к формированию у учащихся компьютерной грамотности; умением использовать в обучении школьников средства информационных и коммуникационных технологий; способностью с использованием информационных и коммуникационных технологий организовать учебный процесс.

Низкий уровень включает готовность в рамках ФГОС НОО к работе с современными техническими средствами, способность использовать в обучении школьников информационные и коммуникационные технологии.

2. *Определение методов диагностирования и разработка диагностических заданий.*

В эмпирическом исследовании принимали участие бакалавры 3-4 курсов по направлению подготовки Педагогическое образование, профиль – начальное образование.

Для диагностики были выбраны: анкетирование, рейтинговая оценка самостоятельной работы, тестовая оценка знаний студента.

Основная цель тестирования – в виде ответов на задания получить объективную информацию о результатах подготовки обучающихся.

Использованы закрытые и открытые типы тестов. Закрытые тесты по форме подразделяются на тесты восстановления последовательности, множественного выбора, с альтернативными ответами, установления соответствия.

Например, «информационная культура педагога – это...

- а) интерес к современным способам информационного обмена и поиск новых путей интенсификации образовательного процесса на информационной основе;
- б) потребность в постоянном обновлении знаний о возможностях применения информационных технологий в профессиональной и общекультурной среде;
- в) ответственность при работе с техническими средствами;
- г) культура поиска, восприятия, обработки новой информации с использованием информационных технологий;
- д) стремление к повышению уровня коммуникативной компетентности».

Тесты открытого типа делятся на тесты с построением дополнения и тесты свободного изложения.

Например, «информацию, существенную и важную в настоящий момент, называют...»

На основе комплекса заданий и технологической карты дисциплин, направленных на формирование ИКТ-компетентности обучающихся, осуществлялась рейтинговая оценка самостоятельной работы.

Анкетирование включало вопросы из области знаний, необходимых для формирования готовности и способности бакалавров использовать информационные и коммуникационные технологии для обучения школьников.

3. Проведение диагностической работы.

Для проведения тестирования и анкетирования на практическом занятии выделяется определенное время. Рейтинговая оценка проводится в течение семестра и учитывается при итоговой аттестации усвоения дисциплины. Обучающимся предоставлялась возможность самостоятельно оценить уровень сформированности ИКТ-компетентности по предложенным критериям. Вслед за самооценкой осуществлялось оценивание педагогом.

4. Обработка полученных данных.

В качестве формы анализа результатов диагностики использовались таблицы, которые позволили оценить результаты испытуемых в целом и каждого студента в отдельности. В таблице представлены комплексные результаты исследования.

Таблица

Показатели уровней сформированности ИКТ-компетентности у бакалавров

(направление подготовки – педагогическое образование, профиль – начальное образование)

Уровни	Количество испытуемых (%)
Перспективный	5
Повышенный	24
Базовый	53
Низкий	18
Итого	100

Анализ данных свидетельствует о том, что преобладающим оказывается базовый уровень сформированности ИКТ-компетентности (53 %). Повышенный уровень составляет 24 %, низкий – 18 %. Количество обучающихся, которые показали перспективный уровень сформированности ИКТ-компетентности, – 5 %.

Умение использовать средства информационных и коммуникационных технологий для профессиональной деятельности является наиболее сформированным. Готовность респондентов к формированию у школьников компьютерной грамотности, способность организовать учебный процесс в школе на основе средств информационных и коммуникационных технологий выделяются как наименее сформированные.

Выводы

Результаты диагностики позволяют определить возможные направления работы по повышению

уровня сформированности ИКТ-компетентности бакалавров педагогики:

- переход от обучения техническим и технологическим аспектам работы с компьютерными средствами к обучению методике использования образовательных электронных изданий и ресурсов в рамках учебных дисциплин;

- наличие эффективной системы информационного обеспечения и коммуникаций, позволяющей целенаправленно управлять процессом формирования ИКТ-компетентности бакалавров;

- разработка и создание учебно-методических материалов для самостоятельной работы бакалавров с учетом направленности на использование информационно-коммуникационных технологий в проектируемой профессиональной деятельности;

- ведение диагностирования и контроля, мониторинга сформированности ИКТ-компетенций у бакалавров педагогики, использование полученных данных для индивидуальной работы со студентами.

Литература

1. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь. М., 2001.
2. Лапчик М.П. Информатизация педагогического образования: первое десятилетие школьной информатики. М., 2009. С. 64–81.
3. Матюшова Р.Г, Савичева Т.Е., Чистякова Н.Н. Диагностика профессиональной компетентности будущего учителя начальных классов к преподаванию русского языка и окружающего мира // Вестник Череповецкого государственного университета. 2008. №1. С. 67–72.

References

1. Kodzhaspirova G.M., Kodzhaspirov A.YU. *Pedagogicheskiy slovar'* [Teaching dictionary]. Moscow, 2001.
2. Lapchik M.P. *Informatizaciya pedagogicheskogo obrazovaniya: pervoe desyatiletie shkol'noi informatiki* [Informatization of teacher education: the first decade of the school of computer science]. Moscow, 2009, pp. 64–81.
3. Matyushova R.G, Savicheva T.E., Chistyakova N.N. *Diagnostika professional'noi kompetentnosti budushchego uchitelya nachal'nyh klassov k prepodavaniyu russkogo yazyka i okruzhayushchego mira* [Diagnosis of professional competence of the future teacher of initial classes to the teaching of the Russian language and the world]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2008, №1, pp. 67–72.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье дается краткий обзор научных публикаций по проблеме развития инклюзивного образования в России; анализируются психологические, педагогические, социальные аспекты его внедрения. Определены современные тенденции исследования образования детей с особыми потребностями, обозначены дискуссионные вопросы в изучении проблем нетипичного детства, рассмотрены новые трактовки сущности нарушенного развития; сформулированы задачи психолого-педагогических исследований в связи с развитием модели инклюзивного образования.

Инклюзивное образование, инклюзивная образовательная среда, дети с ограниченными возможностями здоровья, особые образовательные потребности.

The article provides a brief survey of scientific articles on the problem of developing inclusive education in Russia. It analyzes psychological, pedagogical and social aspects of its implementation. It looks at specified contemporary tendencies of research of children education with special needs. It indicates discussion questions about the problem of atypical childhood. It examines new interpretations of abnormal development. It formulates the tasks for psycho-pedagogical research in connection with the development of inclusive educational model.

Inclusive education, inclusive educational environment, children with limited capacity of health, special educational needs.

Введение

Процессы инклюзии стали реальностью для современной отечественной системы образования, закреплены Российским законодательством. За последнее десятилетие в отечественной литературе накопилось большое количество публикаций по проблеме социальной образовательной инклюзии, что свидетельствует о высоком интересе ученых и практиков к данной инновации. Однако приходится констатировать, что состояние исследования этой области остается явно недостаточным, целостной концепции построения инклюзивного образовательного пространства, обеспечивающего реальный доступ лиц с ограниченными возможностями здоровья к образовательным ресурсам общества, их полноценную социокультурную интеграцию с учетом особых потребностей и возможностей, в отечественной науке не разработано. Имеющиеся исследования и экспериментальное проектирование отдельных параметров инклюзивного образования эклектично представляют решение указанной проблемы. Известно, что разработка ориентиров и рекомендаций к практической реализации возможна лишь при соответствующем теоретическом и экспериментальном уровне развития самой науки. В связи с этим, есть большая потребность в расширении и углублении научного поиска эффективного образования детей с особенностями развития в условиях его модернизации. Цель публикации состоит в анализе современного состояния научных исследований проблемы инклюзивного образования, определение наиболее значимых дискурсов ее изучения, обоснование первостепенных задач исследования в данной области.

Основная часть

Многоаспектность и полифункциональность проблемы инклюзивного образования способствует по-

явлению значительного количества ракурсов его анализа. Проблематика инклюзии наиболее широко представлена в работах социологов, социологов образования, и в психолого-педагогической литературе. Большой массив публикаций последних лет охватывает множество сторон данной проблемы: определение сущности инклюзивного образования, соотношение понятий инклюзии и интеграции (Назарова Н.М., Алехина С.В., Малофеев Н.Н.); формулировка теоретико-методологических оснований инклюзии (Назарова Н.М., Шеманов А.Ю., Вачков И.В., Алехина С.В., Сунцова А.С.); практические модели, методы и технологии инклюзивного обучения и воспитания детей (Кутепова Е.Н., Самсонова Е.Г., Иванова Е.А., Колокольцева М.А.); организационно-педагогические условия построения инклюзивной социокультурной, образовательной среды (Белова Н.Ю., Олтаржевская Л.Е., Панферова О.С.); вопросы обеспечения профессиональной и личностной готовности участников инклюзивных групп к принятию друг друга и взаимодействию (Кутепова Е.Н., Черкасова С.А.); проблема подготовки студентов – будущих педагогов, психологов, дефектологов к работе с детьми в условиях инклюзивного образования (Аслаева Р.Г., Яковлева И.М.), сопоставительный анализ зарубежного опыта и российской ситуации внедрения инклюзии (Назарова Н.М., Алехина С.В., Малофеев Н.Н., Мельник Ю.В.). Особое внимание на современном этапе уделяется вопросам теории и практики сопровождения субъектов инклюзивного образования (Сорокоумова С.Н., Алехина С.В., Кутепова Е.Н., Семаго М.М., Семаго Н.Я., Леонгард Э.И., Самсонова Е.Г., Бурыкина Н.М., Егоров П.Р.); определению стратегий и технологий поддержки семьи в воспитании особого ребенка (Шипицына Л.М., Леонгард Э.И., Селигман М., Дарлинг Р.), вопросам

подготовки кадров для системы инклюзивного образования (Денисова О.А., Леханова О.Л., Поникарова В.Н. и др.). Психолого-педагогический поиск практической организации инклюзивного образования начался с определения принципов и организационно-педагогических условий, обеспечивающих доступность образования для всех категорий детей, особенно имеющих ограниченные возможности здоровья. Совокупность выделенных принципов и условий объединены в понятие инклюзивной образовательной среды, предусматривающей комплексный подход к обустройству пространства образовательного учреждения, отвечающего потребностям детей и их возможностям с точки зрения физической и психологической безопасности. Выделено, что ключевой проблемой внедрения инклюзии на современном этапе, кроме общей неготовности субъектов образования, является организация психолого-педагогического и коррекционного сопровождения педагога, ребенка, семьи. Предложены модели и способы сетевого взаимодействия в процессе сопровождения развития ребенка на уровне диагностики и разработки индивидуального маршрута и адаптированной образовательной программы, мониторинга результатов развития детей.

Обобщение имеющихся данных позволяет говорить о том, что в России начала складываться отечественная модель инклюзивного образования, педагогическое сообщество обратило внимание на необходимость изменения ситуации социализации особых детей через инклюзивное образование, приступило к практической апробации совместного обучения. Несмотря на это, противоречий и нерешенных вопросов больше, чем ясного видения их научно-практического решения.

Осмысление инклюзивных практик непосредственно связано с разработанностью проблемы психологии нетипичного детства, представлением картины его своеобразия, психологическим обоснованием механизмов компенсации и коррекции нарушений, в том числе в различных образовательных средах. Теоретическим фундаментом отечественных исследований, определившим вектор и ракурс анализа специфического детства, является культурно-историческая психология Л.С. Выготского, который сформулировал принципиальные идеи и положения о закономерностях психического развития, а так же его своеобразия при различных нарушениях. С точки зрения положений данной теории, отечественной дефектологической науке удалось сложить достаточно ясную картину нарушенного развития и разработать систему обучения и воспитания детей в условиях специального образования. Анализ публикаций последних лет позволяет проследить динамику интереса специальных психологов и дефектологов, предметом исследований которых все больше становится сфера личности лиц с нарушениями в развитии: их самосознание, мотивационный компонент, ценности, особенности коммуникации и механизмы межличностного восприятия, личностная идентичность, внутренняя картина дефекта, адаптационные возможности, поведенческие стратегии, что в целом способст-

вует осмыслению процесса их социализации и социокультурной реабилитации (Калашникова С.А., Черепкова Н.В., Гайдукевич Е.А., Князева А.П., Корнеева Е.Н., Симанова Г.И., Щербакоева А.М., др.). В современных исследованиях обозначилась новая проблематика – жизненная среда человека с ограниченными возможностями здоровья, процессы самоорганизации личности в условиях жизненной среды, жизненное самоопределение, личностный потенциал человека с ограниченными возможностями здоровья и социальные механизмы его регуляции (Симанова Н.А., Калашникова С.А., Скок Н.И., Баталова А.Н.).

Появление новых ракурсов социокультурного осмысления нетипичного развития отражается в критическом переосмыслении традиционных основ дефектологии, что наглядно проявилось в использовании новых терминов, обозначающих лиц, имеющих психофизические нарушения: вместо «аномальность», «дефективность» – «человек с ограниченными возможностями здоровья», «ребенок с отклонениями в развитии», «с особыми образовательными потребностями», «со специальными нуждами», «с проблемами в развитии». Разнообразие в обозначении одних и тех же явлений, объектов и субъектов демонстрирует попытку сменить медицинскую семантику и отразить в терминах новые социальные смыслы, не ущемляющие достоинство детей и взрослых, нуждающихся в разнонаправленной поддержке и, прежде всего, в коррекции существующей среды для обеспечения более полноценного участия во всех сферах человеческой жизнедеятельности. С другой стороны, «сложившееся смешение терминов свидетельствует о кризисе оснований традиционной специальной психологии, выход из которого потребует смены парадигмы, то есть образца решения теоретических и практических задач в данной научной области» [1, с. 33]. В современных публикациях мы нашли различные мнения о целесообразности использования новой терминологии в научных исследованиях, о переосмыслении и понимании сущности нарушенного развития:

– отход от устоявшейся терминологии приводит к размытости понимания сущности нарушенного развития: «сегодня принят термин, на наш взгляд, менее всего соответствующий обозначаемой категории детей: дети (лица) с ограниченными возможностями здоровья. Что здесь понимать под «ограниченными возможностями здоровья»? И не станут ли, исходя из логики определения все дети такой категории?» [7, с. 22]; «неточность, поверхностность и несогласованность терминов и понятий является существенной проблемой осуществления комплексного психолого-медико-педагогического обследования детей и подростков» [8, с. 61];

– в новых терминах заложены новые смыслы и ракурсы видения данной категории людей, это попытка уйти от навешивания ярлыков и дефектоориентированного подхода к пониманию специфического детства, потребность найти новые обозначения в контексте понимания равных возможностей, в категориях личности и индивидуальности [11, с. 249];

– закономерности развития нервной системы в норме и патологии не отличаются, т.е. нет «отклоняющегося», «искаженного», «особого» развития, есть обычное развитие в условиях патологии и/или депривации [6]; отклоняющееся развитие определяется как обычное, протекающее в необычных (неблагоприятных) условиях, патогенная сила которых превосходит компенсаторные возможности индивида, не нарушая при этом целостности психики, модифицируя лишь уровень ее опосредованности [12].

Импонирует подход Д.А. Леонтьева, объясняющего сущность развития человека с ограниченными возможностями как развитие в затрудненных условиях (условиях дефицита ресурсов), при которых решение задач развития требует вложения повышенных усилий и затраты больших ресурсов, чем в ситуации обычного развития. «Станет ли повышенный уровень требований действительно ограничением возможностей, зависит от того, насколько среда будет поддерживать развитие и предоставлять необходимые ресурсы, и от того, насколько индивид окажется готов, мотивирован и способен к приложению интенсивных усилий для ответа на вызовы социальной и индивидуальной ситуации развития» [9, с. 99]. Концептуальные взгляды автора о соотношении и возможности использования или возвращения различного рода ресурсов (факторов развития человека) представляют интерес в качестве теоретических оснований инклюзивного образования. Предложенное им понимание природы и сущности развития человека как субъекта выбора жизненной стратегии в условиях жизненных вызовов перспективно, современно, позволяют преодолеть недостатки как нозоцентризма в науке, рассматривающей личность через призму патологии, так и «нормоцентризма».

Следует признать позитивную сторону открывшейся полемики и поиск новых смыслов в том, что традиционно называлось нарушенное, аномальное развитие. Дискуссия об использовании терминов актуальна и в связи с практической необходимостью определения параметров особых образовательных потребностей, требующих удовлетворения в процессе обучения и воспитания, при построении образовательного пространства для различных категорий детей. Развитие практики инклюзии актуализировало осмысление сущности человека, имеющего психофизиологические нарушения, а так же вопросы ценностного отношения к проявлениям «не типичности».

Образовательная инклюзия рассматривается в качестве инструмента преодоления недостатков учреждений интернатного типа и одновременно стратегией, призванной объединить достижения систем специального и общего образования, делая границы между ними проницаемыми [7]. Однако позиции современных авторов о внедрении инклюзивного образования весьма противоречивы. С одной стороны, утверждается, что сегодня образовательная система не готова к инклюзии, с другой стороны, упоминается о том, что совместное обучение детей в нашей стране отнюдь не инновация, случаи включения особых детей всегда имели место в практике массового образования. К тому же, с одной стороны, перечень рисков совместного обучения представлен так, что

его воплощение в жизнь практически невозможно, с другой стороны, демонстрируется уверенность в том, что альтернативы инклюзивному образованию не существует. У одних представителей педагогического сообщества инклюзия вызывает опасения, отторжение, недоверие; у других – надежды на обновление в сторону гуманизации образования, поиска путей построения социально-востребованной образовательной модели для большей части лиц с особыми потребностями. Особую ценность представляют работы, посвященные анализу готовности педагогов к реализации инклюзивного образования с позиции комплексной и системной оценки различных компонентов готовности [2], [4], [5].

Ценный вклад в определение сущности проблем и препятствий в реализации права людей с инвалидностью на полноценное образование вносят работы социологов, чьи исследования способствуют пониманию затруднений при организации инклюзивного образования и имеют важное значение для осмысления и обоснования необходимости одновременных структурных преобразований во всех сегментах социальной реальности (Ярская-Смирнова Е.Р., Романов В.П., Зайцев Д.В., Жигунова Г.В., Ярская В.Н., Григорьева И.А., Наберушкина Э.К., Ткаченко В.С., Карпова Г.Г., Петросян В.А., Егорова С.В. и др.). Работы социологов дают нам четкое представление об инвалидности как о социокультурном феномене, формируемом и культивируемом самим обществом; показывают дискриминационную структуру общества, существующий большой разрыв между декларируемыми правами людей с инвалидностью и реальными возможностями реализовать эти права, объясняют причины зависимого социального положения людей с инвалидностью. Исследователями подчеркивается, что инклюзия в гражданском обществе, соблюдение прав человека, партнерство, прежде всего, должны быть воплощены в сфере образования. Тщательному анализу подвергнуты господствующие в обществе концептуальные модели, на основе которых формируются социальная политика и социальные программы в отношении инвалидов. Изменения общественного понимания природы инвалидности выразилось в формировании так называемой философии независимой жизни, которая определяется как возможность человека исполнять целый ряд социальных ролей и принимать решения, ведущие к самоопределению, возможность полностью контролировать свою жизнь на основе приемлемого выбора, который сводит к минимуму зависимость от других людей в принятии решений и осуществлении повседневной деятельности [14].

Очевидно, что принципы инклюзивного образования основаны на философии независимой жизни и концепции нормализации, на признании социальной природы инвалидности. Очевидно так же, что попытки его внедрения окажутся безуспешными без трансформации общественного сознания в отношении инвалидности с медицинской модели на социальную. Социологами подчеркивается, что кардинальное изменение социальных установок в отношении инвалидности – крайне затруднительный процесс. Анализ, проведенный в исследовании В.С. Тка-

ченко, убедительно показывает устойчивость сложившейся социальной стратификации. Инвалиды в России приобрели определенный статус, очень низкий, но весьма устойчивый. Инвалидность как социальный институт выполняет в обществе определенные и необходимые ему функции [13]. «Инклюзия постепенно становится принципом социальной политики и социальной ценностью, но общественные ценности – это не просто public domain, это то, что прирастает от общественного пользования, играя роль одновременно и содержания, и медиатора коммуникаций» [14, с.12]. «Любой закон, и рамочный, и прямого действия, у нас может не изменить ситуацию, если не совпадает с обычно-правовыми представлениями или ожиданиями людей. ... Поэтому наряду с принятием новых законов, нужно серьезно работать над изменениями общественного мнения, над изменениями установок, связанных с возможностями детей-инвалидов» [2, с. 20].

Таким образом, инклюзивные процессы в образовании ставят перед наукой новые задачи и ракурсы исследования, среди которых можно выделить:

1. Изучение процесса становления личности, познавательного и эмоционального развития обучающихся инклюзивных образовательных учреждений, что дало бы научное обоснование его эффективности, или наоборот. Предстоит охарактеризовать и проанализировать, как происходят процессы социализации, идентификации, индивидуализации, какие механизмы при этом используются детьми; какие процессы происходят внутри коммуникативного пространства инклюзивных групп, что изменяется в результате включения особых детей для них самих и для их сверстников; какова динамика внутригрупповых процессов и многое другое.

2. Исследование психологических особенностей социально успешных детей и взрослых с нарушениями в развитии. Несомненный интерес представляет поиск механизмов и стратегий преодоления ими затруднений и барьеров социальной среды, выявление условий, способствующих самоактуализации, что позволило бы ответить на вопросы о качестве социокультурной среды, обеспечивающей искомые свойства и состояния развития личности, о способах и содержании психологической работы, направленной на развитие жизненной компетентности детей с нарушениями в развитии.

3. Поиск новых средств диагностики, позволяющих не только фиксировать имеющийся уровень развития личности и психики особого ребенка, но и его потенциальные способности, возможности, которые предстоит актуализировать посредством создания соответствующих условий в социально-образовательной среде. Таким образом, можно попытаться ответить на вопрос о перспективах развития ребенка. Сегодня мы преимущественно осведомлены в вопросе о том, к каким последствиям приводит физический и/или психический недостаток, о том, чего человек *не может* в силу ограничивающего дефекта, но предстоит ответить и на принципиально другие вопросы: что *может* человек с ограниченными возможностями здоровья и какого качества развития

может достичь ребенок с нарушением (каким социально успешным он может стать) при создании необходимых условий социализации и обучения.

Полагаем, что психологические исследования позволят осмыслить и понять специфику самого процесса развития в условиях включающего образования, будут способствовать преодолению редуцированности в построении теории нетипичного детства, обеспечат движение к онтологическому представлению сущности и индивидуальности человека с особым развитием.

На данном этапе педагогические исследования направлены на решение множества вопросов, среди которых основополагающими выступают:

1. Разработка методологии и концептуальных оснований инклюзивных практик, так как нерешенность проблем данного уровня порождает неопределенность организационных и методических аспектов включенного образования. Вне теоретического поиска, связанного со вскрытием закономерностей в педагогических системах, с определением существующих связей между созданными или объективно существующими условиями и достигнутыми результатами, невозможно определить факторы, определяющие эффективность образовательно-воспитательного процесса.

2. Анализ и обобщение передового педагогического опыта, что позволит выявить и транслировать оптимальные условия, средства и способы организации инклюзивного образования. Исследование практического опыта призвано определить возможности включенного образования для различных категорий детей и «опытным путем» выделить критерии / показатели для совместного или сегрегационного (специального) обучения детей (данный вопрос является особо противоречивым, волнующим практиков и ученых, и, скорее всего, ответить на него представится возможным посредством постоянного научного мониторинга процесса развития детей при условии открытости и сотрудничества образовательных систем).

3. Научная разработка и внедрение образовательных технологий, отвечающих потребностям современной практики и рационально влияющих на преодоление существующих недостатков. С развитием нормативно-правового обеспечения инклюзии данная практика будет широко внедряться в образовательные организации разного уровня. Поэтому актуальным является сотрудничество ученых и практиков в конструировании приемлемых образовательных технологий, которые можно предложить образовательным организациям.

4. Прогнозирование развития системы образования в России в контексте развития экономических, политических, социальных процессов в обществе. Научное прогнозирование – неотъемлемая задача науки, оно связано с совершенствованием процессов управления в сфере образования, определением вектора повышения профессионализма педагогов. Отметим, что рассматриваемая инновация – это творческое пространство научно-педагогического поиска. Предполагается, что развитие инклюзии повысит и

эффективность специального образования, а в целом будет способствовать становлению вариативной, мобильной системы, которая реализует важнейший принцип – образование для ребенка (а не ребенок, «подгоняемый» под программы и стандарты). В будущем, возможно, не придется употреблять слово «инклюзия», а просто «образование», принимая, что инклюзивное образование – это нормальное образование, то есть такое, какое должно быть в культурном, высокоцивилизованном человеческом обществе (Нигматов З.Г.).

Выводы

Дети с особенностями в развитии составляют многочисленную популяцию детского населения, открытие границ между обычным и особым детством предъявляет новые требования к исследованию и принятию его как социального феномена. Требуется осмысление ребенка с особенностями в развитии не только в контексте «норма/патология», но и порождение качественно новых матриц, моделей представления, объяснения, понимания человеческой сущности и личности с ее стратегиями и тактиками как инструментами решения жизненных задач в условиях ограниченных природных (в сравнении с другими) ресурсов человека. Анализ публикаций показал, что именно в этом направлении идет развитие научных представлений философов, социологов, психологов, педагогов.

Литература

1. Аксенова Л.И., Архипов Б.А., Белякова Л.И. Специальная педагогика. М., 2000.
2. Григорьева И.А. Социальная инклюзия как цель и результат социальной политики // Образование для всех: политика и практика инклюзии: Сб. научных статей и научно-методических материалов. Саратов, 2008. С. 16–24.
3. Денисова О.А., Леханова О.Л., Поникарова В.Н. Дополнительное профессиональное образование педагогов для инклюзивного образования дошкольников с ограниченными возможностями здоровья // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. № 3. С. 119 – 128.
4. Денисова О.А., Леханова О.Л., Поникарова В.Н. Подготовка педагогических кадров к осуществлению инклюзивного образования // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 1. Т. 4. С. 109–112.
5. Денисова О.А., Леханова О.Л., Поникарова В.Н. Стратегия и тактики подготовки педагогов инклюзивного образования // Дефектология. 2012. №3. С. 81–90.
6. Кагарлицкий О.В. Онтогенетический подход в ведении детей группы «Особых возможностей здоровья» // Актуальные проблемы психологической реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья: Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологической реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья». М., 2011. С. 88–90.
7. Кобрин Л.М. Некоторые проблемы исследований личности людей с нарушениями развития (на материале начального этапа эксперимента) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. №4. Т. 5. С. 21–31.
8. Кулькова Ж.Г. Методологические основы комплексного изучения детей с нарушениями в развитии в содержании дополнительного профессионального образо-

вания // Научное обеспечение системы повышения кадров. 2010. №2 (4). С. 60–64.

9. Леонтьев Д.А. Развитие личности в норме и в затрудненных условиях // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. №3. С. 97–106.

10. Малофеев Н.Н. Интегрированное обучение: ситуация России XXI века // Специальное образование. 2005. № 5. С. 8–13.

11. Симанова Н.А. Обоснование категории саморазвития личности в контексте ограниченной возможности бытия // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. Вып. 12. С. 246–250.

12. Сорокин В.М. Специальная психология. СПб., 2003.

13. Ткаченко В.С. Интеграция в Российском обществе людей с инвалидностью: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Ставрополь, 2007.

14. Ярская В.Н. Инклюзия – новый код социального равенства // Образование для всех: политика и практика инклюзии. Саратов, 2008. С. 11–16.

References

1. Aksenova L.I., Arkhipov B.A., Belyakova L.I. *Special'naiia pedagogika* [Special Education]. Moscow, 2000.
2. Grigor'eva I.A. Sotsial'naiia inkluziia kak tsel' i rezul'tat sotsial'noi politiki [Social Inclusion as a goal and the result of the social policy]. *Obrazovanie dlia vseh: politika i praktika inkluzii: Sb. nauchnykh statei i nauchno-metodicheskikh materialov* [Education for everybody: the policy and practice of inclusion: Coll. scientific articles, scientific and methodological materials]. Saratov, 2008, pp. 16–24.
3. Denisova O.A., Lekhanova O.L., Ponikarova V.N. Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie pedagogov dlia inkluzivnogo obrazovaniia doskol'nikov s ogranichenymi vozmozhnostiami zdorov'ia [Additional professional education of teachers for inclusive education of preschool children with disabilities]. *Psikhologicheskaiia nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2013, №3, pp. 119–128.
4. Denisova O.A., Lekhanova O.L., Ponikarova V.N. Podgotovka pedagogicheskikh kadrov k osushchestvleniiu inkluzivnogo obrazovaniia [Training teachers to implement inclusive education]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2012, № 1, T. 4, pp. 109–112.
5. Denisova O.A., Lekhanova O.L., Ponikarova V.N. Strategii i taktiki podgotovki pedagogov inkluzivnogo obrazovaniia [The strategy and tactics of the preparation of teachers for inclusive education]. *Defektologiiia* [Defectology], 2012, №3, pp. 81–90.
6. Kagarlitskii O.V. Ontogeneticheskii podkhod v vedenii detei grupy «Osobykh vozmozhnostei zdorov'ia» [The ontogenetic approach to the conduct of a group of children "Special health opportunities"]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskoi reabilitatsii lits s ogranichenymi vozmozhnostiami zdorov'ia: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy psikhologicheskoi reabilitatsii lits s ogranichenymi vozmozhnostiami zdorov'ia»* [Actual problems of psychological rehabilitation of persons with disabilities: Proceedings of the international scientific-practical conference "Current issues of psychological rehabilitation of people with disabilities"]. Moscow, 2011, pp. 88–90.
7. Kobrina L.M. Nekotorye problemy issledovaniia lichnosti liudei s narusheniami razvitiia (na materiale nachal'nogo etapa eksperimenta) [Some of the problems of the studies of personality of people with disabilities (at the initial stage of the experiment)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo un-*

iversiteta im. A.S. Pushkina [Bulletin of Leningrad State University. AS Pushkin], 2010, №4, Т. 5, pp. 21–31.

8. Kul'kova Zh.G. Metodologicheskie osnovy kompleksnogo izucheniia detei s narusheniami v razvitii v sodержanii dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniia [Methodological basis of a comprehensive study of children with developmental disorders in the maintenance of additional vocational training]. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniia kadrov* [Scientific support of personnel development], 2010, №2(4), pp. 60–64.

9. Leont'ev D.A. Razvitie lichnosti v norme i v zatrudnennykh usloviiaakh [Development of the person in normal and difficult conditions]. *Kul'turno-istoricheskaia psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2014, Т. 1, №3, pp. 97–106.

10. Malofeev N.N. Integrirovannoe obuchenie: situatsiia Rossii XXI veka [Integrated education: the situation in Russia in the XXI century]. *Spetsial'noe obrazovanie* [Special education], 2005, № 5, pp. 8–13.

11. Simanova N.A. Obosnovanie kategorii samorazvitiia lichnosti v kontekste ogranichennoi vozmozhnosti bytiia [Justification of category of self-identity in the context of the limited possibilities of being]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniia* [Scientific problems of humanities research], 2010, Vol. 12, pp. 246–250.

12. Sorokin V.M. *Spetsial'naia psikhologiya* [Special psychology]. St-Peterburg, 2003.

13. Tkachenko V.S. *Integratsiia v Rossiiskom obshchestve liudei s invalidnost'iu* [Integration into the Russian society of people with disabilities. Dr. sci. dis.]. Stavropol', 2007.

14. Iarskaia V.N. Inkluziia – novyi kod sotsial'nogo ravenstva [Inclusion - a new social equality code]. *Obrazovanie dlia vsekh: politika i praktika inkluziia* [Education for everybody: the policy and practice of inclusion]. Saratov, 2008, pp. 11–16.

УДК 337.12

А.А. Листвин

Череповецкий государственный университет

АНТИНОМИИ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Процесс модернизации среднего профессионального образования длится уже много лет. Имея ключевое значение для инновационного развития отечественной экономики и решения задачи создания высокопроизводительных рабочих, оно, тем не менее, не рассматривается работодателями в качестве приоритетного уровня образования и теряет престиж среди молодежи. Анализ нормативных и программных документов в области среднего профессионального образования позволяет понять облик новой системы, выявить явные и скрытые противоречия в ходе ее модернизации, способствует формированию эффективных региональных систем профессионального образования, отвечающих потребностям экономики.

Региональная модель СПО, система «рабочий – техник – инженер», образовательные стандарты, перечень профессий и специальностей, профессиональные стандарты.

The process of modernization of vocational education has been going on for many years, and the presence of contradictions in its conception and functioning becomes more and more vivid. At the same time, being the key factor to the innovative development of the national economy and solving the problem of creating high-performance workforce, secondary vocational education is not considered as a priority level of education by employers and, what is more important, loses prestige among the youth. Analysis of regulatory and policy documents in the field of secondary vocational education enables us to understand the image of the new system, to identify explicit and implicit contradictions in the course of its modernization, contributes to the formation of effective regional systems of vocational training to meet the needs of the economy.

SPO regional model, system “the worker – the technician – the engineer”, educational standards, list of professions and specialties, professional standards.

Введение

Процесс модернизации среднего профессионального образования, отвечающего потребностям отечественной экономики, идет сложно, неоднозначно, с наличием противоречий, содержащихся, в том числе, и в нормативных документах, что еще в большей степени затрудняет становление региональных систем профессионального образования.

Основная часть

Согласно закону «Об образовании в РФ» среднее профессиональное образование (далее СПО) направлено на решение задач интеллектуального, культурного и профессионального развития человека и имеет целью подготовку квалифицированных рабочих (служащих) и специалистов среднего звена по всем основным направлениям общественно полезной

деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, а также удовлетворение потребностей личности в углублении и расширении образования [4].

Отечественная система СПО декларирована как общедоступная и бесплатная. Полномочия реализации этого конституционного права граждан делегированы регионам. Вместе с тем, следует отметить, что доля лиц, обучающихся на платной основе, в общей численности студентов обучающихся по образовательным программам подготовки специалистов среднего звена, составила к 2015 г. в государственных образовательных организациях 22,8 % [5]. СПО имеет региональную направленность. Помимо социальной функции этот уровень образования должен решать задачу обеспечения квалифицированными кадрами экономики регионов. В субъектах Рос-

сийской Федерации идет активный поиск эффективных моделей региональных систем профессионального образования. Выделяются три модели управления ресурсами системы подготовки кадров в регионах: традиционная, кластерная и сетевая модели. Сочетание их элементов в отдельной региональной системе профессионального образования зависит от особенностей социально-экономического развития субъекта Российской Федерации. Значение кластерной и сетевой моделей возрастает, поскольку именно они позволяют наиболее эффективно использовать потенциал государственно-частного партнерства и распределять ресурсы системы профессионального образования [5]. Сегодня общепризнано, что вопросы подготовки квалифицированных рабочих кадров и специалистов среднего звена имеют ключевое значение для инновационного развития отечественной экономики, решения задачи создания и модернизации высокопроизводительных рабочих мест к 2020 г. [7]. В последнее время эти вопросы неоднократно становились предметом серьезного и всестороннего обсуждения с участием руководства страны, органов законодательной власти, представителей работодателей и образовательного сообщества. Например, автономная некоммерческая организация «Агентство стратегических инициатив» (далее АНО «АСИ») с 2013 года реализует системный проект «Подготовка рабочих кадров, соответствующих требованиям высокотехнологичных отраслей промышленности, на основе дуального образования». В настоящее время в проекте участвует 13 пилотных регионов, 105 учебных заведений и 1005 предприятий. За 20899 студентами, обучающимися в рамках дуальной модели, закреплено 5602 наставника из числа работников предприятий [1]. Предполагается, что это дает оптимистичные ожидания относительно будущего нового облика системы СПО:

- гибкость в реагировании на вызовы экономики в условиях глобализации;
- современность и привлекательность для молодежи;
- качество подготовки в соответствии с приоритетами экономического развития регионов;
- широта возможностей для граждан в приобретении необходимых квалификаций на протяжении всей трудовой деятельности;
- инвестиционная привлекательность и эффективность управления.

Однако отметим, что данные процессы происходят на фоне падения престижа рабочих профессий, что признает и Минобрнауки РФ. Так, показатели приема на программы подготовки специалистов среднего звена выросли в 2014 г. до 672,8 тыс. человек (2013 – 637 тыс. человек), а по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих несколько сократились (2014 г. – 415,6 тыс. человек, 2013 г. – 451 тыс.). Общий контингент обучающихся в системе СПО в 2014 году в Российской Федерации составляет 2,8 млн человек. По профессиям СПО обучается 0,79 млн человек, по специальностям СПО – около 2,1 млн человек [5]. Таким образом, охват молодежи образовательными программами подготовки квалифицированных рабочих и служащих со-

ставляет 8,3 %, а программами подготовки специалистов среднего звена – 30,8 %. Можно констатировать, что сегодня профессиональные образовательные организации не рассматриваются работодателями в качестве приоритетной площадки для подготовки рабочих кадров. Охват занятых в организациях реального сектора экономики программами профессиональной переподготовки, повышения квалификации на базе организаций СПО не превышает 22 %. При этом по данным социологических обследований, всего 3 % от общего числа граждан, участвующих в непрерывном образовании, осваивают соответствующие программы, результаты аттестации по которым подтверждаются документами [5]. Вспомним, что в 1998 году, до начала крупномасштабного реформирования и оптимизации, система НПО насчитывала 3954 учреждения, в которых обучалось 1,68 млн человек, система СПО – 2584 учреждения с контингентом в 2,05 млн человек. Тогда активно обсуждалась проблема изменения соотношения в подготовке кадров в системе «рабочий – техник – инженер» и стремление к соотношению 3 : 0,7 : 1, т.е. на 1 инженера 0,7 техника и 3 квалифицированных рабочих. В 2004 году, когда завершался процесс передачи в ведение регионов учреждений НПО и их массовой оптимизации, система профессионального образования России включала 3686 учреждений НПО с контингентом около 1,6 млн чел., 2637 учреждений СПО с контингентом 2,5 млн чел. и 1071 учреждение ВПО с контингентом около 6,9 млн студентов. В расчете на 10 тыс. человек населения мы имеем соотношение в системе «ВУЗ – СПО – НПО» как 3,4 : 1,5 : 1. К 2014 году отечественная система подготовки кадров «ВО – СПО ПССЗ – СПО ПКР» имеет соотношение 6,6 : 2,65 : 1, а с учетом только очной формы обучения 3,3 : 3,1 : 1. К сожалению, процесс деиндустриализации, начавшийся в России в 90-х гг. XX века, продолжается и в современных условиях, что и отражается на динамике подготовки кадров по рабочим профессиям. Кроме того, большинство учреждений НПО, перейдя в статус учреждения СПО, по возможности свернули подготовку по рабочим профессиям. Это и понятно. Федеральные государственные образовательные стандарты 3-го поколения (2009–2010 гг.) определяли срок обучения профессиям НПО на базе основной общеобразовательной школы 2 года 5 месяцев, а по программам СПО 3 г.10 месяцев, а углубленной подготовке 4 года 10 месяцев. Существенное увеличение продолжительности образовательного цикла выгодно как образовательному учреждению, так и региональным органам управления образованием. Кроме того, сокращение объемов подготовки по профессиям рабочих (служащих) привело к значительному сокращению штата мастеров профессионального обучения, а это существенная экономия на фонде оплаты труда и материально-техническом обеспечении учебно-производственных мастерских образовательных учреждений для региональных бюджетов. Например, системой СПО Вологодской области на приемную компанию 2016–2017 учебного года предусмотрена заявка, включающая в себя 187 профессий рабочих (служащих) и специальностей СПО, из них конкрет-

но заявок по профессиям рабочих и служащих – 48 (около 26 %).

Одной из ключевых задач модернизации системы профессионального образования на современном этапе является концентрация ресурсов для подготовки кадров. При этом не должны быть утрачены фундаментальные основы российского образования – его общедоступность и качество. Эти принципы должны быть положены в основу мер по оптимизации региональных сетей учреждений профессионального образования. Развитие инфраструктуры подготовки рабочих кадров должно сопровождаться, с одной стороны, усилением самостоятельности образовательных организаций, с другой, – расширением полномочий общественных органов управления, общественного участия в управлении профессиональным образованием (попечительские, наблюдательные советы). Еще одна задача, требующая безотлагательного решения, – приведение содержания образования и технологий подготовки кадров в соответствие современными требованиями к квалификациям со стороны работодателей. Очевидно, что, с одной стороны государственных средств явно недостаточно в условиях быстрых технических и технологических изменений, а с другой, – переложив задачу обеспечения общедоступного и бесплатного среднего профессионального образования на плечи регионов, государство призывает к реализации механизма частно-государственного партнерства и вложения финансовых ресурсов регионов, не обещая ни каких стимулирующих преференций. Со своей стороны государство предлагает комплекс мер по развитию системы СПО до 2020 года и сосредотачивает внимание лишь на 50 наиболее перспективных и востребованных на рынке труда профессиях и специальностях, требующих среднего профессионального образования, в том числе:

- разработку и актуализацию профессиональных стандартов, федеральных государственных образовательных стандартов, примерных основных образовательных программ;
- последовательное внедрение по ним практико-ориентированной (дуальной) модели обучения;
- апробацию моделей подготовки педагогических кадров для системы СПО в организациях высшего образования и дополнительного профессионального образования;
- подготовку методических рекомендаций по дополнительному профессиональному образованию руководителей профессиональных образовательных организаций.

Другая проблема заключается в чрезмерной специализации профессий рабочих и специальностей СПО. Так, утвержденный Перечень профессий и специальностей СПО включает в себя около 900 профессий рабочих, должностей служащих Общероссийского классификатора ОК 016-94, объединенных в 294 укрупненные группы [6]. Излишняя специализация в разделении труда в отечественной экономике представлена в Общероссийском классификаторе 5142 профессиями рабочих и 2152 должностями служащих [2]. Таким образом, Перечень про-

фессий СПО охватывает порядка 12 % реальных потребностей. Решение проблемы – в расширении профессионального поля учебных профессий, их укрупнении. Например, в ФРГ в 90-х гг. прошлого века многообразие профессий и специальностей за счет их группировки было ограничено 480 учебными профессиями, а в настоящее время из-за повышения технологического уровня производства их стало 350. В Польше 385 профессий Классификатора интегрированы в 26 учебных профессий. Естественно, в России централизованно это сделать сложно. Однако на местном уровне с учетом особенностей развития региональных экономик и систем профессионального образования этот процесс целесообразен как инициатива снизу.

Посмотрим, в качестве примера, на возможности реализации образовательных программ подготовки квалифицированных рабочих с позиции требований профессиональных стандартов по профессиям металлообработки и черной металлургии (см. таблицу).

Таблица

Пути достижения уровня квалификации

Профессиональный стандарт	Квалификация по профессии	Требования к образованию	Дополнительные требования
Токарь № 1128н от 25.12. 2014 г.	2, 3 разряд 4 разряд	Программа ПО Программа СПО ПКР	Стаж – работа токарем не менее 3 разряда 2-х месяцев
Оператор МНЛЗ № 1020н от 11.12. 2014 г.	4,5 разряд 6 разряд	Программа ПО Программа СПО ПКР	Квалификация по профессиям стропальщик, газорезчик. Стаж работы оператором МНЛЗ 5-го разряда не менее 3 лет
Сталева-р конв-р-тера № 1023н от 11.12. 2014 г.	Подручный сталевара (второй) 4-6 разряд; (первый) 6, 7 разряд Сталева-р 7, 8 разряд	Программа ПО Программа СПО ПКР	Квалификация по профессиям стропальщик, газорезчик. Стаж работы подручным сталевара 7 разряда не менее 1 года

Из таблицы видно, что обучающийся в учреждении СПО по профессии «Токарь» может в процессе обучения достичь уровня квалификации 4 разряд при условии прохождения производственной практик продолжительностью не менее 2-х месяцев и выполнении токарных работ сложностью 3-го разряда. Но где он достигнет уровней 2 и 3-го разряда? В учреждениях НПО это достигалось первоначально на занятиях профессионального обучения в учебно-

производственных мастерских, а затем в цехах предприятий. При этом профессиональное обучение строилось на выпуске полезной продукции, выполнении заказов населения, предприятий и организаций. В итоге до 75 % учебного времени, отведенного на производственное обучение, затрачивалось непосредственно на производственные работы мелкосерийного характера, что и обеспечивало формирование профессиональной квалификации. Аналогичная ситуация и по другим профессиям, например, черной металлургии. Процесс подготовки квалифицированного подручного сталевара, оператора МНЛЗ намного сложнее и требует больше затрат, чем подготовка специалиста среднего звена, несмотря на менее продолжительный срок обучения. Предусмотрев в ФГОС по специальностям СПО возможность получения квалификации по одной из профессий рабочего (служащего) без предъявления требований к уровню квалификации, Министерство образования и науки тем самым еще в большей степени дискредитировало программы подготовки квалифицированных кадров рабочих (служащих). Выпускник учреждения СПО с дипломом специалиста среднего звена и удостоверением (или свидетельством) о квалификации по рабочей профессии затем снова попадает в систему, но уже корпоративной переподготовки или повышения квалификации по рабочей профессии. Следует признать, что сама концепция одного уровня СПО с реализацией двух типов программ – программ подготовки квалифицированных рабочих и программ подготовки специалистов среднего звена, не конкурентоспособна на фоне развития прикладного бакалавриата в высшем образовании. Целесообразней единая система СПО с программами базового уровня – подготовка квалифицированных рабочих и повышенного уровня – подготовка специалистов среднего звена (техников, технологов) на основе базового уровня, что способствовало бы более эффективной подготовке и инженерных кадров, и устранению диспропорций в системе «рабочий – техник – инженер», и повышению качества профессионального образования. В системе профессионального образования в 2016 г. наблюдается снижение численности молодежи в возрасте 17–25 лет на 12–15 % по сравнению с уровнем 2010 года, что приведет к сокращению предложения на рынке труда [3]. Это означает необходимость, с одной стороны, формирования предложения высокопроизводительных рабочих мест, а с другой, – радикального повышения качества подготовки кадров для работы с высокой производительностью. Выраженной тенденцией развития кадрового потенциала организаций и предприятий становится создание собственных центров и программ обучения персонала, что отвечает мировой тенденции повышения роли внутрифирменной подготовки сотрудников. В результате это приведет к повышению роли корпоративной подготовки и более тесной связи профессионального образования с субъектами спроса на рынке труда, а сеть учреждений профессионального образования приобретет структуру, соответствующую реалиям инновационной экономики. На фоне этих тенденций система СПО в большей степени должна способствовать

профессиональному самоопределению и становлению молодежи, быть действительно связующим звеном между общим и высшим образованием, а не превращаться в «тупиковую ветвь» целостной системы профессионального образования.

Выводы

Анализ программных и нормативных документов в области образования, практика деятельности учреждений профессионального образования показывает, что процесс их оптимизации продолжается. В регионах вырисовывается необходимость развития двух типов сетей учреждений и организаций, реализующих образовательные программы СПО и получение прикладных квалификаций, а также гибких модульных программ переподготовки и повышения квалификации, это:

- территориальные многопрофильные колледжи с гибкими вариативными программами;
- учреждения, реализующие образовательные программы прикладных квалификаций, и учреждения СПО в конкретных отраслях (металлургической, химической, строительной и т.д.), поддерживаемые предприятиями регионов.

Дальнейшее укрупнение учреждений СПО, их научно-методическое и образовательное объединение на основе сетевого взаимодействия с учреждениями высшего образования, развитие прикладного бакалавриата, идей полипрофессионализма и мультиквалификаций требует гармонизации нормативно-правового обеспечения сферы образования.

Литература

1. Агентство стратегических инициатив: внедрение элементов системы дуального образования. М., 2015. URL: <https://asi.ru>
2. Беляева А.П. Интегративная теория и практика многоуровневого непрерывного профессионального образования. СПб., 2002.
3. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 – 2020 годы / Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 года № 295. URL: <http://www.consultant.ru/document>
4. Закон «Об образовании в Российской Федерации» / пост. Прав-ва РФ от 29.12. 2012 г., № 273 - ФЗ. URL: www.mon.gov.ru.
5. Отчет Министерства образования и науки Российской Федерации о результатах мониторинга системы образования за 2014 год. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/7791>
6. Перечень профессий и специальностей среднего профессионального образования / Приказ Минобрнауки России от 29.10.2013 №1199. URL: www.минобрнауки.рф/документы/3179.
7. Стратегия развития системы подготовки рабочих кадров и прикладных квалификаций на период до 2020 года. М., 2013. URL: <http://минобрнауки.рф/новости/3732>.

References

1. *Agentstvo strategicheskikh iniciativ: vnedrenie ehlementov sistemy dual'nogo obrazovaniya* [Agency strategic initiatives: the introduction of elements of dual education system]. Moscow, 2015. URL: <https://asi.ru>

2. Belyaeva A.P. *Integrativnaya teoriya i praktika mnogourovnevnogo nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya* [Integrative Theory and Practice of multilevel continuous professional education]. St-Peterburg, 2002.

3. Gosudarstvennaya programma Rossiiskoi Federacii «Razvitie obrazovaniya» na 2013 – 2020 gody Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 goda № 295 [Russian State Program "Development of Education" for 2013 - 2020 years RF Government Decree of 15.04.2014, the number 295]. URL: <http://www.consultant.ru/document>

4. Zakon «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federacii»; post. Prav-va RF ot 29.12. 2012 g., № 273 – FZ [The Law "On Education in the Russian Federation"; post. Govt Russian Federation from 29.12. 2012, number 273 - FZ]. URL: www.mon.gov.ru.

5. Otchet Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federacii o rezul'tatah monitoringa sistemy obrazovaniya za

2014 god [Report of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on the education system of monitoring for the year 2014]. URL: <http://minobrnauki.rf/dokumenty/7791>

6. Perechen' professii i special'nostei srednego professional'nogo obrazovaniya. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 29.10.2013 №1199 [The list of professions and specialties of secondary vocational education. Order of the Russian Ministry of 29.10.2013 №1199]. URL: www.minobrnauki.rf/dokumenty/3179.

7. Strategiya razvitiya sistemy podgotovki rabochih kadrov i prikladnyh kvalifikacii na period do 2020 goda [Training system development strategy of personnel qualifications and applied for the period until 2020]. Moscow, 2013. URL: <http://minobrnauki.rf/novosti/3732>.

УДК 373

К.Г. Петров
Научный руководитель: доктор педагогических наук, профессор Н.П. Сенченков
(г. Смоленск)

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ИНИЦИАТИВА КАК ФАКТОР РАСПРОСТРАНЕНИЯ ГРАМОТНОСТИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Данная статья посвящена роли меценатской деятельности в народном просвещении в России в обозначенный период. В статье приводится краткий анализ историко-политической и культурной ситуации в стране как важной предпосылки для активизации общественной позиции и укрепления гуманистических идей. Представлены иллюстрации примеров культурно-просветительской деятельности меценатов России, преимущественно регионального характера, и ее результатов, формулируются выводы о роли общественной активности в становлении и развитии народного образования в России.

Образование, образовательные реформы, меценатство, просвещение, народное образование.

This article focuses on the role of philanthropic activities in public education in Russia within this period. A brief analysis of the historical, political and cultural situation in the country as an important prerequisite for enhancing and strengthening the social position of humanistic ideas is provided. Examples of cultural and educational activities of patrons in Russia, mostly of a regional kind, and the results of those activities are described. Conclusions about the role of social activity in the development of education in Russia are drawn.

Education, educational reforms, philanthropy, enlightenment, public education.

Введение

Вторая половина XIX века отделилась в истории России рядом масштабных реформ, проводимых императором Александром II. Преобразования коснулись многих сфер социальной и политической жизни государства. Значительным изменениям подверглась и система образования.

Перед российским правительством стоял целый ряд важных задач в сфере образовательной политики. Была необходима модернизация существующих учебных заведений, создание новых ступеней обучения, в частности, народной начальной школы, среднего специального и педагогического образования. Практически полностью отсутствовало на тот момент женское образование. Важной задачей было повышение роста грамотности среди населения страны [2]. Осложнялось это тем, что отмена крепостного права в 1861 г. добавила в сферу влияния образовательной политики многие миллионы крестьян,

практически исключенных из процесса обучения в прежние времена, что добавляло дополнительную задачу, которая заключалась в организации большого количества школ в сельской местности. Кроме обучения детей и подростков актуальным было образование взрослого населения, повышение их культурного и технического уровня, позволяющего соответствовать новым требованиям, предъявляемым временем промышленного прогресса. В свою очередь, решение данных задач в масштабах всей страны требовало длительного времени и значительных финансовых затрат, что вносило свои сложности в процесс становления системы нового российского образования.

Большую роль в вопросах вовлечения всех слоев общества в образовательный процесс сыграла культурно-просветительская инициатива общественных организаций и меценатов. Под культурно-просветительской инициативой следует понимать культур-

но-идеологическое и философское движение общественной мысли, направленное на распространение и развитие идей рационализма и необходимости приобщения к знаниям и культурным ценностям всех слоев общества. Данное понятие близко по значению с терминами «меценатство» и «благотворительность» как формами деятельности по покровительству и финансовой поддержке сфер науки, культуры и их отдельных представителей, однако может пониматься на более общем уровне, в идеологическом аспекте. Важной характеристикой деятельности меценатов этого времени явилась абсолютная незаинтересованность ни в пропаганде своего имени, ни в материальной стороне вопроса. Затрачивая значительные средства на организацию, оснащение и содержание учебных заведений, сами меценаты фактически не получали прибыли от данной деятельности. И, тем не менее, осознание необходимости образования населения, повышения его культуры как пути повышения качества жизни вело к тому, что число подобных примеров частной просветительской инициативы росло во многих губерниях Российской империи.

Вопрос меценатской просветительской деятельности достаточно многогранен и может быть изучен с различных позиций, что не позволяет всецело рассмотреть его в рамках одной статьи. Поэтому конкретизируем изучение данного аспекта жизни российского общества двумя целями: определить географию данного явления, выявить перманентные векторы меценатской деятельности в разных частях страны. Для реализации поставленных целей ниже будут рассмотрены примеры деятельности некоторых меценатов-просветителей Российской империи второй половины XIX – начала XX века.

Основная часть

Княгиня Мария Клавдиевна Тенишева, более известная как организатор художественно-промышленных мастерских, коллекционер и меценат в области литературы и искусства Смоленской губернии, значительное внимание уделяла просветительской деятельности. В приобретенном ею в 1893 г. селе Талашкине были организованы курсы плодоводства и огородничества, которые к 1900 г. переросли в низшую сельскохозяйственную школу с мужским и женским отделениями и трехлетним пригосударственным классом, дававшим возможность принимать в школу неграмотных. Помимо общеобразовательной подготовки учащиеся этой школы получали основные познания по сельскому хозяйству [4].

Кроме образовательной деятельности княгиня Тенишева осуществляла культурно-просветительскую работу. Из учащихся Талашкинской народной школы был организован народный театр. В имении был создан археологический и этнографический музей, способствовавший не только просвещению населения и сохранению исторических ценностей, но и развитию патриотического образования. В 1909 г. в Смоленске при ее участии был организован педагогический музей.

Широкую меценатскую деятельность проводили братья Таланцевы в г. Ядрин Казанской губернии (ныне территория Чувашской республики). Имея крупный личный капитал от винокуренных предприятий и издательского дома, большие суммы они тратили на создание и обеспечение школ, благотворительных заведений.

Так в 1906 г. после открытия женской прогимназии Ядринская городская управа решила построить реальное училище. Местных средств города и уездного земства было недостаточно, и городской староста обратился за содействием к Торговому дому «Братья Таланцевы». Через год каменное здание училища было выстроено и оценено в 100 тысяч рублей, из которых 32 тысячи оплачены казной, а 68 тысяч – Таланцевыми [7].

В 1909 г. за строительство здания реального училища М.М. Таланцев был награжден орденом св. Анны III степени. И потом Михаил Михайлович не раз оказывал помощь учебному заведению в укреплении его хозяйства. Например, в 1916–1917 гг. на его же деньги были возведены новые постройки (в том числе жилые дома для персонала) во дворе училища.

В 1900 г. Таланцевы на свои деньги открыли в Ядрине детский приют трудолюбия в честь великой княгини Ольги Константиновны, откуда ведет свою историю современный детский дом в этом городе. Здесь обучали грамоте, учили переплетной работе более 20 детей. Продуктами, мылом, учебными пособиями приют обеспечивал магазин торгового дома.

Старший из братьев – Зиновий Михайлович – в 1906–1911 гг. на личные деньги помог преобразовать прогимназию в полную женскую гимназию. В 1911 г. на его деньги был воздвигнут второй этаж прогимназии, где можно было разместить еще 4 класса [7]. Так Ядрин получил полную женскую гимназию (среднюю школу). З.М. Таланцев купил парты и другое оборудование, выделял суммы на стипендии беднейшим ученикам. В 1913 г. власти разрешили ему быть членом попечительского совета гимназии. А в 1915 г. Зиновий Михайлович удостоился награды – ордена св. Станислава III степени.

Примеры меценатской деятельности можно назвать в Псковской губернии. Здесь 6 декабря 1860 г. в уездном городе Торопце открывается детский приют св. Ольги на средства, завещанные для этой цели статским советником В.Л. Нефедьевым. Размещался приют на втором этаже каменного двухэтажного дома, который также принадлежал ему. В нем воспитывались исключительно одни девочки в возрасте от 3 до 12 лет [8]. Местная Уездная Земская Управа ежегодно выделяла на содержание приюта 300 рублей, также Торопецкое Городское Общество отпускало средства для содержания 4 воспитанниц. В 1905 г. в приюте содержалось 11 девочек на полном содержании, и 37 девочек приходящих. Из приходящих 17 девочек обучались за плату, которая составляла 12 рублей в год [8].

Учебный процесс шел согласно утвержденной Министерством Народного Просвещения программе для народных начальных училищ. Основное внимание при обучении отводилось формированию и раз-

витию у воспитанниц навыков ведения домашнего хозяйства. Для успешно осваивавших учебные предметы были предусмотрены поощрения. Так, к примеру, одна из выпускниц была награждена за свои успехи в обучении швейной машинкой.

В это же время в Псковской губернии существовали и другие приюты под покровительством императрицы Марии. Так, к примеру, имелся Холмский «Кушелевский» детский приют, открытый 1 января 1867 г. на средства, пожертвованные холмским помещиком, майором от кавалерии в отставке Лукой Ивановичем Кушелевым [5], [6].

Примеры меценатства были известны и вдали от центрального региона, в Сибирских губерниях. Крупные предприниматели и купцы 1 гильдии Алексей Федорович и Елена Григорьевна Морозовы вели благотворительную деятельность в Томской губернии, в г. Бийске. А.Ф. Морозов был почетным блюстителем мужского и женского городских училищ, ежегодно жертвовал на их содержание денежные средства. В 1875 г. он построил каменное здание для городского мужского училища, на его деньги содержалась Николаевская мужская богадельня в Бийске [3]. Совместно с купцом А.В. Соколовым им было выстроено каменное здание для катехизаторского училища. Также он оказывал финансовую помощь барнаульскому Обществу попечения о начальном образовании.

Е.Г. Морозова также занималась активной благотворительной деятельностью. Она являлась попечительницей бийской женской прогимназии, а после преобразования ее в гимназию пожертвовала большую часть средств на строительство здания для нее; почетной блюстительницей Успенского и Николаевского женских приходских училищ. На собственные деньги она построила домовую церковь при юрдовском мужском училище. С образованием в Бийске Общества попечения о начальном образовании в 1902 г., являлась его бессменным председателем до своей смерти в 1908 г. [3].

Одним из самых известных сибирских меценатов являлся иркутский купец А.М. Сибиряков. Среди наиболее крупных его пожертвований – взнос 200 000 рублей в 1880 г. на строительство Томского университета, за что он был награжден орденом Святого Владимира III степени. Он приобретает для этого учебного заведения уникальное книжное собрание в 4674 тома из личной библиотеки Жуковского, с многочисленными маргиналиями, подстрочными переводами и дневниковыми записями. В 1904 г., вслед за Дмитрием Менделеевым, он избирается почетным профессором Томского университета.

Значительные средства он жертвует на учреждение в Иркутске Высшего Технического училища, на открытие народных школ, обустройство Томского университета [1]. В 1882 г. он передал для ботанического и зоологического музеев университета коллекции, собранные экспедицией Норденшельда в полярных районах Сибири и Америки. Ранее, в 1876 г., он подарил Иркутской мужской гимназии скульптуру Ивана Грозного работы Антокольского и три полотна Айвазовского, до сих пор составляющие гордость

Иркутского художественного музея. Публичной библиотеке – много ценных изданий на русском и иностранных языках (в том числе «Полное собрание летописей» и «Известия Географического общества» за несколько лет) [1].

В 1882 г. в доме Сибирякова открывается бесплатная народная школа на 80 учащихся, в 1884 г. – Троицкое отделение школы. Всего же на устройство народных школ Александром Михайловичем пожертвовано 800 тысяч рублей. Значительные суммы перечислялись в фонд Общества вспомоществования учащимся Восточной Сибири и сибирякам, учащимся в Санкт-Петербурге. На Высших женских курсах в Петербурге существовало десять стипендий имени Сибиряковых и его сестры Кладищевой.

Выводы

Подобные примеры ярким образом иллюстрируют характер гуманистической просветительской идеи в среде российского дворянства и российской интеллигенции второй половины XIX – начала XX века. Оценивая распространенность данного социального явления, можно определить достаточно широкую его географию, затрагивающую, помимо, несомненно, центрального региона и отдаленные губернии Поволжья и Сибири. Известно немалое количество образцов меценатской работы в Москве и Санкт-Петербурге, проводимых не только под патронажем предпринимателей, но и членов царской семьи. Поэтому для более объективной оценки распространения данного явления в российском обществе были отобраны исключительно примеры из провинциальных губерний. Основная их часть также связана с регионами, прилегающими к центральному (Смоленская, Псковская губернии), однако встречаются примеры и в более отдаленных городах (Ядрин, Бийск, Иркутск). Их меньшее число является явным следствием меньшей населенности данных регионов, однако, само присутствие в них меценатской деятельности указывает на значительную популярность данных идей в среде российского предпринимательства и купечества.

Что касается главных векторов просветительского меценатства, их ориентация касалась, главным образом, материально-бытовых вопросов, таких, как: строительство школ, училищ, гимназий, расширение существующих учебных заведений и открытие дополнительных классов, оснащение их учебниками и иными необходимыми средствами обучения, организация фондов, стипендий и денежных выплат в поддержку учителей. В центральном регионе имеет место дополнительный акцент на культурном просвещении, отраженный в деятельности княгини М.К. Тенишевой, включавшем организацию и содержание народного театра, музеев, собрание обширных коллекций культурных и исторических ценностей, а также воспитательных функций образования, реализуемых, например, в детских приютах Псковской губернии. Иными словами, меценатская деятельность не ограничивалась здесь исключительно финансовым обеспечением образовательного процесса. Другая ситуация наблюдается в отдаленных поволж-

ских и сибирских городах, где особенно остро стояли проблемы низкой грамотности населения, причем не только детей, но и взрослых, и первостепенной проблемой становилось не культурное и нравственное воспитание, а банальная нехватка учебных заведений даже начального типа, не говоря уже о развитии женского и высшего образования. И поэтому меценатская поддержка концентрировалась как раз на решении бытовых проблем, о которых было сказано выше. Таким образом, можно сделать вывод о том, что культурно-просветительская инициатива в России на рубеже XIX–XX вв. сыграла важную вспомогательную роль в ходе государственной образовательной реформы, не идя с ней в разрез и снимая конкретные финансовые трудности, решение которых на официальном уровне могло значительно осложнить и продлить процесс народного просвещения.

Литература

1. Бобровская Н.Н, Макальская М.Л. Благотворители и меценаты прошлого и настоящего: Словарь-справочник от А до Я. М., 2003.
2. Богуславский М.В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект // Вопросы образования. 2006. №3. С. 5–21.
3. Буланichev В.В. Галерея славных людей города Бийска. Бийск, 1999. Вып. 1.
4. Власенков А. Они жили для нас // Край Смоленский. 1993. №11–12. С. 144–153.
5. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 62. Оп. 2. Д. 19.

6. ГАПО. Ф. 62. Оп. 2. Д. 49.
7. Изоркин А. Таланцевы – предприниматели и меценаты // Исследования по истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1989. С. 144–171.
8. Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1973. Вып. 2. С. 35.

References

1. Bobrovskaya N.N, Makal'skaya M.L. *Blagotvoriteli i mecenaty proshlogo i nastoyashchego: Slovar'-spravochnik ot A do YA* [Benefactors and patrons of the past and the present: Dictionary-guide from A to Z]. Moscow, 2003.
2. Boguslavskii M.V. Reformy rossiiskogo obrazovaniya XIX–XX vv. kak global'nyi proekt [Reform of education in Russia XIX-XX centuries. as a global project]. *Voprosy obrazovaniya* [Education Matters], 2006, №3, pp. 5–21.
3. Bulanichev V.V. *Galereya slavyh lyudei goroda Biiska* [Gallery of famous people of the city of Biysk]. Biisk, 1999, Vol. 1.
4. Vlasenkov A. Oni zhili dlya nas [They lived for us] *Krai Smolenskii* [The edge of Smolensk], 1993, №11–12, pp. 144–153.
5. Gosudarstvennyi arhiv Penzenskoi oblasti (GAPO) [State Archive of Penza Region]. F. 62. In. 2. Art. 19.
6. GAPO [State Archive of Penza Region]. F. 62. In. 2. Art. 49.
7. Izorkin A. Talantsevy – predprinimateli i mecenaty [Talanseva - entrepreneurs and philanthropists]. *Issledovaniya po istorii dorevolucionnoi Chuvashii* [Studies in the history of pre-revolutionary Chuvashia]. Cheboksary, 1989. pp. 144–171.
8. *Pskovskii oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Oblast dictionary with historical data]. Leningrad, 1973, Vol. 2, pp. 35.

УДК 37.02

О.В. Петунии

*Кузбасский региональный институт повышения квалификации
и переподготовки работников образования
(г. Кемерово)*

ОТБОР СОДЕРЖАНИЯ ИЗУЧАЕМОГО МАТЕРИАЛА И ПРОБЛЕМА МОТИВАЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ К УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается одна из острых проблем современной школы – осуществление мотивации учащихся к учебной деятельности. Автор анализирует ряд понятий, связанных с рассматриваемой проблемой (мотивация, мотивы, мотивы учебной деятельности, познавательная деятельность, учебная деятельность, старше школьники) и предлагает конкретные приемы мотивации школьников к учебной деятельности, связанные с отбором содержания изучаемого материала: апелляция к жизненному опыту детей, показ новизны учебного материала и др. Автор приходит к выводу о том, что отбор содержания учебного материала обладает большим потенциалом по мотивации школьников к учебной деятельности.

Мотивация, мотивы, познавательная деятельность, учебная деятельность, мотивы учебной деятельности, старше школьники, педагогические условия и приемы мотивации.

The article considers one of the most acute problems of modern school - the motivation of students to educational activity. The author analyzes a number of concepts related to the problem (motivation, motives, motivation of educational activity, cognitive activity, learning activity, high school students) and offers specific methods to motivate students to educational activity related to the selection of the information to be studied: an appeal to the personal experience of children; demonstration of the novelty of information, etc. The author concludes that the selection of the information to be studied has great potential to motivate students to educational activity.

Motivation, motives, cognitive activity, learning activity, the motives of learning activity, high school students, pedagogical conditions and motivation techniques.

Введение

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту (ФГОС) среднего общего образования важное внимание в образовательном процессе следует уделять мотивации учения школьников. Обучение должно протекать с интересом [5]. Проблема формирования интереса учащихся к учению напрямую связана с мотивацией к учебной деятельности. Поиск учителем мотиваторов на том или ином уроке существенно облегчает отбор содержания учебного материала. Проблеме мотивации к учебной деятельности старших школьников посредством отбора содержания учебного материала посвящена настоящая статья.

Основная часть

Прежде, чем перейти к описанию приемов мотивации к учебной деятельности старших школьников через отбор учебного материала, остановимся на ряде ключевых понятий, напрямую связанных с рассматриваемой проблемой.

Первая научная категория, важная в контексте рассматриваемой нами проблемы – мотивация. Мотивация – это широкий круг предметов, явлений, процессов, побуждающих человека к той или иной деятельности. Само слово *motivo* в переводе с латинского языка означает «двигаю». Термин «мотивация» был введен Артуром Шопенгауэром в начале XX в. [6].

В самом широком смысле мотивация большинством ученых рассматривается как:

- потребности, инстинкты, влечения, эмоции, установки, идеалы, вызывающие активность человека;
- способность человека деятельно удовлетворять свои потребности;
- психофизиологический процесс, управляющий поведением человека, его направленность и активность [1], [2], [3], [7].

Научная категория «мотивация» по смыслу является более широким понятием, чем термин мотив. **Мотив** – это второе ключевое понятие рассматриваемой нами проблемы. Под мотивом понимается осознаваемая причина, опредмеченная потребность, лежащая в основе выбора действий и поступков личности [1], [2].

Мотив познавательный направлен на получение новых знаний. Это познавательные интересы личности, ее потребность в интеллектуальной активности и усвоении новых знаний, умений и навыков. Он может иметь разные характеристики, что определяется направленностью познавательного интереса человека. Предметом познавательного отношения могут быть новые знания, факты, явления, закономерности, способы добывания знаний, приемы самостоятельного приобретения знаний и др. [7].

Далее перейдем к понятию «учебная деятельность». **Учебная деятельность** – достаточно широко трактуемое в педагогике понятие. В «классической» советской педагогике учебная деятельность рассматривалась как особая форма социальной активности личности, которая проявляется с помощью определенных предметных и познавательных действий. В

понимании основателей развивающего обучения Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова учебная деятельность – это один из видов деятельности школьников, который направлен на усвоение ими посредством диалогов (полилогов) и дискуссий тех или иных теоретических знаний и связанных с ними умений и навыков [8].

Исходя из всего выше сказанного, мотивацию учебной деятельности мы рассматриваем как процесс формирования и закрепления положительных мотивов учебной деятельности школьников, а мотивами учебной деятельности могут быть любые факторы, которые способствуют проявлению учебной активности детей. Так, мотивами могут выступать предметы внешнего мира, представления, идеи, чувства и переживания – словом, все то, в чем нашла воплощение потребность человека [1].

Далее обратимся к анализу понятия «старший школьник». Старший школьный возраст охватывает период онтогенеза человека от 14 до 17 лет (9–11 классы, ранний юношеский возраст) и характеризуется целым рядом объективных изменений в жизни школьника:

- близость завершения обучения в школе и скорая необходимость выбора будущей сферы профессиональной деятельности;
- формальные свидетельства взросления – получение в 14 лет паспорта и в 18 лет гражданских прав;
- позиция самих учащихся в школе как старших;
- освоение новых форм обучения (лекций, семинаров, практикумов, зачетов и др.);
- усложнение характера учебной деятельности и активное самообразование.

Как показывает наш педагогический опыт, положительное влияние на формирование мотивации старшеклассников к учебной деятельности оказывает реализация следующих педагогических условий:

- осуществление педагогом грамотного отбора содержания изучаемого на уроке учебного материала;
- организация на уроке субъектно-согласованного педагогического взаимодействия;
- последовательная реализация учителем в учебной деятельности четырех основных этапов: мотивационного, операционно-деятельностного, рефлексивного и контрольно-оценочного;
- использование групповых, коллективных и клубных форм учебной деятельности;
- реализация в учебной деятельности методов и приемов саморефлексии и самооценки учащихся и др. [4].

Остановимся детальней на одном из педагогических условий положительной мотивации старших школьников к учебной деятельности – осуществлении педагогом грамотного отбора содержания изучаемого на уроке учебного материала. Охарактеризуем ряд дидактических приемов, способствующих практической реализации данного условия.

1. Апелляция к жизненному опыту детей, заключающаяся в том, что педагог рассматривает со школьниками хорошо знакомые ситуации. Но понимание сути данных ситуаций возможно лишь при

изучении предлагаемого на уроке материала. Учителю необходимо помнить, что ситуация должна быть действительно жизненной и интересной для старшеклассников, а не искусственно надуманной им.

2. Показ новизны учебного материала является важным мотивом, вызывающим интерес старшеклассников к освоению новых знаний и приобретению новых умений. На уроках изучения нового материала школьники знакомятся с новыми понятиями, выявляют новые свойства и закономерности изучаемых процессов и явлений, находят новые способы решения тех или иных познавательных задач. У части учащихся сам факт познания неизвестного и нового вызывает определенный интерес. Для большинства же учащихся, как показывает практика, изучаемый материал только тогда вызывает интерес, когда его содержание смогло их удивить и вызвать интеллектуальное затруднение. Поэтому раскрытие новизны содержания учебного материала, сопровождающееся проведением опыта или эксперимента, показом кинофильма, демонстрацией оригинальных пособий в большей степени способны привлечь внимание учащихся и сформировать у них мотивы учения.

Часто новая тема сама по себе может и не вызвать интерес старшеклассников к уроку, поскольку ее название им мало о чем говорит. Более устойчивым будет внимание учащихся, если учитель раскроет важность изучаемой темы или сообщит новое, опираясь на уже имеющиеся знания учащихся, углубляя их, перенося в новые условия или ситуации. Поэтому расширение и углубление знаний учащихся, рассмотрение уже известного материала несколько с иной точки зрения, осуществление внутрипредметных и межпредметных связей представляет несомненный интерес для учащихся.

3. Историзм рассматриваемых на уроке знаний выступает важным приемом мотивации, связанным с отбором содержанием изучаемого материала. Учителя хорошо знают, что всякое обучение становится ярче, богаче, если оно сопряжено с историей изучаемого предмета.

Чтобы у учащихся не возникло представление, что знания, изучаемые в школе, безымянные, необходимо знакомить их с именами ученых, создававших науку, с интересными фактами из их жизни. Часто в этом могут помочь сами школьники, подготавливая доклады, сообщения и презентации и жизни и деятельности выдающихся ученых.

Через рассмотрение интересных событий из частной жизни и научной деятельности великих ученых можно приобщить учащихся к общечеловеческим ценностям и культуре. Школьникам необходимо рассказывать о разностороннем развитии многих творцов науки.

Историзм на уроках проявляется не только в знакомстве с биографическими данными из жизни ученых, но и в изучении школьниками фактов из истории науки. Ознакомление с историей научных открытий, созданием тех или иных концепций, теорий и законов науки способствует осознанию огромных трудностей, с которыми сопряжен научный поиск. Знание истории научных открытий поднимает престиж науки в глазах учащихся, формирует исключи-

тельно уважительное отношение к труду ученых и к установленным ими научным истинам.

Включение в урок элементов истории науки, как показывает наш опыт, способствует укреплению мотивов учения, углублению и пониманию изучаемого на уроке материала, расширению кругозора старшеклассников и приводит к повышению их общей культуры.

4. Прием внешней занимательности проявляется в необычной форме преподнесения материала, занимательности его изложения, а также в использовании приема «Удивляй». Занимательность часто способствует созданию положительного настроения к учению и к активной мыслительной деятельности всех учащихся, независимо от их интересов, способностей и уровня сформированности предметных знаний. Учащиеся живо откликаются на занимательные факты, на что-то неординарное, часто курьезное. Эффектные демонстрационные опыты и эксперименты, красочные наглядные пособия создают положительный эмоциональный настрой для осуществления учебной деятельности. Занимательность окрашивает учебный материал, создает своеобразную психологическую ситуацию ожидания, делает процесс овладения знаниями более привлекательным. Занимательный материал учитель может подобрать как для фронтальных, так и индивидуальных заданий. Как показывают наши наблюдения, наиболее часто занимательность используется педагогами при объяснении учебного материала.

Однако учителю следует помнить, что занимательность – не самоцель. Она должна побуждать устремления учащихся изучить суть того или иного вопроса. Важно дидактически грамотно определить место занимательности в учебном материале и структуре определенного урока. Таким образом, занимательность – это лишь средство для формирования мотивации школьников. Занимательность не должна подменять творческое овладение учащимися знаниями, умениями и навыками на основе разносторонней познавательной, в том числе самостоятельной деятельности школьников.

5. Ссылка на практическую значимость учебного материала в будущей жизни подразумевает подчеркивание практической необходимости материала для дальнейшего обучения и его ценность для интеллектуального развития учащегося. Благодаря этому старшеклассники осознают, зачем им нужен изучаемый материал, да и предмет в целом. Этот прием требует от педагога раскрытия прикладного применения тех или иных знаний. Интерес к предмету во многом зависит от убежденности учащегося в необходимости его изучения. При рассмотрении нового материала учителю необходимо раскрывать его практическую значимость. Чтобы у учащихся не возникало представление о формализме того или иного предмета, оторванности его от жизни, следует показывать взаимосвязь предметных знаний с другими областями научного познания и окружающим миром. Показ связи изучаемого материала с данными других школьных предметов активизируют внимание детей, расширяют их интеллектуальный кругозор.

6. Реализация межпредметных связей часто служит опорой, фундаментом для полноценного изучения и понимания нового теоретического материала, формирования практических умений и развития навыков школьников. Целостность представлений учащегося об окружающем мире – необходимый и закономерный результат познавательного процесса. Межпредметные связи позволяют использовать содержание всех учебных предметов, привлекать информацию из разных областей науки, культуры и искусства. Обращаясь к явлениям и событиям окружающей жизни, педагог способствует формированию мотивации школьников к учебной деятельности на уроке.

Выводы

Таким образом, мы считаем, что отбор содержания учебного материала обладает большим потенциалом по мотивации старшеклассников к учебной деятельности. Методически неграмотный отбор педагогом содержания учебного материала, невладение учителем активными методами обучения, нерациональное сочетание репродуктивной и творческой деятельности учащихся на уроке, неумение строить отношения с учащимися и организовывать их взаимодействие друг с другом, отсутствие понимания связи учебного материала с возможностью использования его в будущем могут оказать отрицательное влияние на мотивацию школьников.

Литература

1. Божович Л.И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации поведения детей и подростков. М., 1972. С. 7–44.
2. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2006.
3. Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б. Формирование мотивации учения. М., 1990.
4. Петунин О.В. Формирование познавательной самостоятельности старших школьников в процессе углублен-

ного изучения предметов естественнонаучного цикла. Кемерово, 2003.

5. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования. URL: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=6408>.

6. Шопенгауэр А. Избранные произведения. М., 1992.

7. Щукина Г.И. Роль деятельности в учебном процессе. М., 1986.

8. Эльконин Д.Б., Давыдов В.В. Вопросы психологии учебной деятельности младших школьников. М., 1962.

References

1. Bozhovich L.I. Problema razvitiya motivacionnoi sfery rebenka [The problem of development of motivational sphere of the child]. *Izuchenie motivacii povedeniya detei i podrostkov* [Study of the motivation of behavior of children and adolescents]. Moscow, 1972, pp. 7–44.

2. Il'in E.P. *Motivaciya i motivy* [Motivation and motives]. St-Peterburg, 2006.

3. Markova A.K., Matis T.A., Orlov A.B. *Formirovanie motivacii ucheniya* [Formation of motivation of the doctrine]. Moscow, 1990.

4. Petunin O.V. *Formirovanie poznavatel'noi samostoyatel'nosti starshih shkol'nikov v processe uglublennogo izucheniya predmetov estestvennonauchnogo cikla* [Formation of informative independence of senior pupils in the process of in-depth study of natural science subjects cycle]. Kemerovo, 2003.

5. *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart srednego obshchego obrazovaniya* [Federal state educational standard of secondary education]. URL: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=6408>.

6. Shopengauehr A. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. M., 1992.

7. Schukina G.I. *Rol' deyatel'nosti v uchebnom processe* [The role of the activities in the learning process]. Moscow, 1986.

8. Ehl'konin D.B., Davydov V.V. *Voprosy psihologii uchebnoi deyatel'nosti mladshih shkol'nikov* [Questions psychology of educational activity of younger schoolboys]. Moscow, 1962.

УДК 378.147

Л. Урекешова
средняя школа №38, г. Актобе,
Республика Казахстан

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИ РЕЛЕВАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

На сегодняшний день большинство экономически развитых стран мира в качестве приоритетных направлений инвестиций видят экологические исследования и проекты. Тем не менее, у большинства граждан данных стран отмечается все еще невысокая экологическая активность. Во многих государствах отмечается отчужденность глобальной экологической политики и прилагаемых усилий в процессе решения экологических проблем, что, в свою очередь, способствует безответственному экологическому поведению человека, а также его халатному отношению к имеющимся экологическим угрозам. Исходя из этого, в качестве основы экологически релевантного поведения человека выступает задача по формированию его экологической культуры. Рефлексивная и ответственная позиция личности в процессе ее взаимоотношения с окружающей природной средой обеспечивается благодаря экологической культуре, которая основывается на саморегуляции экологического поведения, эмоциональном отношении и рациональном знании. Двойственности в поведении человека по отношению к окружающей природной среде способствует диалектическое единство механизмов идентификации и обособленностью лежащих в основе экологической культуры внутренних субъективных ценностей и убеждений и внешних знаний социальных образцов, норм и предписаний. Благодаря пониманию форм поведения человеком происходит выбор экологически релевантных форм деятельности и поведения при формировании его экологической культуры.

Экологическая культура личности, экологически релевантное поведение.

Ecological researches and projects are the priority direction of investments of the majority of economically developed countries today. At the same time ecological activity of most of citizens still remains low. The general estrangement of global environmental policy and efforts of the certain states in the field of the solution of environmental problems from the specific person provokes irresponsible ecological behavior and negligent attitude to ecological threats. In this regard the problem of formation of ecological culture as bases of ecologically relevant behavior of the personality is staticized. The ecological culture in this context provides the reflexive and responsible position of the person in his relationship with world around based on rational knowledge, the emotional relation and self-control. The dialectic unity of the mechanisms of identification and isolation which are the cornerstone of ecological culture of the personality causes double determination of behavior of the person: external, based on knowledge of social samples, values, norms and instructions, and internal, based on the subjective values and believes. Understanding the forms of behavior determination of the person is extremely important for formation of the ecological consciousness which provides a choice with the identity of ecologically relevant forms of activity and behavior.

Ecological culture of the personality, ecologically relevant behavior.

Введение

По мере того, как происходит развитие общества, выявляются все новые и новые взаимозависимости и взаимообусловленности процессов, которые осуществляются в системе «природа – человек – общество». На сегодняшний момент, исходя из сложившейся экологической ситуации, происходит обострение проблем оптимизации социоприродного взаимодействия. Что, в свою очередь, способствует постановке вопроса о необходимости формировании экологической культуры и выявлении ее роли во взаимоотношениях общества и природы.

Следует также отметить, что обществом признана важность формирования экологической культуры, однако это не привело к раскрытию ее теоретико-методологических основ. В первую очередь исследователями поднимались вопросы, преимущественно посвященные разрушению экологической культуры и вытекающим отсюда последствиям – загрязнению окружающей среды, истощению природных ресурсов и т.д. Данные вопросы чаще всего рассматриваются обществом без привязки их к соответствующей научной методологии. Постепенно в обществе происходит осознание того, что необходимо построение концептуальной базы для изучения проблем формирования экологической культуры, основываясь на которой также будет происходить и развитие экологически релевантного поведения человека.

Основная часть

В.А. Скребец определяет культуру как «исторически определенный уровень развития общественной жизни, творческих сил и способностей человека, а также создаваемых им материальных и духовных ценностей» [4, с. 63]. Если рассматривать культуру в широком понимании слова, то правомерно применить ее для характеристики определенных обществ, народностей, специфических видов деятельности или жизнедеятельности. Однако наибольшее распространение имеет более узкое понимание этого термина, согласно которому, культура понимается как сфера духовной жизни человека, включающая результаты познания, нормы морали и права, способности и силы человека: знания, умения, уровень интеллекта, нравственное и эстетическое развитие, мировоззрение, способы и формы общения.

Н.В. Морозова, рассматривая вопрос соотношения культуры и экологической культуры, выделяет

две противоположные точки зрения, сложившиеся в среде исследователей. Согласно первой, экологическая культура – это часть общей культуры человека; вторая точка зрения основана на выделении экологической культуры как отдельного типа культуры. Автор ссылается в данном случае на исследования Н.Ф. Реймерса, В.А. Игнатовой, И.Н. Пономаревой, которые рассматривают экологическую культуру как составную часть или этап общечеловеческой культуры личности, характеризующийся глубоким осознанием значимости экологических проблем для современности и будущего развития. Альтернативную позицию занимает Н.Н. Моисеев, полагающий, что экологическая культура – это новое содержание общечеловеческой культуры, новые оценки, новое качество, основу которых составляют универсальные ценности – Земля, Природа, Жизнь, Человек, общечеловеческие духовные ценности, передаваемые из поколения в поколение.

Культурологически экологическая культура представляет собой компонент общественной культуры, оценивающий воздействие человека на природу, а также духовно-практическое освоение природы через соответствующие знания, культурные традиции, ценностные установки.

Созвучна с этим подходом позиция Б.Т. Лихачева, рассматривающего экологическую культуру как органическое единство экологически развитого сознания, эмоционально-психических состояний и научно обоснованной волевой утилитарно-практической деятельности [2, с. 68].

И.Д. Зверев подчеркивает, что экологическая культура формируется в образовательном учреждении в процессе овладения системой знаний о природе и взаимодействии с обществом, выработки сознания и понимания необходимости гармонизации взаимоотношений человека с окружающей средой, развития эмоционально-чувственного и нравственно-эстетического отношения к природе [1, с. 81].

Интерес представляет для нас исследование А.А. Фортунатова, который делает попытку разделить определения экологической культуры в зависимости от их принадлежности к тому или иному направлению научного исследования. Все определения автор подразделяет на [5, с. 112]:

1) описательные, в которых авторы предпринимают попытки отразить все то, что охватывает понятие «экологическая культура»;

2) исторические, которые отражают исторические аспекты культурных феноменов, делают акцент на процессах социального наследования, традициях;

3) ценностные, включающие в себя идею образа жизни (представления об идеалах и ценностях);

4) психологические, в которых отражаются процессы адаптации к среде и процессы научения, формирования навыков, привычек, норм;

5) структурные, описывающие структурную организацию экологической культуры;

6) культурологические, рассматривающие экологическую культуру как компонент общей культуры.

7) комплексные, включающие в себя все вышесказанные подходы.

Исходя из данного анализа определений экологической культуры, наиболее близко для нас позиция В.А. Ситарова и В.В. Пустовойтова, которые определяют экологическую культуру как «нравственно-духовную сферу жизнедеятельности человека, характеризующую своеобразие его взаимодействия с природой и включающую в себя систему взаимосвязанных элементов: экологическое сознание, экологическое отношение и экологическую деятельность» [3, с. 156].

Наряду с нормативно-правовой регламентацией, просветительской деятельностью государства, установившимися социальными нормами на выбор индивидуальной модели поведения, в том числе, экологически релевантного, оказывает влияние внутренняя позиция личности, ответственность, активность и осознанность деятельности, понимание человеком своего места в мире, своей глубокой взаимосвязи с окружающей средой, экологическая культура личности.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что регулирование экологически релевантного поведения основывается на феномене экологической культуры личности, которая включает в себя экологическое сознание и самосознание. Следует отметить, что формирование экологического самосознания носит рефлексивный характер, что способствует не только формированию самооценки, но и оценке поступков с внутренней и социальной позиции личности. Для поведения человека характерна двойственность по отношению к окружающей природной среде, что способствует диалектическому единству механизмов идентификации и обособленности, лежащих в основе экологической культуры внутренних субъективных ценностей и убеждений и внешних знаний, социальных образцов, норм и предписаний. В сознании человека по отношению к субъекту социальные нормы, ценности и предписания чаще всего остаются внешними. Такие знания крайне чувствительны к наличию, а также степени выраженности со стороны общества и других людей внешнего контроля. Например, результативность снижается, если контроль ослабевает и соответственно повышается, если контроль очевиден. Социальный контекст, в который включена личность, влияет на эффективность, действенность и направленность внешней детерминации ее поведения, исходя из тех социальных норм, установок и мотивов, которые отражены в ее

сознании. Воздействие локальных социальных образований может существенно видоизменить личность, причем нормы общесоциальные могут подменяться групповыми нормами. Социальные нормы, ценности и знания, которые отражены в сознании личности, при несформированности ее внутренних регуляторов поведения будут являться основными определяющими при выборе способа деятельности и формировании ее поведения.

Детерминация, которая основывается на личностных ценностях, убеждениях и установках, является более надежным и действенным видом детерминации поведения человека. В качестве эффективного мотиватора поведения человека может выступать его субъективное отношение к объектам действительности, а также нормы и правила, которые имеют личностную для него значимость.

Выводы

В процессе формирования экологической культуры крайне важно понимание способов определения поведения человека, которые в дальнейшем будут способствовать выбору и реализации личностью экологически релевантного поведения. Так, например, ребенок строит знание о процессе взаимодействия с окружающей природной средой, основываясь на наблюдении, как данный вид деятельности осуществляется людьми, социальными институтами и обществом. В содержании школьного образования представление экологических проблем должно быть построено по схожему принципу, т.е. изучение взаимоотношений между личностью и окружающей природной средой происходит исходя из примеров, отчужденных от самого обучающегося, которые являются внешними по отношению к нему. Формирование экологической культуры, как было сказано выше, способствует развитию основы экологически релевантного поведения личности, что в свою очередь формирует ее субъективные компоненты, а также основу восприятия обучающимся самого себя как субъекта экологических взаимоотношений.

Литература

1. Зверев И.Д. Постулаты развития экологической культуры // Экологическая культура и образование: концепции и технологии. Волгоград, 1996. С. 72–84.
2. Лихачев Б.Т. Структура экологической культуры личности и педагогические основы ее формирования // Экологическое образование: опыт России и Германии. М., 1987. С. 65–79.
3. Ситаров В.А., Пустовойтов В.В. Социальная экология.– М., 2015.
4. Скребец В.А. Экологическая психология. Киев, 1998.
5. Фортунатов А.А. Функции экологической культуры: анализ определений // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 110–117.

References

1. Zverev I.D. Postulaty razvitiia ekologicheskoi kul'tura [The postulates of ecological culture]. *Ekologicheskaja kul'tura i obrazovanie: kontseptsii i tekhnologii* [Ecological culture and

education: concepts and technology]. Volgograd, 1996, pp. 72–84.

2. Likhachev B.T. Struktura ekologicheskoi kul'tury lichnosti i pedagogicheskie osnovy ee formirovaniia [The structure of ecological culture of personality and pedagogical bases of its formation]. *Ekologicheskoe obrazovanie: opyt Rossii i Germanii* [Environmental education: the experience of Russia and Germany]. Moscow, 1987, pp. 65–79.

3. Sitarov V.A., Pustovoitov V.V. *Sotsial'naiia ekologiia* [Social ecology]. Moscow, 2015.

4. Skrebets V.A. *Ekologicheskaia psikhologiia* [Environmental psychology]. Kiev, 1998.

5. Fortunatov A.A. Funktsii ekologicheskoi kul'tury: analiz opredelenii [Ecological culture Functions: definitions analysis]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2015, № 4, pp. 110–117.

УДК 377.3

А.С. Чубаков

Яранский технологический техникум

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ ВОДИТЕЛЕЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ К ДВИЖЕНИЮ В УСЛОВИЯХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

В статье представлены предложения на основе опыта многолетней работы по актуальной социально-педагогической проблеме: качеству подготовки водителей автотранспорта к безопасному движению по дорогам населенных пунктов. По мнению автора, обеспечить необходимый уровень готовности кандидатов в водители можно индивидуализацией обучения, вопросно-ответными и диалоговыми педагогическими технологиями, формированием умений оперативно принимать аргументированные решения, проведением обобщающих занятий, активным использованием проблемных ситуаций, творческих заданий, наглядности и логических приемов.

Профессиональная подготовка, качество обучения, индивидуализация обучения, обобщающие занятия, инженерия знаний, творческие задания, коэффициент усвоения.

Improving road safety, reducing the number of accidents, injuries and victims on the roads is a topical social and pedagogical problem in Russia. Taking into account many years of experience of drivers training, the author brings to the discussion some proposals how to ensure the quality of training of candidates for drivers. In his opinion, the necessary level of training the students for safe driving in settlements can be reached with the help of an integrated approach. It includes: individual approach to teaching; modern teaching technologies; development of the ability to make quick informed decisions; lessons aimed at the synthesis of knowledge and skills; active use of problem situations, creative tasks and logical methods.

The effectiveness of the proposed approach to ensure the quality of training of future drivers is confirmed by the results of a qualifying examination and the level of development of professionally important qualities.

Professional training, quality of training, individualization of learning, generalizing classes, knowledge engineering, creative tasks, the coefficient of absorption.

Введение

Проблема обеспечения безопасности дорожного движения, снижения травматизма и смертности на российских дорогах отнесены к приоритетным социально-политическим задачам государства. Особую актуальность данная проблема представляет в условиях движения по дорогам населенных пунктов. По официальным данным ГИБДД РФ в 2015 г., в целом, отмечается позитивная динамика по сравнению с АППГ: количество ДТП уменьшилось на 8,2 %, погибших на 14,7 %, раненых на 8,6 %. Однако абсолютные показатели по-прежнему значительно выше, чем в благополучных странах Евросоюза. В частности, в населенных пунктах РФ произошло 128615 ДТП (или 69,9 % от их общего числа), погибло 8752 человека (или 37,86 % от всех погибших на дорогах), ранено 153089 человек (или 66,22 % от всех получивших ранения) [7]. Причем на города федерального значения, столицы субъектов РФ, городские округа, административные центры муниципальных районов и городские поселения приходится 115892 ДТП (62,98 % от общего количества ДТП и 90,11 % от числа ДТП в населенных пунктах); 6941 погибший (соответственно, 30,03 и 79,31 %); 138547 ранено

(59,93 и 90,5 %). Обращает внимание также ряд фактов, согласно которым из 157943 ДТП, совершенных по вине водителей, 124942 происшествия (или 79,11 %) случились из-за нарушений ПДД водителями легковых автомобилей, в них погибло 15316 человек (80,56 %) и ранено 168828 участников движения (81,17 %). Водители со стажем до 2-х лет стали виновниками 14473 ДТП (9,16 % от всех происшествий), в которых погибло 1540 человек (8,1 %), ранено 20206 человек (9,72 %). Причем для водителей со стажем до 10 лет в относительном выражении показатели мало отличаются. Более очевидны различия в показателях аварийности по возрастным категориям водителей: повышение вероятности стать виновником ДТП отмечается к среднему возрасту 30 лет, после чего наблюдается ее снижение.

Основная часть

Анализ представленных статистических данных позволяет сделать следующие выводы:

– во-первых, наибольшую опасность для любых участников представляет движение в городских условиях (улицы, прилегающие территории, жилые зоны). Причины заключаются в концентрации транс-

портных средств и пешеходов в ограниченном пространстве, что обуславливает меньшие, чем на загородных дорогах, дистанции, интервалы, расстояния. Локально и совокупно больше, чем вне населенных пунктов, количестве средств регулирования движением (дорожные знаки и разметка, сигналы светофоров и регулировщика). Стремительным развитием дорожных ситуаций и необходимостью оперативно принимать решения, охватывая вниманием многих участников движения и понимая возможные действия каждого из них;

– во-вторых, среди водителей транспортных средств виновниками ДТП значительно чаще других становятся водители легковых автомобилей. Численно таких автомобилей на дорогах больше, чем грузовых автомобилей, автобусов и автомобилей специального назначения вместе взятых. Правом на управление легковыми автомобилями обладает самый широкий круг лиц, в том числе с определенными ограничениями по здоровью. А современные автомобили с высокими динамичными свойствами, несмотря на использование систем активной и пассивной безопасности, требуют аккуратного вождения;

– в-третьих, опыт безопасного вождения автомобилем формируется медленно, только при водительском стаже более 10 лет и возрасте водителя старше 30 лет по статистике отмечается снижение вероятности создания аварийных ситуаций.

Потенциалом повышения безопасности на наших дорогах является качество профессионального обучения водителей транспортных средств к условиям дорожного движения в городской среде. Эффективность подготовки можно повысить стимулированием активности и осознанности процесса обучения, развитием рассудительно-аргументирующих умений и качеств личности, формированием у кандидатов в водители алгоритмов действий и принятия решений на основе прогнозирования дорожных ситуаций, тесной связью, взаимным дополнением и индивидуализацией теоретического и практического обучения [4], [9], [11]–[16].

Утвержденные Министерством образования и науки РФ примерные программы профессионального обучения водителей предусматривают изучение дисциплин базового, специального и профессионального циклов [6]. В учебных планах подготовки водителей наиболее востребованных у населения категорий «В» и «С», соответственно, 9 и 8 учебных предметов, с общим количеством часов 190 (100 теоретических и 90 практических) и 244 (130 и 114). В том числе на вождение транспортных средств на каждого кандидата в водители категории «В» отводится 56 часов, а категории «С» – 72 часа (транспортные средства с механической трансмиссией). Из них на обучение вождению в условиях дорожного движения, включая движение по установленным маршрутам в населенных пунктах, соответственно, 32 и 42 часа. Для большинства проходящих обучение объема практических занятий по вождению оказывается вполне достаточно. Лишь отдельным кандидатам в водители с очевидными затруднениями в пространственной ориентировании и двигательной координации или в

силу психологических причин предлагаем или по их просьбе проводятся дополнительные занятия по формированию необходимых умений и навыков.

Принципиальным значением в теоретической подготовке кандидатов в водители к безопасному движению, в том числе в населенных пунктах, обладают три учебных предмета: «Основы законодательства в сфере дорожного движения», «Основы управления транспортными средствами» и «Основы управления транспортными средствами категории «В» (или «С»)). При этом, по-нашему мнению, авторы новых программ обучения неоправданно сократили количество часов на дисциплину «Основы законодательства в сфере дорожного движения» с 48 часов, как было в предыдущих программах, до 42 часов (30 теоретических и 12 практических). В условиях дефицита учебного времени можно только обзорно рассмотреть основные положения Правил дорожного движения, что вызывает объективные сомнения в осознанном усвоении изучаемого материала, возможности произвести детальный разбор требуемого количества дорожных ситуаций, достаточности времени на повторение и закрепление аксиом и правил движения, что необходимо для качественного обучения.

Многолетний опыт подготовки водителей автотранспорта позволил нам обосновать и сохранить после перехода на новые программы 70 учебных часов по предмету «Основы законодательства в сфере дорожного движения» (50 теоретических и 20 практических) [16]. В таком же объеме времени данный предмет изучается, к примеру, и при реализации основной профессиональной образовательной программы подготовки квалифицированных рабочих по программе «Электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования в сельскохозяйственном производстве». В результате существует возможность:

– полнее реализовать принципы и критерии отбора содержания обучения [5], обстоятельно изучать разделы и темы, аргументированно принимать решения в анализируемых ситуациях на дорогах;

– увеличить количество разбираемых учебных задач, наполнить содержание занятий примерами, фото-, видео- и мультимедийными материалами;

– проводить обобщающие занятия по важным для будущего водителя темам: «Средства регулирования дорожного движения», «Водитель и пешеход: очередность движения», «Перекрестки: особенности движения, правила приближения и проезда», «Движение по дорогам с трамвайными путями и через железнодорожные пути», «Организация движения транспортных средств в населенных пунктах»;

– как следствие, максимально приблизиться к реализации принципов теории полного усвоения учебного материала.

Итак, обобщающие занятия на завершающем этапе изучения предмета «Основы законодательства в сфере дорожного движения» призваны закрепить и интегрировать знания по Правилам дорожного движения и умения по принятию решений в конкретных дорожных ситуациях. Цель обобщающих занятий по

организации движения в населенных пунктах заключается в формировании у кандидатов в водители умений комплексно оценивать обстановку, осознавать источники непосредственных и потенциальных опасностей, прогнозировать развитие ситуации на дороге и исходить из того, что другие участники могут по каким-либо причинам не соблюдать требования ПДД. Достижению данной цели способствует решение большого количества учебных задач по анализу дорожной обстановки, представленной на изображениях и, что особенно ценно, на видеоматериалах. При этом исключительным значением обладают комментарии, аргументация и обоснование решений. Производится анализ по следующему алгоритму:

1. Характеристика участка дороги: проезжая часть, полоса движения, пешеходный переход, перекресток, прилегающая территория, жилая зона, место для парковки и т.п. Место расположения: населенный пункт, вне населенного пункта.

2. Особенность ситуации: связана с началом движения, расположением транспортного средства на проезжей части, продолжением движения в определенном направлении, перестроением, маневром, использованием внешними световыми приборами или сигнализацией, очередностью движения, преднамеренным или вынужденным прекращением движения, буксировкой, перевозкой пассажиров или грузов и т.д.

3. Наличие средств регулирования дорожного движения: разметка, знаки, сигналы светофора или регулировщика. Их предназначение: общие для всех или для отдельных категорий участников. Дополнение и отмена действия требований одного средства регулирования другим.

4. Количество участников движения на данном участке дороги, в том числе транспортных средств со специальными сигналами, трамваев, пешеходов. Их намерения действовать: включены маячки, специальный звуковой сигнал, указатели поворота, подаются сигналы рукой о повороте или торможении, работает аварийная сигнализация и т.д. Пересечение траекторий движения с рельсовыми и безрельсовыми транспортными средствами, пешеходами.

5. Специфические особенности и исключения из требований ПДД, которые следует учесть в данной дорожной ситуации. Непосредственные и потенциальные опасности. Прогноз развития ситуации. Принятие решения.

Видеофрагменты для учебных заданий могут быть сняты во время учебного вождения с помощью устройств видеорегистрации на транспортном средстве. Благодаря этому теоретическое обучение подкрепляется практикой вождения, а опыт управления автомобилем формируется на научной основе. Развиваются наблюдательность, умения предвидеть последствия и понимать опасности, к которым следует быть готовым. А при разборе материалов с отдельным кандидатом в водители достигается индивидуализация обучения [11], [13], [14], [16].

Большую пользу, наряду с повторением, представляют задания с новым содержанием. Создать базу дорожных ситуаций помогают панорамы улиц

городов на Яндекс-картах. На наших занятиях разбираются ситуации на дорогах региональных центров, расположенных поблизости от нашего города, – Киров, Йошкар-Ола, Казань, Нижний Новгород. Обращение с Интернет-ресурсами формирует умения планировать, готовиться и продумывать поездки, составлять схемы движения.

На учебных занятиях эффективно применение логических схем, таблиц, алгоритмов действия и т.п. Средства инженерии знаний повышают познавательную активность и осознанность усвоения знаний, представлять информацию оптимальным сочетанием визуальных и вербальных средств [1], [2], [8], [17]. На рис. 1 в качестве примера представлена схема выбора водителем полосы движения на многополосной дороге с двусторонним движением по шести условиям. Анализ учебных заданий с использованием сжатых конструкций – схем, таблиц, алгоритмов – повышает качество обучения по процессуальным и результативным критериям [3], [10].

Кроме того, многолетний опыт подготовки водителей транспортных средств позволяет утверждать о рациональности диалоговой и вопросно-ответной учебной коммуникации, использования в обучении проблемных ситуаций и творческих заданий, побуждения учащихся к самостоятельным рассуждениям и аргументации при анализе дорожной обстановки [4], [11]–[13], [16]. На рис. 2 представлено изображение к заданию творческого характера. Кандидатам в водители предлагается выбрать сигнал регулировщика, при котором движение по перекрестку могут продолжить все участники. Разбор ситуации рекомендуем выполнить по приведенному выше алгоритму.

Проверку уровня теоретической подготовки обучающихся осуществляют по выполнению ими контрольных (тестовых) заданий и определению коэффициента усвоения:

$$k_{\alpha} = \frac{n}{N},$$

где n – количество правильных ответов; N – количество контрольных вопросов. В соответствии с существующими требованиями к результатам обучения водителей автотранспорта за теоретический экзамен выставляется положительная оценка, если:

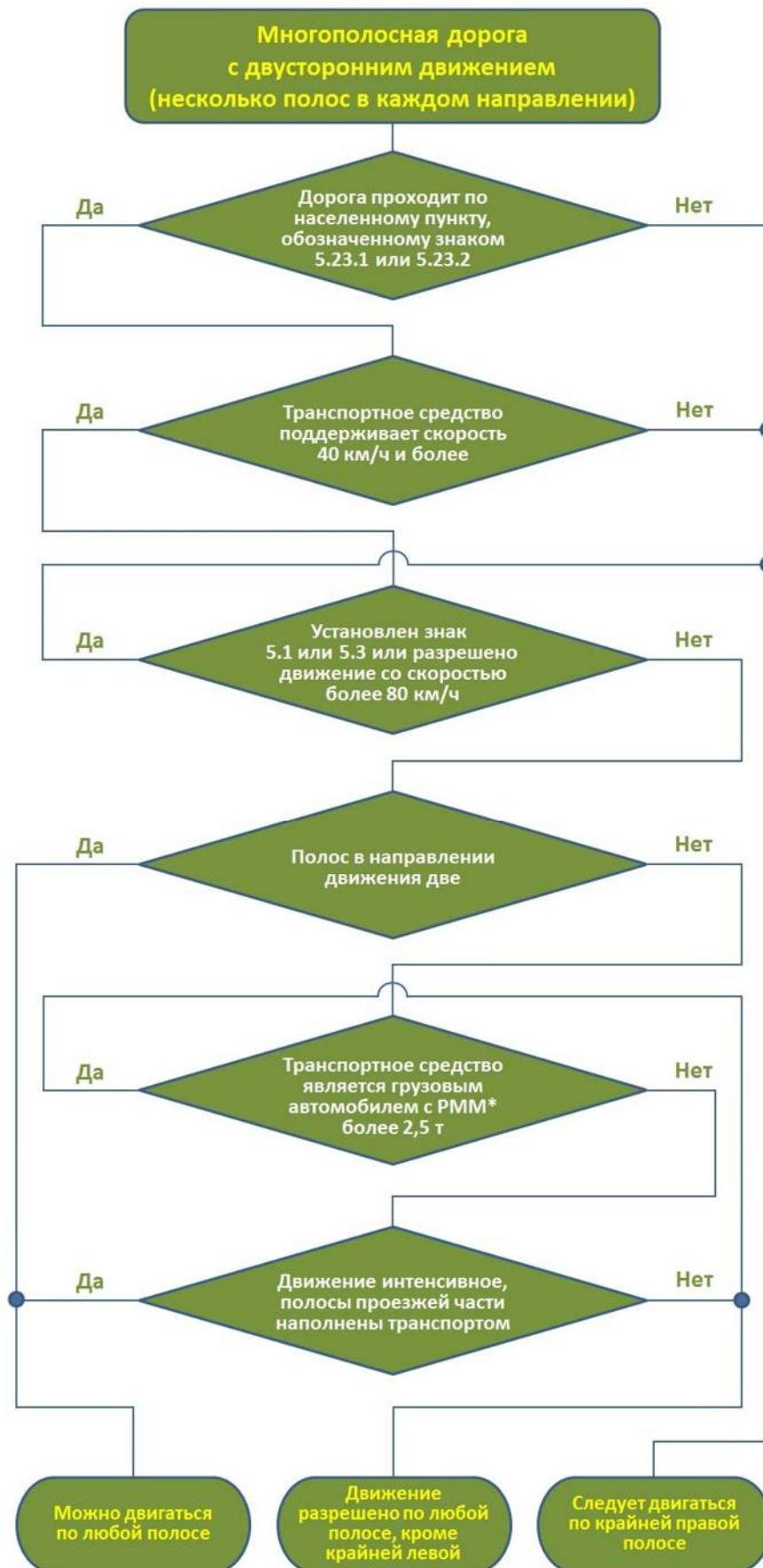
$$n_{\min} = 18, N = 20, k_{\alpha} \geq \frac{n_{\min}}{N} = \frac{18}{20} = 0,9.$$

К промежуточным зачетам по блокам изученных тем требования, как правило, выше. Например, согласно электронной программе МААШ зачет считается сданным при

$$n_{\min} = 190, N = 200, k_{\alpha} \geq \frac{190}{200} = 0,95.$$

В процессе подготовки кандидатов в водители мы стремимся реализовать принципы полного усвоения материала и сравниваем ошибку при тестировании с ДТП. Поэтому на зачетах допускаем не более одной ошибки, т.е.

$$n_{\min} = 199, N = 200, k_{\alpha} \geq \frac{199}{200} = 0,995.$$

Примечание:

*РММ - разрешенная максимальная масса

Рис. 1. Схема выбора водителем полосы движения

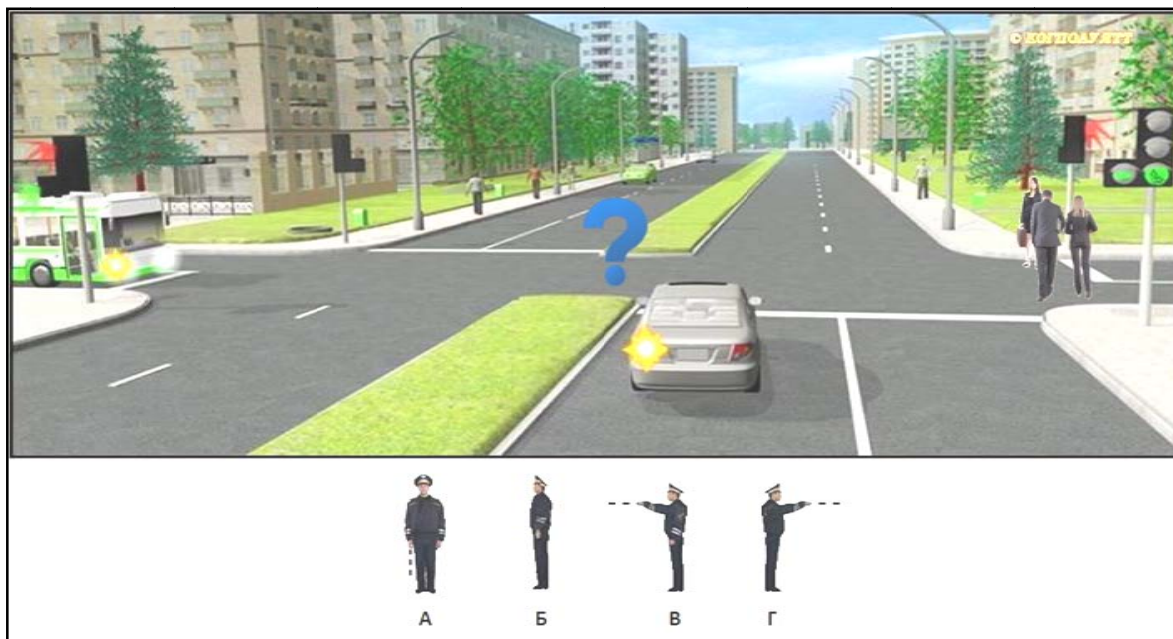

Рис. 2. Изображение для задания с творческим содержанием

При наличии неправильных ответов проводим индивидуальную, а при их однотипности коллективную работу над ошибками и назначаем пересдачу. Кроме того, если контрольные вопросы, даже при правильных решениях, вызвали сомнения или затруднения в обосновании, то настоятельно рекомендуем вернуться к материалу и закрепить знания и умения.

Показателем качества подготовки водителей транспортных средств категорий «В» и «С» являются результаты экзаменов в РЭО ГИБДД. В 2014-м, 2015-м и начале 2016-го года теоретический экзамен сдан с первого предъявления всеми лицами, прошедшими обучение (100 %). С учетом вождения на закрытой площадке и по маршруту в городских условиях число сдавших с первого раза достигло 85,7 %. Вместе с тем, у подготовленных водителей отмечается сформированность рассудительно-аргументирующих и прогностических умений и качеств [11], [16].

Выводы

Данные статистики на официальном сайте ГИБДД РФ позволяют обратить внимание преподавателей и мастеров производственного обучения, осуществляющих подготовку водителей транспортных средств, на проблему качества подготовки кандидатов в водители к движению в условиях населенных пунктов. Почти 70 % ДТП случается на улицах городов. Больше 1/3 погибших и около 2/3 пострадавших получили травмы во время движения по городу. Причины обусловлены интенсивностью движения, динамичностью современных автомобилей, профессиональными и личностными качествами водителей.

Реализация новых программ подготовки водителей автотранспорта должна учитывать накопленный ранее положительный опыт. На этом основании нами

сохранено 70 часов на изучение предмета «Основы законодательства в сфере дорожного движения». В результате существует возможность решения необходимого количества учебных задач, проведения обобщающих занятий по важным темам, в том числе по организации движения в населенных пунктах, приблизиться к реализации принципов полного усвоения материала. Качество подготовки водителей обеспечивают вопросно-ответные и диалоговые педагогические технологии, применение проблемных ситуаций, творческих заданий, логических приемов, а также преобразование учебной информации с помощью инженерии знаний. Индивидуализация обучения достигается, в том числе, анализом видеоматериалов, полученных во время занятий по вождению автомобиля.

Эффективность предложенного подхода для обеспечения качества подготовки будущих водителей к безопасному движению подтверждается результатами сдачи квалификационных экзаменов в отделении инспекции безопасности дорожного движения и уровнем сформированности профессионально важных умений и качеств.

Литература

1. Гаврилова Т.А., Хорошевский В.Ф. Базы знаний интеллектуальных систем. СПб., 2000.
2. Инженерия знаний / Управление знаниями. URL: <https://sites.google.com/site/upravlenieznaniami/inzeneriia-znaniij>
3. Крылов Д.А., Чибиков А.С. Измерение и оценка развития аргументативных умений и качеств будущих квалифицированных рабочих и специалистов в процессе профессиональной подготовки // Современные проблемы науки и образования. 2016. №1; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=24099>
4. Крылов Д.А., Чибиков А.С. Развитие аргументативных качеств обучающихся методами СПР при освоении

профессиональных модулей // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6; URL: www.science-education.ru/130-23911

5. Листвин А.А. Среднее профессиональное образование: актуальные проблемы реализации // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 2. С. 94–97.

6. Приказ Минобрнауки РФ от 26.12.2013 № 1408 «Об утверждении примерных программ профессионального обучения водителей транспортных средств соответствующих категорий и подкатегорий». URL: <http://www.rg.ru/2014/08/01/specvypusk-dok.html>

7. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения. URL: <http://www.gibdd.ru/stat/>

8. Трухачева В.А., Назаров А.И. Визуальный и вербальный компоненты в современных образовательных технологиях: преимущества и недостатки // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 7. С. 138–141.

9. Чибиков, А.С. Алгоритмизация профессионального обучения в современных условиях // Теоретические и прикладные проблемы науки и образования в 21 веке: Сборник научных трудов по материалам Международной заочной научно-практической конференции 31 января 2012 г. Ч. 7. Тамбов, 2012. С. 155–156.

10. Чибиков, А.С. Методические основы развития познавательной активности учащихся VIII – IX классов на уроках технологии в сельской школе: дис. ... канд. пед. наук. Киров, 2000.

11. Чибиков А.С. Обеспечение качества теоретической подготовки водителей транспортных средств в новых условиях // Наука и образование в XXI веке: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 октября 2014 г. Ч. 14. Тамбов, 2014. С. 153–155.

12. Чибиков, А.С. Поисковые задания по устройству автомобиля // Школа и производство. 2003. № 8. С. 65–71.

13. Чибиков А.С. Развитие ситуативного ориентирования водителей автомобиля // Современные вопросы науки и образования – XXI век: сборник научных трудов по материалам Международной заочной научно-практической конференции 29 февраля 2012 г. Ч. 6. Тамбов, 2012. С. 145–146.

14. Чибиков А.С. Формирование образов безопасного управления автомобилем у кандидатов в водители в процессе теоретического обучения // Наука и образование в XXI веке: сборник научных трудов по материалам Международной заочной научно-практической конференции 31 мая 2012 г. Ч. 5. Тамбов, 2012. С. 133–135.

15. Чибиков А.С., Крылов Д.А. Активизация профессионального обучения рабочих совокупностью вопросно-ответных отношений // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6; URL: www.science-education.ru/130-23834

16. Чибиков А.С., Крылов Д.А., Комелина В.А. Реализация программ профессиональной подготовки водителей транспортных средств на основе интенсивного обучения // Современные наукоемкие технологии. 2015. № 4. С. 753–757; URL: http://www.top-technologies.ru/pdf/2015/2015_12_4.pdf

17. Чошанов М.А. Гибкая технология проблемно-модульного обучения. М., 1996.

References

1. Gavrilova T.A., Khoroshevskii V.F. *Bazy znaniy intellektual'nykh system* [Base of Knowledge of Intelligent Systems]. St-Peterburg, 2000.

2. *Inzheneriia znaniy. Upravlenie znaniiami* [Knowledge Engineering. Knowledge Management]. Available at: <https://sites.google.com/site/upravlenieznaniami/inzheneria-znaniy>

3. Krylov D.A., Chibakov A.S. Izmerenie i otsenka razvitiia argumentativnykh umenii i kachestv budushchikh kvalifitsirovannykh rabochikh i spetsialistov v protsesse professional'noi podgotovki [Measurement and evaluation of argumentative skills and qualities of future skilled workers and specialists in the course of vocational training]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia* [Modern problems of science and education]. 2016. №1; Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=24099>

4. Krylov D.A., Chibakov A.S. Razvitie argumentativnykh kachestv obuchaiushchikhsia metodami SPR pri osvoenii professional'nykh modulei [The development of argumentative skills as teaching methods during the development of the IDB vocational modules]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia* [Modern problems of science and education]. 2015, № 6; Available at: www.science-education.ru/130-23911

5. Listvin A.A. Srednee professional'noe obrazovanie: aktual'nye problemy realizatsii [Vocational education: current problems of implementation]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2014, № 2, pp. 94–97.

6. *Prikaz Minobrnauki RF ot 26.12.2013 № 1408 «Ob utverzhdenii primernykh programm professional'nogo obucheniia voditelei transportnykh sredstv sootvetstvuiushchikh kategorii i podkategorii»* [Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of 26.12.2013 number 1408 "On approval of model programs of vocational training of drivers of vehicles appropriate categories and subcategories"]. Available at: <http://www.rg.ru/2014/08/01/specvypusk-dok.html>

7. *Svedeniia o pokazateliakh sostoianiia bezopasnosti dorozhnogo dvizheniia* [Information on the terms of the road safety]. URL: <http://www.gibdd.ru/stat/>

8. Trukhacheva V.A., Nazarov A.I. Vizual'nyi i verbal'nyi komponenty v sovremennykh obrazovatel'nykh tekhnologiakh: preimushchestva i nedostatki [The visual and verbal components of modern educational technologies: advantages and disadvantages]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University]. 2015, № 7, pp. 138–141.

9. Chibakov A.S. Algoritmizatsiia professional'nogo obucheniia v sovremennykh usloviakh [Algorithmization of training in modern conditions]. *Teoreticheskie i prikladnye problemy nauki i obrazovaniia v 21 veke: Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi zaочноi nauchno-prakticheskoi konferentsii 31 ianvaria 2012 g.* [Theoretical and practical issues in the 21st century Education and Science: Proceedings of the Materials International correspondence scientific-practical conference of January 31, 2012]. Vol. 7, Tambov, 2012, pp. 155–156.

10. Chibakov A.S. *Metodicheskie osnovy razvitiia poznatel'noi aktivnosti uchashchikhsia VIII – IX klassov na urokakh tekhnologii v sel'skoi shkole* [Methodical bases of cognitive activity of pupils of VIII - IX grades at lessons of technology in rural schools. Dr. dis.]. Kirov, 2000.

11. Chibakov A.S. Obespechenie kachestva teoreticheskoi podgotovki voditelei transportnykh sredstv v novykh usloviakh [Ensuring the quality of theoretical training of drivers of vehicles in new conditions]. *Nauka i obrazovanie v XXI veke: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 31 oktiabria 2014 g.* [Science and Education in the XXI Century: Proceedings on the materials of the International scientific-practical conference of October 31, 2014]. Vol. 14, Tambov, 2014, pp. 153–155.

12. Chibakov, A.S. Poiskovyie zadaniia po ustroistvu avtomobilia [Search jobs by car]. *Shkola i proizvodstvo* [Device School and manufacture], 2003, № 8, pp. 65–71.

13. Chibakov A.S. Razvitie situativnogo orientirovaniia voditelei avtomobilia [The development of situational awareness in car drivers]. *Sovremennye voprosy nauki i obrazovaniia – XXI vek: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 29 fevralia 2012 g.* [Modern problems of science and education - XXI Century: Proceedings of the Materials International correspondence scientific-practical conference February 29, 2012]. Vol. 6, Tambov, 2012, pp. 145–146.

14. Chibakov A.S. Formirovanie obrazov bezopasnogo upravleniia avtomobilem u kandidatov v voditeli v protsesse teoreticheskogo obucheniia [Formation of safe driving images in candidates for the drivers in the process of theoretical training images]. *Nauka i obrazovanie v XXI veke: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 31 maia 2012 g.* [Science and Education in the XXI Century: Proceedings of the Materials International correspondence scientific-practical conference May 31, 2012]. Vol. 5, Tambov, 2012, pp. 133–135.

15. Chibakov A.S., Krylov D.A. Aktivizatsiia professional'nogo obucheniia rabochikh sovokupnost'iu voprosno-otvetnykh otnoshenii [Activation of vocational training of workers set of question-answer relations]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia* [Modern problems of science and education], 2015, № 6; Available at: www.science-education.ru/130-23834

16. Chibakov A.S., Krylov D.A., Komelina V.A. Realizatsiia programm professional'noi podgotovki voditelei transportnykh sredstv na osnove intensivnogo obucheniia [The implementation of training programs for drivers of vehicles on the basis of intensive training]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* [Modern high technologies], 2015, № 4, pp. 753–757; Available at: http://www.top-technologies.ru/pdf/2015/2015_12_4.pdf

17. Choshanov M.A. *Gibkaia tekhnologiia problemno-modul'nogo obucheniia* [Flexible technology of problem-modular training]. Moscow, 1996.

Сведения об авторах

АННЕНКОВА Елена Ивановна / ANNENKOVA Elena Ivanovna	Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена / PhD in Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature, Herzen State Pedagogical University of Russia. E-mail: elenannenkova@mail.ru
АНТОНОВА Юлия Валерьевна / ANTONOVA Yulia Valerievna	Кандидат технических наук, доцент кафедры теплоэнергетики и теплотехники, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Technology), Associate professor of the Department of Heat Power Engineering, Cherepovets State University.
БОГДАНОВА Ольга Владимировна / BOGDANOVA Olga Vladimirovna	Доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт филологических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет / Doctor of Science (Philology), Professor, Senior researcher, Institute of philological studies, St. Petersburg State University. E-mail: olgabogdanova03@mail.ru
БЫКАСОВА Лариса Владимировна / BYKASOVA Larisa Vladimirovna	Доктор педагогических наук, Профессор кафедры общей педагогики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) / Doctor of Science (Pedagogy), Professor of the Department of Pedagogy, Rostov State Economic University (RINH), Taganrog Institute after A.P. Chekhov. E-mail: moeve-25-moeve@yandex.ru
ВЕРШИНИНА Наталья Леонидовна / VERSHININA Natalia Leonidovna	Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, Псковский государственный университет / Doctor of Science (Philology), Professor, Department of Literature, Pskov State University. E-mail: nati_85@inbox.ru
ВЛАСОВА Надежда Анатольевна / VLASOVA Nadezhda Anatolyevna	Аспирант кафедры психологии и педагогики, Вологодский государственный университет / Post-graduate student, Department of Psychology and Pedagogy, Vologda State University. E-mail: maknadezhda@mail.ru
ЕФРЕМОВА Дарья Андреевна / EFREMOVA Darya Andreyevna	Преподаватель кафедры английского языка №1, Московский государственный институт международных отношений (Университет) / Teacher, Department of English No. 1, Moscow State Institute of International Relations (University). E-mail: efremovadarya@yandex.ru
ИВАННИКОВ Евгений Борисович IVANNIKOV Evgeniy Borisovich	Аспирант кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена / Postgraduate student, Department of the Russian Language, The Herzen State Pedagogical University. E-mail: ivannikov_evgeni@mail.ru
ИВАНОВА Евгения Юрьевна / IVANOVA Eugenia Yuryevna	Кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы, Женская гуманитарная гимназия (г. Череповец) / Candidate of Science (Philology), teacher, All-Girls Gymnasium (Cherepovets). E-mail: A1967G@yandex.ru
ИЛЬИНСКАЯ Ирина Валериевна / ILINSKAYA Irina Valerievna	Кандидат педагогических наук, доцент кафедры начального общего образования и социальной педагогики, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Pedagogy), the senior lecturer of Department of Primary Education and Social Pedagogy, Cherepovets State University. E-mail: pimno@chsu.ru
КАПУСТИНА Ирина Олеговна / KAPUSTINA Irina Olegovna	Аспирант кафедры истории русской журналистики и литературы, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова / Postgraduate student at the Department of history of Russian literature and journalism, Faculty of Journalism, Moscow State University. E-mail: vikrommy@yandex.ru
КИРИЛЛОВА Елена Олеговна / KIRILLOVA Elena Olegovna	Кандидат филологических наук, докторант, доцент кафедры русского языка и литературы Восточного института – Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток) / Candidate of Science (Philology), Doctoral Candidate, Associate Professor, Department of Russian language and Literature, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University. E-mail sevia@rambler.ru

КИРИН Юрий Петрович / KIRIN Yuriy Petrovich	Кандидат технических наук, доцент кафедры химической технологии и экологии, Березниковский филиал Пермского национального исследовательского политехнического университета / Candidate of Science (Technology), Associate professor, Perm National Research Polytechnic University, Bereznikovsky Branch. E-mail: klu2010@mail.ru
КИРЬЯНОВ Василий Викторович / KIRYANOV Vassily Viktorovich	Ведущий инженер центра информационных и экономических технологий / Senior engineer, Perm National Research Polytechnic University, Bereznikovsky Branch. E-mail: kvas@bf.pstu.ru
КОЗЛОВ Алексей Евгеньевич / KOZLOV Alexey Eugenyevich	Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет / Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Technique of Training in Literature, Novosibirsk State Pedagogical University. E-mail: alexeykozlov54@gmail.com
КУТЕПОВА Елена Николаевна / KUTEPOVA Elena Nikolaevna	Кандидат педагогических наук, доцент, заместитель директора Института проблем инклюзивного образования, Московский городской психолого-педагогический университет / Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor, Moscow city psychological and pedagogical University. E-mail: enkutepova@mail.ru
ЛАТЕНКОВА Вера Михайловна / LATENKOVA Vera Mikhailovna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры тележурналистики, Академия медиаиндустрии (г. Москва) / Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Department of Television Journalism, Media Industry Academy (Moscow). E-mail: latenkova@gmail.com
ЛАШКОВА Галина Николаевна / LASHKOVA Galina Nikolaevna	Старший преподаватель кафедры начального общего образования и социальной педагогики, Череповецкий государственный университет / Senior Lecturer of Department of Primary Education and Social Pedagogy, Cherepovets State University. E-mail: pimno@chsu.ru
ЛИСТВИН Александр Анатольевич / LISTVIN Alexander Anatolyevich	Кандидат педагогических наук, доцент кафедры профессионального и технологического образования образования, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Pedagogy), Associate professor of Department of Professional and Technological Education, Cherepovets State University.
ЛОМАКИНА Ирина Николаевна / LOMAKINA Irina Nikolayevna	Ассистент кафедры английской филологии, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского / Lecturer of the English Philology Department, Institute of Foreign Philology, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: irina.lomakina254@gmail.com
ЛУКИН Сергей Владимирович / LUKIN Sergey Vladimirovich	Доктор технических наук, профессор кафедры теплоэнергетики и теплотехники, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Technology), professor, Department of Heat Power Engineering, Cherepovets state university. E-mail: lukinsv@chsu.ru
ЛЮБОВ Виктор Константинович / LYUBOV Victor Konstantinovich	Доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой промышленной теплоэнергетики, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова / Doctor of Science (Technology), professor, head of the department of Heat Power Engineering, Northern (Arctic) Federal university named after M.V. Lomonosov. E-mail: vk.lubov@mail.ru
МАРЬЯНДЫШЕВ Павел Андреевич / MARYANDYSHEV Pavel Andreevich	Инженер комплексного центра обучения в сфере энергоэффективности, аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова / Engineer, Energy Efficiency Training Centre, Post graduate student, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. E-mail: p.marjyandishev@narfu.ru
МОТЕЮНАЙТЕ Илона Витаутасовна / MOTIUNAITE Ilona Vitautasovna	Доктор филологических наук, доцент кафедры литературы, Псковский государственный университет / Doctor of Science (Philology), Associate professor, Department of Literature, Pskov State University. E-mail: ilona_motya@mail.ru

ПЕТРОВ Константин Григорьевич / PETROV Konstantin Grigoryevich	Учитель, Средняя школа №1 (г. Смоленск) / Teacher, Municipal budget educational institution "Secondary school №1"», Smolensk. E-mail: konstantin-petro@mail.ru
ПЕТУНИН Олег Викторович / PETUNIN Oleg Victorovich	Доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой естественнонаучных и математических дисциплин, Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования / Doctor of Science (Pedagogy), Professor, Head of Department of Science and Mathematics, Kuzbass Regional Institute of Advanced Training and Retraining for Educators. E-mail: petunnin@yandex.ru
ПОПОВА Евгения Игоревна / POPOVA Evgeniya Igorevna	Аспирант кафедры теплоэнергетики и теплотехники, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова / Post graduate student, Department of Heat Power Engineering, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. E-mail: e.popova@narfu.ru
РУДАКОВА Светлана Викторовна / RUDAKOVA Svetlana Viktorovna	Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова / Doctor of Science (Philology), Associate Professor, Department of Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University. E-mail: rudakovamasu@mail.ru
САМАРИН Дмитрий Александрович / SAMARIN Dmitrii Alexandrovich	Кандидат филологических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности, Байкальский государственный университет (филиал в г. Якутске) / Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of legal provision of national security, Baikal State University, Yakutsk branch E-mail: dsamarin2011@yandex.ru
САМАРЦЕВ Олег Робертович / SAMARTSEV Oleg Robertovich	Доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики, филологии, документоведения и библиотековедения, Ульяновский государственный университет / Doctor of Science (Philology), Head of the Journalism, Philology, Record management and Library science Department, Ulyanovsk State University. E-mail: olegsamar@rambler.ru
СЕМЕНОВА Людмила Анатольевна / SEMENOVA Lyudmila Anatol'yevna	Кандидат технических наук, доцент кафедры электро- и теплоэнергетики, Оренбургский государственный университет / Candidate of Science (Technology), associate professor, Department of Electric and Heat Power Engineering, Orenburg State University. E-mail: l_sem@mail.ru
СЕМЕНОВА Наталья Геннадьевна / SEMENOVA Natal'ya Gennad'yevna	Доктор педагогических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры автоматизированного электропривода, электромеханики и электротехники, Оренбургский государственный университет / Doctor of Science (Pedagogy), Candidate of Science (Technology), professor, department of automated electric drive, electromechanics and electrical engineering, Orenburg State University. E-mail: tomsk@house.osu.ru
СЛАВИНА Александра Борисовна / SLAVINA Alexandra Borisovna	Аспирант кафедры русской литературы, Московский педагогический государственный университет / Postgraduate Student of the Literature Department, Moscow State Pedagogical University. E-mail: slavochka18@gmail.com
СОЛОВЬЕВА Елена Евгеньевна / SOLOVYOVA Elena Evgenyevna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Applied Communications, Cherepovets State University.
СУНЦОВА Александра Сергеевна / SUNTSOVA Alexandra Sergeevna	Кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и педагогической психологии, Удмуртский государственный университет / Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor, Department of Pedagogy and Educational Psychology, Udmurt State University. E-mail: st.ped@mail.ru
СУРИКОВА Алиса Николаевна / SURIKOVA Alisa Nikolaevna	Студент, Вологодский государственный университет / Student, Vologda State University. E-mail: alisa-surikova@bk.ru

ТРУБИЦЫНА Мария Юрьевна / TRUBITSYNA Maria Yuryevna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Philology), associate professor, Department of Russian Philology and Applied Communications, Cherepovets State University. E-mail: mtrubitsyna2015@mail.ru
ТУРУШЕВА Юлия Дмитриевна / TURUSHEVA Yulia Dmitrievna	Студент, Череповецкий государственный университет / Student, Cherepovets State University.
УРЕКЕШОВА Лариса / UREKESHOVA Larisa	Кандидат педагогических наук, учитель, средняя школа №38, г. Актобе, Республика Казахстан / Candidate of Science (Pedagogy), teacher, High school №38, Aktob, Republic of Kazakhstan. E-mail: kuan-01@yandex.ru
ЧЕРНОВ Александр Александрович / CHERNOV Alexander Alexandrovich	Аспирант кафедры теплоэнергетики и теплотехники, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова / Post graduate student, Department of Heat Power Engineering, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov E-mail: chernov.ksandr@gmail.ru
ЧИБАКОВ Анатолий Сергеевич / CHIBAKOV Anatoly Sergeevich	Кандидат педагогических наук, профессор Российской академии естественных наук, Яранский технологический техникум / Ph.D. (Pedagogy), Professor of the Russian Academy of Natural Sciences, Deputy Director on educational work Yaransk technological College. E-mail: chas375@yandex.ru
ЧИСТЯКОВА Наталия Николаевна / CHISTYAKOVA Natalia Nikolaevna	Кандидат педагогических наук, доцент кафедры начального общего образования и социальной педагогики, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Pedagogy), the senior lecturer of Department of Primary Education and Social Pedagogy, Cherepovets State University. E-mail: pimno@chsu.ru
ШИГАРЕВСКАЯ Ольга Викторовна / SHIGAREVSKAYA Olga Viktorovna	Краевед (г. Вологда) / Local historian, Vologda. E-mail: shigarevskaja@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Условия и порядок приема рукописей

1. Редакция принимает к публикации материалы на русском и английском языках по темам, соответствующим основным научным направлениям журнала. При этом статьи, опубликованные на русском языке, сопровождаются аннотациями на английском языке, а статьи, опубликованные на английском языке – аннотациями на русском языке. Научные статьи принимаются при условии положительных результатов независимой экспертизы и включаются в очередной номер журнала.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Материалы статьи должны быть оригинальными, ранее нигде не публиковавшимися. Авторами могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Статьи публикуются в порядке очередности (по мере их поступления и прохождения процедуры рецензирования). Преподаватели, сотрудники, аспиранты и докторанты ЧГУ, исполнители государственных контрактов в рамках федеральных целевых программ, грантов и конкурсов имеют право приоритета при комплектовании номера. Статьи ведущих приглашенных ученых размещаются в ближайшем номере журнала.

4. Авторы предоставляют в редакцию журнала на электронный адрес vestnik-chsu@vandex.ru один файл формата Microsoft Word, содержащий статью и сведения об авторе. Имя файлу присваивается следующим образом: **Фамилия И.О. научное направление статьи** (при наличии 2-х и более авторов, указывается фамилия только первого автора). Файлы, инфицированные вирусами, не обрабатываются и не принимаются к опубликованию.

5. Поступившие в редакцию материалы регистрируются и в течение 3-х дней автору (авторам) по электронной почте высылаются подтверждение о получении статьи.

6. Статьи, не соответствующие условиям публикации и требованиям к оформлению, не рассматриваются.

7. Если рецензия содержит рекомендации по исправлению и доработке статьи, то она направляется автору с предложением учесть рекомендации при подготовке нового варианта статьи. Датой поступления статьи в данном случае считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

8. **Аспирантам к статье** необходимо приложить сканированную копию рецензии научного руководителя, заверенную подписью руководителя и печатью организации, и справку, подтверждающую обучение в аспирантуре.

9. Корректур авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.

10. Гонорар за публикацию статьи не выплачивается.

Адрес редакции:

162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

Ответственный секретарь: Н. А. Тихомирова (8202) 51-72-40

E-mail: vestnik-chsu@vandex.ru

Требования к публикуемым статьям и их оформлению

Форматирование основного текста	1. Формат страницы – А 4 (книжный). 2. Поля – все по 20 мм. 3. Абзацный отступ – 0,5 см. 4. Шрифт – TimesNewRoman, обычный; размер кегля (символов) – 12 пт. Весь текст должен быть набран обычным шрифтом без стилей. 5. Номер страницы располагается внизу справа.
Объем статьи	5–8 страниц
Требования к составу публикуемой статьи	Статья должна включать в себя следующие последовательно расположенные элементы: 1. Наименование раздела журнала, в который должна быть помещена статья. 2. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК) – слева, обычным шрифтом. Индекс УДК должен соответствовать заявленной теме. 3. Инициалы, фамилия (фамилии) автора (авторов) – справа полужирным курсивом на русском языке, ниже курсивом на русском языке – место работы (полностью). 4. ДЛЯ АСПИРАНТОВ! В правом верхнем углу ниже фамилии автора курсивом пишется: Научный руководитель: ученая степень, ученое звание, И.О. Фамилия. 5. Название статьи – по центру полужирным шрифтом прописными буквами на русском языке. 6. Инициалы, фамилия (фамилии) автора (авторов), должность, место работы – справа курсивом на английском языке. 7. Название статьи – по центру полужирным шрифтом прописными буквами на английском языке. 8. Аннотация (объемом от 400 до 600 печатных знаков) обычным шрифтом на русском языке. Аннотация должна быть развернутой, структурированной, следовать логике и хронологии изложения материала в статье, кратко повторять структуру статьи и максимально полно раскрывать содержание статьи. 9. Ключевые слова (5–10 слов) обычным шрифтом на русском языке.

	<p>10. Аннотация обычным шрифтом на английском языке. Не допускается использование автоматической системы перевода. Желательно, чтобы аннотация на английском языке не дублировала полностью текст аннотации на русском языке. Объем аннотации на английском языке может быть больше.</p> <p>11. Ключевые слова обычным шрифтом на английском языке.</p> <p>12. Если статья написана на английском языке, название статьи, аннотацию и ключевые слова следует перевести на русский язык.</p> <p>13. Текст статьи. В статье должны быть выделены следующие структурные элементы:</p> <ul style="list-style-type: none"> - введение; - основная часть; - выводы. <p>Данная структура статьи рекомендуется для направлений: филологические науки, педагогические науки.</p> <p>14. Список литературы – по центру, обычным шрифтом.</p> <p>Элементы статьи отделяются друг от друга одной пустой строкой.</p>
<p>Библиографический список</p>	<p>1. Список цитируемой литературы в русском алфавите приводится в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1-2003.</p> <p>Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке.</p> <p>Сначала указываются отечественные, затем – зарубежные авторы.</p> <p>После перечня литературы на русском языке приводится весь список в транслитерации (References) с переводом на английский язык наименования книги, места издания (см. ниже образец). Транслитерировать следует с помощью ресурса www.translit.ru в варианте LC (выбрать в меню «Варианты», расположенном под буквами).</p> <p>Источники, представленные изначально на английском языке, не транслитерируются и не переводятся. Если все источники изначально указаны в англоязычном варианте, то список литературы должен быть представлен 1 раз (References).</p> <p>2. Для связи списка литературы с текстом статьи используют ссылки. Ссылка в тексте статьи оформляется следующим образом: если идет указание на работу без прямого цитирования – [2], если идет отсылка к работе для сопоставления (обычно в работах историков) – [см.: 2], если представлена цитата (запись в кавычках), которая размещена в источнике на одной странице – [7, с. 22] или [5, л. 22 об.], если представлена цитата (запись в кавычках), которая размещена в источнике на двух страницах [5, с. 53–54]. Если цитата не прямая (цитируется по другому изданию) – [Цит. по: 8, с. 22]. Если представлена ссылка на англоязычный источник, то указывается следующим образом: [5, p. 13].</p> <p>Образец оформления:</p> <p style="text-align: center;">Литература</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Каваками К. Модернизация технологических процессов в черной металлургии Японии // Черные металлы. 1988. №13. С. 3–12. 2. Масловский М.В. Современная западная теоретическая социология. Н. Новгород, 2005. 155 с. URL: http://forsociologists.narod.ru/csth/lecture7.html 3. Платова Е. Феномен подросткового фанатизма – футбольные фанаты // Научно-практическая деятельность молодых ученых и студентов в рамках программы модернизации образования: тезисы конференции. М., 2003. С. 39–53. 4. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. 256 с. 6. Салахетдинов Э. Р. Личностные характеристики футбольных фанатов в молодежной околоспортивной субкультуре: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 25 с. 6. Третьяков А.В., Гарбер Э.А., Давлетбаев Г.Г. Расчет и исследование прокатных валков. М., 1976. 376 с. 7. Чиршева Г.Н., Скородумова Е.В. Отношение череповецких дошкольников и их родителей к изучению иностранных языков (по материалам опроса) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. №4. С. 116–120. 8. Чиршева Г.Н. Сопоставительный анализ метонимических переносов в языке художественной прозы и публицистики: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. 295 с. 9. Weber M. The Rationalization of Education and Training // Gerth H., Mills C.W.R. From Max Weber: Essays in Sociology. N.Y., 1946. 421 p. 10. Cross A.G. An Anglo-Russian Medley // The Slavonic and East European Review, 1992, Vol. 70, pp. 708–721. <p>Для выполнения транслитерации и перевода источников на английский язык следует использовать системы автоматического перевода.</p> <p>Первоначально указывается фамилия автора(ов) в транслитерации, а затем наименование книги сначала в транслитерации, затем в переводе на английский язык в квадратных скобках. Далее следует место издания в переводе на английский язык (Moscow, Leningrad, NY, Oxford), год издания, количество страниц в источнике. Если приводимой статье присвоен индекс DOI, его указание обязательно.</p>

	<p>При написании источников на английском языке следует исключить символ «/» или «//». Наименование книги, журнала, в котором расположена статья, приводится курсивом в транслитерации, а в переводе обычным шрифтом в квадратных скобках. Подробнее об оформлении литературы см. ниже.</p> <p style="text-align: center;">References</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Kavakami K. Modernizaciya tekhnologii cheskih processov v chernoj metallurgii Yaponii [Modernization of production processes in the steel industry of Japan]. <i>Chernyemetally</i> [Ferrous metals], 1988, №13, pp. 3–12. 2. Maslovskii M.V. <i>Sovremennaya zapadnaya teoreticheskaya sociologiya</i> [Modern Western theoretical sociology]. N. Novgorod, 2005. 155 p. Available at: http://forsociologists.narod.ru/csth/lecture7.Html (accessed 5 February 2015) 3. Platova E. Fenomen podrostkovogo fanatizma – futbol'nye fanaty [The phenomenon of teenage fanaticism - football fans]. <i>Nauchno-prakticheskaya deyatel'nost' molodyh uchenyh i studentov v ramkah programmy modernizacii obrazovaniya: tezisy konferencii</i> [Scientific-practical activity of young scientists and students in the education modernization program: Conference abstracts]. Moscow, 2003, pp. 39–53. 4. Propp V. Ya. <i>Istoricheskie korni volshebnoi skazki</i> [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad, 1986, 256 p. 5. Salahetdinov E. R. <i>Lichnostnye harakteristiki futbol'nyh fanatov v molodezhnoi okolosportivnoi subkul'ture</i> [Personal characteristics of football fans around the youth subculture of sports. Dr. dis.]. Moscow, 2008. 25 p. 6. Tret'yakov A.V., Garber E. A., Davletbaev G.G. <i>Raschet i issledovanie prokatnykh valkov</i> [Calculation and study of the rolls]. Moscow, 1976. 376 p. 7. Chirsheva G.N., Skorodumova E.V. Otnoshenie cherepoveckikh doshkol'nikov i ih roditeli k izucheniyu inostrannykh yazykov (po materialam oprosa) [Attitude of Cherepovets preschool children and their parents to learning foreign languages (based on survey)]. <i>Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta</i> [Bulletin of the Cherepovets State University], 2014, №4, pp. 116–120. 8. Chirsheva G.N. <i>Sopostavitel'nyy analiz metonimicheskikh perenosov v yazyke hudozhestvennoy i publicistiki</i> [Comparative analysis of metonymic language fiction and journalism. Dr. philol. sci. dis.]. Leningrad, 1986, 295 p.
Примечания и комментарии	Нумерация сносок постраничная.
Рисунки, схемы, диаграммы, фотографии	<ol style="list-style-type: none"> 1. Принимается не более трех иллюстраций, выполненных в графическом редакторе Visio 3.0. или Word. Все элементы одного рисунка должны быть сгруппированы. 2. Иллюстрации должны быть вставлены в текст. Схемы и диаграммы выполняются с использованием штриховой заливки. При сканировании изображений количество точек на дюйм должно быть не менее 450 (450 dpi/дюйм). Изображения плохого качества не принимаются. 3. В тексте статьи на иллюстрации даются ссылки, например: (рис. 2). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений, подписи приводятся без сокращений. 4. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под рисунком.
Таблицы	<ol style="list-style-type: none"> 1. Таблицы (не более трех) должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003 (2007) с расширением doc (docx), набраны 10 кеглем и быть пронумерованы по порядку. 2. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и заголовок. 3. Максимальный объем таблицы не должен превышать страницу формата А4. 4. Все графы в таблицах должны иметь заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТов 7.12-93, 7.11-78. 5. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.
Единицы физических величин	Размерность всех физических величин рекомендуется указывать в системе единиц СИ.
Формулы	<ol style="list-style-type: none"> 1. Набор формул осуществляется в тексте или при помощи редактора формул Microsoft Equation 3.0, Math Type 6.0. 2. Нумерация формул – сквозная, арабскими цифрами, справа в конце строки, в круглых скобках. 3. Нумерация осуществляется вне редактора формул. Нумеруются те формулы, на которые есть ссылки в тексте. 4. Номер выставляется посередине системы уравнений и выравнивается по правому краю границы текста. 5. Кегль набора формул: основные символы – 10, подстрочные и надстрочные индексы первого порядка – 7, подстрочные и надстрочные индексы второго порядка – 6. 6. Пронумерованные формулы, на которые должны быть ссылки в тексте, выносятся отдельной строкой и располагаются по центру текста. $\begin{cases} \tau_{xy}^t(\tau) = \tau_{xz}^t(\tau) = \tau_{yz}^t(\tau) = \sigma_x^t(\tau) = 0, \\ \sigma_y^t(\tau) = \sigma_z^t(\tau) = \sigma^t(\tau) = -\frac{\alpha_t E(\tau)}{1-\nu} [T(x, \tau) - T(x, 0)] \end{cases} \quad (11)$

<i>Сведения об авторе (авторах)</i>	<p>После статьи в таблице, состоящей из 2-х столбцов, предоставляются сведения об авторе (авторах), которые содержат следующие данные:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. ФИО полностью. 2. Ученая степень (при наличии). 3. Ученое звание (при наличии). 4. Место работы (полностью – организация, структурное подразделение, должность). Сокращения не допускаются. 5. АСПИРАНТАМ: место работы (организация, структурное подразделение, должность) научного руководителя. 6. Контактная информация для переписки: полный почтовый адрес с указанием индекса; телефон; e-mail. <p>Все сведения, кроме п. 5, 6, приводятся на русском и английском языках. При переводе ученых степеней и званий используются общепринятые англоязычные аббревиатуры, например: PhD (Philology).</p> <p>Связь с авторами осуществляется через указанную ими электронную почту.</p>
---	---

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Филологические науки

УДК 800.8

Г.Н. Чиршева
Череповецкий государственный университет,
Е.В. Скородумова
Вологодский государственный университет

ОТНОШЕНИЕ ЧЕРЕПОВЕЦКИХ ДОШКОЛЬНИКОВ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСА)

G.N. Chirsheva,
Cherepovets state university
E.V. Skorodumova,
Vologda state university

ATTITUDES OF CHEREPOVETS PRE-SCHOOLERS AND THEIR PARENTS TOWARDS LEARNING FOREIGNLANGUAGES (SURVEYDATA)

В статье дается краткий обзор проблематики в области отношения к языкам и их изучения; рассматриваются результаты данных, полученных в результате опроса дошкольников одного из детских садов Череповца и их родителей об их отношении к изучению иностранных языков; обобщаются их мнения по таким вопросам как возраст и способ усвоения нового языка, цели и мотивы изучения конкретных языков и др.

Отношение к изучению иностранных языков, опрос дошкольников, опрос родителей.

The paper outlines issues in the theory of language attitudes and language learning; it focuses on the results obtained with the help of surveys of Cherepovets preschool kindergarten children and their parents; the authors summarize their opinions about the age appropriate for the onset of L2 learning, methods of L2 learning, purpose and motivation in learning certain L2, etc.

Attitudes towards learning foreign languages, survey of preschoolers, survey of parents.

Введение

Раннее изучение иностранных языков – явление довольно распространённое, но пока еще недостаточно изученное в нашем регионе, в частности, в городе Череповце. Зарубежные социолингвисты в последние десятилетия довольно активно изучают отношение индивидов к различным аспектам языковых и лингвокультурных проблем в обществе. Однако отношение дошкольников и их родителей к раннему изучению иностранных языков еще недостаточно отражено ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Даже само изучение иностранных языков в дошкольном возрасте не получило широкого распространения в нашем городе.

Цель работы состоит в том, чтобы выявить отношение череповецких детей дошкольного возраста и их родителей к изучению иностранных языков.

Основы для исследования отношения к языкам и их изучению были заложены в 70–80 гг. XX века. Основным методом получения материала были опросы, нацеленные на выяснение разнообразных проблем: отношение к языку, который постепенно забывается и выходит из употребления у индивида (languageattrition), отношение к разным методам обучения языкам, проблемы беспокойства индивидов по поводу усвоения нового языка и т. д.

...

Основная часть

Рецептивный билингвизм проявляется в том, что ребенок понимает речь на обоих языках, но разговаривает только на одном из них. Такие случаи считаются довольно частотными в билингвальных ситуациях – А. Де Хоувер рассматривает их

как одну из распространенных моделей поведения ребенка-билингва [7, с. 2–4], наряду с той моделью речевого поведения, которую мы называем продуктивным билингвизмом.

...

Выводы

Рассмотренные характеристики МФЭ с дифференциацией на продуктивные, репродуктивные и рецептивные единицы отражают развитие речевой деятельности билингвального ребенка на обоих языках и усиление доминантности русского языка: к трехлетнему возрасту разрыв между рецептивными, репродуктивными и продуктивными русскими лексемами сокращается намного динамичнее, чем между их эквивалентами из английского языка.

Литература

1. Мошникова Д.А. Некоторые особенности речи детей на раннем этапе развития билингвизма // Проблемы онтолингвистики – 2007: Материалы международной конференции. СПб., 2007. С. 142–143.
2. Чиршева Г.Н. Роль семантических эквивалентов в дифференциации лексических систем детей-билингвов // Проблемы детской речи – 97: Материалы всероссийской конференции. СПб., 1997. С. 72–74.
3. DeHouwerA. Bilingual First Language Acquisition. Bristol; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters, 2009.

References

1. Moshnikova D.A. Nekotorye osobennosti rechi detei na rannem ehtape razvitiya bilingvizma [Some features of the speech of children at an early stage of the development of bilingualism]. *Problemy onto-lingvistiki – 2007: Materialy mezhdunarodnoi konferencii* [Problems ontolinguistics - 2007: Proceedings of the International Conference]. St-Peterburg, 2007, pp. 142–143.
2. Chirsheva G.N. Rol' semanticheskikh ehkvivalentov v differenciacii leksicheskikh system detei-bilingvov [The role of semantic equivalents in the differentiation of lexical systems of bilingual children]. *Problemy detskoi rechi – 97: Materialy vserossiiskoi konferencii* [Problems of children's speech - 97: Proceedings of the All-Russian Conference]. St-Peterburg, 1997, pp. 72–74.
3. DeHouwerA. Bilingual First Language Acquisition. Bristol; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters, 2009.

Сведения об авторе (на русском и английском языках)

ФАМИЛИЯ Имя Отчество / FAMILIA ImiaOtchestvo	Кандидат (аспирант, соискатель, докторант) ... наук, доцент кафедры ..., университет (город, где находится) / PhD (Technology)...., ... моб. тел., дом.тел., e-mail. Аббревиатуры и сокращения для обозначения наименований кафедр, организаций не допускаются
ИВАНОВ Иван Иванович / IVANOV Ivan Ivanovich	Кандидат технических наук, доцент кафедры теплоэнергетики, Череповецкий государственный университет (г. Череповец) / PhD (Technology), associate professor of the department of power engineering, Cherepovets state university (Cherepovets). Моб. Тел.: +7-911-568-12-00 Дом. Тел.: (8202) 55-66-11 E-mail: ivan@yandex.ru

Полный почтовый адрес (для пересылки номера журнала).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- АНТРОПОВА Л.В., д-р пед. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
АНШЕЛЕС В.Р., д-р техн. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
АРОНИНА Л. И., проф. (Академический педагогический колледж Ораним, Израиль), научный сотрудник (Тринити-колледж, Ирландия)
ВОЛОДИНА Н.В., д-р филол. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
ГАРБЕР Э.А., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки и техники РФ (Череповецкий государственный университет)
ГРУДЕВА Е.В., д-р филол. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
ГРЫЗЛОВ В.С., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ (Череповецкий государственный университет)
ГУДИНА Т.В., д-р пед. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
ДЕНИСОВА О.А., д-р пед. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
ДОМАНСКИЙ Ю.В., д-р филол. наук (Тверской государственный университет)
ЕРШОВ Е.В., д-р техн. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
ИВАНОВА Н.В., д-р пед. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
ИЛЬИНА Е.Н., д-р филол. наук, проф. (Вологодский государственный университет)
КАБАКОВ З.К., д-р техн. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
КАРПОВ С.В., д-р техн. наук, проф. (Северный (Арктический) федеральный университет)
КОЖЕВНИКОВА И.А., д-р техн. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
КОРОВУШКИН В.П., д-р филол. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
КУЗЬМИНОВ А.Л., д-р техн. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
ЛАВРОВА С.Ю., д-р филол. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
ЛУКИН С.В., д-р техн. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
ЛУЦЕВИЧ Л.Ф., д-р филол. наук, проф. (Варшавский университет, Республика Польша)
ЛЮБОВ В.К., д-р техн. наук, проф. (Северный (Арктический) федеральный университет)
МЕРКЕР Э.Э., д-р техн. наук, проф. (Научно-исследовательский технологический университет «МИСиС»)
МИЛОШЕВИЧ З., д-р соц. наук (Институт политических исследований, Белград)
ОСИПОВ Ю.Р., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ (Вологодский государственный университет)
САБУРОВ Э.Н., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки и техники РФ (Северный (Арктический) федеральный университет)
СИНИЦЫН Н.Н., д-р техн. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
СЛАВОВ В.И., д-р техн. наук (Череповецкое высшее военное инженерное училище радиоэлектроники)
СТЕНИН В.А., д-р техн. наук, проф. (Северный (Арктический) федеральный университет)
ТЕЛИН Н.В., д-р техн. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
ШЕСТАКОВ Н.И., д-р техн. наук, проф., засл. работник высшей школы РФ, гл. редактор (Череповецкий государственный университет)
ЦАПЛИН А.И., д-р техн. наук, проф. (Пермский национальный исследовательский политехнический университет)
ЦЕЙТЛИН С.Н., д-р филол. наук, проф. (Российский государственный педагогический университета им. А. И. Герцена)
ЧЕРНОВ А.В., д-р филол. наук, проф., зам. гл. редактора по направлению филологические науки (Череповецкий государственный университет)
ЧЕРНЯК М.А., д-р филол. наук, проф. (Российский государственный педагогический университета им. А. И. Герцена)
ЧИРШЕВА Г.Н., д-р филол. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
ЯКОВЛЕВА Е.В., д-р пед. наук, проф., зам. гл. редактора по направлению педагогические науки (Череповецкий государственный университет)

Лицензия А №165724 от 11 апреля 2006 г.

Подписано в печать 20.04.16. Зак. 509.
Выход в свет: 26.04.2016 г.
Тир. 300 (1 з-д – 45). Уч.-изд. л. 20. Усл. п. л. 16.
Формат 60 × 84 ¹/₈. Гарнитура Таймс.